

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

20

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СБОРНИКА „БОГОСЛОВСКИЕ ГРУДЫ“

Председатель редколлегии — митрополит Ленинградский и Новгородский **Антоний**

Члены редколлегии:

Архиепископ Волоколамский **Питирим**, профессор Московской духовной академии, председатель Издательского отдела Московского Патриархата

Архиепископ Тамбовский и Мичуринский **Михаил**

Архиепископ Дмитровский **Владимир**, ректор Московской духовной академии

Архиепископ Выборгский **Кирилл**, ректор Ленинградской духовной академии

Архиепископ Астраханский и Енотаевский **Михаил**

Протоиерей **Николай Гундяев**, профессор Ленинградской духовной академии

Протоиерей **Иоанн Белевцев**, профессор Ленинградской духовной академии

Протоиерей **Василий Стойков**, профессор Ленинградской духовной академии

Николай Успенский, профессор Ленинградской духовной академии

Василий Сарычев, профессор Московской духовной академии

Алексей Огинов, профессор Московской духовной академии

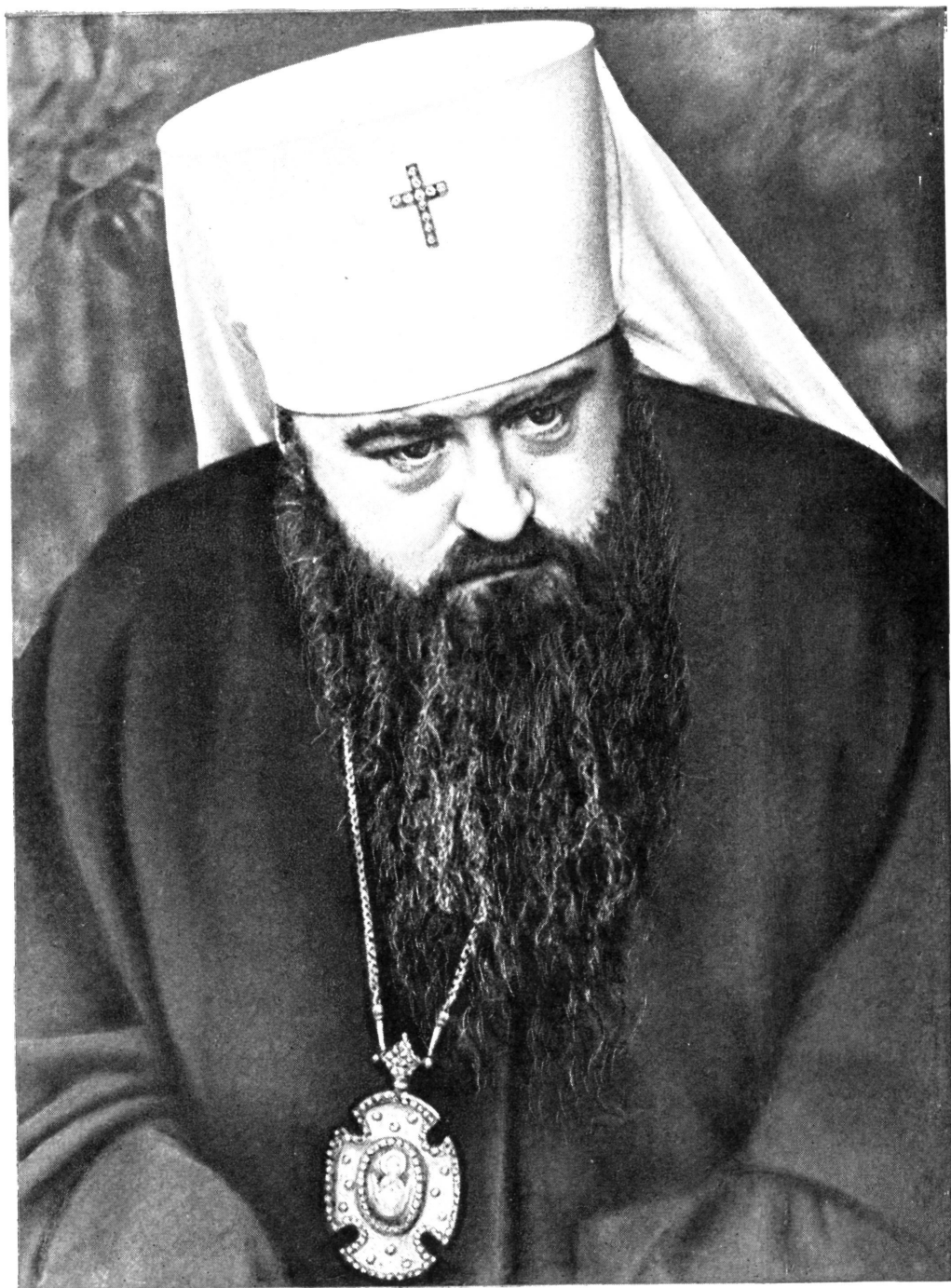
Профессор **Дмитрий Огицкий**

Игумен **Инокентий (Просвирнин)**, преподаватель Московской духовной семинарии, заместитель главного редактора «Журнала Московской Патриархии»

Евгений Карманов, ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии»

Алексей Буевский, секретарь Отдела внешних церковных сношений

Павел Уржумцев, старший научный редактор, зав. отделом редакции «Журнала Московской Патриархии»

Высокопреосвященный НИКОДИМ,
митрополит Ленинградский и Новгородский,
Патриарший Экзарх Западной Европы
(1929—1978)

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

СБОРНИК ДВАДЦАТЫЙ

СБОРНИК ПОСВЯЩЕН
МИТРОПОЛИТУ ЛЕНИНГРАДСКОМУ И НОВГОРОДСКОМУ
НИКОДИМУ
(† 5 сентября 1978)

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА • 1979

СОДЕРЖАНИЕ

Митрополит Антоний (Мельников). Предисловие	3
И. Ц. Миронович. О богословских воззрениях митрополита Никодима	5
Архимандрит Никодим (Ротов). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме	15
Митрополит Никодим (Ротов). Иоанн XXIII, папа Римский	83
Библиография. Игумен Августин (Никитин). Список трудов митрополита Никодима	241

The Moscow Patriarchate

«THEOLOGICAL STUDIES», Vol. 20

CONTENTS

Metropolitan Antoniy Melnikov. Introduction	3
I. Ts. Mironovich. On the Theological Views of Metropolitan Nikodim	5
Archimandrite Nikodim Rotov. The History of the Russian Orthodox Mission in Jerusalem	15
Metropolitan Nikodim Rotov. Pope John XXIII	83
Bibliography. Hegumen Avgustin Nikitin. The List of Metropolitan Nikodim's Works	241

5 сентября 1978 года окончилась земная жизнь митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима.

Его нет с нами, но мы верим в вечную жизнь в Боге. Служитель Церкви Христовой и после земной кончины может продолжать здесь делание добра: чем глубже остается на земле след деятельности его, тем он становится ближе к живущим на земле, тем сильнее действуют его оставленное слово и пример. Священнослужитель сеет семена духовного ведения, а время указывает на плодотворность его трудов.

Каждый человек наделен своим талантом; каждый епископ по-своему проходит путь церковной жизни, но все мы — в Единой Церкви Христовой и для этого единства церковного мы трудимся. Для этой цели трудился и митрополит Никодим.

О митрополите Никодиме еще скажет церковная история, скажет определенно, но не сразу, так как живость впечатлений, многообразие его деятельности, его особые таланты, богатое литературное наследие и неоднозначное восприятие его трудов и некоторых положений теперь — лишь со временем встанут на свои места и найдут нужное определение и ценность. Митрополит Никодим был особым человеком, отмеченным особой харизмой в своем служении Церкви Христовой. Он был глубоким богословом, выдающимся экуменистом, деятельным миротворцем и патриотом. Его церковность, особая литургическая связь с Богом были главной движущей силой его талантов. Отсюда и его гимнотворческий дар, как выражение молитвенного восторга его души, отражающего духовное переживание в составлении богослужебных последований.

Мы хотим, сокращая сроки, не задерживаясь надолго, предоставить этот специальный сборник «Богословских трудов» духовному наследию митрополита Никодима.

Здесь, в этом специальном памятном сборнике, мы решили дать небольшие части из основных его работ.

Различные по богословскому направлению, относящиеся к разным годам, насыщенным его деятельностью, но сокращенные краткостью его земного пути, эти работы лучше всего показывают широту диапазона творчества митрополита Никодима и глубину его проникновения в любой предмет, которым он занимался и над которым работал.

Для митрополита Никодима всё и обычно и особенно; наша современная духовная школа, которую он окончил в Ленинграде, все ученые звания и степени — кандидата богословия, магистра богословия и доктора богословия, весь путь до самой вершины званий и почестей церковных зримо свидетельствовали об особом даре, а точнее, о благодатных дарах митрополита Никодима.

Сейчас во многих странах проявляется понятный интерес к его деятельности и богословскому наследию, и настоящий сборник, несомненно, окажется полезным, прежде всего для наших священнослужителей и верующих, так же, как и для других христиан, при ознакомлении с большим духовным наследием митрополита Никодима.

Трудно в кратких словах сказать о значении богословского наследия приснопамятного иерарха, но вот свидетельство опытных и умудренных знаниями профессоров Ленинградской духовной академии.

В своих рецензиях при присвоении ученой степени доктора богословия митрополиту Никодиму профессор Н. Д. Успенский и заслуженный профессор протонерей Михаил Сперанский писали: «Сила богословия как науки заключается в том, что оно базируется на Божественном Откровении и связано с жизнью. Этот тезис Преосвященный митрополит Никодим раскрывает в историческом обзоре развития богословия... Пре-

освященный митрополит Никодим указывает путь к успешной научной деятельности богословов нашего времени» *.

«Ценность трудов Владыки с научно-богословской точки зрения очевидна: во всех произведениях его творчества лежит отпечаток зрелой богословской мысли, сочинения показывают огромную эрудицию автора, в совершенстве владеющего нужным ему материалом в изложении, раскрытии богословского и научного характера» **.

Мы вполне присоединяемся к этим мнениям наших профессоров.

Да будет этот сборник благим начинанием в серьезном изучении богословских трудов приснопамятного митрополита Никодима, а для почившего — знаком нашей благоговейной памяти о нем.

Митрополит Ленинградский и Новгородский АНТОНИЙ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Подготавливая настоящий сборник, посвященный памяти митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, редколлегия «Богословских трудов» сочла целесообразным поместить в нем те труды, которые ранее не публиковались. Именно поэтому хорошо известные читателям отечественной богословской периодической печати статьи митрополита Никодима на богословские, экуменические, пастырские и миротворческие темы, вошедшие, в частности, в его «Сборник сочинений» (тт. I—V, Л., 1974, машинопись), не включены в настоящий сборник «Богословских трудов».

* Из отзыва доктора церковной истории проф. Н. Д. Успенского на «Сборник сочинений» (в пяти томах) митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима.

** Из отзыва заслуженного профессора-протоиерея Михаила Сперанского на тот же труд.

*И. Ц. МИРОНОВИЧ,
преподаватель Ленинградских
духовных академии и семинарии*

О БОГОСЛОВСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА

Богословские воззрения митрополита Никодима, их основное направление и характерные особенности проистекают из всего его жизненного опыта, определяющим моментом которого с юных лет являлось стремление к всецелому посвящению себя служению Православной Церкви Христовой. Он очень рано ощутил в себе Божий призыв к этому служению и ответил на него безусловным послушанием.

Митрополит Никодим родился в 1929 году в Рязанской области и по окончании средней школы учился на факультете естествознания в Рязанском педагогическом институте. В этот период он всё сильнее ощущает желание окончательно связать свою жизнь с Церковью и 19 августа 1947 года, в праздник Преображения Господня, принимает монашеский постриг с именем Никодим. 20 ноября 1949 года он становится иеромонахом и проходит пастырское служение в храмах Ярославской епархии. В 1952 году он был назначен клириком Феодоровского кафедрального собора в Ярославле и одновременно секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского. Параллельно с интенсивной приходской деятельностью будущий митрополит получает богословское образование и в 1955 году заканчивает Ленинградскую духовную академию. В 1959 году за курсовое сочинение «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» он был удостоен звания кандидата богословия.

Главнейшие этапы его последующей церковной деятельности складывались таким образом, что сформировали тот комплекс церковных воззрений митрополита Никодима и его метод при решении насущных церковных проблем, который можно определить как единство богословского умозрения в его православном выражении с практической церковной деятельностью, охватывающей все стороны жизни Церкви в настоящий момент ее бытия.

В 1956 году он назначается членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, затем — заместителем начальника Миссии, а с 25 сентября 1957 года возглавляет Миссию и возводится в сан архимандрита. После иерусалимского периода служения он становится в марте 1959 года заведующим канцелярией Московской Патриархии, а с 4 июня того же года назначается заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений.

В 1960 году архимандрит Никодим был назначен председателем ОВЦС и хиротонисан во епископа. Епископское служение он проходил в Ярославской, Минской и Ленинградской епархиях. Церковная деятельность митрополита Никодима не ограничивалась епархиальными делами. Он был последовательно членом Комиссии Священного Синода по межхристианским связям, председателем Издательского отдела Московского Патриархата, председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды», постоянным членом Священного Синода Русской Православной Церкви и председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. В сентябре

1974 года он был назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы. С 1961 по 1975 год состоял членом Центрального и Исполнительного комитетов Всемирного Совета Церквей, а на V Ассамблее ВСЦ в Найроби был избран одним из президентов ВСЦ.

Со времени I Всехристианского Мирного Конгресса в 1961 году митрополит Никодим был неперменным членом Рабочего комитета Христианской Мирной Конференции и с 1971 по 1978 год возглавлял ХМК в качестве президента.

Этот послужной список митрополита Никодима не отражает всей его церковно-богословской деятельности, но иллюстрирует характер ее направленности, ее специфику. О митрополите Никодиме нельзя говорить только как о богослове в общепринятом смысле этого слова. По своему характеру и складу ума, даже по своим личным богословским интересам в области литургического богословия, по любви к истовому совершению богослужений Православной Церкви митрополит Никодим не мог быть отвлеченным и замкнутым богословом.

О нем следует говорить как о выдающемся иерархе современности, энергичном экуменическом и миротворческом деятеле, который отдавал силы свои и талант богословскому осмыслению и практическому решению проблем, стоящих перед Церковью в настоящий момент. Митрополит Никодим прекрасно сознавал, что достижение христианского единства сопряжено с громадными трудностями, что это — дело, требующее напряженнейшей работы. И он совершал его до последнего мгновения своей жизни, являя всему христианскому миру пример иерарха-труженика, который видел свое назначение в том, чтобы приблизить желанное время единства церковного.

Ясный и проникновенный богословский анализ различных аспектов бытия Церкви не был для митрополита Никодима самоцелью. Он совершался им во имя евангельского делания и приносил многих плод. Все выступления митрополита Никодима, его доклады и статьи наглядно отображают это богословское восприятие им действительности. В его творческом наследии не только отражается его внутреннее понимание задач, стоящих перед Православием на текущий момент, но предвосхищаются многие идеи, осуществление которых своим результатом будет иметь торжество единства всех христиан.

В творческом наследии митрополита Никодима как богослова-исследователя поражает не только диапазон его богословских интересов и широта взгляда на ключевые проблемы при продолжающейся конфессиональной разделенности, но вместе с тем и неуклонная приверженность истине: «Как православный христианин и православный епископ я, естественно, критерием такой неискаженности считаю и исповедую безусловную верность как Священному Писанию, так и Священному Преданию древней неразделенной Церкви... Каждый православный не может не обращаться к этому исповеданию снова и снова, ибо он придает ему решающее значение в деле веры и не может не сказать хорошо известные слова: «иначе не могу, и на том стою!»!».

Богословствование, по мысли митрополита Никодима, никогда не должно отрываться от незыблемой почвы, каковой является Божественное Откровение в его святоотеческом понимании, свободном от нездорового модернизма и некоторых опасных по своим следствиям тенденций, и потому изучение патристического наследия необходимо для глубокого и правильного понимания основ христианского мировоззрения. Именно таким характером богословствования отмечены исследования митрополита Никодима по вопросам искупления и спасения в Церкви, назначения человека и сущности грехопадения, учения о свободе и благодати, обсуждение таких тем, как Евхаристия и священство, Крест и воскресение, Евхаристия и экклезиология, Бог и человек, Предание и догмат Воплощения, воссоздание мира и его конечные судьбы.

Митрополит Никодим постоянно делал акцент на том, что в основе богословствования должен лежать принцип, соответствующий той великой цели, в какой оно только и может найти свое оправдание, а именно — служить спасению человека. «Богословскую науку, — говорит он, — нужно рассматривать как средство выяснения и утверждения веры. При этом необходима связь богословия с жизнью, которая удерживает умозрение от удаления в бесполезную для дела спасения область отвлеченных рассуждений. Я не хочу сказать, что это исключает возможность мыслить абстрактными категориями. Нет. Абстрактное мышление — необходимая форма научного мышления вообще, в том числе и богословского. Вопрос заключается в одном: может ли результат такого мышления принести пользу делу Божию или нет? Как показывает история, опасность развития нецерковного, а потому и неспасительного богословия возрастает тогда, когда люди пытаются оторвать «небо» от «земли», или «землю» от «неба». Нередко отвлеченное мышление в этой области теряет связь с Божественным Откровением, дает простор человеческому воображению, а в крайних случаях и фантазии»². Это заявление митрополита Никодима является основополагающим, ему он неуклонно следовал в своих богословских изысканиях; это его завет современным богословам.

Историческая ретроспектива богословского развития, по убеждению митрополита Никодима, в лице его лучших представителей — святых отцов и учителей вселенской Церкви — свидетельствует, что они в своих суждениях исходили из принципа единства богословия и жизни, почему оно и могло служить нуждам Церкви. Их не смущало постоянное обновление богословской мысли, поскольку она не отрывалась от Апостольского Предания, основанного, в свою очередь, на Божественном Откровении, плодом чего и явилась стройная вероучительная система, выраженная в категориях языка, который как бы утратил признак времени и является современным для каждого поколения.

Рассудочное богословие средневековья, продолжает митрополит Никодим, было по форме и духу схоластическим, поскольку многие богословы того времени игнорировали апостольский и святоотеческий принцип единства богословия и жизни, но и в тот период были богословы, которые своим творчеством создавали основы подлинного богословия, возрождавшего сокровища святоотеческой мысли.

С эпохи Реформации методологическим принципом в богословии стал принцип свободного толкования Писания в отрыве от Апостольского и Церковного Предания, и вновь возникло забвение великой истины единства богословия и жизни, в результате чего возникший рационализм подготовил почву для появления деистической философии, и в сознании многих, в конце концов, христианство и его вероучение было поставлено под сомнение.

Так было всегда, когда нарушался этот основополагающий принцип единства. А потому, развивает далее свою мысль митрополит Никодим, дабы не повторять тяжелые уроки прошлого, каждый богослов, чтобы быть творчески плодотворным, должен сознавать свою причастность к Церкви со всем богатством ее многовекового опыта. Отсюда становится очевидной актуальность на сегодняшний день богословских исследований в области экклезиологии, особенно таких ее аспектов, как кафоличность и экуменизм. Для богословия, призванного осмысливать современность, темами величайшей важности являются проблемы войны и мира, поскольку ответственность за развязывание новой войны нельзя возлагать на отдельные личности, ибо война является грехом всего общества.

Истинное богословие, по мнению митрополита Никодима, невозможно без внутреннего духовного опыта, который появляется в результате стремления к нравственному совершенству и богоуподоблению, и потому евангельский образ Божественного Основателя христианской религии —

Господа Иисуса Христа должен быть для каждого богослова исходным и завершающим началом в деле личного духовного совершенствования. В отрыве от Церкви и без внутреннего духовного опыта своих представителей богословие обречено на постоянную зависимость от мировоззрения отдельных людей. Оно уже перестает быть выразителем вселенской истины и не служит делу спасения людей.

Всё сказанное доселе характеризует понимание митрополитом Никодимом богословия как науки вообще, отражает его представления о методологии богословия, применение которой своим результатом имеет появление богословских исследований, предлагающих современному верующему человеку, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, разрешение волнующих его проблем и вопросов. Но у митрополита Никодима были также свои личные богословские интересы, привязанности, если можно так выразиться, к любимым темам, богословскому раскрытию которых он посвящал свободное от церковно-общественных занятий время, если таковое находилось. К таким темам можно отнести его богословские размышления о тайне Воплощения Бога Слова, о спасительных Крестных страданиях и величайшем торжестве веры — преславном Воскресении Христа. Богословскую мысль митрополита Никодима как известного экуменического деятеля привлекала тема Церкви как Царства Божия на земле и величайшего дара Божественной любви к ней — Святой Евхаристии. Тема воссоздания павшего человека и обновления мира также нашла отражение в его богословском наследии. Конечно, это далеко не полный перечень тем, привлекавших особое внимание его, но в них с наибольшей полнотой раскрылась его личность как богослова.

«В основе всего богословствования, — говорит митрополит Никодим в Слове, посвященном 30-летию Ленинградской духовной академии, — лежит пришествие в мир Богочеловека. Только Господь Иисус Христос, воплотившийся Сын Божий, передал людям полное учение об истинном Боге. «...Никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27), то есть только Сын открывает людям неизреченные тайны Божественной жизни. Следовательно, богословие должно служить посредником между богооткровенным учением и человеческим разумом. А конкретнее, богословская наука должна раскрывать и утверждать в сознании верующих Богочеловеческий образ Христа, как источник спасения всего мира, как основание настоящей и будущей жизни»³. Некоторые склонны считать, отмечает Владыка Никодим, что догмат Боговоплощения принадлежит всецело к области высших религиозных созерцаний, не имеющих ничего общего с реальной жизнью. Однако христианские догматы не являются теоретическими построениями отвлеченного богословского мышления, лишёнными нравственного смысла и значения. Догмат Боговоплощения, в частности, существенным образом определяет христианскую жизнь и деятельность, в которой проявляются наши отношения к людям и миру. Явившись среди людей, Сын Божий принял участие во всем человеческом, прошел через все состояния человеческой жизни, кроме греха, чтобы всё освятить в Себе соединением с человеческим естеством. Бог в лице Единородного Сына Божия становится носителем всего человечества, которое в Нем очищается и возвышается. Конечное и бесконечное во Христе разрешается в полную гармонию, так что в Нем мы видим пример утверждения жизни через внесение в нее высшего содержания и смысла, пример преодоления греховности мира и победы над ней через улучшение и преображение мира. Христианская эсхатология утверждает не уничтожение рода человеческого и материального, вещественного мира, а их преображение, ибо Сам всемогущий Творец бытия приобщился к видимому миру через Свое воплощение и возводит его к новому совершенству.

В непосредственную связь с догматом Боговоплощения митрополит Никодим поставлял Богопознание. До пришествия Бога в мир оно отличалось несовершенством даже у величайших библейских пророков. Прежде всего, Боговоплощение, составляющее в своей сущности «великую благочестия тайну» (1 Тим. 3, 16), послужило раскрытию бытия непостижимого Триипостасного Божества. Духовные прозрения библейских праотцев и пророков вершиной своей имели представления о Боге как надмирной и превечной Премудрости Божией, Которая сохраняет мир и управляет им, вызвав его из небытия. Ветхозаветное человечество не знало Бога, Троичного в Лицах, и только благодаря Воплощению Христа человек был привлечен в немеркнувшее сияние Пресвятой Троицы. Через него человечество осознало тайну внутренней жизни Божества как единосущия Трех Ипостасей, в Которых Бог пребывает всей полнотой Своего Существа.

Но это, так сказать, метафизическая сторона акта Боговоплощения, и как ни прекрасна и значительна она сама по себе, полнота его обнаруживается, по мысли митрополита Никодима, в его спасительных следствиях, прежде всего, для человеческого рода.

Если бы воплотившийся Сын Божий принес людям только одно углубленное познание о Боге без реального искупления и воссоздания падшего человеческого рода, если бы Он Своей смертью не преодолел нашего отчуждения от Бога, то одно истинное знание не устранило бы состояния духовной гибели и отчуждения от Бога, в каком пребывал человек после грехопадения. В Боговоплощении митрополит Никодим видит не только откровение внутренней тайны Божества, но и решающее событие в домостроительстве нашего спасения: восстановление утраченного человеком богообщения, напоминание забвенной им истины, что он не просто обитатель Земли, что все люди — род Божий (Деян. 17, 29). Две другие великие темы — Крест и Воскресение — привлекали не меньшее внимание митрополита Никодима. Он рассматривал их в единстве с темой Боговоплощения, как акты, вызвавшие к бытию всеобъемлющий Богочеловеческий организм Церкви. «Подобно тому, — писал он, — как воспринятая Божественным Словом человеческая природа, соединенная с Его Божеством, нерасторжимо служила Ему живым орудием спасения людей, так и организм Церкви Христовой служит духу Его, Который неотлучно пребывает в ней и оживляет ее членов для возрастания всего Тела» (Еф. 4, 16)⁴. Митрополит Никодим подчеркивал, что Крест и Воскресение в онтологической сущности — тоже великая тайна Божественного домостроительства, глубины которой не может постигнуть богословское размышление и уяснить которую не в состоянии никакие земные подобия; однако, как духовные реальности, они постоянно переживаются в историческом опыте Церкви, обуславливают самое ее бытие и потому должны быть предметом богословской мысли и ведения. Митрополит Никодим говорит о Крестных страданиях Господа и Его Воскресении как о «двуединном откровении торжествующей славы Божией, несокрушимом основании нашего спасения, источнике радости о грядущей вечной жизни со Христом в Боге»⁵. Это дивное сочетание Креста и Воскресения, каким завершилось общественное служение воплощенного Бога Слова, построено на духовных антитезах, когда смерть источает бессмертие, символ ужаса становится знаменем радости, поражение обращается в победу.

Если Бог в воплощении принял в единство Своей Ипостаси подлинную человеческую природу, то в Воскресении Он обожил ее, поскольку обожение невозможно без подлинной победы над смертью. Именно богочеловеческий характер Воскресения Христа делает его источником общего воскресения, придает ему силу всеобщего антропологического закона. Он не является наглядным в настоящее время, поскольку все люди проходят через смерть, но в грядущем Царстве славы Божией, в предощущении которого живет Церковь, этот закон — очевидность.

Здесь мы подходим к пункту, который вводит нас в самую суть понимания митрополитом Никодимом пути, по какому должно следовать в своем развитии богословие, чтобы быть жизненным. Оно должно рождаться в лоне Матери-Церкви, питаться ее соками и свидетельствовать спасительную истину Христову таким образом, чтобы приводить желающих найти истину к Самому Источнику истины и всякого познания. Церковь, отмечает митрополит Никодим, как Богочеловеческая сущность, как таинственное Тело Христова, является Царством благодати, в котором во всей полноте проявляется освящающее действие Святого Духа. «И хотя далеко не все люди, — продолжает он развивать свою мысль, — активно и сознательно пребывают в Церкви, она пребывает во всех любовью Христовой, ибо эта любовь не ограничивается какой-либо частью человечества, а распространяется на всех людей (Ин. 1, 9). Как Спаситель пришел в мир не для Себя, но чтобы послужить миру, так и Церковь живет не для себя, а для мира. Она состраждет миру, объемлет его своей любовью и, соприкасаясь с его грехами, сама остается святой и делает всё, чтобы искоренить их»⁶.

Поэтому из Церкви или от имени Церкви, как Царства Божия на земле, должно исходить учение, в котором бы люди узнавали голос Самого Пастыреначальника Церкви и шли на него, и потому всякое иное слово о Боге, каким бы привлекательным оно ни казалось, не может претендовать на выражение благовестия Христова. Таким образом, церковность богословия и его библейский характер являются признаками истинного богословия. Можно сказать, что митрополит Никодим критерий истинности богословской мысли видел исключительно в ее церковности, как исходном средоточии, поскольку за пределами спасительной ограды Церкви возникают учения, производящие разделения и слабозны (Рим. 16, 17), а их основатели «служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» (Рим. 16, 18).

Каждый раз, когда митрополит Никодим касался темы Церкви, он рассматривал и вопрос личной ответственности человека как ее члена и носителя вселенской истины, потому что Бог не без цели открывает людям Свои тайны, а привлекает их к соучастию в созидании благодатного Царства Божия на земле. Само Божественное Откровение, хранимое Церковью, по его мысли, является не только знаком Божественной любви и источником духовного обогащения человеческой жизни, поскольку несет свидетельство о Боге и спасении чрез Иисуса Христа, но и налагает величайшую ответственность за такое познание. Богословский аспект этой ответственности при настоящем конфессиональном разделении митрополит Никодим усматривал прежде всего в искреннем стремлении богословов выявить причины печальных разделений церковных.

Что необходимо для этого? «Нужно, — писал он, — излагать события и факты, послужившие в свое время причиной разделения Церквей, объективно, без полемического задора, который нередко несет на себе печать греха, чтобы иметь подлинную историческую картину той эпохи, когда произошли церковные разделения. При этом следует, как кажется, выявлять общность догматического учения восточных и западных отцов Церкви до периода разделения и словесные различия при единых основах веры, кроме имеющихся различий. Следует также указывать на православные элементы в западной теологии Средних веков и нового времени. Необходимо понять западные исповедания и дать им оценку с позиции истинного Православия того времени...»⁷ Митрополит Никодим указывал также, что необходимо принимать во внимание и специфику восточного и западного богословского метода в исследовании и изложении догматических истин, а не противопоставлять одно богословие другому. Братский диалог, осознание каждой стороной своей вины, а не ложный компромисс должен лежать в основе богословских устремлений к вероисповедному

единству. И поскольку самой эффективной формой сохранения Церковью своего учения является Предание, эта живая память Церкви, чрез него и должно проходить опознание и преодоление крайностей конфессионализма. Являясь священным наследием Древней Церкви, которое нельзя рассматривать просто как памятник старины, Предание, говорит митрополит Никодим, в то же время есть и вечно живой импульс духовного созидания, постоянно действующая в Церкви реальная сила, соединяющая прошлое с настоящим и определяющая каждый исторический момент ее бытия, и если христианская община теряет органическую связь с многовековым духовным опытом, она лишается основ для своего бытия в будущем.

Одним из проявлений Предания в жизни Церкви являются таинства, в ссбенности Святая Евхаристия. И, характеризуя Владыку Никодима как богослова, нельзя не отобразить, прежде всего, некоторые его мысли в области евхаристического богословия. Он называл Евхаристию «Таинством Божественной любви», которое, «органически продолжая Господне домостроительство, выразившееся в сотворении мира и воплощении Сына Божия, а в Нем и чрез Него — в воссоздании творения, питает всех принадлежащих Телу церковному, объединяет их и обновляет духовно и физически»⁸. Соединяя в себе литургический опыт и основные истины христианского вероучения, Евхаристия, как таинство жизни Церкви, помогает глубже понимать сущность Церкви. Евхаристическая Жертва всеобъемлюща и вечна, ибо не ограничивается пределами пространства и времени. Взгляд на Евхаристию как жертву неотъемлемо присущ православному сознанию. Эти основные тезисы митрополит Никодим постоянно развивал в своих докладах и богословских собеседованиях, отмечая, что внутреннее богатство Святой Евхаристии неисчерпаемо. Однако он указывал, что Евхаристия при наличии вероучительных расхождений не может быть средоточием межконфессионального общения и единства, и потому со всей серьезностью и ответственностью необходимо, прежде всего, стремиться к взаимопониманию и единству в области вероучительной. Евхаристическое единение верующего со Христом столь совершенно, отмечал Владыка, что Сам Спаситель сравнивал его с единением Отца и Сына во Святой Троице (Ин. 6, 57). Как таинство совершенной любви, Евхаристия устраняет свойственное людям стремление к себялюбию и обособленности, открывает возможность безграничного проникновения жизнью во Христе, поскольку в этом святейшем таинстве Христос претворяет верующих в членов Богочеловеческого организма Своего Тела — Святой Церкви.

Богословское мышление митрополита Никодима пронизывает чувство пасхальной радости, постоянное переживание победного торжества над грехом и смертью, которые были чужды нашей богосозданной природе. И хотя грехопадение первых людей оказалось губительным для всего мироздания, оно не угасило неиссякаемой любви Бога к Своему созданию, не изменило Его пречечного Совета. Когда на Голгофе, казалось, была окончательно попорна справедливость и уничтожена надежда на избавление от греха и смерти, там же навеки утвердилось бессмертие и пришло освобождение. «Если бы наш Господь, — писал митрополит Никодим, — был только идеально святым человеком, Сыном Божиим по благодати, а не по существу, Его Воскресение было бы просто чудом, говорившим об исключительной милости Бога, но никоим образом не влияло бы на судьбы всего человечества»⁹. Но Он был Богочеловек, и Своим самовластным Воскресением Он изменил печальную участь людей, не только совоскресив их с Собой, но и даровав им предощущение нескончаемой жизни в вечности. Сущность Воскресения Христова митрополит Никодим видел в возвращении человеку блаженного бессмертия, в примирении его с Творцом, в восстановлении гармонии всего творения и, в конечном итоге, в обожении человеческой природы, поскольку в лице Воскресшего Спасите-

ля она становится не только прославленной, но и возносится на небо и таинственно вводится в лоно жизни Троицы Божьей. Вне зависимости от того, отмечал Владыка, насколько полно и глубоко понимаем мы значение Воскресения Христова, все мы, сознательно или подсознательно, чувствуем близость к нам Бога, уверенность в окончательной победе света и правды над тьмой и злом. Оптимизм христианского мировоззрения, его неотразимая сила влияния на человеческое сердце проистекает из преславной тайны Воскресения.

Богословские чаяния митрополита Никодима, как экуменического деятеля, были направлены на приближение христианского единства, на разъяснение греха разделения, как болезненного явления для всего тела Церкви Христовой. «Единство Церкви, — указывал он, — действительно является даром Божиим, однако лишь в том совершенно определенном смысле, что существует и будет до скончания века существовать объективная Божественная основа церковного единства во Христе, то есть возможность находиться в теснейшем общении со Христом посредством веры и участия в сакраментальной жизни, и особенно в истинной Евхаристии, при условии, однако, всецелого послушания полноте Божественного Откровения. Эта объективная сторона не обеспечивает сама по себе, независимо от нашего послушания или непослушания Божественному Откровению, наличия полного и существенного единства в любой части христианского братства. Только Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, как внутренне целостная и неповрежденная основа Тела Христова, является действительной обладательницей истинного и совершенного единства, в силу ее послушания голосу Божественной Истины. За ее пределами существенное единство может утрачиваться в большей или меньшей степени, становиться неполным или даже стоять на грани полного исчезновения. Распространение полного и совершенного единства на область всей экумены может совершаться не путем простого «выявления» или «видимого выражения» единства, а исключительно путем воссоздания нарушенного единства, путем возвращения к полному послушанию Истине, которое и откроет возможность к отождествлению границ всего христианского братства с границами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви»¹⁰.

С первых дней христианства и доньше, отмечает митрополит Никодим, в действиях многих христиан проявляется поразительное и упорное противление воле Божией, направленное к нарушению церковного единства. Чем вызвано такое противление, когда в Воплотившемся Слове Божиим нам открыт источник благодати и истины (Ин. 1, 17) и «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим. 5, 5)? Митрополит Никодим указывает, что первой причиной нарушения церковного единства было непослушание истине как следствие греховного образа мышления. Человек, не укрепившийся в духовной жизни, легко уклоняется «от простоты во Христе» (2 Кор. 11, 3) и, как правило, терпит «кораблекрушение в вере». Непослушание его доходит до прямого неповиновения авторитету Церкви. Второй причиной нарушения церковного единства был недостаток любви, грех против истинного братолюбия, при котором любое естественное расхождение во мнениях нарушает процесс развития духовной жизни. Главнейшим способом лечения болезней христианского разделения, указывает митрополит Никодим, является стремление к такой любви к людям во Христе, на какую указывает апостол Павел: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (Рим. 9, 3). Большое значение имеет также богословский диалог, который должен своим результатом иметь возвращение к догматическому учению древней неразделенной Церкви. Все без исключения Церкви в интересах достижения вероисповедного единства должны иметь мужество исправить свои ошибки, если будет доказано, что та или иная Церковь сошла с догматической почвы древней неразделенной Церкви. Все Церкви должны

быть также готовы к объективной проверке и оценке своих символических книг и укоренившихся представлений с тем, чтобы несомненные догматы отличить от богословских мнений, хотя бы даже и весьма благочестивых.

При обсуждении и этой трудной проблемы сказывается особенность богословского мышления митрополита Никодима, которому была, при всей его приверженности к истине Православия, присуща одновременно и необычайная широта понимания самого факта разделений церковных. «Мы признаём свою Святую Церковь наиболее истинной. Но не должен ли каждый из нас помнить и ясно сознавать, что истина, которой мы обладаем, или, лучше сказать, которая обладает нами, досталась нам не в результате какой-либо нашей заслуги и принадлежит не столько нам, сколько нашим братьям, нашим близким, которые ее не знают или не вполне знают, но которые могут познать ее через посредство нашего смиренного и самоотверженного служения им? Разве не должны мы сознавать, что та частичная истина, которой владеют христиане других исповеданий, имеет огромное значение для всего христианства в целом? Точно так же, признавая истинным священство только своей Святой Церкви, имеем ли мы какое-либо моральное право признавать ничтожными иные способы и средства хотя бы частичного облагодатствования, находящиеся в распоряжении других христианских обществ, такие, как всеобщее священство, о котором говорит святой апостол Петр (1 Петр. 2, 5, 9), основанное на личном благочестии общение со Христом и т. п.? Разве можно забывать о том, что «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3, 8)?.. Не должны ли мы принять в расчет то обстоятельство, что исторические пути Церкви Христовой находятся под неусыпным Промыслительным воздействием Божиим?.. И кто решился бы категорически утверждать, что в различных путях, которыми Господь попустил идти христианам разных конфессий, есть только один грех и противление воле Божией? Не должны ли мы скорее думать, что помимо несомненного греха, с провиденциальной точки зрения, в этом хождении различным путем до времени заключено и некоторое благо, которое откроется в свое время, по окончании разделений?»¹¹ Эти воззрения Владыки Никодима можно назвать богословским базисом при решении вопросов в области межконфессиональных отношений. Предвосхищая многие богословские проблемы и творчески разрабатывая их, митрополит Никодим являет в своем лице пример епископа-богослова, который служил делу единства церковного в ответственной момент бытия Церкви Христовой, когда все члены ее начинают всё глубже сознавать грех разделения и в поисках пути к единству и духовному обновлению видят смысл своего призвания и служения.

В краткой статье невозможно дать всесторонний обзор богословского творчества митрополита Никодима. Необходимо время и тщательное изучение трудов этого выдающегося архипастыря. Однако и сейчас мы можем сказать о нем как о человеке, замечательный талант которого, неистощимое трудолюбие, живая вера и преданность заветам христианского единства были подчинены единой великой цели — служению истине Христовой даже до смерти. Истина воспринималась им как единая безусловная ценность на земле, как высочайшее откровение, данное людям воплотившимся Сыном Божиим, как дар любви Бога к Своему творению, которое Он вызвал к бытию, освятил и искупил Крестной жертвой.

Митрополит Никодим свидетельствовал свое православие, в котором был воспитан, но, как добрый пастырь, с пониманием и любовью относился к людям иных взглядов и убеждений. Для него не было чужих овец, и в этом плане он воспринимал всякого человека, прежде всего, как носителя образа Божия. Есть только разделенные братья, которые, как члены единого тела, страдают от своего разделения. Являясь носителем сана епископского, занимая выдающееся положение в Церкви, разрабатывая богословские основы христианского единства и миротворчества, митропо-

лит Никодим являл собой пример, достойный подражания. Его вклад в дело богословского развития и практического созидания христианского единства оценит история, поскольку великие идеи братства и единства во Христе находят понимание у всех христиан мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима 21 апреля 1975 г. на встрече в ЛДА между делегатами от Церкви — членами ВСЦ из СССР и представителями ВСЦ. «ЖМП», 1975, № 7, с. 39—40.

² Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. II. Л., 1974, с. 306.

³ «ЖМП», 1977, № 3, с. 12.

⁴ Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. I, с. 196—197.

⁵ Там же, с. 55—56.

⁶ Там же, т. III, с. 173.

⁷ «ЖМП», 1977, № 3, с. 14.

⁸ Митрополит Никодим. Сборник сочинений, т. I, с. 108.

⁹ Там же, с. 114.

¹⁰ Там же, т. III, с. 161.

¹¹ Там же, т. IV, с. 137—138.

Архимандрит НИКОДИМ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

ВВЕДЕНИЕ

Наряду с другими языками, приходящими от запада и моря и востока, с севера в Святую Землю стремились русские люди, чтобы к подножию Божественной Голофы принести сердечную молитву за свою Святую Русь. С древних времен стремились они облобызать палестинские святыни. Часть имен таких благочестивых паломников вошла в историю, большинство остались неизвестными. Среди таких паломников, ведомых и незведомых для истории, были и миряне, и представители «духовного чина». Все они приезжали в Иерусалим, жили некоторое время, путешествуя по святым местам Палестины, и возвращались домой с воспоминаниями обо всем виденном. Чем дальше уходило человечество от времени Рождества Христова, тем больше русских людей устремлялось к Вифлеемскому вертепу, Живоносному Гробу и Божественной Голофе. Но все эти поклоннические путешествия имели индивидуальный, частный характер. Не было в Палестине места, где бы возносилась постоянная молитва на русском языке за родную землю, где бы чувствовался русский дух и где бы российский богомольцы почувствовали себя дома на далекой чужбине.

Только в середине XIX века около Гроба Господня Русская Церковь организовала свое постоянное представительство в виде Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, которая для русских паломников стала постоянным прибежищем во всех их нуждах. Во время учреждения Русской Духовной Миссии Святейший Синод и Русское Правительство в Петербурге думали и о наших паломниках, но далеко не в первую очередь. Причины отправления Русской Духовной Миссии в Иерусалим, главным образом, заключались в том, что Православие в Палестине в то время было в жалком состоянии и Миссии ставилось главнейшей задачей поддержать Православную Иерусалимскую Церковь.

Учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и первые годы ее существования

Сороковые годы XIX в., когда «восточный вопрос» стал в центре внимания всех видных государственных деятелей большинства стран, были началом установления более реальной связи между Русской Православной Церковью и Православным Востоком.

«Только в сороковых годах прошлого столетия стали у нас серьезно думать о Палестине и вплотную подошли к вопросу о необходимости надзора и защиты наших пилигримов, равно как и о более тесном общении с иерархией восточных патриархов. События политического характера в значительной мере содействовали этому. Так называемые «лондонские конвенции 1840 и 1841 годов» существенно ослабили престиж России на

Востоке, вырвав из ее рук первенство в решении ряда вопросов (в том числе и покровительство христианскому населению в Турции) и передав его пяти державам. Вместе с этим широко раскрывались в Палестине и на Востоке двери инославной пропаганде»¹.

По соображениям чисто политического характера интерес к Ближнему Востоку, как уже говорилось, стал возрастать. Русское Правительство стало искать новые пути, чтобы как-то упрочить там свое влияние. В целях изучения этого вопроса в 1838 году в Палестину отправился камергер А. Н. Муравьев. Ознакомившись с состоянием политической и церковной жизни в Сирии и Палестине, он представил в Министерство Иностранных Дел свой доклад, в котором, помимо разных предложений относительно упорядочения там гражданской жизни, высказал некоторые мнения по церковным вопросам. «Как французские короли объявили себя покровителями всех франков, поселившихся на Востоке, — писал он, — и всех католических общин, хотя в большинстве монахи только их единоверцы, но не подданные, было бы справедливо и благоприятно для восточных дел, если бы русский император удостоил принять под свое особое покровительство святые места, хотя бы только храм Гроба Господня, пещеру Богородицы в Гефсимании и Вифлеемскую церковь. Речь идет не о греческой рае, духовенстве или мирянах, а только о священных зданиях, что гораздо скромнее притязания Франции покровительствовать всем католикам вообще, к какой бы нации они ни принадлежали». Но этим не ограничивались меры, которые считал нужным провести в жизнь А. Н. Муравьев. Как истинный патриот своего Отечества, он хотел видеть и свое русское духовенство в Святом Граде равноправным со всеми исповеданиями. Поэтому в своем докладе он продолжал: «Необходимо получить от султана маленькую мечеть (Сионскую) Тайной Вечери и Сошествия Св. Духа, бывшую раньше христианским монастырем, в виде дара или приобретения... Эта мечеть, прежняя церковь, называлась в первые века матерью всех церквей, ибо там было установлено первое иерусалимское епископство в лице Иакова брата Господня. Как только эта мечеть будет в наших руках, она может быть местопребыванием Русской Миссии, состоящей из архимандрита и нескольких монахов и назначаемой вновь каждые три года по примеру католиков...

Если, к несчастью, мы не в состоянии будем вырвать из рук неверных святыни Тайной Вечери, местопребывание архимандрита должно быть перенесено в укрепленный монастырь Креста, находящийся в двух верстах от Иерусалима и принадлежащий грекам, которые охотно уступят нам его с этой целью, и во всяком случае не следует пренебрегать этим прекрасным монастырем, по красоте церкви и обширному помещению весьма пригодным для паломников, руководство которым, как и всеми русскими монастырями, живущими в Иерусалиме, должно быть поручено архимандриту.

Так как после посещения России архиепископом Фаворским во всех наших соборах установлены кружки, в которые опускают подаяния на Гроб Господень, и сбор этот ежегодно доходит до 40 тысяч рублей ассигнациями, часть этих подаяний можно было бы расходовать на поддержание Иерусалимской Миссии, особенно если она поместится в мечети Тайной Вечери, которую придется переделать на церковь. Остальная часть кружечного сбора могла бы получить свое первоначальное назначение на Гроб Господень, но не иначе, как проходя через руки нашего архимандрита. Распределение этих денег возвысило бы нашего архимандрита»².

Здесь мы видим, как впервые государственный чиновник высказывает мысль о необходимости постоянного пребывания в Иерусалиме русских монахов, составляющих Духовную Миссию, во главе с архимандритом. Но прежде чем Миссия была учреждена, предстояло еще пройти ряду лет. Задержка в осуществлении благого намерения А. Н. Муравьева могла произойти от двух причин. Министерство Иностранных Дел считало ненужным до времени приобретение мечети Тайной Вечери. Если бы рус-

ским удалось купить у турок мечеть, то этому примеру наверняка бы последовали и католики. Такая продажа могла бы возбудить доходящий иногда до дикости фанатизм мусульман и осложнить и без того сложные взаимоотношения религиозных групп в Палестине. Кроме того, Константинопольское Посольство было против учреждения Духовной Миссии в Иерусалиме.

Как бы то ни было, но открытие Миссии в Иерусалиме пока отдалось, хотя интерес к Востоку возрастал и правящие круги России чувствовали необходимость изменения своих отношений с Востоком и по церковной линии. Сама жизнь настойчиво требовала этого.

В июне 1842 года вице-канцлер Нессельроде подал на императорское имя доклад, в котором писал, что в данный момент Православие в Палестине находится в бедственном положении. Влиянием и частым вмешательством Константинопольского Посольства до некоторой степени оно ограждено от своевольных притеснений турок. Но кроме мусульман, которые за последнее время относились к православным терпимо, православие страдает как от католиков и протестантов, стремящихся к поглощению в свои недра православных, так и от недостатка нравственных и материальных средств, чтобы противостоять атаке католическо-протестантской агрессии. Поэтому «при обсуждении мер,— писал Нессельроде,— какие могли бы быть приняты со стороны Российского Правительства для поддержания Греческой Церкви, признавалось бесполезным присутствие в Иерусалиме благонадежной и образованной особы из российского духовенства. Мысль эта доныне осталась без действия из опасения, чтобы не возбудить опасений Порты и зависти других христианских держав, но теперь приведение ее в исполнение становится более и более необходимым, в особенности со времени назначения в Иерусалиме протестантского епископа и при настоящих действиях американских миссионеров.

Польза, какая могла бы произойти от присутствия русского духовного лица в Иерусалиме, состояла бы в следующем: 1. Ему по сану своему удобнее, чем светскому человеку, можно было бы вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви; 2. Сим оказано было бы греческому духовенству соучастие единойверной Российской Церкви; 3. Греческое духовенство получило бы через то одобрение и нравственную опору и, наконец, 4. Российское духовное лицо могло бы быть ближайшим посредником между Св. Синодом и иерусалимским духовенством, передавать ему советы и внушение для пользы Православной Церкви, иметь хотя бы поверхностное наблюдение за полезным употреблением собираемых в России для Св. Гроба Господня сумм и т. п.

Но нельзя не сознаться, оговаривался далее вице-канцлер, что гласное отправление духовного лица в Иерусалим имеет также свои неудобства, которые могут произтекать от разных политических соображений, а отчасти от недоверчивости и личных видов греческого высшего духовенства. А потому на первый случай можно было бы ограничиться мерою, так сказать, испытательною. С сею целью надлежало бы избрать кроткого, благоразумного, надежного иеромонаха или архимандрита, но никак не выше сего сана, и отправить его в Иерусалим в качестве поклонника. По прибытии туда он мог бы, исполняя все обязанности богомольца, стараться снискать доверие тамошнего духовенства, постепенно вникать в положение Православной Церкви, сообразить на месте, какие всего удобнее принять меры к поддержанию православия, доносить о том Российскому Правительству и через посредство консула нашего в Бейруте по руководству сего последнего делать при случаях некоторые полезные внушения греческому духовенству от собственного своего имени и с братской любовью, стараясь при том убедить его в благочестивом соучастии высочайшего двора к единоверцам нашим.

Когда же опыт укажет, что пребывание русского агента из духовных может действительно принести существенную пользу Православной Церк-

ви, тогда, смотря по обстоятельствам, можно будет продлить его там пребывание под каким-либо благовидным предлогом и снабдить более положительными наставлениями касательно дальнейшего образа действий. До того же времени необходимо, чтобы он во всем совещался с нашим консулом, ибо ему больше известны политические обстоятельства, с какими надлежит согласовать и духовные дела»³.

При даже поверхностном чтении этого документа сразу бросается в глаза его неопределенность. С одной стороны, говорится, что с точки зрения международных отношений наступило благоприятное время для посланничества ко Гробу Господню представителя Русской Церкви («в особенности со времени назначения в Иерусалиме протестантского епископа»), с другой стороны, этот представитель Св. Синода едет под какой-то личиной простого богомольца, скрывая от всех подлинное свое лицо. То посылаемая «духовная особа» должна войти в доверие к местному духовенству и даже помогать ему советами, то этого же самого духовенства бояться, как бы оно не узнало, что в Иерусалиме официальный представитель братской Русской Церкви, так много сделавшей для Святого Гроба. Да и как мог быть простой паломник даже в сане архимандрита посредником между двумя Поместными Церквями, как предполагает Нессельроде. В начале доклада говорится, что все это предприятие устраивается ввиду того, что православию на Востоке грозит гибель, а конец доклада определяет русского архимандрита или иеромонаха каким-то шпионом, подручным у проэллинистически настроенного бейрутского консула, без разрешения которого посланник Св. Синода не мог ступить шагу. Несмотря на всю, можно сказать, нелепость принципов положения на Востоке русского посланца, эти самые принципы и в дальнейшем будут испытательной пробой всего этого предприятия. Если опыт удастся и будет от него польза, то пребывание русского священника можно будет продлить под благовидным предлогом (!?). Как боялись в Петербурге, что скажут на Западе даже о таком ничтожном деле по сравнению с западной пропагандой на Востоке. Неужели не чувствовали высшие государственные чиновники унижительность для России таких полумер?! Может быть, и чувствовали это, но к естественным опасениям дипломатического характера прибавлялись энергичные возражения Константинопольского Посольства против развития инициативы со стороны Русской Церкви в церковных же делах в святых местах. Унизительное положение Церкви, подчиненной государственным чиновникам, которые смотрят на нее, как на некий придаток, иногда только нужный для достижения определенных целей, в деле организации нашей Миссии в Иерусалиме получило лишнее подтверждение.

Профессор Н. Каптерев утверждает, что «каких-либо серьезных причин посылать в Иерусалим духовное лицо скрытно в действительности во все не было: тайна этой посылки, как увидим, ни для кого не была тайною, а тем более для самого греческого духовенства, она только без нужды ставила в ложное положение само посылаемое лицо, которое по необходимости вынуждено было являть собой обычного богомольца в то время, когда все соприкасавшиеся с ним и заинтересованные в этом деле лица прекрасно знали, что оно нарочно и с особыми целями послано нашим Правительством.

Понятно также, что не было никаких серьезных причин ставить духовное лицо, посланное для изучения и, пожалуй, упорядочения церковных дел в Палестине, в исключительную зависимость и подчиненность нашим дипломатическим агентам, а не Св. Синоду»⁴. С мнением профессора Н. Каптерева невозможно не согласиться.

Однако резолюцией Николая I доклад Нессельроде становился жизненной программой. После царского утверждения этого доклада вице-канцлер направил его обер-прокурору Св. Синода для исполнения. Мнения же самого Св. Синода никто не озаботился спрашивать.

26 июня 1842 г. Св. Синод своим постановлением для исполнения этого поручения назначил архимандрита Порфирия (Успенского), настоятеля Посольской церкви в Вене. Такое назначение объяснялось тем, что архимандрит Порфирий хорошо знает греческий язык и приобрел опыт в обращениях с нерусскими православными христианами за границей.

После извещения о таком решении Св. Синода архимандрит Порфирий прибыл 11 октября 1842 года в Петербург, где 4 ноября состоялось синодальное о нем постановление: «Предстоящее отправление архимандрита Порфирия в Иерусалим в качестве поклонника и в видах обнаружить настоящие нужды православия в Палестине и установить посредство между греческим духовенством и духовным начальством в России и ближайшее наблюдение за действительным употреблением в пользу Православной Церкви в тамошних местах пожертвований предпринимается ныне в виде временной меры, обращение которой в постоянную будет зависеть от открытий и плодов, какие окажутся во испытании оной»⁵.

Получилось, что, хотя назначал отца Порфирия Св. Синод, Св. Синоду он в то же время как бы не подчинялся, а был в ведении Министерства Иностранных Дел.

Будучи слугой двух господ, Св. Синода и Министерства Иностранных Дел, архимандрит Порфирий иногда получал указания прямо противоположные. Так, обер-прокурор рекомендовал ему стараться внедрять в православных школах Востока русские учебники, переведенные на местные языки, дипломаты считали, что бесполезно навязываться со своими книгами. Обер-прокурор предписывает архимандриту Порфирию писать в Синод как можно чаще, Министерство Иностранных Дел категорически запрещает писать в Петербург до окончания командировки. Важный вопрос о признании Афинского Синода, объявившего церковную автокефалию Эллады, Русской Церкви по-настоящему оставался неразрешенным, так как при разговоре с графом Протасовым, обер-прокурором Синода, когда о. Порфирий спросил, что сказать о мнении Св. Синода по этому вопросу, то получил ответ, что нужно узнать мнение Министерства Иностранных Дел. На замечание же, что это дело Синода и богословов, а не дипломатов, он получил отповедь, что это дело не Синода, а государя. В конце концов было приказано сказать, что Русский Синод думает об этом деле, как и Константинопольский Патриарх с Синодом.

Получив прогонные деньги, архимандрит Порфирий выехал 22 мая 1843 года из Петербурга в Одессу, чтобы из Одессы при начале паломнического сезона плыть дальше в Святую Землю, а до этого ему было указано жить в Одессе при архиерейском доме и расширять познания в новогреческом языке. 20 сентября того же года он отплыл из Одессы, а 22 сентября уже был в Константинополе.

Свое знакомство с Православием на Востоке о. Порфирий начал с того, что от официальных и неофициальных лиц много наслушался обесчинствах греческого духовенства. В то же время беirutский консул Базили, оказавшийся случайно в Константинополе, сказал о. архимандриту, что Иерусалимский Патриарх и его окружение знают о его назначении и боятся контроля с его стороны. После немалых проволочек со стороны драгомана Посольства князя Ханжерли архимандрит Порфирий представился, наконец, патриархам Иерусалимскому и Константинопольскому. С Иерусалимским Патриархом и его заместителем, кроме обмена любезностями, иных разговоров не было, а у Константинопольского Патриарха, между прочим, касались отношений с западными инославными исповеданиями. Одно только было ясно, да и греки не особенно таили это, что они знакомятся с архимандритом Порфирием, как с представителем Св. Синода. Кроме разных сообщений, архимандрит Порфирий узнал от посольского духовенства, что сам консул Базили не пользуется авторитетом, так как его драгоман, маронит по исповеданию, покровительствует католикам и униатам, имея влияние на самого консула.

С такими первыми нерадостными впечатлениями в сопровождении иеродиакона Григория, состоящего при Константинопольской посольской церкви, 15 октября наш путешественник отбыл из Константинополя и направился в Сирию.

Прибыв благополучно 23 октября в Бейрут, архимандрит Порфирий без задержки направился в Дамаск, чтобы видеть Антиохийского Патриарха Мефодия. При первой же встрече Патриарх начинает излагать отцу Порфирию жалобы на свои невзгоды, которые общи с Иерусалимской Патриархией: борьба с католиками и униатами, нехватка денег, недовольство консулом Базили. Вскоре по прибытии в Дамаск начались разъезды «российского соглядата» по всей Сирии. Он посещает монастыри, города и деревни с их православными храмами, много беседует со встречающимися людьми.

Часто болит сердце благочестивого архимандрита, когда он видит в храмах Божиих нечистоту и мерзость запустения, а служителей православных алтарей даже в святительском сане небрежных и холодных к своему долгу.

Возмущается о. Порфирий как гражданин своего Отечества и тем, что консул Базили действует в ущерб русским и православным интересам⁶. При посещении немногочисленных училищ он обращает внимание на небрежность в религиозном воспитании, а также замечает, что даже при небольшой поддержке России школы в Сирии могут развиваться и оказывать свое влияние на молодое поколение. Между тем, Русское Консульство совсем не помогает школам. Помимо таких замечаний, относящихся к его служебной командировке, он питает свою любознательность обзорением развалин храмов, городских стен, древних надписей, записью местных обычаев. Посетив многие сирийские и ливанские поселения, через Хайфу и Яффу и далее обычной для паломников дорогой архимандрит Порфирий добрался до Иерусалима 20 декабря того же 1843 года.

В Иерусалиме на встречу ему за городские стены вышли греческие архиереи, архимандриты, много русских паломников и различные посторонние лица. Все это показывало, что приезда замаскированного представителя России не только ждали, но и готовились к нему. При этой встрече он получил приглашение жить в Патриархии. Досадуя на всё, архимандрит Порфирий отказался от этого предложения и направился для пилатства в Феодоровский монастырь, предназначенный для русских пилигримов.

После взаимных визитов с патриаршими эпитропами — Митрополитом Петроаравийским Мелетием и Архиепископом Лиддским Кириллом новый паломник выехал в Вифлеем, чтобы встретить Рождество Христово на том месте, где совершилась эта «великая благочестия тайна».

В Вифлееме через посредство сопровождающего его иеродиакона Григория он узнаёт, что члены Иерусалимского Синода наложили друг на друга проклятие, если кто из них вздумает изменить тайнам их управления и жизни и объявит их русскому архимандриту⁷. По приезде из Вифлеема началась его палестинская жизнь с постепенным знакомством со святынями, людьми и нуждами всего этого края.

Много путешествует о. Порфирий. За сравнительно небольшой период пребывания в Святой Земле он объехал почти всю Палестину. Его знакомства были обширны: вся высшая православная иерархия и многие рядовые священники свободно стали приходить к нему и делиться своими различными церковными неполадками. Его сердечное сочувствие и братское ко всем отношение постепенно растопило лед недоверия, и все греки почувствовали, что перед ними не шпион, фиксирующий их недостатки, а христианин, который желает добра всему Патриархату. Добрые отношения сложились у о. Порфирия даже с Армянским Патриархом, у которого он неоднократно бывал и беседовал от сердца к сердцу.

Каждый день пребывания в Иерусалиме или в ином другом месте открывал глаза отцу Порфирию на какие-либо отрицательные явления в церковной жизни края. К определенному выводу пришел о. архимандрит: если не будет оказана как материальная, так и моральная помощь Церкви и в Палестине, и в Сирии (ибо нужды обеих Церквей были совершенно одинаковы), то Православию грозит опасность быть постепенно поглощенным католицизмом и протестантизмом.

Такой моральной поддержкой Восточным патриархам со стороны Русской Церкви, по мнению Синодального представителя, было бы учреждение постоянной Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. О. Порфирий считал, что Русская Духовная Миссия в Иерусалиме должна быть:

«а) для видимого единения Церквей Иерусалимской, Антиохийской и Российской и для взаимных известий;

б) для наблюдения за расходами денег, высылаемых из России;

в) для наблюдения за русскими паломниками;

г) для снабжения всех сельских церквей Сирии и Палестины иконами. При Миссии должны быть иконописцы и школа иконописания;

д) для принятия и отсылки подаваний из России в назначенные места, ибо теперь этого не делают;

е) для наблюдения, где в каких деревнях арабы обращены в магометанство из христиан и где они помнят прежнее христианство, где имеют почитание к святым нашим и пр., дабы при будущем торжестве православия начать с этих деревень миссионерство и обращение в христианскую веру;

ж) для подачи полезных советов при устройстве школ народных и семинарий, и академии в самой Патриархии»⁸.

Как видим, о. архимандрит не только предполагал включить в обязанности Миссии заботу о паломниках, но ставил перед ней более широкие задачи. Даже вообще паломнический вопрос проходит у него как бы между прочим. Цель организации Миссии была, по его мнению, одна — поддержать расслабленную Восточную Церковь, спасти Православие от конечной гибели.

Греческое духовенство к мысли о постоянном пребывании в Иерусалиме Русской Миссии было настроено весьма отрицательно.

Греки, по мысли о. Порфирия, боялись: «а) что все славяне православные будут ходить в русскую церковь и смотреть на русских, как на образец. Тут есть опасение лишения доходов и влияния на славян, б) боялись открытия злодеяний, в) боялись, что Россия мало-помалу подчинит своему влиянию Палестину⁹ и греческое духовенство потеряет свою автономию.

Но не все греки так относились к предполагаемой Русской Духовной Миссии. Были среди них, хотя и не многие, горячие приверженцы Русской Церкви. Болея душой о недостатках своих собратьев и не видя возможности оздоровления церковной жизни своими силами, они с нетерпением ждали появления нашей Миссии в Иерусалиме, ибо надеялись, что тогда волей-неволей придется многим очнуться от внутреннего застоя.

Подошло между тем время архимандриту Порфирию уезжать из Иерусалима. Перед отъездом его оказалось, что лично к нему Иерусалимский Синод питал уже не недоверие, а симпатии. Так, 3 августа 1844 года при полном собрании Синода Патриарший Наместник возложил на него золотой наперсный крест с частицей Животворящего Древа на фиолетовой ленте. Через несколько дней после этого, 7 августа, архимандрит Порфирий покинул Иерусалим и направился в Константинополь.

Два месяца прожил в Константинополе архимандрит Порфирий, составляя описание положения Православия в Сирии и Палестине. Его мысли и впечатления были изложены в двух отдельных докладах: «О со-

стоянии Палестинской Церкви и о мерах поддержания ее» и «О спорах греков, латин и армян на св. местах и о способах водворения тут мира». Как в зеркале, его отчеты отразили реальную действительность во всей ее безотрадности. Главной мерой спасения Православия на Востоке архимандрит Порфирий считал учреждение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Закончив этот труд, о. Порфирий отправился в Египет, где, помимо ознакомления с православием, наблюдал быт и богослужение коптов, на Синай и Афон, чтобы и там, на месте, видеть жизнь Православной Церкви. Обратный путь он совершил через Молдавию и Валахию, так как хотел своими глазами видеть святогробские имения, находящиеся там. Путешествия заняли у него около двух лет, и только в сентябре 1846 года нога его снова ступила на родную землю.

По дороге в Петербург у «иерусалимского архимандрита», как некоторые стали называть о. Порфирия, были остановки в Харькове и в Москве.

Исключительно отеческий прием, глубоко запечатлевшийся в сердце о. Порфирия, был оказан ему Московским Святителем Митрополитом Филаретом. Живо интересовался Владыка Филарет православным Востоком, но и этот выдающийся иерарх, один из виднейших деятелей Святейшего Синода, имел о восточных церквях не совсем ясное представление.

19 октября 1846 года о. Порфирий был в Петербурге. Так закончилось его палестинское путешествие. Больше двух лет он трудился ради Церкви и богословской науки, предпринимал тяжелые путешествия. Многое привез он интересного материала, знакомящего с Востоком. Он радовался своим трудам, так как чувствовал, что от них есть польза для ближнего.

Доклад о. Порфирия о положении Православия на Востоке и его же записки о необходимости Русской Духовной Миссии в Иерусалиме послужили тому, что 11 февраля 1847 года государственный канцлер Нессельроде по предварительном обсуждении с обер-прокурором Синода Протасовым сделал императору представление об учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме. Это представление было одобрено, и Нессельроде было указано по совместной договоренности с обер-прокурором Синода подобрать кандидатуры для посылки в Иерусалим и сыскать средства на организацию и содержание Миссии.

Состав Духовной Миссии был подобран. Вместе с архимандритом Порфирием предполагалось послать иеромонаха Феофана (Говорова), впоследствии епископа и Вышенского затворника, и двух студентов, окончивших Петербургскую семинарию, — Н. Крылова и П. Соловьева.

31 июля 1847 года постановлением Св. Синода Русская Духовная Миссия в Иерусалиме получила свое бытие.

14 октября 1847 года Миссия в полном составе отбыла из Петербурга. В дневнике отца Порфирия под этим числом записано краткое обращение к Господу Вседержителю: «Боже, путеводивый Израиля от Синая до Сиона, путеводствуй и сохрани и нас на всем пути, предлагающем нам!»¹⁰. 17 февраля 1848 года Миссия прибыла в Иерусалим.

Иерусалимский Патриарх Кирилл радушно принял Миссию и устроил ее на первое время в своих бывших кельях, которые он занимал в бытность Патриаршим Наместником.

Через неделю после приезда Миссии Патриарх Кирилл объявил, что для ее жительства он отдает Архангельский монастырь, только с оговоркой: пусть в нем же поселяются и паломники духовного звания всех национальностей. Пока шло приготовление помещений монастыря, архимандрит со студентами жил в прежних комнатах, а иеромонах Феофан уехал в монастырь преподобного Саввы, где пробыл около полугода.

Только 16 августа после вечернего молитвословия Патриарх Кирилл

в присутствии членов Синода объявил, что Русская Духовная Миссия поселается в Архангельском монастыре, который отдается ей в заведывание, а не в полное распоряжение, и что в том монастыре Миссия будет совершать богослужение на церковнославянском языке.

Как мы уже знаем, водворение в Иерусалиме нашей Миссии не особенно приветствовалось греческим духовенством. Правда, своим избранием на патриарший престол Блаженнейший Кирилл был обязан отчасти и о. Порфирию, поэтому личные симпатии Патриарха к начальнику Миссии уже имели место. О. Порфирий часто бывал у Патриарха Кирилла и у других членов Синода, нередко и они посещали его.

Патриарх не отказывался служить литургию в Архангельском монастыре, где была резиденция Миссии, в торжественные же дни с архиереями и другими членами Синода приходил в Миссию откушать «хлеб-соль»¹¹.

Такая расположенность к русским вместо прежней холодности и недоверия объясняется тем, что все греки чувствовали искреннюю любовь о. Порфирия к Иерусалимской Церкви, интересы которой он готов был защищать, причем защищать бескорыстно только из чувства преданности ей, как Матери Церквей, при этом не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь, и если даже в глаза обличал их, то все чувствовали справедливость его упреков и то, что эти обличения вызывались доброжелательным чувством.

Посещения святогробским духовенством Миссии часто выходили за рамки обычных визитов вежливости. Патриарх и другие иерархи посвящали о. Порфирия в свои дела и даже спрашивали его советов. И сам, по своей инициативе, о. Порфирий смело иногда делал разные предложения Патриарху или членам Синода, и всегда они прислушивались к словам о. Порфирия¹², так как знали, что плохого от им не пожелает.

В 1849 году по совету о. Порфирия и к великому его удовольствию Патриарх Кирилл решил построить новое эллино-арабское училище при Крестном монастыре, эфором которого был избран Патриархом архимандрит Порфирий. Кроме того, он же был избран попечителем всех патриарших училищ.

Всей душой отдался архимандрит Порфирий этой деятельности. В течение 1853 года он предпринял неоднократные поездки в Лидду, где он «пламенно желал открыть приходское училище», в Наблус, в Яффу и снова в Лидду. Обозревая во второе свое посещение лиддскую школу и экзаменуя учеников, он записывает: «Слава Богу! Среди здешнего арабского племени показался рассвет. Но надолго ли? Тяжел для меня этот вопрос. Не хочу и отвечать на него. Мое дело готовить почву и сеять, а выращивание семени зависит от Бога»¹³.

Благодаря просьбам о. Порфирия, греками несколько было улучшено положение наших паломников в Иерусалиме. Патриархия для паломниц отдала более удобный Феодоровский монастырь, а паломников перевела в Архангельский. Единственно, чем наша Миссия духовно могла поддерживать наших богомольцев — это совершением богослужения на церковнославянском языке.

Необходимо еще отметить большое дело, которое хотел предпринять в Иерусалиме начальник первой нашей Миссии. Благодаря добрым отношениям с Патриархом, Миссия расположилась в Архангельском монастыре, если не так удобно, то, во всяком случае, сносно. Но все же приходилось чувствовать, что Русская Миссия только в гостях. Необходимо было иметь свое собственное помещение.

Дело приобретения русскими здания в собственность для помещения туда Русской Духовной Миссии имеет свою историю. Как уже говорилось, ранее были предложения купить у мусульман горницу Тайной Вечери, затем был разговор о покупке у греков одного из монастырей. В иерусалимские дни архимандрита Порфирия пошли разговоры о новом месте, которое следовало бы приобрести.

Строительство дома для Миссии не обошлось без некоторых недоумений. Вначале Патриарх отвел землю для строительства дома рядом с Архангельским монастырем. Участок был окружен зданиями, и, по мысли Патриарха, дом должен был получиться с площадью много меньшей той, какую занимала Миссия в Архангельском монастыре. К тому же дом хотели сделать с низкими потолками и маленькими комнатами. Получалось, что Миссия должна была поселиться в доме, который много хуже Архангельской резиденции. Горячо против этого восстал о. Порфирий. Дело было улажено, проект составлен подходящий и, к величайшему удовольствию о. Порфирия, дом был построен удобный и приличный, но не суждено было о. Порфирию поселиться в этом доме.

Рассказывая о деятельности о. Порфирия в Иерусалиме, необходимо отметить его связи с инославными христианами.

Человек широкого кругозора, чистой открытой души, чуждый узких конфессиональных интересов, о. Порфирий, как упоминалось, сразу постарался завести знакомство со многими представителями неправославных общин. Пребывая и далее в Иерусалиме, он свои связи старался укреплять и расширять.

Такие знакомства одновременно были и полезны и, в некотором смысле, опасны, так как греки с ненавистью относились ко всему неправославному и этого чувства не скрывали. Отец Порфирий из-за этого обстоятельства мог в их глазах терять свой авторитет. Однако он, исповедуя искренно неповрежденное апостольское учение и чувствуя необходимость хотя бы внешнего общения всех христиан, не страшился того, что настроит против себя святогробское братство. Он знакомился с их Патриархом Максимом), и армян, и протестантов, и духовных лиц других исповеданий, причем не только глав, но и рядовых представителей. Бывали и они у о. Порфирия. Во время разговоров на различные темы он не стеснялся иногда подчеркивать несправедливость отдельных их суждений¹⁴, заставляя даже краснеть, но дружбу, конечно, в известных пределах с ними не терял.

Некоторые из них даже прибегали к его помощи; так, если патриархи католический, армянский или униатский приходили к нему просто с визитами или поздравлением¹⁵, то сирийский Митрополит Абденур просил содействия в борьбе против сироиунатов¹⁶.

Отец Порфирий не только сам стремился иметь хорошие отношения со всеми верующими во Христа. Он крайне желал, чтобы между всеми Его последователями, если нет внутреннего единства, то хотя бы соблюдалась внешние добрососедские отношения¹⁷.

Зная резкую антипатию православных греков к иному аспекту христианства, о. Порфирий стремился и им внушить необходимость как мирного сожительства, так и взаимообщения с инакомыслящими в догматических вопросах. По его просьбе и рекомендации Патриарх Кирилл принял протестантского проповедника немца Гиля и готов был вступить в продолжительную беседу неполемического характера. Видя необходимость и полезность таких встреч и бесед христиан разных исповеданий, о. Порфирий с возмущением пишет об этом визите чванливого немца: «18 (марта) четверток. В два часа пополудни я представил Патриарху Кириллу вышереченного Гиля. Он оказался молчалив, как рыба: посидел, почеченился, покурил табак, проговорил сквозь зубы, что читал Богословие Иоанна Дамаскина и только, а о состоянии Православной Церкви в Палестине не спросил, тогда как Его Блаженство, по совету моему, готов был дать ему надлежащие понятия и об епархиях, и о монастырях, и об училищах, и проповедании Слова Божия на языках греческом и арабском. Право, досадно на этих господ, которые издаലെка приезжают к нам и вместо того, чтобы от нас узнать состояние Православной Церкви, расспрашивают о ней всякого встречного и поперечного

и потом пишут небылицы в лицах»¹⁸. Для о. Порфирия непонятны такие люди, считающие себя последователями Спасителя, но не ищущие точек соприкосновения во взглядах с другими христианами. Идеал отца Порфирия — слова Господни: «да вси едино будут» (Ин. XVII, 21).

Имея обширное знакомство среди различных религиозных представителей, о. Порфирий старался поддерживать добрые связи и с дипломатическими представителями западных стран. Консулы Англии, Сардинии, Австрии навещали о. Порфирия, и он посещал их.

С полным основанием можно сказать, что наша Миссия, возглавляемая отцом Порфирием, сумела всех в Иерусалиме к себе расположить и завоевать (кроме заведомых неприятелей вроде французов-католиков) почти всеобщее уважение.

О научных трудах Миссии в Иерусалиме о. Порфирий замечает в своем дневнике: «Иеромонах Феофан продолжал заниматься изучением языков новогреческого и французского и перевел семь патриарших грамот о Синайском монастыре...

Студент Петр Соловьев составил краткие жизнеописания мучеников церкви Палестинской и перевел с латинского языка «Чин общей Литургии сириано-иаковитов» (с издания Ренодота) и с греческого — грамоту Иерусалимского Патриарха Досифея о грузинских монастырях в Иерусалиме 1699 г. и послание к католику Имеретии Кир Григорию.

Студент Николай Крылов составил краткие жизнеописания мучеников церкви Александрийско-Египетской и перевел с греческого: 1. Письма Александрийского Патриарха Пансия к Алексею Михайловичу и к Всероссийскому Патриарху, 1670 г.; 2. Современное благодарственное письмо египетских христиан к сему же государю за благодеяния, оказанные им Александрийской Церкви; 3. Половину исповедания веры названного Патриарха и 4. Литургию Василия Великого у коптов.

Я при лечении века правого глаза моего прижиганиями и 11 операциями не мог делать того, что предполагал сделать; в минуты пытаясь силы зрения после каждой операции и для утешения себя в скорби перевел с эллинского языка на церковнославянский древний акафист свв. архангелам Михаилу и Гавриилу, сочиненный на Афоне в Дохиарском монастыре, и читал похвальное слово св. Григория Назианзина св. Афанасию Великому и творения Платона в подлиннике»¹⁹.

Не прекращалась такая научная работа и далее. Нужно сказать, что трудолюбие было общей чертой всех членов Миссии и все они жили дружно, подавая этим добрый пример греческому духовенству.

Человек неутомимой энергии, о. Порфирий не мог сидеть на месте, когда не чувствовал на себе какого-либо важного дела. Несколько подлечив свое зрение в Константинополе, он вскоре после приезда в Иерусалим едет (1850 г.) на Синай и в Египет в сопровождении всей своей Миссии. Цель поездки была такова: «Помолиться там, где Бог из Египта воззвал Сына Своего, приобрести новые познания и проверить прежние, избавить сотрудников от скуки и томления однообразной жизни и расширить круг их понятий»²⁰.

Путешествие началось из Яффы 22 марта. После небольшой остановки в Александрии путешественники прибыли в Каир, где были совсем по-родственному приняты Патриархом Александрийским Иерофеем. Архимандрит Порфирий уже второй раз посещал Каир, однако с величайшим интересом вместе со всеми спутниками осматривал достопримечательности Египта. Пребывая в Египте, Русская Иерусалимская Миссия продолжала научную работу. Разбор древних рукописей, описание интересных обрядов церкви апостола Марка, различные зарисовки поглощали всех. О. Порфирий, увлекшись работой, иногда забывал о своем недуге, который у него не прекращался.

Одной из целей этой поездки в Египет было сильное желание русских иноков, о. Порфирия и о. Феофана, видеть колыбель христианского

монашества — места подвигов преподобных Павла Фивейского и Антония Великого. Это благое намерение они и исполнили, предприняв тяжелое путешествие по пустыне. Так как монастыри, основанные начальниками иноков, в это время принадлежали к Коптской церкви, то весь состав Миссии посетил в Каире коптского Патриарха Петра, который для путешествующих дал рекомендательное письмо игуменам монастырей. Большое впечатление, усугубляемое тяготами трудного пути, произвело обозрение этих обителей великих подвижников. Из Египта вся русская дружина отправилась на Синай. И в Египте, и на Синае о. Порфирий, как трудолюбивая пчела, старался собрать разные сведения, которые потом проверял и систематизировал. Около полугода продолжалось путешествие, а после его окончания (17 августа 1850 г.) уже в Иерусалиме о. Порфирий трудился над разными рукописями. Особое его внимание привлек Codex Sinaiticus, который он старательно изучал.

Над текстом этой книги о. Порфирий работал долго. Еще в Синайском монастыре он сначала сделал описание ее, а потом начал изучение, продолжив его в Иерусалиме. На этот древний список Священного Писания о. Порфирий смотрит весьма отрицательно. «Утомляет меня Синайская библия, — замечает он. — А замечательна она как образец порчи Священного Писания, наипаче Новозаветного»²¹.

Так прошли несколько лет жизни Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Научными же вопросами о. Порфирий занимается все время и даже тогда, когда началась Крымская война. Немного больше, чем за неделю до отъезда из Иерусалима, он подробно практически изучал коптскую литургию.

Между тем наступили тяжелые дни. Началась Крымская война.

От австрийского консула о. Порфирий узнал о войне и о том, что консул Базили из Бейрута уезжает в Ливорно. Скоро и сам Базили сообщил об этом архимандриту. Русский вице-консул Марабутти тоже должен был покинуть Палестину. Покровительство над русскими поручалось консулу Австрии. Перед о. Порфирием встала дилемма, что должен предпринять он: уезжать или оставаться. Долг послушания и дисциплины говорил о необходимости продолжать пребывание в Иерусалиме, но великие трудности предчувствовал начальник Миссии. Оставаться они должны были среди враждебно в большинстве своем настроенных во время войны жителей Иерусалима, козни католиков и французского консула будут усиливаться, плюс ко всему Миссия не имела достаточных денежных средств. Колебания о. Порфирия окончились принятием решения пока продолжать жить в Иерусалиме сначала до ноября, а затем до января 1854 года.

Несмотря на тяжелые обстоятельства войны, в Миссии продолжалась нормальная жизнь. После начала войны о. Порфирий сдал патриаршему наместнику Архангельский монастырь и освободился от должности попечителя школ Патриархата.

День отъезда русских из Иерусалима турки назначили на 17 апреля, но, задержавшись некоторое еще время, наша Миссия 8 мая 1854 года, сердечно распрощавшись с святогробскими отцами, вынуждена была выехать из Иерусалима, а 11 мая покинула Святую Землю.

Так закончилось пребывание Русской Духовной Миссии около Святого и Живоносного Гроба Господня, продолжавшееся без малого шесть лет. Отъезжая из Иерусалима, о. Порфирий в своих размышлениях как бы подводит итог своей деятельности:

«Завтра чуть свет я выеду из Св. Града. Мое дело кончено здесь. С греческим духовенством я ладил так, что Патриарх Кирилл поручил мне заведывание всеми православными училищами в Палестине и патриаршей школой в Крестном монастыре. Из числа этих училищ девичье в Иерусалиме и отроческие в Рамле и Лидде открыты и упрочены моим усердием и умением. А бедные церкви в нескольких селениях получили

от меня церковные облачения. Туземное арабское племя я за уши тянул к светлому верху. По моему настоянию помещены в патриаршей школе юные туземцы, дабы со временем они послужили наставниками детей в их родных селах. Беднейшие жители Вифлеема ежегодно получали от меня денежные пособия три раза: пред Рождеством Христовым, пред Пасхою и в Успеньев день; и в эти три праздника разговлялись уже не как прежде — не травкою, сваренною в воде без молока и мяса. Абиссинцы, сириано-яковиты и копты видели во мне своего заступника. Армяне уважали меня. Латинам я был не по нутру. Англиканский епископ Гобат чуждался меня, но и я не хотел знакомиться с ним, потому что мне весьма не нравилось воровство его, а воровал он православные души и загонял их в свою кирку, в которой даже нет Распятая, а стоят две черноамраморные скрижали с десятью заповедями, как будто он раввин, а не епископ. От местных магометан мне не было ни малейшего оскорбления; напротив, они всегда раскланивались со мною любезно. Архангельский монастырь, где мы жили и трудились, был подобен улью, в котором каждая пчела выработывала коя свой мед, коя свой сот. Приятно так жить. Приятно будет и воспоминание о таком правильном, содружественном и, смею сказать, общепользном житье»²².

Путешествие нашей Миссии на Родину было через Италию. В Риме, где были подробно осмотрены достопримечательности, архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан были на аудиенции у папы. Этот визит впоследствии много повредил о. Порфирию в Петербурге, так как посещение папы не было согласовано с высшим церковным начальством. Из Рима через Вену и Варшаву Миссия 2 октября 1854 г. прибыла в Петербург.

Расставаясь с первой нашей Иерусалимской Миссией, все же хочется еще раз отметить благородство и труды всех ее членов, заброшенных в далекую чужбину и забытых своим начальством. Они впервые прокладывали путь к возвышению значения Русской Православной Церкви на Востоке.

*Возрождение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме
после Крымской войны и ее жизнь под управлением епископа
Кирилла и архимандрита Леонида (Кавелина)*

Крымская война окончилась для России печально.

«Война эта была завершением всей предшествующей истории наших отношений к православному Востоку, когда Россия была исключительной и преобладающей покровительницей христианских подданных Турции. Она же открыла собою историю новых, совсем иных отношений к православному Востоку, где мы должны были отказаться от всяких преимуществ и преобладания и действовать наравне и сообща со всеми другими представителями христианской Европы...

Одним из первых действий русского правительства было учреждение официальной Духовной Русской Миссии в Иерусалиме. Учреждению Миссии предшествовал обстоятельный доклад министра иностранных дел императору»²³.

«В настоящее время, — писал министр, — всякая полумера не только не принесет пользы, но даже послужит ко вреду нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, уронив ее достоинство... Необходимо определить настоящую цель Миссии, прежде нежели послать ее для того, чтобы она могла быть полезна Востоку, ибо на прежнем основании ей уже трудно будет оставаться в Иерусалиме...

Наша цель, наше стремление должны состоять в примирении враждующих племен Востока, ибо русских здесь равно любят и грек, и араб, ему единоверный, не говоря уже о славянах, и даже иноверные латины и армяне, копты, сирийцы и халдеи охотно сближаются с ними, чуж-

даясь греков, как закоснелых своих врагов... Мы должны примирять враждующих и поддерживать арабов, чтобы их не завлекли в унию благоденствия латинов».

Далее доклад повествовал, что в настоящий момент Иерусалимский Патриарх живет в Константинополе, а у всех инославных исповеданий в Иерусалиме есть свои не только епископы, но и патриархи — латинский, униатский, армянский. Даже протестантов возглавляет епископ. Необходимость и русским возглавить свое духовное представительство начальником в сане епископа подтверждалась соображениями, что приезд русского епископа на Восток должен был бы произвести «сильное, благодетельное впечатление не только в Иерусалиме, но и в Царьграде, потому что там еще никогда не видели архиерея русского, ни великолепных обрядов нашего богослужения...

Благолепие богослужения особенно необходимо нам в Иерусалиме, ибо сей святой град есть центральный духовный пункт не только всего Востока, но и Запада, на который устремлено внимание всей Европы и откуда наша Миссия может иметь благодетельное влияние на соседние патриархаты и Синай»²⁴.

Доклад оканчивался мнением, что в Палестине наша Миссия должна будет завести больницы и оказывать благотворительность населению.

23 марта 1857 года этот доклад был утвержден императором, и таким образом Русская Духовная Миссия в Иерусалиме снова получила бытие. Порта признала официальное существование Духовной Миссии нашей в Иерусалиме.

Всего естественнее было бы снова послать начальником Миссии архимандрита Порфирия. Ведь он был знаток и Палестины, и всего Востока. За свое пребывание там он освоился с местными обычаями и нравами населения. К тому же, да это, пожалуй, могло быть и главным залогом его успеха, он пользовался некоторыми симпатиями святогробского и даже неправославного духовенства и иерусалимских жителей. Его приезд сразу же мог дать положительные результаты для упрочения положения официальной нашей Миссии. Да и он сам горел желанием послужить интересам православия в Св. Земле. Казалось, иного выбора не могло быть. К тому же архимандрит Порфирий проживал в Петербурге и определенной должности не имел. Но на деле получилось не так. Произвол обер-прокурора Св. Синода графа Толстого все повернул иначе. Подходя к важному вопросу о Иерусалимской Миссии не с церковной, не с государственной, а с какой-то своей личной ханжеской точки зрения, Толстой решил, что архимандрит Порфирий недостойн такого высокого назначения. Очень интересна и причина такого отношения к человеку, столь потрудившемуся уже в Палестине. Граф Толстой был лично предубежден против о. Порфирия. Это предубеждение основывалось, во-первых, на том, что еще много лет назад во время службы о. Порфирия в Одессе он пользовался некоторым благоволением начальника края графа Воронцова, а Толстой, сменивший на этом посту Воронцова, был очень не расположен ко всему «воронцовскому». Другая причина обер-прокурорской немилости заключалась в «вольномудстве» о. Порфирия, в котором его подозревали и ранее в Синоде. Одним из проявлений этого «вольномудства» у о. Порфирия при жизни на Востоке было то, что вкушал мясную пищу. По поводу такого, с позволения сказать, обвинения о. Порфирий с горечью замечает в дневнике: «Меня судит Толстой, и за что же? За то, что вкушал скоромную пищу там, где нет ни рыбы, ни грибов, ни ягод, и где святые апостолы учили, что пища не поставляет нас пред Господом.

Ни слабость моего здоровья, ни дарования и познания мои, ни труды и заслуги мои, ни ходатайство обо мне нескольких сановников, изумленных фарисейством Толстого, — ничто не уважается. Вкушение нескольких капель скоромной похлебки там, где более нечем питаться, признано величайшим преступлением. И кто судья мой? Кто порицает меня и тех иерар-

хов, с которыми я разделял трапезу в Св. Граде? Мирской человек, который не понимает различия между заповедью и обычаем, который суд свой ставит выше рассуждения многих, но который, к несчастью, имеет власть распинать. Боже! Прости ему, ибо не знает, что творит»²⁵.

Несмотря на то, что первенствующий член Синода Петербургский митрополит Григорий поддерживал кандидатуру о. Порфирия, он в Иерусалиме назначен не был.

В результате соглашения Министерства Иностранных Дел и обер-прокурора Синода начальником Иерусалимской Миссии был назначен архимандрит Кирилл (Наумов) с возведением в сан епископа.

3 ноября Русская Духовная Миссия, возглавляемая епископом Кириллом, отбыла из Петербурга в Святую Землю.

Первая Иерусалимская Миссия при архимандрите Порфирии состояла из четырех человек, и на ее содержание отпускали семь тысяч рублей, эта же Миссия включала в себя одиннадцать человек, а ей дали средств только вдвое больше, чем первой. Сразу же при отъезде Миссии из Петербурга можно было наверняка сказать, что каких-либо больших результатов на Востоке от нее не будет, потому что слишком слабая конкуренция получится с богатыми католиками и протестантами.

При тяжелом финансовом положении не легче было у нашей Миссии и с кадрами. Сотрудниками Преосвященного Кирилла были назначены иеромонах Ювеналий (Половцев) и иеромонах Леонид (Кавелин). Далее в штате Миссии состоял иеродиакон Евкарпий и шесть певчих. Незадолго до отъезда по ходатайству Преосвященного Кирилла к штату Миссии был прибавлен еще один иеродиакон²⁶.

В инструкции, данной второй нашей Иерусалимской Миссии, еще в большей степени замечается тот самый недостаток, какой был свойствен и инструкции для Миссии архимандрита Порфирия. Инструкция предъявляла Миссии задачи и требования решительно не соразмерные с средствами и крайне малым составом Миссии. В самом деле, Миссия должна была поддерживать добрые отношения с греческим духовенством, инославными христианами и армянами, действовать преимущественно на арабский элемент, притесняемый греческим, заботиться всеми средствами о проявлении русского богослужения в Иерусалиме, дабы возвысить оное на Востоке. Следуя примеру Западной Церкви благодетельствовать местной пастве посредством богоугодных учреждений, милостыни и просветительных мер и, наконец, распространять подобную свою деятельность даже на всю Палестину, Сирию, Синай и Египет²⁷. Принимая во внимание особое представительское значение епископа в Иерусалиме, а также ограниченный по своему иерархическому положению круг деятельности иеродиаконов, выходит, что весь Восток от Нила до Евфрата поручался энергии двух иеромонахов, усердных к делу Божию, но весьма болезненных. Для благотворительности среди многих тысяч православных христиан Востока Миссия не имела ничего, кроме жалования своих сотрудников.

Разбирая события, связанные с возрождением нашей Миссии в Иерусалиме, невозможно не коснуться чрезвычайно важного вопроса, а именно — канонического взаимоотношения двух церквей — Иерусалимской и Русской. Восьмое правило Первого Вселенского Собора определяет взаимоотношение предстоятелей Церквей так, что один не должен вмешиваться во внутренние дела другого. Посланничество во главе Русской Миссии в Иерусалим епископа Святейшему Синоду необходимо было согласовать с главой Сионской Церкви. Такое соглашение было необходимо как с канонической стороны, так и с точки зрения простой вежливости. Для Министерства Иностранных Дел, учреждавшего Миссию, каноны Церкви были безразличны. Договорившись с турецким правительством, Иерусалимского Патриарха не сочли даже долгом заранее поставить в известность о возобновлении Миссии, а он должен был предоставить Миссии и

место для жительства и храм. Позднее с горькой обидой Патриарх Кирилл высказывался, что епископ Кирилл был принят только по приказанию Порты²⁸.

Испросить благословения Иерусалимского Патриарха, который не только ценил нашу первую Миссию и лично архимандрита Порфирия, но и был для нее настоящим благодетелем, было нетрудно, так как он проживал тогда в Константинополе и наш Синод при помощи Посольства мог бы это сделать весьма легко.

Говоря о нетактичности России при посылке в Иерусалим Русской Духовной Миссии, один из авторов по этому вопросу замечает, «что каноничности и братского взаимоотношения Церквей не могли или не хотели знать кн. Горчаков или граф Толстой еще до известной степени понятно, но как это допустил митрополит Филарет и остальные члены Синода, уже необъяснимо. Может быть, и им просто было приказано»²⁹.

Весь состав Миссии тронулся в путь из Петербурга через Москву в Одессу, а Преосвященный Кирилл получил разрешение заехать к себе на родину в Калугу, а затем посетить епископа Макария (Булгакова), жившего в Тамбове.

10 декабря на пароходе Русского Общества Пароходства и Торговли «Церера» Миссия отбыла из Одессы и при благоприятной погоде 14 декабря корабль бросил свой якорь около Константинополя.

Целый месяц пробыла Миссия в турецкой столице. Это время не пропало напрасно. Нужно было установить личные дружественные связи с двумя патриархами — Константинопольским и Иерусалимским, пребывавшим там, а также и другими восточными иерархами.

Неоднократно посещал епископ Кирилл Иерусалимского Патриарха, с которым даже обсуждал и практические вопросы об устройстве и богослужении нашей Миссии и об улучшении быта паломников. Патриарх обещал сделать соответствующие распоряжения о том, чтобы Преосвященный Кирилл мог служить на св. местах всякий раз, когда пожелает, только при этом Патриарх просил Владыку Кирилла соблюдать в Иерусалиме некоторые местные обычаи (не надевать митры на Голгофе, не носить цветные рясы, а только черные и т. д.).

По прибытии в Иерусалим 31 января 1858 г. Русская Духовная Миссия поселилась в специально для нее построенном доме, где не пришлось жить архимандриту Порфирию с братией, но сам дом так и назывался «дом архимандрита Порфирия».

Для постоянных богослужений нашей Миссии был предоставлен храм Архангельского монастыря, где и начались частые архиерейские службы, на которые всегда ходило много народу.

Поскольку вся основная деятельность Миссии должна была направляться на укрепление православия, то необходимо было иметь добрые взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией. Эти отношения, как мы видим, сначала стали складываться очень хорошо и все говорило за то, что они будут и далее сердечными и дружественными, однако они стали несколько обостряться.

Не все греки были сторонниками сближения с Россией. Одни боялись, что возвышение Русской Духовной Миссии поведет к ослаблению авторитета Иерусалимской Патриархии, другие открыто говорили о своих политических симпатиях в пользу Запада. Одной из причин недоброжелательства греков могло быть и то обстоятельство, что пожертвования в пользу Св. Гроба стали идти через Преосвященного начальника Миссии. Греки, видимо, боялись потери своих доходов. Окружение Патриарха Кирилла, возможно, прониклось таким настроением и оказало на него влияние. Позабыв свое благорасположение при расставании в Константинополе с начальником Русской Духовной Миссии, Патриарх Кирилл летом 1858 года неожиданно прибыл в Иерусалим. Сразу же после его приезда почувствовалось, что отношение его к Миссии только сдержанно-вежливое. При-

чем иногда даже бывали и открытые выпады против Миссии и ее начальника.

Помимо высказываний вслух разных неудовольствий и нареканий на Миссию, Патриарх Кирилл решил вести наступательные действия, чтобы делом дать почувствовать ненужность Миссии в Иерусалиме. Так, он вызвал к себе ректора Халкинского училища для устройства в Палестине православной школы и тем самым попытался изолировать от такого важного дела Миссию и епископа Кирилла.

«К счастью, в самом непродолжительном времени отношения между Иерусалимским Патриархом и Русской Духовной Миссией настолько изменились к лучшему, что Преосвященный Кирилл мог значительно успокоиться относительно своего будущего служения на Востоке и оставить свои прежние намерения о совершенном отделении Миссии от Патриархии»³⁰.

Трудно сказать, что повлияло на Блаженнейшего Кирилла, когда он оставил свои подозрения и стал более сердечным к нашей Миссии. Вероятнее всего, что особых объективных причин здесь не было, а на него могло подействовать обаяние личности епископа Кирилла. Его ум, чуткость и такт, а также стремление «к более тесному сближению с сим иерархом в тех чувствах взаимной приязни и уважения, которым счастливое начало положено было в Константинополе»³¹. Немало послужила сближению двух Кириллов и их беседа в начале сентября 1858 г. Тема беседы была о русских паломниках. Вопреки ожиданиям точки зрения святителей совпали. Это еще более убедило Патриарха, что русский архиерей не вмешивается в дела Патриархии, а объективно смотрит на вещи. За все дальнейшее пребывание Преосвященного Кирилла в Палестине у него с главой Иерусалимской Церкви не было никаких конфликтов. Мало того, оба Кирилла очень близко сошлись между собой. Епископ Кирилл стал ценить Патриарха, и в 1862 году по его представлению и ходатайству Патриарх был награжден орденом св. Александра Невского, а его заместитель митрополит Мелетий — орденом св. Владимира 2-й степени³². Когда же настали для Преосвященного Кирилла тяжелые дни, то Патриарх Кирилл был усердным ходатаем за него. Когда добрые отношения установились с Патриархом, то и все прочее иерусалимское духовенство перестало чуждаться Миссии.

Более оживленные непосредственные сношения установились у Миссии с Патриархатом Антиохийским.

Преосвященный Кирилл в первый же год своего служения на Востоке решил лично посетить пределы Антиохийского Патриархата, что и сделал в промежуток времени между 9 ноября и 23 декабря 1858 года.

Все виденное в Сирии и знакомое уже в Палестине глубоко поражало Преосвященного Кирилла.

Храмы, училища и другие богоугодные заведения были часто в убогом, заброшенном состоянии, но самое стремление создать все это свое, православное, народное, чтобы избежать услуг католических организаций, было отраднo, а архиереи и пастыри Сирии в стремлении к совершенствованию своих учреждений не отталкивали от себя русской помощи. И Преосвященный Кирилл старался жертвовать на Божие дело по мере своих материальных возможностей. С его помощью была построена церковь в Тире, где ее раньше не было, а православие там при отсутствии церкви почти исчезло. Для Селевкийского митрополита был построен дом. Устроена школа в Триполи, где усиленно развивалась протестантская пропаганда. Многим церквям и школам были розданы пособия, и в бейрутском училище на средства Миссии был нанят преподаватель катехизиса, чтобы сохранить учеников в православии и дать им больше познаний отеческой веры. Пожертвования были сделаны в монастыри Патриархата, в которых были насельники — мужской Белементский и женский Седнайский.

И впоследствии Преосвященный Кирилл часто посылал деньги в Дамаск, чтобы имеющийся там русский консульский представитель употреблял их для соответствующих пожертвований³³. Кроме денег, в Сирию посылались и книги и иконы для нужд церквей³⁴. Уже из Иерусалима Преосвященный Кирилл послал в подарок архиерейское облачение и митру митрополиту Тиро-Сидонскому Герасиму, которого считал полезным архипастырем для дела воссоединения униатов³⁵.

Преосвященному Кириллу хотелось устроить особое училище в Дамаске. Для этой цели он купил там дом. Помимо училища, Преосвященный Кирилл имел желание открыть в Дамаске как бы филиал иерусалимской нашей Миссии. Эта мысль была очень удачна. Если бы в Дамаске было наше постоянное, хотя бы самое небольшое церковное представительство, то члены Миссии могли бы быть весьма полезными для влияния на православных. В Петербурге к этому предположению Преосвященного Кирилла отнеслись безразлично, а в доме вместо представителей Миссии поселился русский консул. Присутствие нашего консула в Дамаске было также необходимо. Дом этот вскоре сожгли фанатики-мусульмане, но турецкое правительство возместило Миссии все убытки³⁶.

Подобно о. Порфирию, Преосвященный Кирилл во время этого своего путешествия пришел к глубокому убеждению, что до тех пор, пока греки держат в своих руках всю власть в патриархатах, существенных улучшений церковной жизни там не может быть.

История показала правильность суждения Преосвященного Кирилла. Не прошло и полувека после этого высказывания, как Антиохийская Церковь сбросила ненавистное всем греческое ярмо. С тех пор она продолжает жить полнокровной церковной жизнью, великолепно обходясь без чужеземных опекунов.

После окончания путешествия епископа Кирилла по Сирии не оканчиваются его тесные сношения с Антиохийским апостольским престолом. Наоборот, они скоро сделались еще более тесными и непосредственными в деле воссоединения сирийских униатов-мелхитов с Православной Церковью.

Уния на Востоке имела успех благодаря неприязненным отношениям греческого духовенства и арабской паствы. Почти все униаты исповедывали православные догматы, в церквах были те же обряды, что и у православных. Только национальная вражда к грекам удерживала униатов Сирии вне Православной Церкви.

В 1858 году папским повелением в униатской церкви был введен новый, грегорианский календарь для всех церковных праздников. Многие униаты не приняли этого решения папы. Они образовали особую партию, называемую «восточные». Во многих униатских селах жители стали высказывать мысли о воссоединении с Православной Церковью.

В это время в Сирию приехал епископ Кирилл. Всеобщий подъем с проявлением дружественных чувств русскому епископу, который был вырван при встречах Преосвященному Кириллу, захватил и униатов. Они также устраивали торжественные и трогательные приветствия епископу Кириллу, и среди них начались серьезные разговоры о воссоединении с православием. Спротивление униатов новому стилю настолько глубоко захватило их, что униатский Патриарх Климент отказался от своей кафедры и удалился в монастырь, никого об этом даже не предупредив. Целые общины стали обращаться к нему с требованием не вводить в их храмах новый стиль, угрожая при этом, что старостильные священники силой будут вводимы в храмы³⁷.

В деле воссоединения сами униаты были только одной стороной. Была еще греческая иерархия, которая должна была высказать свое суждение по этому жизненному вопросу. Почти с первых шагов движения воссоединения Патриарх Антиохийский Иерофей фактически устранился от этого дела. Все, что касалось униатов, он передал епископу Кириллу.

Сам Патриарх Иерофей потерял доверие униатов, когда стал отказываться от некоторых своих обещаний, которые он давал ранее. Возобновилась греко-арабская национальная вражда, и униаты заявили, что все они воссоединятся с православием, но на непременном условии, что они не будут в подчинении греко-антиохийского патриарха, а перейдут в ведение русского Святейшего Синода. Много пришлось употребить энергии Преосвященному Кириллу, чтобы убедить руководителей униатов в том, что их желание неканоничное, следовательно, и неисполнимое.

О желании униатов воссоединиться с Церковью стало известно в Петербурге.

В обстоятельном отзыве Московский митрополит Филарет считал, что после воссоединения униаты должны образовать самостоятельную церковь, возглавляемую митрополитом. В основание своего мнения митрополит Филарет брал 8-е правило III Вселенского Собора. Единство этого митрополита с Кафолической Церковью должно было впоследствии заключаться в том, что после своего избрания он должен был посылать известительные грамоты предстоятелям поместных церквей.

С высказываниями митрополита Филарета о независимости и автокефальности униатов-мелхитов после воссоединения согласиться нельзя. Ведь не допустил бы митрополит Филарет существования отдельной православно-старообрядческой церкви в России, если бы раскольники-старообрядцы на таком условии захотели воссоединения с церковью, потому что это было бы неканонично.

19 февраля 1860 года Иерусалим посетил глава египетских мелхитов архимандрит Гавриил Джибара. Он приехал в Иерусалим из Сирии, где узнавал мнение сирийских собратьев. Встреча архимандрита Гавриила с Преосвященным Кириллом была, можно сказать, решающей в последующем обращении униатов в Православие.

Отправившись в Сирию для личных переговоров с униатами, Преосвященный Кирилл уяснил, что униаты отрекаются от всех католических догматов и установлений, а своей символической книгой будут считать православный катехизис, изданный Патриархом Мефодием на арабском языке.

Вскоре после посещения Сирии Преосвященным Кириллом, 23 октября 1860 г. представители униатов, ищущих соединения, подали четырем восточным патриархам в Константинополе условия, на которых они хотели быть принятыми в Церковь. Главным образом требовалось, чтобы в сирийских церквях всегда были епископы и священники из местных арабов-христиан. 9 ноября общим собором четырех патриархов и членов Константинопольского Синода эти условия были одобрены, а 26 ноября Хури-Ханна и архимандрит Гавриил Джибара от имени пяти тысяч униатов перед четырьмя патриархами — Иоакимом Константинопольским, Каллиником Александрийским, Иерофеем Антиохийским и Кириллом Иерусалимским, перед собором архиереев и перед множеством народа прочитали свое отречение от католичества и его измышлений (главенства папы, Filioque и умаления канонических постановлений Церкви) и засвидетельствовали свое исповедание Восточного Православия, как его догматов, так и канонов³⁸. Этим закончилось дело по возвращению в лоно Православной Церкви сирийских униатов.

Без лишних комментариев видно, что если бы Преосвященный Кирилл не принял здесь самого деятельного участия, то все дело имело бы гораздо большие осложнения, могло бы далее затянуться и еще не известно, состоялось ли бы вообще.

Взаимоотношения Преосвященного Кирилла с католиками продолжали оставаться все время на том же уровне, что и при его приезде. С монахами францисканского ордена он все время ладил. До самого его отъезда из Иерусалима францискане неизменно хранили свое расположение к епископу Кириллу, а, следовательно, и к Русской Духовной Миссии.

С Патриархом Валергой хороших отношений ожидать было невозможно, т. к. при воссоединении сирийских униатов Преосвященный Кирилл и Валерга стали на прямо противоположных полюсах. Епископ Кирилл совершал путешествие в Сирию, чтобы ускорить процесс возвращения заблудших в недра Матери-Церкви, Валерга также неоднократно ездил в Сирию, чтобы принять все меры к удержанию униатов в римской ограде. Надо думать, что эти два представителя своих церквей взаимных симпатий не питали и хорошей взаимной памяти друг о друге не оставили.

Интересен, между прочим, тот факт, что за время управления Миссией Преосвященным Кириллом было несколько обращений в православие из католичества (два мирянина в 1862 году, аббат Пинелли и францисканский монах Константин)³⁹.

Никаких данных не имеется у нас о том, в каких отношениях наша Миссия была с англиканским епископом. Надо полагать, что особенной теплоты с обеих сторон не было. Ведь еще к о. Порфирию англиканский епископ относился более чем сдержанно. Он как бы избегал и игнорировал Миссию. То же отношение, нужно думать, было и к новому составу Миссии, возродившейся после Крымской войны. Тем более, что внешних факторов, способствующих улучшению взаимоотношений, не было. Весьма вероятно, что участие епископа Кирилла в делах по возвращению в Церковь некогда отпавших ее членов приятным для англиканского проповедника не было. Случаи перехода из протестантизма в православие через посредство русского епископа и нашей Миссии, надо полагать, тоже не были радостью для этого пропагандиста своего учения.

Во время пребывания в Миссии Преосвященного Кирилла очень интересное событие совершилось в Англиканской Церкви. Два англиканских епископа и множество пресвитеров направили восточным патриархам и Св. Синоду послание, в котором заявили, что «епископы и пресвитеры, находящиеся в Англии, Шотландии, Ирландии, и все причисляющиеся к их обществу, заявляют, что они в корне осуждают миссионерскую деятельность англиканского иерусалимского епископа, направленную к прозелитизму, на отторжение в англиканство от Православной Церкви ее чад». По их мнению, это является нарушением постановления архиепископа Кентерберийского от 1841 года, когда основывалось Иерусалимское епископство. Вообще, это послание было написано в таком тоне, как будто между православием и англиканством нет ни малейшей разницы. Деятельность своего иерусалимского коллеги они называют соблазном среди братьев и стараются уверить православных, что все его действия суть лишь личный произвол, а не акты от лица Англиканской Церкви⁴⁰.

Много прошло времени с тех пор, и это время показало, что подобные заверения были пустым звуком, ибо протестантская пропаганда ни на минуту не ослабляла деятельности по уловлению в свои сети простодушных и малодушных. К слову не лишне сказать, что в 1957 году произошла реформа управления Англиканской Церковью на Востоке. Иерусалимский епископ получил титул архиепископа и митрополита всех англиканских церквей в Сирии, Ливане, Египте, Судане, Ираке, Иране и во всех остальных местах Ближнего и Среднего Востока, где имеются англикане. Тогда же была учреждена кафедра викарного епископа, и епископом был рукоположен араб⁴¹. Это показывает, что англиканский прозелитизм и британское влияние не думали и не думают сложить оружие в борьбе за человеческие души и за свое влияние.

С армянским духовенством и духовенством других исповеданий, пребывающих в Св. Земле, деловых сношений у Русской Духовной Миссии при епископе Кирилле не было, но со всеми неуклонно поддерживались дружба и доброе соседство. Помимо укрепления дружественных связей с внешним миром Русская Духовная Миссия задалась деятельностью, направленной на улучшение условий жизни для своих соотечественников, которые пришли в Палестину, чтобы поклониться святым местам.

Для многочисленных наших богомольцев Миссия часто устраивала богослужения на церковнославянском языке. Сам епископ Кирилл нередко принимал участие в таких богослужениях. Для посещения святых мест организовывались караваны паломников, во главе которых иногда был епископ Кирилл⁴².

Русской Духовной Миссии приходилось заниматься духовным окормлением паломников и приходскими требами для них — крестить и венчать⁴³.

Бывали случаи, когда благочестивые паломники по благословию Св. Синода были в Иерусалиме постригасмы в евангельский чин⁴⁴.

Иногда приходилось епископу Кириллу заниматься делами, которые к духовной деятельности и не относились. Такими делами были или помощь в оформлении необходимых документов для отъезда паломников в Россию, или принятие участия в делах паломников, потерявших свои деньги или обворованных, или в подобных житейских невзгодах. Иногда русские люди и из других заграничных мест присылали просьбы о помощи⁴⁵.

Забываясь о телесных нуждах паломников и выполняя волю пославших, наша Миссия учредила небольшую больницу даже с хирургическим кабинетом⁴⁶, но вскоре после устройства больницы перешла в ведение русского иерусалимского консула по предписанию Министерства Иностранных Дел⁴⁷.

Кроме устройства больницы, Преосвященный Кирилл для облегчения жизни паломников на миссийские средства нанимал отдельные дома, чтобы размещать в них тех, кому не хватило места в греческих монастырях.

Таким образом, епископ Кирилл при малом составе Миссии вел большую работу по поддержанию общения со многими церковными организациями, материально поддерживая православное и инославное духовенство, устроил больницу, производил различные расходы на паломников, устраивал школы в православных деревнях и т. д.

В 1858 году в Иерусалиме было учреждено русское консульство, создано агентство «Русского Общества Пароходства и Торговли» (РОПИТ), которое должно было в известной мере заботиться об интересах русских паломников в Палестине, и возник, кроме того, в Петербурге так называемый «Палестинский Комитет». Все эти три учреждения должны были помогать одно другому, а на самом деле занялись борьбой с Миссией, как с учреждением церковным. Дело затруднилось для Миссии еще и тем, что возглавление консульства и агентства общества Пароходства соединилось персонально в лице управляющего консульством Доргобужинова.

Было ясно, что Петербург не мог примириться с тем, что Русская Церковь в лице умного и независимого архиерея представлена в Иерусалиме, что где-то Церковь вышла из общей системы подчинения светской власти. Поэтому постарались снова поставить церковное учреждение в подчиненное государству положение.

Столкновения с консулом у Преосвященного Кирилла начались счень скоро.

В апреле 1859 г. в Палестину прибыл великий князь Константин Николаевич — председатель Палестинского Комитета.

Петербургский посланец не отрицал, что смешение функций Миссии и консульства производит ненужные споры и соблазн. Было сделано разграничение обязанностей между тем и другим представительствами, и на долю начальника Миссии досталось вместо прежних широких полномочий «нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление Духовной Миссией, пастырское наблюдение за русскими поклонниками и всеми нравственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения русских богомольцев, передача консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников; к обязанно-

стям же консула должно было относиться все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление, приобретение земель и домов, все хозяйственное заведывание постройками, госпиталем на основании инструкций, которые он имел получить от Палестинского Комитета»⁴⁸.

Из перечисления обязанностей видно, что начальник Миссии потерял свое значение, т. к. все, что на основании инструкции 1857 года он должен был делать, перешло к консулу, за исключением чисто духовных вопросов, которых консул как светский человек не мог исполнять. В определении круга деятельности Миссии сбылось предчувствие о Порфирии (Успенского), когда еще перед отправлением епископа Кирилла из Петербурга он, может быть, зная о настроении в некоторых кругах, записал в своем дневнике, что наша Миссия назначается в Иерусалим, чтобы петь для наших паломников молебны, панихиды и обедни, а заниматься учеными изысканиями, изучать арабский и греческий языки, устраивать школы, украшать сельские церкви и заниматься благотворительностью ей не придется. Он тогда основывал свое предсказание на небольших материальных возможностях Миссии. Пусть из-за несколько других причин, но сбылось его предчувствие.

Изменив права епископа Кирилла, председатель Палестинского Комитета высоко оценил общую деятельность Преосвященного начальника Миссии. Благодаря такой оценке и соответствующим представлениям в Петербурге, Преосвященный Кирилл был награжден драгоценной панагией и орденом св. Анны I степени. Это подтверждает мысль, что все действия Преосвященного Кирилла были правильны. Однако Преосвященный Кирилл остался недоволен кругом своих обязанностей. Трения и далее имели место в его взаимоотношениях с консулом, они были результатом стараний Преосвященного Кирилла восстановить свое значение в Палестине и недипломатичных и неуклюжих действий русского дипломата Доргобужина, который иногда просто игнорировал Преосвященного Кирилла.

Результатом пребывания великого князя Константина Николаевича в Иерусалиме была покупка большого участка земли на запад от Дамасских ворот вблизи от иерусалимских стен на т. н. Мейдамской площади. После соответствующего оформления на купленной земле, которая и до сего времени называется «Москобией», или Русским Подворьем, стали воздвигаться сооружения для обслуживания паломников. В первую очередь 30 августа 1860 г. был заложен соборный храм во имя Св. Троицы.

После закладки храма стали строить и другие здания — большой двухэтажный дом для Миссии с храмом во имя св. муч. Александры в середине и четырьмя внутренними дворами и подворья для паломников. Подробно на этом строительстве мы останавливаться не будем, т. к. работы велись Палестинским Комитетом и Обществом Пароходства и Торговли, а наша Миссия от всякого участия в этом деле, где она была непосредственно заинтересована, совершенно устранена.

«К 1863 году устройство русских богоугодных заведений в Иерусалиме должно было закончиться. Возникал новый вопрос об управлении и заведывании вновь устроенными помещениями. Русский архиерей, стоявший во главе Иерусалимской Миссии, сильно стеснял тех, которые хотели бы заведывание поклонническими зданиями совершенно отделить от Духовной Миссии. Прежде только подразумевавшаяся мысль о неуместности назначения начальником Миссии епископа теперь впервые открыто высказывается.

Председатель Палестинского Комитета, ведавшего делом построения русских богоугодных заведений в Иерусалиме, в рескрипте на имя обер-прокурора Св. Синода выразил мысль, что необходимо «устранить» те затруднения, которые происходят от слишком высокого иерархического сана начальника Иерусалимской Миссии». Вместе с тем им было выражено же-

лание, «чтобы Преосвященный Мелитопольский получил другое назначение, а Духовная Миссия поставлена была бы под начальство благочестивого и способного архимандрита»⁴⁹.

Надо сказать, что в Св. Синоде, где весьма считались с мнениями Московского митрополита Филарета, смотрели на дело епископа Кирилла, как на справедливую защиту интересов Церкви. Просматривая доклад Преосвященного Кирилла о трениях с Обществом Пароходства и Торговли, где он высказывал мысли о ненормальном положении пребывания в Иерусалиме, неморском и неторговом городе, агентства Общества, митрополит Филарет склоняется к признанию правоты в словах начальника Миссии.

«Что делает или хочет делать пароходное общество? — спрашивает мудрый святитель и тут же отвечает: — Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не больше ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу Пароходства и Торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество Пароходства и Торговли имеет в своих руках и забывается, как бы и впредь в большом количестве получать их в свои руки»⁵⁰.

Общее настроение в Св. Синоде было в пользу Преосвященного Кирилла, и в этот раз его перемещение в Россию не состоялось.

Потерпев поражение, недруги Преосвященного Кирилла успокоились не надолго. Прошло несколько месяцев, и в мае 1863 года в Министерство Иностранных Дел поступило сообщение иерусалимского консула Карцева, которым он официально ставил в известность Министерство о личной жизни Преосвященного Кирилла. Не приводя конкретных фактов, Карцев больше сообщал слухи о соблазне, вызываемом в Иерусалиме поведением епископа. Кроме этого, консул утверждал, что пребывание епископа Кирилла в Иерусалиме вредно для Русской Православной Церкви, т. к. он потерял свою самостоятельность и сделался послушным и безвольным орудием в руках греков, которые используют его связи в Константинополе и в России.

Кляузный доклад Карцева из Министерства Иностранных Дел был представлен императору, который высказал, что оставить Преосвященного Кирилла на прежней должности невозможно. Судьба епископа была решена. Св. Синод в своих заседаниях 19 и 21 июня (1864 г. — Автор) постановил уволить Преосвященного Кирилла от должности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и назначить его в распоряжение архиепископа Казанского (за неимением в тот момент вакантной архиерейской кафедры) с назначением его управлять Казанским Спасо-Преображенским монастырем.

В тех же заседаниях Синода было определено, что для начальствования в Иерусалимской Миссии нужно избрать архимандрита.

На освободившееся место начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме постановлением Св. Синода 23 ноября 1864 г. был назначен из Оптиной пустыни с возведением в сан архимандрита иеромонах Леонид (Кавелин), тот самый, который в 1858 г. вместе с Преосвященным Кириллом в звании члена Миссии прибыл в Иерусалим и пробыл в нем около года.

В указе о назначении иеромонаха Леонида начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме говорилось, что Св. Синод считает нужным заменить полностью весь штат Миссии. В Иерусалим были назначены иеромонахи Иоани и Гедеон (из Смоленской и Воронежской епархий), а также иеродиакон Арсений, бывший тогда при Петербургской Духовной Академии. Регентом миссийского хора был назначен певчий придворной певческой капеллы Сергей Вознесенский⁵¹.

Как путешествовал архимандрит Леонид с братией по суше и морю до Иерусалима, у нас не имеется сведений. Знаем только, что 12 мая 1864 года они прибыли в Иерусалим. Вскоре после приезда архимандрит

Леонид сдал Патриархии церковь Архангельского монастыря, которая до этого была миссийским храмом. Можно полагать, что такая поспешная передача была не совсем хорошо продумана, т. к. своя церковь (в здании Миссии) хотя и была достроена, но не была еще освящена, поэтому и члены Миссии вынуждены были служить где придется. В этом нарушалась традиция, к которой уже привыкли паломники, что при желании они могли ежедневно молиться за русским богослужением. Этот недостаток был непродолжительное время. К приезду архимандрита Леонида постройка здания Миссии с домовою церковью была закончена. Новый начальник Миссии поселился сразу в своем доме.

Торжество освящения первого русского храма совершилось 28 июня 1864 года. Освящение собора было отложено на неопределенное время. В основном, постройка собора была окончена⁵². Но по особому распоряжению предполагалось окончить отделочные работы в соборе после соответствующего сбора пожертвований.

Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме имеет очень мало документов о деятельности в Иерусалиме архимандрита Леонида. Обычное духовное окормление паломников, редкие пострижения в монашество, как и при епископе Кирилле, получение разных пожертвований — вот обычные дела Миссии в это время⁵³.

О просветительной работе Миссии известно только, что архимандрит Леонид оказывал денежную помощь школе для арабов, которую организовала близ Иерусалима в деревне Бет-Джала прибывшая из России некая г-жа Бедрова. Впоследствии на базе этой школы была устроена Палестинским Обществом учительская женская семинария.

Ввиду отсутствия в архиве Миссии данных, говорящих о деятельности архимандрита Леонида, трудно судить об управлении им Миссией. Ясно только одно, что он не смог установить дружеских отношений ни с Патриархией, ни с консулом, ни с братией Миссии. Роль начальника Миссии в данной ему инструкции была очерчена довольно ясно. Он мог быть недовольным инструкцией, но высказывать ее он был обязан, как свое послушание. Братия Миссии, его непосредственные помощники были настроены против своего начальника. Возможно, что это объясняется несколько замкнутым и тяжелым характером архимандрита Леонида.

13 апреля 1865 г. Иерусалимский Патриарх Кирилл прислал в наш Св. Синод свою грамоту, в которой говорилось, что архимандрит Леонид ведет себя беззаконно и бесчинно, чем возбуждает всеобщее недовольство паломников, и просил заменить его другим лицом⁵⁴.

На это послание 25 июня 1865 г. был направлен из Петербурга ответ от имени первенствующего в Синоде митрополита Петербургского Исидора. В этом ответном послании, в частности, говорилось, что «сей муж, по отречении от мира долгое время с несомненным достоинством проходивший монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством, в короткое время пребывания его в Иерусалиме подвергся обвинению в бесчинном и беззаконном поведении, впрочем без определенного указания: кем он обвиняется, какие позволил себе беззаконные действия и подкреплены ли обвинения законными доказательствами»⁵⁵.

Нельзя согласиться с мнением архимандрита Киприана, который старается показать в этом случае архимандрита Леонида каким-то героем⁵⁶. Патриарх Кирилл, защищавший епископа Кирилла, не стал бы напрасно нападать и на другого начальника Миссии, тем более, что начальник в сане архимандрита должен был сразу вызвать большие симпатии греков, чем архиерей.

Указом от 16 июля 1865 г. архимандриту Леониду предписывалось сдать «в возможно непродолжительное время дела, имущество и суммы Миссии» архимандриту Антонину (Канустину), в то время настоятелю посольской церкви в Константинополе.

Отец Антонин Капустин пробыл в Миссии около тридцати лет. По продолжительности своего пребывания и по направлению своей деятельности он существенно отличался от предшественников, поэтому необходимо посвятить ему особый раздел нашей работы.

Архимандрит АНТОНИН (Капустин) и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме под его управлением

11 сентября 1865 года о. Антонин прибыл в Св. Град. Чувство глубокого умиления испытывал он, вступая в Иерусалим. Не чувствовало, вероятно всего, тогда его сердце, что в Иерусалиме будет его последний вздох на земле, а окрестности Иерусалима — местом последнего и вечного покоя.

Трудные и тяжелые времена переживала наша Русская Миссия в Иерусалиме, когда переступил ее порог будущий начальник о. архимандрит Антонин. Враги и недоброжелатели Русской Церкви и ее успехов в Палестине, православные и инославные, чужие и даже свои торжествовали, добившись громадного успеха, который — по меткому замечанию о. Антонина — «Гоббату (протестантскому епископу — миссионеру Палестины. — Автор) и К^о и во сне не мог привидеться», а именно удаления из Палестины русского епископа Кирилла, человека образованного, твердого в своих убеждениях и энергически настойчивого в деле, за которое он принимался. «В Иерусалимской Кирилловской истории, — говорит о. Антонин, — мы перенесли совсем незаслуженно не одно искушение. Нас оболгали, осмеяли те, кого мы беззаветно поили, кормили и на руках носили»⁵⁷. Намек делается в сторону высшего иерусалимского духовенства. Но не следует упускать из внимания тормозы и со стороны своих русских — русского иерусалимского консула, и так называвшегося Палестинского Комитета, которым весьма и весьма мешал слишком «высокий иерархический сан начальника иерусалимской миссии» и которые напрасно мечтали, что создавшиеся в Палестине «затруднения» исчезнут, когда «духовная миссия» будет поставлена под начальство благочестивого и способного архимандрита.

Прежде всего о. Антонин стал налаживать взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией, поскольку его предшественник отчасти разбился об этот камень.

Сразу после своего приезда в Иерусалим о. Антонин ищет пути к сближению с греками и находит их. В своих отношениях с Иерусалимской Патриархией о. Антонин избирает для себя одно средство — признание канонического преимущества в Иерусалиме за Патриархией и воздание ей должного уважения. Действуя так, о. Антонин быстро сходится с греками, завоевывает их сердца, а с патриархом Кириллом у него завязываются близкие сердечные отношения. Святогробцы уже перестают бояться о. Антонина, и взамен неприязни развиваются отношения полного доверия. В подтверждение этого можно сослаться на то, что патриарх Кирилл 3 августа 1868 г. наградил о. Антонина крестом с частью Животворящего Древа⁵⁸.

Можно предполагать, что дружба с греками существовала бы у о. Антонина долго, но начавшиеся церковные нестроения обострили ее и испортили. Поводом к этому послужил болгарский церковный вопрос, закончившийся продолжительной схизмой.

Из всех восточных патриархов только один Иерусалимский Кирилл отказался подписать осуждение болгарам. Он уехал в Палестину, чтобы, по совету с местным духовенством, представить свое мнение патриархам.

Отцу Антонину поручалось послом Игнатьевым употребить все возможное влияние на патриарха Кирилла, чтобы он остался тверд в своем мнении⁵⁹.

В Иерусалиме Патриарх Кирилл, когда начал обсуждение болгарского вопроса в своем Синоде, подвергся жесточайшим оскорблениям от святогробского братства, в котором господствовал дух панэллинизма. Греческое духовенство в Палестине не только не поддержало отношение своего главы к болгарскому вопросу, но весь Синод постановил лишить кафедры Блаженнейшего Кирилла. Сначала ему был дан ультиматум — или до захождения солнца он подпишет осуждение болгарам, или он будет лишен престола. Патриарх Кирилл поступил по велению своей совести, и с тех пор этот блаженный святитель должен был покинуть Иерусалим и до конца дней жить в изгнании⁶⁰.

Изложение Патриарха Кирилла было неканонично и незаконно, но воинствующий эллинизм в восточных патриархатах не проронил ни одного звука в защиту осужденного, и избранный святогробским Синодом архиепископ Газский Прокопий был всеми признан как законный Патриарх.

Русская Духовная Миссия получила официальное извещение об избрании нового патриарха 15 января 1873 года. Миссия в лице своего начальника о. Антонина сразу дала понять Патриархии незаконность этого избрания. Патриархия чувствовала, что симпатии русских всецело на стороне низложенного патриарха. Взаимная неприязнь у Миссии с Патриархом Прокопием была во все время его пребывания на патриаршей кафедре.

Патриарх Прокопий жаловался в наш Синод на непоминовение его имени в миссийских церквах. По этому случаю от 5 августа 1874 г. о. Антонину был послан специальный указ, в котором говорилось: «Подтверждаем Вашему Высокопреподобию, чтобы Миссией в отношениях своих к Иерусалимской Патриархии и подведомому ей духовенству строго выполнялось все то, что требуется по церковным законам и постановлениям местного правительства, и чтобы при богослужениях неопустительно возглашалось патриаршее имя по чиноположению церковному»⁶¹.

Правление Патриарха Прокопия не было длительным, и его постигло низложение. На его место святогробский Синод выбрал представителя св. Гроба в Смирне Иерофея (1875—1882 гг.). В начале патриаршествования Патриарха Иерофея наши отношения с Патриархией, казалось бы, несколько улучшились, хотя и продолжали быть сильно натянутыми, а к концу 80-х годов снова обострились.

Преемник Иерофея Патриарх Никодим был весьма настроен против о. Антонина еще в России. Это могло произойти вследствие того, что у о. Антонина было много недоброжелателей в Петербурге в сферах, прикосновенных к палестинским делам. Это предубеждение сохранялось и в Иерусалиме, причем с личности начальника оно перешло на всю Миссию. Мнение это может подтвердиться перепиской о. Антонина с Патриархом.

Как известно, в Петербурге не считали Миссию правомочной вмешиваться в дела паломников. Эта задача в запутанном виде стояла перед консулом и Палестинским Комитетом. Этого же мнения придерживались и Блаженнейший Никодим. За то, что миссийские священнослужители совершали богослужения вне Миссии для паломников, патриарх подвергал их запрещению в священнослужении⁶². Чинились всевозможные придирки, чтобы показать, что патриарх является не только в духовном отношении главой всех православных, но имеет вообще власть над Миссией. Так беспорочно прослуживший более 30 лет в священном сане священник Анисимов был запрещен в священнослужении за то, что, вернувшись в Иерусалим из отпуска, проведенного в России, он не явился сразу к патриарху⁶³.

Подобные случаи повторялись. На требование Патриарха Никодима прислать ответ на одно из его извещений о запрещении в священнослужении членов Миссии перомонаха Парфения и неродиакона Виссариона за совершение отпевания одной русской паломницы, о. Антонин вынужден

был писать главе Иерусалимской Церкви, чтобы на будущее прекратить незаконные выпады против духовенства Миссии, следующее: «Русская Духовная Миссия, вверенная в настоящее время моему управлению, снабжена высочайше утвержденной инструкцией, налагающей на нее неотменный долг исполнять все церковные «требы» пребывающих во Св. Земле поклонников русских. В силу сего положения члены ее и совершают Св. Таинства и другие священнодействия, установленные Православной Церковью, над русскими поклонниками.

Если Ваше Блаженство знаете что-нибудь последовавшее со стороны Российского правительства в отмену данной Духовной Миссии инструкции, благоволите почтить меня уведомлением о том для моего руководства в будущем. (Никакого, разумеется, изменения в инструкции не было. — Автор.)

Излишним считаю распространяться словом о заявленном в «Отношении» Вашего Блаженства намерении Вашем подвергнуть каноническому наказанию членов вверенной мне Миссии, ибо кому же как не блюстителю Божественных канонов» знать, что епархиальные пределы Церкви нарушима и что, в случае чьей-либо погрешности, одной Церквью наказывать членов другой Церкви Божественные каноны не позволяют. Если в действии Русской Духовной Миссии окажется что-нибудь достойное наказания, она сыновне примет его от Святейшего Правительствующего Синода Всероссийского, которому на сей именно конец я спешу препроводить в копии досточтимое «Отношение» Вашего Блаженства»⁶⁴.

Такие натянутые отношения с патриархом Никодимом были у Миссии до самого его низложения.

С преемником патриарха Никодима, Блаженнейшим Герасимом, Миссия жила в большом мире и согласии.

Не менее сложен и важен для Миссии был вопрос об отношениях с консулом. Этот вопрос служил немалым преткновением для предшествующих начальников, особенно для архимандрита Леонида.

Спустя семь лет после своего назначения в Иерусалим, о. Антонин, изучивший уже полностью положение Миссии, снова высказывает мнение, что непрекращающаяся распря у Миссии с консульством зависит не от личности, а от положения вещей, которое однажды было названо «системой»⁶⁵.

Это определение вполне правильно, ибо шли годы, менялись консулы (их при жизни о. Антонина в Иерусалиме было три), но положение оставалось прежним.

Стараясь прекратить пагубное разделение среди своих соплеменников, о. Антонин дважды писал в Петербург и константинопольскому послу проекты о разделении сфер влияния в Палестине Миссии и консульства. Т. к. в столкновение чаще всего приходили по административно-хозяйственным вопросам, то о. Антонин предлагал разграничить русские владения и, в частности, русские постройки в Иерусалиме между этими учреждениями.

В Петербурге проекты оба раза попадали в руки Палестинской Комиссии, которая категорически отвергала их и считала, что в Иерусалиме все нормально.

Мнение относительно фатального действия «системы» подтверждает еще один выдающийся палестиновед того времени — В. Н. Хитрово.

По поводу всех неладов Миссии и консульства В. Н. Хитрово рассуждает так: «Главной помехой нашей деятельности было отсутствие точно определенных и верно очерченного круга деятельности наших представителей в Иерусалиме.

Кроме этой существенной причины, которая, конечно, не существовала, если бы наши светские представители хотя немного сознавали свои обязанности, следует заметить, что эти представители далеко были ниже своего призвания. Карцев, Кожевников и Илларионов, может быть, пре-

красные люди, отличные чиновники, даже примерные консулы в Неаполе или Салониках, но все они не отдавали себе никогда отчета в том, что Иерусалим иной город, чем Неаполь или Салоники. В Иерусалиме можно жить и действовать только умом или сердцем. К сожалению, они не жили ни тем, ни другим, переносили свои дипломатические замашки в Иерусалим и разыгрывали роль полных генералов от русских. Оттого один проводил дни и ночи в пировании с турецким пашоу, другой шил себе белый кепи с генеральским в ладонь галуном, наконец, третий после года пребывания в Иерусалиме не видел Иордана и на выраженное мною удивление ответил: «Что мне там делать?» Понятно, что не им было заняться улучшением нравственного быта наших поклонников, о котором они не имели понятия. Драгоманы, кавасы, наши богомольцы, отчасти греческое духовенство — все было у их ног, и если были люди, не склоняющиеся перед ними, то это были единственные представители нашей Духовной Миссии. Чувству мелкого самолюбия жертвовались интересы России.

Переходя к представителям нашей Духовной Миссии, должен прежде всего заметить, что даже враги их не могут отвергнуть ни их ума, ни их учности. Что касается до духовных дел, то, конечно, все они далеко превосходят в этом отношении представителей нашей светской Миссии и не им было преклонять голову перед консулом, презрительно отзывающемся об Иордане. Но и помимо этого я убежден, что на всем обширном пространстве Российской империи едва ли найдется более щекотливая, более тяжелая должность как настоятеля Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Как архимандрит он в иерархическом отношении стоит ниже последнего греческого епископа, а, зная, как, с одной стороны, в духовном ведомстве сильна иерархическая последовательность, а, с другой, как необразованно и грубо высшее греческое духовенство, становится ясным, как трудно ему поддерживать значение представителя православной Руси. Но этого мало. Суть так называемого арабского вопроса сводится к стремлению арабов иметь свою национальную иерархию. Россия вследствие собственной своей истории может быть только на стороне национальной церкви, по крайней мере к этой стороне лежат ее симпатии, их должен разделять представитель Русской Церкви. Между тем эти стремления, эти симпатии явно враждебны греческой иерархии. Пока на иерусалимском патриаршем престоле сидел покойный Кирилл, который хотя отчасти симпатизировал национальной церкви, положение было еще до известной степени сносно, иное оказалось при его наследнике, избранном противной партией.

Настоятель Русской Духовной Миссии оказался, с одной стороны, между молотом и наковальней, с другой — принужденным быть послушным секретарем людей, которые стояли гораздо ниже его в умственном развитии. Если к этому присовокупить неизбежное даже в монахе чувство собственного достоинства, неизбежную с духовным воспитанием известную угловатость, то понятно становится то невозможное положение, которое создано было Палестинским Комитетом для начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и требовать от сего последнего, все-таки человека, среди этих дряг и мелочей еще деятельного участия в заботе о нравственном быте паломников, было бы возлагать на него обузу выше сил человеческих. Что же касается до его помощников, то и в этом отношении что могут сделать 1 или 2 иеромонаха на 3000 поклонников?»⁶⁶.

«На опыте своей личной борьбы с Палестинской Комиссией и консульством о. Антонин пришел к прискорбному убеждению, что Церкви не дают и она не может самостоятельно управлять и работать в своей сфере. Но вместе с тем являлось и другое, еще более прискорбное убеждение, а именно, что и сама Церковь настолько привыкла постоянно опираться на государство, искать в нем не только защиту и поддержку, но подчас, и очень нередко, и инициативу и двигательный импульс, что невольно рождалось тревожное опасение того, что церковный аппарат страдает атро-

фией жизненных функций. Синодальный строй, увы, обессилил ее для жизненной борьбы. Слишком дорого стоил Церкви ее мезальянс с государством»⁶⁷.

Видя, что сложившиеся отношения с русскими государственными представителями парализуют всякую деятельность Миссии, пытливым умом о. Антонина находят сферу для приложения своих сил и способностей, благодаря которой значительно укрепилась в Палестине влияние и авторитет русских. Таким великим делом явилась покупка Миссией земельных участков вне Иерусалима.

Каким образом у о. Антонина возникла мысль о таких покупках, говорит его письмо к Б. П. Мансурову, в котором он бросает обвинение в том, что без всякой нужды Миссию хотели закрыть. Тут же говорится о реакции, с какой официальные представители «системы» сразу встретили и далее отнеслись к этой бесценной деятельности о. Антонина.

«Осмотревшись на месте и убедившись, что дело действительно ведется к этому жалкому концу (закрытию Миссии. — Автор), я, чтобы не столкнуться ни с кем ни на политическом (по сведениям, не подлежащим сомнению, в Азиатском Департаменте составилось мнение, что я добиваюсь (или присваиваю себе) политического значения в Палестине Духовной Миссии. Что сказать, чтобы не обидеть лиц, когда-то любимых? Видно, не у одного страха глаза велики!), ни на церковно-каноническом, ни даже на миссионерском поприще, ограничился одним чисто поклонническим значением своей Миссии и нашел способ путем территориальных приобретений и устройством в разных местах русских приютов поставить ее и крепче, и весче, и, пожалуй, даже блестяще, чем когда бы то ни было в другое время в Палестине. Могла простить мне это «система»? Я не дитя, чтобы поверить этому»⁶⁸.

Решив направить энергию Миссии по такому руслу, о. Антонин в 1868 г. покупает участок в Хевроне с Дубом Мамзрийским. Один из исследователей жизни о. Антонина так описывает приобретение этого участка:

«Огромный дуб с тремя широко разросшимися ветвями, выделяющийся своей величиной среди виноградников и маслин, с давних пор является объектом религиозного почитания местного населения именно как дуб Авраамов. Следует заметить, что арабское население Хеврона считалось всегда наиболее фанатическим из всех мусульманских племен Палестины. Непримируемость хевронских шейхов была общезвестной. Христиане проникают туда очень поздно и доньше в малом числе. Первым христианским просветителем, не убоившимся поселиться в Эль-Халиле (арабское название Хеврона), был наш о. Антонин.

После тщательных разведок на месте и серьезного размышления о. Антонин решился попытаться приобрести Дуб. Это решение поддерживал в нем и драгоман Миссии Я. Е. Халеби. Самый участок с библейским древом, сравнительно небольшой, принадлежал уже более 70 лет некоему Ибрагиму Шаллуди, получившему его в наследство от своего отца Османа...

На основании тщательного и осторожно собраных сведений являлась вероятностью предполагать, что Ибрагим не прочь будет продать даже и самую святыню. Трудность была только в формальности, как узаконить продажу. Конечно, нельзя было и думать о том, чтобы действовать открыто и законным путем купить Дуб на русское имя. Тут-то и оказал неоценимую услугу Яков Егорович (Халеби, драгоман Миссии. — Автор)...

После длительных и томительных переговоров, затягивать которые арабы такие мастера, комбинаций, предосторожностей, бесчисленных бакшишей, тоже столь необходимых в той среде, Шаллуди продал участок земли с Дубом Якову Егоровичу, на что был немедленно составлен законный владельческий акт («кушан») на его же, Якова Халеби, имя...

После этой сделки удалось купить еще несколько прилегающих к Дубу смежных владений и таким образом округлить нашу там усадьбу...

Ныне на этом обширном участке красуется прекрасный приют для паломников, сторожевая башня, две цистерны для дождевой воды — все это сооружения о. Антонина, не говоря уже о величественном новом храме, начатом постройкой в 1907 году при начальнике Миссии архимандрите Леониде (Сенцове) и освященном в 1925 году»⁶⁹.

Особо нужно остановиться на приобретении отцом Антонином двух участков, связанных с евангельскими повествованиями. Это ценнейшие участки земли на Елеонской горе и в Айн-Кареме, который древнейшим преданием отождествляется с Горним градом Иудовым.

С 1868 по 1889 г. отцом Антонином были куплены восемь участков на Елеоне, за которые было заплачено 20 тысяч франков. Вскоре после оформления акта купли-продажи началась постройка церкви, колокольни и домов. Елеонская гора, освященная вознесением Спасителя, уже давно привлекала к себе взор о. архимандрита Порфирия. Другой начальник Русской Духовной Миссии осуществил мечту архимандрита Порфирия о постройке русского храма на Елеоне. Отцу Антонину хотелось на Елеоне устроить мужской монастырь, однако недостаток средств задерживал не только организацию монастыря, но и возведение построек.

В 1877—1878 годы во время русско-турецкой войны отец Антонин вынужден был уехать из Палестины. Пробыв тревожное время в Греции, он вернулся в Иерусалим и приступил к продолжению строительства храма, т. к. в его отсутствие дело остановилось. В 1885 г. постройка церкви и ее штукатурка были окончены, и в том же, 1885, году было совершено освящение храма во имя Христа Спасителя. Греки не разрешили освятить храм в честь Вознесения. В 1886—1887 гг. окончились работы по устройству лестницы и решеток на колокольне, и с Елеона стал разноситься по окрестностям русский звон, который как бы вторил миссийским колоколам. Колокол для Елеона был отлит больший, чем миссийский, этот колокол из Яффы до Иерусалима наши усердные паломники везли своими силами. Колокольня Елеонского монастыря самая высокая в Палестине. Говорят, что о. Антонину хотелось сделать ее еще выше, чтобы, подъезжая на пароходе к Яффе, наши паломники в ясную погоду могли бы ее видеть, но турецкое правительство якобы не разрешило этого. Монастырь так и не удалось создать отцу Антонину. Это благое желание осуществилось уже после его смерти.

Не менее ценным приобретением, чем Елеон, была покупка земли в Айн-Кареме.

Вместе с землей о. Антонин купил и два дома. Вскоре после оформления купли-продажи на этом месте начинает устраиваться женская община монастырского типа.

Правила, какими регламентировалась жизнь общины, были утверждены Св. Синодом в 1898 г. Несомненно считая Айн-Карем Горним градом Иудовым, о. Антонин исходатайствовал в Св. Синоде установление особого праздника в память посещения Богоматерью своей праведной сродницы Елисаветы после Благовещения. Указом Синода от 5 августа 1883 г. определялось праздновать в Горненской общине особый день в память пришествия «в Горняя» Богоотроковицы и ее пребывания здесь в течение трех месяцев. Это празднование совершается 30 марта, если этот день не попадает на время от Лазаревой субботы до Пасхи. Иначе, празднование переносится на пятницу Светлой седмицы. Для службы этого горненского праздника о. Антонином были составлены особые стихиры и тропарь с кондаком. Канон на утрени в этот день положен благовещенский.

По указу Св. Синода служба в Горненский праздник должна совершаться вся по благовещенской главе Типикона, включая литургию св. Иоанна Златоуста⁷⁰. Митрополит Анастасий, глава Карловацкого раскола, отменил это распоряжение Св. Синода, и в праздничный день стали совершать литургию Преждеосвященных Даров. В 1956 г. начальник Мис-

сии архимандрит Пимен особым рапортом обратился к Святейшему Патриарху Алексию о восстановлении старинного синодального Указа. Святейший Патриарх это ходатайство удовлетворил, и теперь снова восстановлена старая традиция.

Так началась и доныне красуется, являясь одним из живописных уголков окрестностей Иерусалима, Горненская обитель, вся утопающая в зелени кипарисов, маслин и цветущих олеандров. Все деревья являются живыми памятниками неутомимого трудолюбия рабочих рук русских людей, преобразивших дикие и пустынные скалы Айн-Карема.

В 1868 г. о. Антонин в пригороде Яффы приобрел пустырь под названием «Дарбатейн Табита». Местное яффское предание связывает этот участок с местом последнего упокоения праведной Тавифы, воскрешенной апостолом Петром. В саду имеется часть древнего кладбища, где и предполагается гроб праведницы. Ежегодно в воскресный день, когда читается повествование из «Деяний св. апостолов» об этом событии, в неделю о расслабленном тысячи арабов со всей Палестины стекаются доныне на это место, чтобы здесь провести этот праздничный день. Другое празднование св. Тавифы бывает 25 октября (7 ноября н. с.), но этот день празднуется более скромно, и не бывает тогда такого многолюдства, как весной.

В 1884 году началась переписка с Петербургом по вопросу постройки церкви в Яффе, которая и была заложена в 1888 году в честь св. ап. Петра и св. праведной Тавифы. Этот чудный храм стоит на возвышенном месте, и до сих пор колокольня храма является самой высокой, недостижимой точкой в Яффе, Тель-Авиве и в их окрестностях. Белый иконостас этого храма был пожертвован Палестинским Обществом. Он является подарком о. Антонину ко дню 25-летнего юбилея его палестинского жития⁷¹.

Через некоторое время после покупки этого участка на нем стали высаживать деревья, был построен дом, где любил бывать о. Антонин. Скоро вся эта земля превратилась в цветущий сад, и по сей день русский сад в Абу Кабире (район Яффы, где наш храм и сад) — одно из красивейших мест в Яффе. Освящен храм был в 1894 году 16 января. Освящал его патриарх Иерусалимский Герасим в сослужении митрополита Петры Аравийской и архиепископа Иорданского⁷².

Служба св. Тавифе всегда правилась по общей Минес. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 29 декабря 1957 г. было постановлено «поручить Начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Никодиму составить проект службы в честь св. Тавифы»⁷³.

Начальство к этому большому делу о. Антонина (покупка земель) относилось неодобрительно. Прежде всего на это неблагоприятно смотрел благодетель о. Антонина граф Игнатъев, посол в Константинополе. В одном из своих писем он шуточно писал о. Антонину: «Спасибо, что в турецких владениях существует лишь одна Русская Духовная Миссия, а не несколько. Если бы было несколько «Духовных Миссий» или несколько приобретателей разных земельных углов, то, право, бежать пришлось бы из Турции — не туркам, а русскому представителю, да еще, пожалуй, православным иерархам, которым житья не будет от турецких и европейских подозрений. Шутки в сторону, а письмо Ваше, многоуважаемый и душевнолюбимый отец, меня как варом обдало. Если бы везде заваривались такие неожиданные «каши», как ваша «дубовая», то хоть в отставку подавай; во всяком случае брось политику и возись с разными муфтиями, бейями, пашами из-за ненужных России клочков земли, для незаконного приобретения которых тратятся напрасно (курсив графа) русские деньги»⁷⁴.

Если друг о. Антонина так относился к покупке земель, то что было говорить про Петербург, который вообще-то и к Миссии, и лично к о. Ан-

тону не особенно благоволил. С земельными приобретениями усиливались позиции Миссии, а этого не хотели в Петербурге.

Поэтому Петербург не только неблагоприятно смотрел на это, но даже запрещал о. Антонину покупать землю⁷⁵.

Такое отношение столицы, естественно, вызывало справедливое возмущение и удивление о. Антонина. Странно получилось, что все исповедания покупали земли в Палестине, а Россия, стремившаяся к покровительству Православию и к укреплению своих позиций, отрицательно смотрела на это из-за некоторых сомнительных дипломатических опасений.

До сих пор мы говорили об отношениях о. Антонина то с Патриархией, то с консульством, то, по вопросам земельных владений, с Петербургом. Все это часто и много огорчало начальника Миссии. Интересно теперь рассмотреть и внутреннюю миссийскую жизнь, отметить события, какие были внутри ее. Одним из выдающихся событий в Миссии за время пребывания в ней о. Антонина, на наш взгляд, было освящение 27 октября 1872 г. Троицкого собора, закладка которого так торжественно была совершена при епископе Кирилле.

Освящение совершил Патриарх Кирилл в сослужении с пресвященными Газским, Назаретским, Лиддским и Тивериадским. Вскоре после освящения собора ко дню Рождества Христова на колокольню Миссии был поднят большой колокол⁷⁶.

По мере своих возможностей, а они, как мы видели выше, были весьма ограниченными, о. Антонин как начальник Миссии помогал паломникам. Общее руководство всем паломническим делом от Миссии, как уже говорилось, было взято, но в Миссию часто обращались паломники различных званий со своими нуждами. Иногда просили оказать материальную помощь или содействие в различных обстоятельствах жизни. Паломники духовного звания часто обременяли начальника Миссии просьбами оставить их в Иерусалиме на службе в Миссии. Один из них, слепой иеромонах Феодосий из Борисоглебского Дмитровского монастыря, прожил в Миссии много лет почти как иждивенец. Если о. Антонин мог, то он всегда помогал всем, обратившимся к нему⁷⁷.

Бывали случаи, когда в Миссии с благословения Св. Синода совершали пострижения благочестивых паломников⁷⁸. С образованием же Горненской общины все паломники, желающие пострига, могли оставаться там для принятия монашества.

Ввиду длительного проживания многих паломников в Палестине, Миссия часто должна была служить для них приходским храмом, где совершались и крещения младенцев, и венчания, и погребения усопших⁷⁹. Приходилось оказывать паломникам и материальную помощь, хотя на это денег из казны совсем не отпускали⁸⁰.

По соглашению с архимандритом Палестинское Общество избирало одного из членов Миссии для проведения бесед и духовно-нравственных чтений с паломниками.

Миссия отзывалась на всякую нужду паломников. Так, однажды по просьбе консула, когда в Иерусалиме было множество больных и русская больница была переполнена, около 100 человек заболевших было помещено в доме Миссии⁸¹.

Нужно еще добавить, что в миссийских храмах, а особенно в величественном соборе, совершались торжественные богослужения на родном языке, которые доставляли паломникам много утешения во время пребывания в чужом краю. Паломники всегда чувствовали, что Миссия бескорыстно готова для них ко всякому проявлению заботы и внимания, принимая их, как своих родных чад, и платила Миссии и ее духовенству своей взаимной любовью и преданностью.

Отец Антонин просил Св. Синод увеличить расходную статью сметы для того, чтобы Миссия могла больше помогать школам и арабскому духовенству. Для этого испрашивалось две тысячи рублей. Св. Синод

отказал в просьбе, мотивируя это тем, что ввиду церковных нужд в самой России большое пособие сейчас дать невозможно, а небольшое пособие не даст больших результатов⁸².

Отец Антонин думал и о других местах Палестины. К нему, а не к кому иному, обращаются с просьбами об открытии школ жители Наблуса и Бетсахура, Яффы и Каны Галилейской, и даже заиорданского Керака, а также и других мест Палестины. У него просят содействия и помощи для православной школы в Бейруте. К нему обращаются за помощью и учителя. И никому не было отказа у благостного начальника Миссии. По мере своих возможностей он помогал образованию сирийских и палестинских арабов⁸³.

Не отказывал о. Антонин в просьбах и другим единовѣрцам. Когда в 1870 г. к нему обратилась Диярбекирская община болгар, то он помог им необходимыми книгами и церковной утварью⁸⁴.

Много расходов несла Миссия при о. Антонине. Интересно знать, каковы же были ее финансовые возможности и доходы?

По смете, утвержденной еще при епископе Кирилле, Миссии отпущали на все расходы 14 650 руб. Пробыв в Миссии 4 года, о. Антонин окончательно убедился, что этого недостаточно для нормальной жизни и просветительной деятельности Миссии. Тогда о. Антонин в 1869 году подал свой рапорт в Св. Синод об увеличении ассигнования на расходы начальника Миссии, которые шли на благотворения и поддержание образования в Иерусалиме и Палестине. В Синоде категорически отклонили этот рапорт и только потребовали уточнений, куда идут деньги из отпущаемых по смете сумм⁸⁵.

Двадцать лет в финансовой жизни Миссии не было никаких перемен. В 1889 году Палестину посетил брат императора великий князь Сергей Александрович. Он же был председателем Палестинского Общества. После своего возвращения в Петербург он обратился к обер-прокурору Синода Победоносцеву с письмом от 6 июля 1889 г. № 73, в котором писал:

«Во время последнего моего посещения Святой Земли я лично убедился в недостаточности личного состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в которую входят, кроме начальника, два иеромонаха и один иеродиакон.

Между тем круг обязанностей Духовной Миссии ежегодно увеличивается. Кроме постоянной службы в Троицком соборе на Русских Постройках, является ныне существенная необходимость в еженедельной службе в новосозданном храме св. Марии Магдалины, в храме Вознесения на Елеокской горе и в храме Казанской Божией Матери в Горнем, а в недалеком будущем предвидится сооружение еще двух церквей.

Испрошенное мною у Его Блаженства, Иерусалимского патриарха, разрешение на еженедельную русскую службу у Гроба Господня остается без исполнения именно ввиду того, что при нынешнем личном составе Духовной Миссии службу эту некому исполнять.

Наконец, нельзя оставаться равнодушным к тому недостатку духовного призрения, которое ощущают наши православные поклонники, и недостаток этот становится ощутительным по мере того, как улучшается их материальный быт.

Я прилагаю при сем проект нового штата Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, прося Ваше Высокопревосходительство поручить его внимательному рассмотрению, причѣм, однако, считаю необходимым приговорить, что показанное в оном число лиц едва ли может быть сокращено без ущерба для дела.

Общий ежегодный расход на Духовную Миссию нечислен по проекту в 30 000 рублей золотом: недостающую сумму Палестинское Общество, которое несет обязанности Палестинской Комиссии, находит возможным удалить из тех 30 000 рублей кружечного сбора, которые перешли ныне в его распоряжение»⁸⁶.

Просьба была немедленно уважена, и Миссии было ассигновано 30 тысяч рублей золотом. Безоговорочное увеличение штата Миссии не было результатом заботливого отношения к ее нуждам. Здесь играло роль только письмо близкого родственника царя. Вскоре после этого о. Антонин обратился в Св. Синод с просьбой о небольшом пособии для церквей в Горнем и на Елеоне, но ему отказали⁸⁷.

Петербург на деньги был скуп, и Миссии приходилось «торговаться» за малейший перерасход или с Синодом, или с Палестинской Комиссией⁸⁸. Только Палестинское Общество было щедрее в этом отношении. Часто бывало, что расходы, связанные с ремонтами храмов, хотя и с оговорками, но возмещались Миссии из Синода⁸⁹. Однако имели место и такие случаи, когда Миссии Петербургом разрешалось какое-либо благоустройство, но... на свои средства⁹⁰.

Синод часто отклонял просьбы о денежной помощи для Миссии, но некоторые архиереи от себя жертвовали Миссии деньги на ее святое дело. Например, митрополит Московский Иннокентий пожертвовал 300 руб. лично от себя и 500 руб. от Троице-Сергиевой Лавры, а митрополит Киевский Арсений — 556 руб. на приобретение Дуба Мамврийского⁹¹.

Единственной щедро дающей и неоскудевающей рукой была для Миссии рука русского верующего народа. Мы не будем называть всех имен и сумм, пожертвованных в Миссию, из-за невозможности все это перечислить, нужно только сказать, что пожертвования были самые различные от нескольких рублей до тысяч, жертвователями были представители буквально всех сословий России, проживавшие на всем ее необозримом пространстве до Якутии включительно. Жертвовали деньги, жертвовали и драгоценности, жертвовали и вещи, особенно жертвовали все необходимое для храмов⁹². Деньги посылались как начальнику, так и другим членам Миссии. Только благодаря такой широкой народной поддержке и можно было сделать Миссии и о. Антонину то, что было сделано.

Отношения Миссии с инославным миром во время о. Антонина были нормальными.

Эфиопскому монастырю в Иерусалиме о. Антонин оказывал небольшую финансовую помощь⁹³.

Одним из выдающихся событий из русской иерусалимской жизни были раскопки близ храма Гроба Господня, сделанные под руководством о. Антонина. По евангельским описаниям место распятия и погребения Спасителя было близ города, но за городскими стенами, т. к. на основании Ветхого Завета нельзя было устраивать кладбища в черте города, а только «вне стана». В настоящее время Гроб Господень оказался почти в центре Иерусалима. Недалеко от храма Гроба Господня был участок земли, на котором были торчащие из земли остатки древних колонн. Этот участок, принадлежавший коптскому священнику, был в 1859 году куплен Русским правительством для постройки здесь дома для консула. В 1860 году было решено консульский дом строить на приобретенном большом месте на Мейдамской площади. Купленная земля осталась без внимания, но об этом месте разные ученые говорили, что тут должны в земле храниться ценные остатки древности.

В 1883 году под руководством о. Антонина начались раскопки, которые подтвердили, что место распятия и погребения Христа было за городом. Этими раскопками были обнаружены древняя городская стена Иерусалима и порог судных врат, через которые, выходя из города, переступил Божественный Страдалец за грехи мира⁹⁴.

На месте этих раскопок был построен храм в честь св. Александра Невского⁹⁵.

Раскопки в Иерусалиме были продолжением научных занятий, которые вел о. Антонин в течение всей жизни. Где бы он ни был: в Греции, на Афоне, на Синае, в Иерусалиме и т. д. — он всюду пылливо изучает древ-

ности. Большую переписку ведет о. Антонин с научными учреждениями. Благодаря своим трудам он становится почетным членом как академии, так и различных научных обществ. Множество дипломов его, хранящихся в архиве Миссии, до сих пор красноречиво говорят об этом.

Вот как описывает проф. А. Дмитриевский жизнь о. Антонина в иерусалимские годы:

...«в своем изолированном положении, предоставленный сам себе, он не сидел сложа руки, но весь день и большую часть ночи посвящал неустанному напряженному труду. Двери его келлии с раннего утра до позднего вечера не закрывались; рано утром он принимал туземцев — арабов, решая их споры, давая полезные советы, оказывая им материальную помощь предметами первой необходимости и деньгами. Их сменяли учителя и учительницы основанных им школ, члены Миссии, испрашивая его советов и распоряжений, каждую минуту свободно и доверчиво шли к нему русские паломники: сановники, купцы и крестьяне, богатые и бедные, стараясь найти у него разрешение волновавших их недоуменных вопросов, и о. Антонин подолгу и охотно беседовал с каждым, чем успел многих из них привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему в том деле, которому он отдался всей душой. Только поздним вечером он оставался один, но не одиноким: друзьями его и собеседниками были любимые им книги. В это время до позднего часа ночи он сидел то над какой-либо старинной рукописью или фолиантом, то вел ученую археологическую работу, то корреспондировал в газеты и к частным лицам, то, вооружившись лупой и имея под руками капитальные нумизматические издания, напрягал все усилия своего зрения над чтением какой-либо старинной римской или греческой монеты (о. Антонин был страстный нумизмат), то удалялся на устроенную им над Миссией обсерваторию, чтобы провести несколько времени, изучая дивную твердь небесную с ее неисчислимым разнообразием светил, то садился за свою «повесть временных лет», поверяя ей думы, чувства, мысли и впечатления прожитого трудового дня и таким образом давая будущему историку нашего времени весьма ценный материал для характеристики, то, наконец, вооружившись иглой, штопал свою ветхую рясу и дырявый чулок... Шум савовара на столе и «любимое питье дальней отчизны» — чай, вот что составляло непремненное дополнение в его кабинете при этой его вечерней работе...

После такого делового дня нередко рано утром его видели уже выезжающим с русских построек в сопровождении своего верного драгомана Якова Халеби, как говорили шутники: «в разъезд по епархии», т. е. для обозрения каких-нибудь построек, земельных участков, любимого Бет-Джалского приюта или приютов в Хевроне, Горней, в Иерихоне и в других местах... И так прожил в Св. Земле незабвенный о. архимандрит целых 28½ лет, трудясь изо дня в день, не зная отдыха»⁹⁶.

В 1894 г. была закончена церковь св. ап. Петра и прав. Тавифы в Яффе саду. Освятить ее приехал сам Патриарх Герасим, и о. Антонин, разумеется, при этом (16 января) сослужил ему. Тут-то, по-видимому, он и заболел разлитием желчи. В марте он уже почти не вставал с кровати. Чувствуя приближение кончины, он вызвал к себе своего духовника, настоятеля лавры св. Саввы, иеромонаха Анфима и 18 марта был им напущен в будущую жизнь. 19 марта в присутствии консула нашего С. В. Арсеньева о. архимандрит Антонин изложил в духовном завещании свою последнюю волю:

1. Синоду он передавал все земельные имущества и печатные книги своей библиотеки;

2. Миссии — музей древностей;

3. Эрмитажу — найденный им при раскопках бюст Ирода Великого (копия его хранится сейчас в археологическом кабинете Московской духовной академии. — Автор);

4. Киевской духовной академии — телескоп Секретана, а другой, меньший, брату Михаилу Ивановичу, жившему в Перми и также большому любителю астрономии;

5. В Далматовский монастырь — наперсный крест;

6. Святому Гробу — панагию с сибирскими камнями;

7. Кафедральному собору в Перми — другую панагию;

8. Публичной библиотеке в Петербурге — собрание рукописей греческих и южно-славянских, но с условием, чтобы за них было выплачено 5000 руб. Русскому Посольству в Константинополе с тем, чтобы оно их обратило на постройку церкви муч. Антонина в Ангоре (Анкира), где он и пострадал;

9. Свою «повесть временных лет» — 19 больших тетрадей в 4 долю листа его дневников, изо дня в день водимых с 1841 года, он завещал Синоду, но с тем, чтобы для печати ими воспользоваться было можно только через 40 лет после его смерти⁹⁷.

24 марта в 2 часа пополудни о. игумен Вениамин, старший член Миссии, стал читать отходную над угасавшим о. Антонином. В 4 часа ударил к вечерне под Благовещение. Больной спросил: «К чему это звонят?»...

А через некоторое время протяжный и заунывный звон колоколов возвестил Иерусалиму, что о. архимандрит закончил свой страннический путь по лицу земли и душа его пошла «в путь вся земли».

Так закончилась жизнь самого выдающегося деятеля Русского Православия в Иерусалиме и на Востоке.

Русская Духовная Миссия от смерти о. Антонина до войны 1914 года

Весть о смерти о. Антонина поставила Св. Синод в затруднительное положение: надо было назначать нового начальника Миссии, а подходящего кандидата не находилось. Это было неудивительно. Ведь почти 30 лет во главе иерусалимской Миссии стоял о. Антонин. В Петербурге вообще мало думали о Миссии, а поскольку дела в ней шли нормально, не было никаких причин для проявления к ней интереса. О ней как бы забывали в Синоде. И вдруг о. Антонина не стало. После этой тяжелой для Миссии утраты Св. Синод поручает настоятелю Симонова монастыря в Москве архимандриту Арсению выехать в Иерусалим, чтобы временно управлять делами Миссии и принять все богатое наследство, которое оставил Иерусалимской Миссии о. Антонин⁹⁸. Тем временем в Синоде подыскивали кандидатуру нового начальника Миссии.

Во второй половине апреля архимандрит Арсений был уже в Иерусалиме. Свою деятельность по временному управлению Миссией он начал с того, что по описям, составленным представителями Миссии и Генеральным консульством сразу после смерти о. Антонина, принял в заведывание все имущество Миссии, находящееся на разных миссийских участках, и стал знакомиться с бумажными делами покойного. Всю переписку о. Антонина, согласно распоряжению из столицы, следовало переслать в Св. Синод.

В архиве Миссии сохранилось только несколько документов, связанных с пребыванием архимандрита Арсения в Иерусалиме. Эти документы показывают, что временный исполнитель обязанностей начальника Миссии чувствовал себя временным жителем Иерусалима, руководил только текущей жизнью постольку, поскольку это было необходимо для поддержания в ней определенного порядка, чтобы потом, передав все дела постоянному начальнику, преемнику незабвенного отца Антонина, возвратиться в Москву.

Новым начальником Миссии был назначен постановлением Св. Синода 16 июля того же 1894 г. настоятель Саровской пустыни игумен Рафаил. По определению Св. Синода игумен Рафаил был возведен в сан архимандрита Петербургским митрополитом Палладием в начале августа.

При назначении на должность начальника Миссии архимандриту Рафаилу предписали принять все имущество по описям и озаботиться пополнением Миссии достойными иноками⁹⁹.

Взаимоотношения архимандрита Рафаила с Иерусалимской Патриархией были равными. Нет никаких свидетельств о близости и дружбе с греками в то время, но не было также никаких и неприятностей.

Интересен факт, что в 1894 г. к Патриарху Герасиму через русских консулов в Мельбурне и в Иерусалиме обратилась община православных греков и сирийцев из Мельбурна в Австралии о присылке туда священника из Иерусалима. Патриарх Герасим определил туда иеродиакона Иосифа, который потом отказался ехать в Австралию из-за того, что прислали мало денег на дорогу. Православная община в Мельбурне решила тогда обратиться с просьбой о священнике в Св. Синод в Петербург. По ходатайству архимандрита Рафаила в Австралию был назначен член Миссии иеромонах Нифонт, владеющий арабским языком, а сама церковь подчинена ведению Петербургского митрополита. По случаю назначения на самостоятельную должность за границей иеромонах Нифонт был награжден золотым наперсным крестом¹⁰⁰.

Вследствие неосмотрительности русского Генерального консула в Иерусалиме Арсеньева, поездка была задержана¹⁰¹, и потом эта зависимость Мельбурнской церкви от Российского Св. Синода не сохранилась, о чем свидетельствует в своей книге прот. Мальцев¹⁰².

В отношениях архимандрита Рафаила с консульством за все время его пребывания в Иерусалиме не было никаких эксцессов. Все было спокойно с обеих сторон при соблюдении разных официальностей, вежливости и т. п.¹⁰³

Вопрос об обслуживании паломников, как мы уже знаем, был всецело в руках Палестинского Общества. Однако некоторая путаница в этом вопросе продолжала оставаться. Так, когда новый консул Яковлев посетил некоторые участки Миссии, где останавливались паломники, то потом делал замечания, предложения и ставил на вид архимандриту Рафаилу разные отрицательные моменты в обслуживании паломников. Предложения его были требовательны, как исходящие от власти имущего лица. Некоторые его замечания касались чисто внутренних миссийских дел.

Это лишний раз показывает, что в Петербурге, откуда только приехал Яковлев, все же не было ясности в функциях Миссии и Палестинского Общества.

Из различных работ по благоустройству Миссии за время начальствования архимандрита Рафаила нужно отметить устройство в Миссии канализации в 1895 г. и ремонт Троицкого собора, церкви св. Марии Магдалины и здания Миссии¹⁰⁴.

В годы правления архимандрита Рафаила на миссийских участках в Горнем и на Елеоне шла застройка земли домами. Первое время на Елеоне не было запрещенно строить дома и мужчинам — паломникам и духовенству, но постепенно преобладание переходит к женскому полу, что послужило потом (1907 г.) основой для учреждения там женской общины.

Для Горненской общины, устроенной еще при покойном о. Антониче, летом 1898 г. Св. Синодом определенным за № 2699 были утверждены руководственные правила. 21 пункт этих правил охватывают приблизительно всю жизнь общины. Для большей ясности приводим текст первых шести правил. Вот они:

«1) Горненская женская община состоит в подчинении и послушании начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, который есть ее непосредственный начальник и покровитель.

2) Сестрами Горненской общины признаются русские подданные, владеющие домом или частью дома в ограде общины на основании законно составленного заявления (по форме, приложенной в конце сих правил).

3) Все наличные сестры в заранее определенном по благословению

начальника Духовной Миссии собрания избирают 5 кандидатов, из которых начальник Духовной Миссии назначает одну — старшей сестрой, другую — ее помощницей и третью — заведующей ризницей, о чем и доносит Святейшему Синоду.

4) Старшая сестра заведует внутренним порядком, хозяйственной частью и общей столовой общины. Одна она по делам общины сносится непосредственно с начальником Духовной Миссии.

5) Помощница заступает место старшей сестры в случае ее отсутствия, болезни или смерти и исполняет все те поручения, которые будут возложены на нее старшей сестрой.

6) Заведующая ризницей имеет наблюдение за ризницей общины, которую принимает и сдает не иначе как по описи, а также печется о благолепии церкви»¹⁰⁵...

В 1895 г. Яков Егорович Халеби по распоряжению архимандрита Рафаила и на его деньги купил для Миссии участок земли на Елеонской горе, граничащий с прежними покупками Миссии. Этим округлялось владение Миссии на Елеоне¹⁰⁶.

В 1898 г. архимандритом Рафаилом была куплена небольшая пещера в Силоаме рядом с прежним участком.

За все время, проведенное архимандритом Рафаилом в Иерусалиме, завещание о. Антонина о его наследстве в основном оставалось невыполненным. И библиотека, и древности, и все остальное лежало еще в Иерусалиме. Только мраморная «голова Ирода» была отправлена в Эрмитаж в 1898 г. Впрочем, ответственность за выполнение воли покойного несло Русское Консульство в Иерусалиме, а не Миссия¹⁰⁷.

На основании архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме трудно судить, как расценивало начальство деятельность архимандрита Рафаила, но, судя по тому, что он не получал никаких награждений за это время (орден св. Анны в 1896 г. в этом случае нельзя считать, т. к. коронационные награждения были обычно многочисленными и без строгого учета служебной деятельности), а также принимая во внимание его переписку с В. Н. Хитрово¹⁰⁸, скорее всего нужно думать, что деятельность отца архимандрита Рафаила успешной не считали. Это подтверждается и внезапным окончанием пребывания архимандрита Рафаила в звании начальника Миссии в Иерусалиме.

В марте 1899 года он подал прошение в Св. Синод о предоставлении ему разрешения приехать в Петербург для деловых свиданий и разговоров с высокопоставленными людьми, как он писал, «для разъяснения советами их некоторых затруднительных вопросов». Старшим в Миссии для церковных дел архимандрит Рафаил предлагал оставить иеромонаха Мину, а в делах хозяйственных — иеромонаха Серафима.

Рассмотрев это прошение, Св. Синод определил: уволить архимандрита Рафаила от должности начальника Миссии с возвращением его в Россию и о дальнейшей его служебной деятельности иметь суждение по прибытии его в Петербург.

Начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был назначен находившийся в столице на чреде священнослужения архимандрит Александр, настоятель Троицкого Калязинского монастыря Тверской епархии¹⁰⁹.

При архимандрите Александре окончательно разрешился вопрос о движении наследстве отца Антонина.

10 ноября 1899 г. архимандрит Александр получил отношение Палестинского Общества, в котором говорилось, что Общество предполагает летом следующего года командировать в Миссию опытного ученого для составления подробной описи библиотеки и музея древностей архимандрита Антонина.

Получив это отношение, архимандрит Александр написал 17 ноября письмо в Хозяйственное управление Св. Синода. Он просил разрешения

на составление описи и на принятие в Миссию музея, который был ей завещан, и библиотеки, завещанной Св. Синоду.

26 апреля 1900 г. из Синода последовал ответ, в котором говорилось, что обер-прокурор составление описей поручил профессору Московской духовной академии В. Н. Мышцину, командируемому в Палестину летом 1900 г. После составления описей архимандриту Александру поручалось принять имущество, причитающееся Миссии и Св. Синоду, в свое ведение.

23 июня 1900 г. профессор Мышцин прибыл в Иерусалим и во исполнение данного ему поручения принял от русского консула 30 июня библиотеку и 11 июля музей. 20 июля он окончил составление описей и сдал все архимандриту Александру под расписку. В то же лето из Миссии были посланы два телескопа о. Антонина: один — в Киевскую духовную академию, другой — в Палестинское Общество.

Профессор Мышцин должен был прислать в Миссию копии описей. До этого времени двери музея и библиотеки были снова запечатаны и открыты только летом 1902 года.

Восемь лет библиотека и музей были запечатаны. Неудивительно, что когда их открыли, то пришлось затратить много труда, чтобы ликвидировать грязь, пыль и моль, которая в обилии развелась там ¹¹⁰.

Библиотека о. Антонина, имеющая несколько тысяч книг, которой интересуются в Иерусалиме очень многие, и донныне составляет гордость Миссии.

Не замирала при архимандрите Александре и хозяйственная жизнь в Миссии.

В 1901 г. возник вопрос об устройстве каменных ограждений около всех миссийских участков. По законам Турецкой империи каждый хозяин земельного надела должен оградить его стеной. Отсутствие стены может быть прецедентом к оспариванию прав владельца.

Архимандрит Александр подробно донес обо всем требуемом в Хозяйственное управление. По его мнению, нужно было ассигновать около 186 тысяч франков для устройства настоящих хороших стен. Хозяйственное управление ответило на это представление, что оно не может, ввиду отсутствия средств, отпустить что-либо на это дело. В отношении Хозяйственного управления далее высказывалась просьба «найти для каменных стен финансовые возможности из миссийского бюджета, строить стены не сразу, а на протяжении ряда лет».

На это начальник Миссии с достоинством ответил, что Миссия давно этим озабочена, на ряде участков уже раньше были устроены каменные стены, а в текущий момент устраиваются в стенах сухой кладки прочные столбы в Иерихоне, в Хевроне и в Горнем. Потом эти столбы будут соединяться крепкой на извести стеной ¹¹¹.

При архимандрите Александре была переписка с Синодом относительно участка в Силоаме под названием Хакурет Уль-Баядер, или Улие. Этот участок представлял ценность тем, что на нем в скале была высечена древняя еврейская гробница, которая потом была переоборудована в христианскую церковь. В церкви сохранилась часть древней штукатурки с краской на ней и сирианская надпись.

Архимандриту Александру после оформления консулом документов на владение этим участком предписали из Синода принять в ведение эту пещеру и сохранять ее по возможности в нетронутом виде до тех пор, пока один из наших ученых палестиноведов не изучит ее. Но, судя по архиву Миссии, такого изучения так и не было сделано.

Жалование сторожам этого участка и бакшиши к Пасхе и 6 декабря выплачивались аккуратно, чтобы никто посторонний нечаянно или намеренно не повредил эту пещеру, как и другие русские владения, находящиеся вблизи. У сторожей был ключ от пещеры, и они поливали деревья, растущие тут же рядом ¹¹².

Новых земель архимандрит Александр не покупал. По поводу одного земельного владения на Елеоне, которое не хотел покупать о. Александр, он получил письмо от В. Н. Хитрово, где тот с неудовольствием писал: «Крайне скорблю, что Вы отказываетесь от переговоров относительно мусульманского места. Бесспорно, пока оно остается мусульманским, беды в этом немного, но не сегодня-завтра оно преспокойно перейдет, оттого что мы не хотели взять на себя немного о нем похлопотать, в руки латинян или протестантов. Будет ли тогда приятно, что они войдут к нам кляном — другой вопрос, и тогда уже дело будет непоправимо. При покойном архимандрите Антонине покупка этого участка была бы давно осуществлена, без его же любви к Русскому делу остается только смотреть на деятельность латинской и протестантской пропаганды и бесцельно на них жаловаться»¹¹³.

Финансовые возможности Миссии в этот период остаются теми же, что и раньше. По смете из столицы отпускается прежняя сумма для покрытия штатных расходов. На средства, отпускаемые только по смете, жизнь Миссии была бы невозможна. Но дающая рука православного народа не оскудела, по-прежнему Миссия получала различные пожертвования из России и деньгами, и вещами. Иногда эти пожертвования бывали малые, а иногда значительные. Жертвы шли или непосредственно в Миссию на усмотрение начальства, или предназначались к определенному русскому храму в Палестине. Пополняла свои финансы Миссия и за счет продажи свечей, кружечных и тарелочных сборов и т. д.¹¹⁴

Как видно из отчетности этого периода, доходность Миссии по внешним суммам все время возрастала, перерасходов у архимандрита Александра никаких не было и денежных недостатков и перебоев Миссия при архимандрите Александре не ощущала¹¹⁵ и даже оказывала материальную помощь и своим служащим, терпящим недостатки, и другим соотечественникам и местным жителям¹¹⁶. Помимо этого Миссия помогала иногда местным жителям, когда к ней обращались с просьбами об устройстве в учебные заведения в России¹¹⁷.

Как известно, половина денежного поступления по смете шла за счет Палестинского Общества. Это давало повод Палестинскому Обществу контролировать расходы Миссии и иногда диктовать свои желания, что видно из писем Хозяйственного управления Синода¹¹⁸.

Вообще же архимандрит Александр пользовался уважением в Палестинском Обществе. Это подтверждается тем, что в 1900 году он был избран Советом Общества в его пожизненные действительные члены «ввиду постоянного оказываемого теплого сочувствия к целям и деятельности Общества»¹¹⁹. Этой чести не имел его предшественник. У архимандрита Александра не было и трений с Палестинским Обществом. Палестинское Общество весьма доверяло архимандриту Александру. Это видно хотя бы из того факта, когда по просьбе В. Н. Хитрово он по своему усмотрению делал изменения иконостаса в церкви св. Александра Невского, что около порога Судных врат¹²⁰.

Только однажды был случай, когда архимандрит Александр выступил против действий Палестинского Общества.

В 1903 году Палестинское Общество начало в Иерусалиме постройку нового Николаевского подворья, т. к. стала ощущаться нехватка мест в имеющихся поклоннических приютах.

Здание заложили невдалеке от собора, от его западной стены слегка на северо-запад. Архимандрит Александр написал пространное письмо в Синод, где заявлял протест по поводу постройки Николаевского подворья на этом месте. К этому была своя причина — постройка захватывала часть земли Русской Духовной Миссии и сокращала площадь перед собором, а архимандрит Александр, ввиду постоянного большого количества богомольцев, считал необходимым сделать пристройку к собору к западной его части, увеличив его полезную площадь.

Для постройки же новых помещений он указывал место: было бы лучше сделать новое здание там, где кругом Русского Подворья были только каменные стены ограды¹²¹.

Справедливый протест архимандрита Александра против действий Палестинского Общества, во главе которого стоял «августейший» председатель, остался гласом вопиющего в пустыне. Кроме того, он скоро был переведен из Иерусалима.

Подобно своим прещественникам, архимандрит Александр очень внимательно относился к своим согражданам, пришедшим поклониться святым местам. Паломничество с девятисотых годов начинает численно увеличиваться. В 1900 году впервые прибыла группа паломников, состоящая из профессоров и студентов Московской духовной академии. Возглавляя это путешествие ректор академии епископ Арсений¹²².

Чтобы способствовать большей духовной пользе паломников и отвлекать их от всевозможных нездоровых явлений церковной жизни Иерусалима, архимандрит Александр всемерно способствовал распространению среди них духовной литературы и, особенно, Священного Писания.

Руководствуясь этими мыслями, архимандрит Александр написал в Св. Синод, прося предложить правлению «Общества для распространения Св. Писания в России» на время паломнического сезона (октябрь — май) присылать в Иерусалим книгоношу для распространения изданий Общества среди русских людей. Помимо указанного желания у архимандрита Александра была еще другая цель. Такое распространение отечественной церковной литературы содействовало бы ослаблению деятельности английского Библейского Общества, которое усиленно старалось активизироваться среди наших богомольцев, и полностью подорвал бы всякие частные издания духовной литературы в Иерусалиме, которые часто выпускали недоброкачественные, в смысле содержания, книги.

Обер-прокурор Синода признал такое посланничество невозможным, т. к. Общество по своему уставу было ограничено в своей деятельности пределами России. Такое мнение обер-прокурора Синода как-то непонятно. Ведь и юрисдикция Русской Церкви не простирается на Иерусалим, тем не менее там независимая от греческой Патриархии Русская Духовная Миссия.

Одним словом, Св. Синод даже не обсуждал просьбу начальника Русской Духовной Миссии, несмотря на ее актуальность. Тем не менее в том же году «Общество для распространения Св. Писания» направило в Иерусалим книгоношу М. Ф. Кучурин, который успешно действовал в Палестине. Председатель Общества благодарил о. Александра за содействие книгоноше и ценные практические указания и просил помощи на будущее время¹²³. Видимо, архимандрит Александр как-то частным образом вошел в контакт с Обществом или просто указал место для широкого применения его трудов.

Помимо книг Св. Писания архимандрит Александр старался распространять и другие книги духовно-правственного содержания среди паломников¹²⁴.

Несомненно, выдающимся, но печальным событием в жизни Миссии при архимандрите Александре была кончина 17 января 1901 г. драгомана Якова Егоровича Халеби, много лет прослужившего Миссии верой и правдой. Тридцать семь лет безупречной, усердной и бесконечно ревностной службы отдал он России, Русской Церкви. Его услуги в содействии отцу Антонину при покупке земельных участков, по устройству русских церквей и приютов в Палестине неоценимы.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме всегда обязана благодарно вспоминать об этом великом труженике для ее процветания и славы.

На место скончавшегося драгомана архимандрит Александр назначил, вероятно, родственника почившего — Георгия Николаевича Халеби, кото-

рый вскоре был утвержден султанским правительством в Константинополе в этой должности.

Так в трудах и заботах у архимандрита Александра прошли четыре года. Все эти годы Миссия во всех отношениях была на должной высоте, что, согласно ее структуре и общему положению, главным образом, зависит от ее возглавителя. В миссийском архиве нет абсолютно никаких данных об отношениях архимандрита Александра с православным и инославным духовенством, но можно утверждать, что эти отношения были много лучше, чем нормальные.

В деятельности архимандрита Александра как начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме не было ничего особенно запоминающегося, но если четыре года жизнь Миссии протекала спокойно во всех проявлениях, это уже большая заслуга начальника, ибо спокойное течение жизни не всегда бывало в Миссии, как мы это видели и увидим.

Указом от 26 февраля 1903 года архимандрит Александр был назначен епископом Старицким, викарием Тверской епархии.

Начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме 16 апреля был назначен смотритель Заиконоспасского Духовного Училища в Москве иеромонах Леонид (Сенцов) с возведением его в сан архимандрита.

4 июня 1903 г. в Иерусалим прибыл новый начальник Миссии архимандрит Леонид, а 14 июня он уже принял все имущество от архимандрита Александра в полном порядке, как сам об этом потом докладывал Петербургскому митрополиту Антонию¹²⁵.

Как мы указывали, начало двадцатого столетия было связано с большим увеличением числа паломников. Это естественно, ибо для спокойного проживания в Иерусалиме русских паломников было сделано все, что только возможно. Помимо мирян стало приезжать и большое число духовенства, как белого, так и монашествующего. Часто священноиноки, иеродиаконы и простые монахи оставались на разное время в Миссии для прохождения послушаний в помощь братии Миссии. В таком случае желающим задержаться в Иерусалиме приходилось просить свое духовное начальство о продлении отпусков. Иногда в этом отказывали, но чаще всего разрешали потрудиться в Иерусалиме на пользу родной Церкви¹²⁶.

Становилось уже обычным, что прибывали коллективы паломников из духовных академий, семинарий и гимназий, из разных русских городов. Бывали многочисленные паломнические экскурсии служащих разных ведомств¹²⁷.

В Миссии, как известно, останавливались паломники духовного звания. Как им, так и всем русским богомольцам в Св. Земле при отце Леониде Миссия оказывала всяческое содействие и не только в делах духовных, но и в житейских нуждах.

Забываясь о лучшем устройстве своих соотечественников, Палестинское Общество окончило в 1906 г. постройку Николаевского подворья на северо-запад перед миссийским собором, несмотря на бывший в свое время протест архимандрита Александра, о чем мы уже упоминали.

После постройки этого подворья туда была переведена и женская школа, помещавшаяся восемь лет в Миссии. За предоставление помещения для школы в течение такого долгого срока Палестинское Общество горячо благодарило начальника Миссии. О неудобстве нахождения школы в здании Миссии писал в Петербург архимандрит Леонид, и просьба его была удовлетворена.

Не отказывали при архимандрите Леониде в помощи и нуждающимся местным жителям, которые просили у Миссии материальной поддержки. По-прежнему жертвовала Миссия и большим-прокаженным¹²⁸. Кроме того, к архимандриту Леониду обращались очень многие с прошениями, чтобы он своим авторитетом помог устроить детей в школы и пансионаты¹²⁹.

Все традиции Миссии в отношении контактов и помощи жителям Палестины при архимандрите Леониде сохранились и поддерживались.

Нужно отметить, что хозяйство Миссии улучшалось год от года. Миссийские цитрусовые сады, виноградники и маслинные рощи приносили доходы, которые оправдывали содержание этих участков (оплата налогов, оплата рабочей силы, текущие ремонты зданий на участках), и хватало денег для того, чтобы давать питание паломникам, прибывшим на эти места. Правда, паломники клали свои лепты, кто сколько хотел и мог, в кружки, имевшиеся на всех миссийских участках. Все миссийские плантации содержались в порядке и хорошо орошались. Реализация цитрусовых плодов, главным образом, была в экспортировании их¹³⁰.

В 1904 году русский консул в Иерусалиме предложил Миссии свое посредничество в организации экспорта из Палестины оливкового масла и церковного вина для одной из епархий России. Миссия с благодарностью приняла это предложение. Вино в Миссии изготовлялось главным образом в Хевроне, а маслины были на многих участках¹³¹.

Архимандрит Леонид явился продолжателем дела отца Антонина по покупке земель в Палестине.

Деятельность Миссии в хозяйственном отношении при архимандрите Леониде может быть перечислена по пунктам, согласно имеющейся в архиве Миссии записке архимандрита Леонида, в которой он подробно говорит о всех земельных приобретениях и о разных работах на миссийских участках.

Прочитируем частично эту рукопись: «Все, что сделано в течение десятилетия (1903—1913 гг. — Автор) для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме:

1. Приобретение вновь участка в Бет-Захаре (Бет-Захар — народное название, по-арабски это место называется Бет-Шаар. Этот участок был приобретен в 1903 г. — Автор) на полпути к Дубу Мамврийскому, постройка там подворья для приема 1000 человек, превращение этого участка в плодовый сад, который будет приносить большой доход; устроен там молитвенный дом на 300 человек.

2. Расширение вдвое существующего у Дуба Мамврийского подворья, а главное постройка там большого каменного храма на 2000 человек. Этот храм готов к освящению — не достроена еще колокольня...

4. Приобретение вновь большого участка близ Вифлеема в Бет-Саури (Бет-Сахур. — Автор), где было явление ангелов пастырям Вифлеемским.

5. Приведение в порядок русского участка на Елеонской горе, окруженного каменной на мокрой кладке оградой. А главное, основана там женская община, где живут теперь около 200 сестер, для которых устроены здания и для жилья, и для рукодельных мастерских, и для золочения икон; а также устроена и гостиница для помещения поклонников на 300 чел. Выстроена также часовня для постоянного чтения псалтири и для отпевания умерших сестер...

12. В Горненской Русской женской общине выстроено много зданий для сестер, для хозяйственных надобностей, втрое больше, чем раньше. Заложен большой храм и доведен до половины высоты; за неимением средств работа по постройке храма пока остановлена (архимандрит Леонид предполагал заселить сестрами общины весь северный склон горы, владение Миссии. Стены большого и обещавшего быть красивым собора к 1914 г. были доведены до сводов. ...Началась война 1914 года... Так и стоит он до сего дня. — Автор). Кроме того, здесь выстроена гостиница для 500 паломников. Рядом с этой общиной приобретен участок земли («Место Сидения». — Автор), где, по местному преданию, молился Креститель Иоанн. Пока этот участок не приведен в порядок.

13. Закончена внутренняя отделка Русского храма в Яффе... (Архимандрит Леонид позаботился и о благолепии храмов Божиих. Под его руководством на изысканные им средства в 1905 г. были расписаны храмы Миссии — домовый в честь св. муч. Александры и св. ап. Петра в Яффе. Особенно удачной была роспись Яффского храма. Весь храм

расписан картинами из жизни первоверховного апостола. Художество живописных работ говорит о высоком мастерстве исполнителя. После росписи Яффский храм стал украшением и достопримечательностью города Яффы¹³².

В Яффский храм в 1914 г. московским купцом Запениным было пожертвовано огромное красивое паникадило¹³³, которое, к сожалению, не было повешено на подобающее место в храме, т. к. вскоре началась война. Паникадило осталось лежать в ризнице храма разобранном и находится там до сих пор.

Вообще, при архимандрите Леониде было очень много пожертвовано различной церковной утвари непосредственно как для Миссии, так и для других русских храмов в Св. Земле, построенных и строившихся. В этом помогали и насельницы Горнего и Елеона, которые или путешествовали в Россию для побуждения чувств благотворителей или вели об этом переписку¹³⁴. — Автор).

15. Близ города Хайфы на горе Кармил пять лет тому назад вновь приобретен (в 1907 г. — Автор) большой участок с густым кедровым лесом. На этом участке, с Божией помощью, выстроен русский храм во имя св. пророка Илии; и 14 ноября 1913 г. освящен Блаженнейшим Дамианом, Патриархом Иерусалимским...

17. Близ Тивериады вновь приобретен большой участок на берегу Тивериадского озера с минеральными источниками, где высаживаются апельсиновый сад и предполагается выстроить храм и барак для поклонников. Это место представляет собой чудный оазис на пустынных берегах Тивериадского озера... (Это место куплено в 1908—1909 гг. и потом получило наименование Магдальского сада. — Автор).

22. В Иерусалиме устроен приют для детей — сирот разных национальностей, но только православного вероисповедания. Дети живут здесь бесплатно, получая пищу и одежду. В настоящее время их 21 человек, желающих поступить много, но за неимением средств и этих трудно содержать.

23. Устроена богадельня для старых женщин-паломниц, остающихся навсегда в Иерусалиме, не имеющих в России ни крова, ни пристанища. Эта богадельня на 50 человек»¹³⁵...

По желанию Палестинского Общества вскоре по приезде архимандрита Леонида в Иерусалиме около церкви св. Марии Магдалины было устроено русское кладбище. Хотя и неохотно, но устное благословение Патриарха Дамнан на это дал. Архимандрит Леонид принял деятельное участие в его устройстве, за что получил благодарность из Петербурга¹³⁶. Из-за этого кладбища у архимандрита Леонида были потом некоторые неприятности с Патриархией.

Архимандрит Леонид старался во всех отношениях укрепить Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. Для этой цели он не только делал приобретения разных недвижимостей в Палестине. Видя, какую пользу дают всем большим монастырям подворья, находящиеся в крупных городах, архимандрит Леонид решил устроить в Москве подворье Русской Духовной Миссии, которое укрепило бы положение Миссии материально и оказало бы значительное облегчение во многих делах Миссии. Подворье явилось бы, если так можно выразиться, опорным пунктом Миссии в России.

Чтобы осуществить это положение, архимандрит Леонид написал в 1907 году в Св. Синод соответствующее представление, в котором мотивировал желательность передачи одного из синодальных монастырей в Москве для миссийского подворья необходимостью увеличения материальных средств Миссии и обеспечения ее подготовленными к миссийской деятельности монашествующими. Весной 1907 г. рапорт архимандрита Леонида был рассмотрен в заседании Св. Синода и оставлен без последствий, т. к. Св. Синод не признал возможным предоставить Иерусалимской Духов-

ной Миссии под подворье какой-либо из московских синодальных монастырей.

В начале 1913 г. архимандрит Леонид снова подал в Св. Синод ходатайство об учреждении миссийского подворья в Москве. Указом от 28 марта за № 5050 рапорт начальника Миссии был послан на отзыв Московскому митрополиту. На основании отзыва, данного митрополитом Макарием, Св. Синод постановил снова отклонить ходатайство начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме¹³⁷.

Помимо различного строительства на участках архимандрит Леонид сделал для Миссии большое дело тем, что по его инициативе были построены два храма — в Хевроне и в Хайфе на горе Кармил, о чем мы уже кратко упоминали.

Вскоре по приезде архимандрит Леонид стал просить, чтобы Св. Синод разрешил постройку храма на добровольные пожертвования при Дубе Мамврийском и ходатайствовал бы перед Министерством Иностранных Дел с тем, чтобы русское посольство в Константинополе получило султанский фирман на построение храма в Хевроне.

В октябре 1904 г. Св. Синодом было постановлено испросить согласие и благословение Иерусалимского Патриарха на проведение в жизнь этого благого желания начальника Миссии, и 30 октября об этом была послана грамота Св. Синода к Иерусалимскому Патриарху.

Блаженнейший Дамиан совместно с Синодом 4 октября 1908 г. особой грамотой благословил соорудить храм при Дубе Мамврийском.

Попутно заметим, что архимандритом Леонидом часть Мамврийского Дуба была спилена, т. к. дуб от древности стал болеть и крошиться, на этих отпиленных частях его стали писать иконы, чаще всего Св. Троицы, и посылать в Россию или давать в Иерусалиме именитым паломникам и благотворителям.

Между тем постройка храма шла своим чередом.

В 1914 г. в столице Турции наш посол получил фирман на освящение храма при Дубе. Но в июле того же года началась первая мировая война. Все пошло иным путем, и освящение храма задержалось.

Храм, в основном, был построен, но не закончена была еще внутренняя отделка. Красивый, просторный, трехпрестольный храм при закладке был посвящен имени Животворящей Троицы. В основание престола положили мраморную доску с соответствующим надписанием об этом событии¹³⁸.

Одновременно со стройкой Хевронского храма у архимандрита Леонида возникла мысль о сооружении церкви на горе Кармил.

Зная, с каким нежеланием греки дают разрешение на построение русских церквей, архимандрит Леонид решил, если так можно выразиться, все устроить обходным маневром. Мы знаем, что в 1907 г. им был куплен участок на горе Кармил в Хайфе. В нескольких минутах ходьбы от этого нашего владения находится католический Кармелитский монастырь, посвященный св. пророку Илиин. Известно, как русский народ почитает св. пророка Илию, а гора Кармил связана с его жизнью. Естественно, что наши паломники во множестве посещали гору Кармил, а поскольку из христианских храмов там был только католический, то они и ходили в него молиться. Архимандрит Леонид обратил внимание на это нежелательное явление.

На купленной в Хайфе земле он начал строить большое здание, называя его столовой для паломников. К 1912 г. «столовая» была готова. Архимандрит Леонид начал хлопоты перед турками о разрешении сделать из этой «столовой» церковь. Хлопоты увенчались успехом. Все соответствующие турецкие разрешения были получены. Быстро к зданию был пристроен алтарь, устроен иконостас из серого мрамора, построена колокольня. На русском участке стояло здание церкви, первой русской церкви во всей Галилее. Теперь нужно было освятить храм.

В сентябре 1912 года архимандрит Леонид устно обратился к Патриарху Дамиану с просьбой дать благословение на устройство церкви из вышеописанного здания «столовой» ввиду общего желания русских паломников иметь свою церковь на Кармиле. Говорил архимандрит Леонид и о нежелательности посещения православными католического монастыря.

Патриарх Дамиан ответил полным согласием и заявил, что никаких препятствий он не имеет, а когда храм будет готов, он его с удовольствием освятит.

В начале 1913 года окончилась отделка храма. В это же время был получен и султанский фирман, признающий этот храм «de jure»¹³⁹.

Если строительство русских храмов возбуждало греческое недовольство, то местное арабское население горячо приветствовало каждое такое сооружение. Жителям арабских поселений было приятнее ходить в церкви русские, нежели в греческие, где они чувствовали к себе презрение со стороны греческого духовенства.

Так, жители города Назарета, услышав об освящении храма на Кармиле, послали свое прошение архимандриту Леониду, чтобы Св. Синод построил бы новый русский храм в Назарете для духовных нужд местного населения и русских паломников¹⁴⁰. Это было в конце марта 1914 года, а в июле началась первая мировая война...

Архимандриту Леониду очень хотелось, чтобы на всех миссийских участках были храмы. Несмотря на строительство сразу двух церквей (в Хевроне и Хайфе), архимандрит Леонид пишет в 1912 г. в Св. Синод новый рапорт и просит благословения написать воззвание к знакомым благотворителям и иным отзывчивым православным христианам о том, чтобы помогли верующие люди, кто чем может, на постройку храма в Тивериаде на берегу священного Геннисаретского озера. Св. Синод благословил это доброе намерение отца архимандрита. Однако занятый и без того многими делами, он не успел за два предвоенных года даже и заложить новый храм¹⁴¹.

Только один год прожил архимандрит Леонид в спокойных отношениях с Иерусалимской Патриархией. В 1904 г. у него возник первый конфликт, и далее отношения все время были натянутыми, иногда только ослаблялась эта напряженность. Во всем этом, о чем будет идти речь, нетрудно увидеть, с какой неприязнью Иерусалимская Патриархия в глубине души всегда относилась к нашей Миссии в Иерусалиме, вынуждаясь при этом сохранять видимость лояльности.

Причина конфликта была самая незначительная. 11 ноября 1904 г. архимандритом Леонидом совместно с членами Миссии было совершено погребение на участке возле церкви св. Марии Магдалины одного скончавшегося сотрудника Палестинского Общества. (Мы писали, что за устройство кладбища на этом месте Палестинское Общество благодарило архимандрита Леонида — *Автор*). Событие, кажется, совершенно было обычное. Через несколько дней после погребения архимандрит Леонид получил послание от Патриарха Дамиана от 15 ноября 1904 г. за № 2550, где последний писал, что в упомянутом отпевании были нарушены канонические правила и существующие положения Православной Церкви в Св. Земле, что Миссия без разрешения Патриарха в каждом отдельном случае не имеет права совершать никаких треб в Иерусалиме, как клир чужого прихода, и тем более хоронить около церкви св. Марии Магдалины, а не на общем Сионском кладбище. (Подобные претензии бывали и потом. — *Автор*).

В ответ на это последовало пространное объяснение архимандрита Леонида от 20 ноября того же года. Архимандрит Леонид категорически отверг притязания Патриарха связать действия Русской Духовной Миссии. Он писал, что приход (Патриарх назвал Миссию «чужим приходом» в Иерусалиме. — *Автор*) не бывает по св. канонам без прихожан, а Миссия всегда с момента своего возникновения на основании данных ей из

России от предрержащих властей инструкций совершала все церковные священнодействия только для православных русского подданства. Исполнение треб как раз является выполнением Миссией своих обязанностей. Что же касается места погребения, архимандрит Леонид указывал, что генеральному консулу Яковлеву Патриарх Дамиан сам дал свое устное согласие на устройство кладбища при церкви св. Марии Магдалины, где и до этого были неоднократные случаи захоронения умерших.

Эти же мысли архимандритом Леонидом были очень подробно с соответствующими примерами изложены и в письме от 24 ноября к митрополиту Антонию (в Петербург), в котором он одновременно описывает разные случаи, когда греческое духовенство недоброжелательно относилось к русскому духовенству и богомольцам.

После отправления послания начальника Миссии к Патриарху наступило как будто бы затишье, но временное. Около четырех лет молчал Патриарх Дамиан и, наконец, 30 сентября 1908 г. братским посланием за № 1787 обратился в Св. Синод Русской Церкви, в котором выражал свое неудовольствие архимандритом Леонидом за то, что он не признает над собой юрисдикции Патриарха, что не испрашивает разрешения его на совершение треб, неуважительно относится к особе Патриарха и к местным церковным обычаям.

Для решения этого вопроса Св. Синод образовал особое совещание под председательством Ярославского архиепископа Тихона. Больше года особое совещание не выносило определенного суждения об этом, но в 1910 году в Св. Синоде занялись изучением жалобы Патриарха Дамиана.

Приведем для ясности указ архимандриту Леониду из Св. Синода от 30 июня 1910 г. за № 9058, где очень подробно говорится о всех суждениях на данную тему:

«Совещание в заседании, состоявшемся 17 февраля текущего года, — говорится в указе, — высказало следующего рода соображения по сему предмету. Обращаясь к обсуждению настоящего дела, особое совещание нашло, что наиболее существенным в этом деле представляется вопрос о том, является ли отпевание и погребение в ограде русской церкви св. Марии Магдалины умершего помощника управляющего приютами Палестинского Общества русско-подданного Николая Алексеева без испрошения на то особого разрешения Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Дамиана несогласным с церковными канонами и нарушающим право Иерусалимской Патриархии. Имея в виду: 1) что Иерусалимская Духовная Миссия по условиям ее учреждения и существования не представляет собой ни обыкновенного прихода, ни миссионерского учреждения в собственном смысле, а является, по разъяснению, данному приснопамятным святителем Московским Филаретом, посольством, представительством Русской Церкви при Церкви Иерусалимской, и потому, Ваше Высокопреподобие, находитесь под юрисдикцией только высшей власти в России — Святейшего Синода, а не Патриарха Иерусалимского; 2) что совершение треб для русских паломников является по инструкциям, преподанным начальникам Иерусалимской Миссии в 1863, 1865 и 1902 гг., главнейшею задачею Русской Духовной Миссии в Иерусалиме; 3) что право членом Миссии совершать богослужения и требы для русских паломников никогда не оспаривалось и самими греками даже тогда, когда в Палестине не было ни одной русской церкви; 4) что члены Миссии, совершая требы для русских паломников, никогда не уведомляли об этом местную церковную власть; 5) что выполнение требования Патриарха Иерусалимского об испрошении у него членами Русской Духовной Миссии разрешения на совершение богослужения или требы в каждом отдельном случае, едва ли осуществимое на практике, не имеет для себя никаких оснований, так как таковое решение дано раз на все случаи согласием Патриарха на учреждение в Иерусалиме Русской Духовной Миссии с правом духовного попечения о православных русских поклонниках в Палестине, и 6) что прере-

кания между Патриархом Иерусалимским и Вашим Высокопреподобием по настоящему поводу были уже предметом обсуждения Святейшего Синода, и Святейший Синод, как видно из определения от 24 марта — 5 апреля 1905 г. за № 1602, в настоящем деянии Миссии не усмотрел нарушения данной Вам инструкции, особое совещание пришло к заключению, что в отпевании русского подданного Николая Алексева, совершенном Вами совместно с членами той же Миссии без участия представителей местной Церкви, нельзя усмотреть нарушения Русской Миссией церковного правила, по которому отпевание покойников не может быть совершено клириками чужого прихода без разрешения на то местного духовного начальства. Равным образом не представляется оснований к обвинению Вашего Высокопреподобия в нарушении Вами церковных правил и по поводу погребения Алексева в ограде при церкви св. Марии Магдалины в Иерусалиме, как ввиду того, что, по удостоверению Вашему, Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским было дано словесное согласие на открытие русского кладбища при названной церкви, так и потому, что и раньше бывали случаи погребения на указанном кладбище русских подданных, причем погребение таковых лиц на русском кладбище никогда не вызывало со стороны местной церковной власти никаких возражений. Наряду с указанным обвинением Вашего Высокопреподобия в несоблюдении церковных правил Блаженнейший Патриарх Дамиан указывает: 1) на произведенное изменением Вами в диптихах патриаршего титула, а именно: вместо «Отца и Патриарха нашего» поминаете: «Блаженнейшего Патриарха»; 2) на устройство храмов без его, Патриарха, разрешения, на совершение священнодействий на неосвященных жертвенниках без благословения епархиального епископа и на отправление богослужения в русских храмах в то время, когда совершается литургия в храме Воскресения Христова, вопреки установленному обычаю; 3) на устройство без Патриаршего разрешения монастырских братств в Горней и на Елеонской горе и на пострижение в монашество без его, Патриарха, благословения; 4) на произвольное увеличение и уменьшение Вами числа членов Миссии без ведома Патриарха и 5) на незаконное производство при всех церквах Миссии сбора пожертвований, а также на рассылку членами Миссии воззваний в России для той же цели.

Останавливаясь на первом из указанных Блаженнейшим Патриархом Дамианом замечаний — касательно изменения Вашим Высокопреподобием в диптихах Патриаршего титула и имея в виду 1) что существующий в Иерусалимской Церкви порядок поминовения в диптихах Патриарха установился издавна; 2) что к точному соблюдению Патриаршего титула во всех случаях Патриархи всегда относились с особенною заботливостью, выражая крайнее недовольство и щепетильность при малейшем нарушении установленной формы именованья Патриарха и 3) что Святейший Синод, посылая в 1857 году в Иерусалим Преосвященного Кирилла в качестве начальника Русской Духовной Миссии, счел нужным снабдить его грамотой к Патриарху Иерусалимскому, обязав Начальника Миссии, как изложено в этой грамоте, «ни в чем не преступать указанных Вселенской Церковью правил священного чинопочитания», особое совещание нашло необходимым вменить Вам помянуть Патриарха Иерусалимского по установленной в Иерусалимской Церкви форме «Отца и Патриарха», с опущением лишь слова «нашего», ввиду того, что Иерусалимская Духовная Миссия, как изъяснено выше, находится вне юрисдикции Иерусалимского Патриарха Дамиана.

Об устройстве Вами храмов без его, Патриарха, разрешения, особое совещание нашло, что в делах Святейшего Синода нет данных для предъявления к Вашему Высокопреподобию подобного рода обвинения. Напротив, из восходивших на рассмотрение Святейшего Синода дел усматривается, что на устройство всех существующих в Палестине русских храмов было предварительно испрошено от имени Святейшего Синода разрешение

и благословение Иерусалимского Патриарха. О том же свидетельствует и ныне находящееся на рассмотрении Святейшего Синода дело о сооружении русского храма близ Дуба Мамврийского. Равным образом совещание не нашло оснований и к признанию Вас виновным в совершении литургии (в Иерихоне, Хевроне и в Иерусалиме в домово́й церкви так называемых «Русских раскопок») на неосвященных жертвенниках, ибо Святейший Синод, как изъяснено в циркулярном указе от 28 марта 1886 года за № 4, на основании постановлений бывшего в июне 1885 года в г. Казани собрания Преосвященных, разрешил миссионерам и приходским священникам совершать по нужде литургии на переносных антиминсах и престолах как в молитвенных демах, так и в других приспособленных к сему зданиях, а равно и на открытом месте.

Что касается предъявленного к Вашему Высокопреподобию обвинения в том, что Вы, несмотря на неоднократные предупреждения Патриарха, совершали литургию и прочие священнодействия, совершенно не считаясь ни с какими местными уставами и обычаями относительно порядка совершения, но приступаете к оным когда и где Вам угодно, не соображаясь ни с какими распоряжениями и правилами, и отправляете Божественную литургию вопреки установившемуся обычаю в те часы, когда совершается литургия в кафедральном храме Воскресения, то особое совещание, приняв в соображение: а) что в силу действующей ныне инструкции начальнику Иерусалимской Духовной миссии (п. 2) Духовная Миссия должна руководствоваться единственно стремлением к поддержанию духовного единения с иерусалимским православным духовенством и к укреплению в нем чувств уважения, доверия и любви к Церкви Российской, как единовой с Иерусалимской, б) что в силу п. 13 той же инструкции богослужение в русских церквах в Палестине должно совершаться в определенные дни и часы и в) что произвольное изменение Вами времени совершения богослужения в миссийских церквах не может не вызывать неудовольствия как со стороны Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского, так и со стороны святогробского духовенства, полагало бы необходимым подтвердить Вашему Высокопреподобию в точности соблюдать требование инструкции относительно времени и порядка совершения богослужения в русских храмах в Палестине.

Остановив, далее, свое внимание на пункте третьем замечаний Блаженнейшего Дамиана, а именно, относительно самовольного обращения Вами существующих в Иерусалиме русских подворий в Горнем и на Елеонской горе в женские монастыри и о пострижении Вами без разрешения Патриарха послушниц, и при том незрелого возраста, в иночество, особое совещание не могло не принять в соображение: а) что издавна существовавшие в Палестине два русских подворья обращены, с разрешения Святейшего Синода, не в женские монастыри, а в женские общины; б) что Горненское подворье обращено в женскую общину в 1898 году до назначения (в 1903 г.) Вашего Высокопреподобия на должность начальника Иерусалимской Духовной Миссии и в) что Святейший Синод, постановив в 1906 году (29 ноября — 2 декабря) определение об обращении женского общежития на Елеонской горе в женскую общину, поручил Вам предварительно испросить на то благословение Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского.

При таких данных Вам могло бы быть вменено в вину лишь неисполнение Вами Синодального распоряжения относительно испрошения благословения Патриарха Дамиана на обращение Елеонского общежития в женскую общину (но в делах Святейшего Синода нет данных для подобного заключения).

Что же касается пострижения послушниц, пребывающих на искусе в названных общинах, в иночество, то из ряда восходивших на рассмотрение Святейшего Синода дел видно, что послушницы эти были постригаемы Вами в монашество не иначе, как с разрешения в каждом отдельном

случае Святейшего Синода с представлением их документов, причем они имеют узаконенный для принятия иночества возраст.

Для вменения в вину Вам обвинения, изложенного в пункте четвертом послания Патриарха, увеличение и уменьшение Вами состава Миссии, в делах Святейшего Синода, по мнению совещания, не имеется никаких оснований. Руководствуясь утвержденным 9 декабря 1895 г. штатом Духовной Миссии в Иерусалиме, Вы всякий раз входили в Святейший Синод с представлениями как о назначении членов Миссии, так и об увольнении их из состава оной, причем по данной Вам инструкции и не требуется испрошения благословения Патриарха на всякое изменение состава Миссии.

Переходя, наконец, к обсуждению последнего (пятого) пункта замечаний Блаженнейшего Патриарха Дамиана касательно незаконного производства при всех церквях Миссии сбора пожертвований, а также рассылки членами Миссии воззваний в Россию для той же цели, имея в виду: а) что, на основании п. 10 утвержденной 20—31 мая 1902 года Святейшим Синодом инструкции Вашему Высокопреподобию, Вам вменяется в обязанность строго наблюдать, чтобы члены Миссии, состоящие при ней и служащие в оной, не взимали денежного или вещественного вознаграждения за исполнение для паломников духовных треб, а также каких-либо денежных или вещественных от них пожертвований как для Духовной Миссии, так и на известное употребление по воле жертвователей, которые могут быть принимаемы только лично Вами или опускаемы в установленные для сего кружки, и б) что на почве денежных интересов всегда возникали и впредь могут возникать недоразумения и столкновения между Русской Миссией и святогробским духовенством, особое совещание признало желательным обратить Ваше на необходимость с Вашей стороны быть особенно осторожным в деле сбора пожертвований на нужды Миссии в устранение враждебных отношений к нашей Миссии со стороны святогробского духовенства.

Подвергнув всестороннему обсуждению все данные, изложенные в послании Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского от 30 сентября 1908 года на имя Святейшего Синода, особое совещание вместе с тем не могло не остановить своего внимания и на письме Вашем Патриарху Дамиану от 20 ноября 1904 года. Письмо это и по самому характеру и по своему содержанию не могло не вызвать со стороны Патриарха Дамиана огорчения на неуважительное к нему отношение Вашего Высокопреподобия: оно написано в вызывающем и непочтительном тоне, что крайне неудобно в сношениях с главой той Церкви, к которой посланы Вы, как представитель Русской Церкви.

Выслушав изложенное и вполне разделяя высказанные особым совещанием соображения, Святейший Синод определяет: предписать Вашему Высокопреподобию указом принять к исполнению указания касательно отношений Ваших к Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому¹⁴².

Такое решение Св. Синода, видимо, мало удовлетворило Его Блаженство. В ноябре того же 1910 г. он написал новое письмо архимандриту Леониду. Этим письмом был запрещен в священнослужении миссийский иеромонах Феодосий, «занимающийся устройством обители на Елеонской горе без разрешения и благословения нашей (т. е. Иерусалимской. — Автор), — как писал Патриарх Дамиан, — Церкви... За этим последуют другие меры, — продолжал Патриарх, — которые будут предприняты против деятельности сказанного иеромонаха, направленной к созданию здесь священной обители»¹⁴³.

Несмотря на подобные трения, Миссия продолжала свой труд, а угрозы корыстных греков никого не пугали, т. к. запретить в священнослужении русского клирика, состоящего в ведении Миссии, Иерусалимский Патриарх не имел канонических оснований, а от посягательства со стороны турецких властей, которых могли озлобленные и недовольные греки

натравить против русских, Миссия была ограждена сильным авторитетом Генерального Консульства, а в это время отношения Миссии и консульства, к слову сказать, были без взаимных претензий, если не считать одного случая в самом начале служения архимандрита Леонида в 1903 г., когда консул сделал замечание Миссии, чтобы миссийское духовенство не ставило бы никаких пометок или записей в паломнических паспортах¹⁴⁴, что было совершенно справедливо.

В эти же годы в самой Патриархии возникли большие нестроения. Начались они с того, что православные арабы, недовольные отношением к себе греков, стали выступать против греческого засилья.

На основании Турецкой конституции арабы хотели образовать «православный народный совет» из 40 человек, увеличить число школ и иметь из своей нации одного епископа — члена Синода, чтобы епископы жили на своих епархиях, иметь некоторый контроль над деньгами. Иерусалимский Синод отказал наотрез во всех этих желаниях арабского православного народа. Отношения обострились. Между греками и арабами готова была вспыхнуть настоящая война. Желая успокоить страсти, Патриарх Дамиан решил удовлетворить некоторые требования арабов и, в том числе, не препятствовать образованию «православного народного совета». Такая миролюбивая политика Патриарха Дамиана вызвала ярую ненависть со стороны Синода; 13 декабря 1908 г. на экстренном заседании ночью было решено низложить патриарха. Все святогорское братство высказалось за это, но сам Патриарх Дамиан объявил свое низложение незаконным.

Большие волнения начались в палестинских городах и деревнях. В Иерусалимский конфликт хотели вмешаться патриархи Константинопольский и Александрийский. Только благодаря вмешательству турецкого правительства низложение было признано незаконным, и Патриарх Дамиан, распустив Синод, назначил в него новых членов. Испугавшись репрессий власти, бывшей на стороне патриарха, недовольные смирились и снова признали своим главой Блаженнейшего Дамиана.

Во время этого сильного внутреннего конфликта в Иерусалимской Церкви Патриарх Дамиан почувствовал и моральную поддержку со стороны Русской Церкви. Правда, никаких активных мер со стороны русского Св. Синода к воздействию на взбунтовавшихся святогорцев не было, но и низложение патриарха Иерусалимского в России признано не было. Такова же была линия поведения и Русской Духовной Миссии¹⁴⁵.

За эту моральную поддержку Патриарх Дамиан наградил архимандрита Леонида святогорским орденом — крестом с частицей Животворящего Древа.

Около двух лет все было относительно спокойно, но летом 1912 г. Св. Синод получил послание Патриарха Иерусалимского от 9 июля. В этом послании Блаженнейший Дамиан выставлял снова против архимандрита Леонида различные обвинения, выраженные в 11 пунктах. Подобное по содержанию послание Патриарх Дамиан послал и архимандриту Леониду. Архимандрит Леонид содержание этого послания и все возводимые на него обвинения довел до сведения Св. Синода рапортом от 22 ноября 1912 г., давая и соответствующие свои объяснения.

Рассмотрев послание Иерусалимского Первоиерарха, Св. Синод постановил направить архимандриту Леониду следующий указ:

«Выслушав патриаршее послание и означенные объяснения Ваши, Святейший Синод не находит в обстоятельствах настоящего дела прямых оснований к обвинению Миссии и Вашего Высокопреподобия в намеренно-враждебной, клонящейся к умалению и унижению Церкви Иерусалимской и Патриархии, деятельности, каковая, конечно, терпима быть не может; тем не менее, усматривая из некоторых частных деяний Вашего Высокопреподобия, что таковые деяния, совершенные, быть может, и по побуждениям ревности в деле попечения о русских паломниках в Палести-

не, осуществлялись без должной осмотрительности и оценки сопутствующих обстоятельств, почему в своей совокупности могли вызвать неудовольствие местного греческого духовенства и подвинуть патриарха к жалобам на нарушение Миссией интересов Иерусалимской Церкви и канонических прав ее иерархии. Святейший Синод, в сознании священной обязанности блюсти единение со всеми Православными Церквями, и, в частности, с Матерью Церквей — Церковью Иерусалимской сохранением взаимной дружбы к другу любви и уважения и необходимости для нашей Миссии в Иерусалиме быть живым органом такого церковного общения, определяет:

- 1) подтвердить Вашему Высокопреподобию, что, исполняя специальную свою задачу попечения о духовных потребностях русских паломников, Миссия при этом отнюдь не должна нарушать канонических прав и преимуществ местной иерархии и духовенства, не исключая и внешних, установленных обычаем знаков или способов воздания иерархической чести, в особенности по отношению к особе патриарха, и всемерно должна заботиться о сохранении общения с ними в мире и любви, стараясь расположить их к делу Миссии и вызвать доверие и любовь к ней, а через то и к Церкви Российской, и всячески избегать того, что могло бы повести к ослаблению священных уз между Церковью Российской и Церковью Иерусалимской, памятуя, что последнее было бы злом, которое не может быть возмещено никакими другими заслугами Миссии, и
- 2) имея в виду осуждаемые в патриаршем послании частные действия Вашего Высокопреподобия, предписать Вам: а) при устройении Миссией для русских паломников новых станций поблизости греческих обитателей и святых стараться заручиться предварительным устройением согласием и расположением к тому со стороны Патриархии путем выяснения ей настоятельной необходимости станции, а затем с устройством таких станций отнюдь не ставить задачи нанесения ущерба греческим обителям и братству. б) на открытие богослужений в устрояемых для русских паломников зданиях, на совершение в Миссии и в подведомых ей русских женских общинах пострижений испрашивать таковое соизволение сверх испрашиваемого на то разрешения от Святейшего Синода»¹⁴⁶.

Патриарху Дамиану Св. Синод направил ответное братское послание, в котором, в частности, говорилось:

«В Послании от 9 июля 1912 года за № 982 Ваше Блаженство изволили обратиться к Святейшему Синоду с заявлением и жалобами, изложенными в 11 пунктах, на деятельность начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида как враждебную Патриархии и вообще палестинскому духовенству и направленную к умалению Св. Церкви Иерусалимской и разрыву священных уз, соединяющих Матерь Церкви с Церковью Российской.

Получив сие досточтимое послание Вашего Блаженства, Святейший Синод признал необходимым потребовать от архимандрита Леонида по настоящему делу объяснения, каковы им и представлены Святейшему Синоду от 22 ноября 1912 года.

Обсудив представленные архимандритом Леонидом объяснения, Святейший Синод не усматривает оснований к тому, чтобы отвергнуть, как незаслуживающее никакого приятия, уверение сего архимандрита об отсутствии в нем враждебности и недружелюбия к Иерусалимскому священству и тем более к пречестнейшей Особе Патриарха Святого Града. Святейший Синод скорее склоняется к тому, что если имеются некоторые действия начальника Русской Миссии, которые могут быть поставлены в вину и являются поводом к настоящим жалобам на него, то в общем это суть действия случайные, которые, пронестая, может быть, из особой ревности в попечении о русских паломниках, а не из враждебной настроенности к Патриархии, осуществлялись архимандритом Леонидом без должной осмотрительности и всесторонней оценки сопутствующих и последующих обстоятельств.

И по этому поводу Святейшим Синодом в настоящее время преподаны архимандриту Леониду соответствующие указания и настоятельно подтверждено указом, что, исполняя свою задачу попечения о русских паломниках, Духовная Миссия при этом отнюдь не должна нарушать канонических прав и преимуществ местной православной иерархии и духовенства и что она всемерно должна блюсти общение в мире и любви, памятуя, что ослабление и тем более разрыв такого священного общения составили бы зло, невозместимое никакими заслугами Миссии. В частности, начальнику Духовной Миссии предписано, чтобы он на открытие богослужений для паломников на приобретенных Миссией местах и в возведенных для паломников постройках всегда испрашивал патриаршее соизволение Вашего Блаженства и равным образом чтобы такое же патриаршее соизволение испрашивалось и на совершение пострижений в монашество в Миссии и в подведомых Миссии женских общинах.

Святейший Синод при этом позволяет себе высказать уверенность, что Ваше Блаженство, по великой благодати и архипастырскому попечению о спасении чад Христовых, не будете ставить, без особенных, исключительных причин, препятствий тому, чтобы Русская Духовная Миссия могла доставлять русским паломникам возможность чаще слышать святое богослужение на понятном языке, да утешаются они сим даром и разумно прославляют Господа»¹⁴⁷.

При архимандрите Леониде завязались некоторые сношения с Антиохийским Патриархатом, которых не имелось у Духовной Миссии много лет.

В архиве Миссии есть подлинное письмо Патриарха Антиохийского Григория, где он благодарил архимандрита Леонида за поддержку при восшествии его (Блаженнейшего Григория) на патриарший престол. В чем была выражена эта поддержка — неизвестно¹⁴⁸.

Архимандрит Леонид в 1907 г. пожертвовал Патриарху Григорию две иконы от имени Миссии, за что получил патриаршую благодарность¹⁴⁹.

Архимандрит Леонид получал письма с разными просьбами от различных клириков Антиохийского Патриархата и даже от иерархов. По мере возможности эти просьбы исполнялись, и начальник Миссии получал за это благодарность¹⁵⁰.

Неоднократно Св. Синод посылал через архимандрита Леонида Св. Миро для Антиохийского Патриархата¹⁵¹.

По просьбе игумении Седнайского монастыря, около Дамаска, Миссия оказывала помощь сборщицам пожертвований в Иерусалиме. Игуменья также просила пожертвовать ей в монастырь облачения и сосуды¹⁵².

Горненская община при управлении архимандрита Леонида Миссией жила своей обычной жизнью. В традицию Горнего вошло, кроме обычного богослужения, по средам после литургии совершать пение акафиста Божией Матери.

На Елеоне при архимандрите Леониде сильно увеличилось число насельников. Производились новые постройки, починялись старые. Елеон необходимо было как-то поставить в определенные рамки. И в 1906 г. Св. Синод учредил на Елеоне женскую общину в ответ на просьбу об этом архимандрита Леонида¹⁵³. В указе Св. Синода от 2 декабря 1906 г. за № 13420 говорилось, что женское общежитие на Елеоне признается общиной, на нее распространяются правила, утвержденные для Горненской общины в 1898 году. Кроме того, предлагалось архимандриту Леониду прежде объявления указа об учреждении общины испросить на это благословение Иерусалимского Патриарха¹⁵⁴.

Отношения с инославным миром трудно проследить в деятельности архимандрита Леонида ввиду отсутствия документальных данных. Однако можно предполагать, что они не были плохими, если и не было особенной близости с инославными. Так, по данному вопросу архимандрит Леонид не получал никаких замечаний из Св. Синода. Если бы в данном вопросе

было бы что-то отрицательное, то оно, несомненно, получило бы какое-то отражение в архиве.

При архимандрите Леониде был только один случай присоединения к православию, когда была принята в лоно Православной Церкви одна католичка¹⁵⁵.

С Петербургом у архимандрита Леонида отношения были нормальные, вернее сказать, обычные. Он все время состоял в переписке с Палестинским Обществом, как с руководящими деятелями Общества, так даже и с председателем его, великой княгиней Елизаветой Федоровной, у которой он однажды просил денег на храм св. Марии Магдалины, но безуспешно¹⁵⁶.

Из Палестинского Общества неоднократно писали архимандриту Леониду, что его ценят, однако различные проекты его отклоняли. Так, архимандрит Леонид писал, что необходимо Миссии завести в Палестине свои школы, ему ответили, что для таких школ кадров нет и не будет. Чтобы лишний раз напомнить о нежелательности вмешательства начальника Миссии в какие бы то ни было дела, помимо тех, которые стали достоянием Миссии, из Палестинского Общества образно писали, что Палестинское Общество и Миссия — это для паломников — Марфа и Мария, следовательно Марии не надо вмешиваться в дела Марфы¹⁵⁷.

В мае 1914 г. архимандрит Леонид был назначен на кафедру епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Одновременно с этим Св. Синод запросил у архимандрита точные сведения о всех русских земельных владениях в Палестине.

Архимандриту Леониду совершенно не хотелось уезжать из Палестины, и как только до него дошла весть о назначении епископом Балахнинским, он сразу же обратился со слезными письмами и телеграммами во все инстанции: тут и Саблер, тут и архиепископ Арсений, тут и придворные круги.

Основанием для отказа принять новое назначение архимандрит Леонид выдвигал наличие купленных им новых земельных владений, не закрепленных еще за Миссией надлежащим образом. Он просил остаться в Иерусалиме хотя бы еще на год. Св. Синодом просьба была уважена, и решение о назначении в Балахну отменено¹⁵⁸.

Через самое непродолжительное время после этого, летом того же 1914 г., началась первая мировая война. В войну друг против друга вступили Россия и Германия. Скоро Турция примкнула к войне, выступив на стороне Германии против России. Положение русских людей в Палестине сразу стало обостренным, они оказались на территории враждебного государства. Ввиду разрыва дипломатических отношений и войны между Россией и Турцией, русский консул вынужден был уехать из Палестины. Интересы России было поручено представлять испанскому консулу, но практически с гражданской стороны Миссия осталась беззащитной.

Первые месяцы войны жизнь Миссии шла сравнительно спокойно. Резких выпадов против нее не наблюдалось, репрессий со стороны турецких властей тоже не было. Тем временем ушли последние русские пароходы. Палестинское Общество, с согласия Генерального Консула, в августе 1914 г. уведомило паломников, что оно снимает с себя заботу о них и предложило выехать им из Палестины в Россию. Часть паломников отбыла с этими пароходами на Родину, часть же их осталась в Палестине, с одной стороны, не имея возможности на чем уехать, а с другой стороны, считая, что война скоро окончится победой России. С отходом последнего русского парохода оборвалась связь с родной землей.

Между тем, над русскими учреждениями в Св. Земле стали сгущаться черные тучи и, наконец, разразилась гроза. Отношение турецких чиновников стало ухудшаться. Уже давали почувствовать, что все русские, оказавшиеся на территории Турции, являются если не пленниками, то чем-то близкими к этому понятию. А в декабре 1914 г. было получено распоря-

жение, по которому всему русскому мужскому населению приказывалось покинуть Палестину и выехать в Александрию. Таким образом, вся братия Миссии, все руководство учреждениями Палестинского Общества должны были покинуть Св. Землю. В разряд лиц «personae non grata» были включены и настоятельницы русских женских общин.

Началась эвакуация. Здание Русской Духовной Миссии было опечатано, в храмах прекратилось богослужение.

Тяжелые дни пришлись на долю русских женщин, оставшихся в Палестине в это время. Продукты питания тогда можно было достать с большим трудом и за большие деньги. Чтобы не умереть с голода, русские женщины, паломницы и насельницы женских общин, вынуждены были ходить на самые тяжелые работы и за это получать гроши, которых не хватало даже на хлеб.

Были на первых порах трудности и у миссийской братии, оказавшейся невольной в Александрии, но постепенно здесь все наладилось. Св. Синод сметные ассигнования почти регулярно стал посылать в Александрию, храм для пришельцев был предоставлен, так что все было терпимо. Из всех видов деятельности Миссии в то время (в Александрии) сохранилось только обслуживание паломников и благотворительность. Долго, несколько лет пришлось русским людям находиться в Александрии. Между тем, затянувшейся войне не было видно конца, а на Родине наших паломников и невольных пленников, т. е. в России, назревали и начали совершаться великие события, благодаря которым Русь, покончив с самодержавием, пошла по новому пути.

В 1917 г. совершилась февральская революция, в Русской Православной Церкви началась подготовка к Поместному Собору, который и открылся в Москве в день Успения Божией Матери.

На Собор, чтобы представлять Русскую Духовную Миссию, прибыл из Александрии архимандрит Леонид.

Отъезжая в Москву, архимандрит Леонид 1 марта 1917 г. написал духовное завещание на все приобретенное им в Палестине, передавая купленные им участки «в собственность Всероссийского Святейшего Синода специально для Русской Иерусалимской Духовной Миссии»¹⁵⁹.

После отъезда архимандрита Леонида в Москву должность начальника Миссии стал исполнять старший иеромонах Миссии, отец Мелетий, согласно благословению Св. Синода.

Архимандрит Леонид присутствовал на заседаниях Поместного Собора, он принимал участие в обсуждении разных вопросов миссионерского характера и, особенно, вопросов, связанных с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме. Так прожил архимандрит Леонид в Москве больше года. Личные дела его шли хорошо. В Москве поговаривали о его предстоящей архиерейской хиротонии, хотя нужно прямо сказать, что сам он этого не искал и к этому не стремился. Но Господь судил иначе... Осенью 1918 года начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме заболел, и 10 ноября 1918 г. архимандрит Леонид скончался.

На этом заканчиваем мы эту главу. Начался новый период жизни Русской Православной Церкви, возглавленной Святейшим Московским Патриархом, началась новая жизнь свободной России. Дальше начинается совершенно новый период и в жизни Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Русская Духовная Миссия в лице своих начальников и всех членов и соратников трудилась честно и добросовестно над теми задачами, которые перед ней были поставлены.

Начав с тесных чужих келий Архангельского монастыря в Иерусалиме, Миссия превратилась в солидного владельца недвижимости в Св. Земле.

Враждебно встреченная всеми христианскими кругами в Иерусалиме, Миссия заняла постепенно прочное место среди них, заставив всех с собой считаться, ибо авторитет Миссии, как представительства Русской Пра-

вославной Церкви, в основном всегда был на высоте среди как инославных, так и православных Палестины.

Несмотря на многие препоны, Миссия оказала большую поддержку, и не только моральную, своим соотечественникам-паломникам.

Одним словом, Миссия многое сделала для своей Церкви, даже, пожалуй, больше, чем хотела от нее при основании. Она могла бы сделать и еще больше, чем она сделала, но ей не давали возможности для этого ни свои (как это ни обидно), ни, тем более, чужие.

Да будет же вечная память всем труженикам Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, послужившим Русскому Православию в Св. Земле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше описание истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме остановилось на смерти архимандрита Леонида. Мы уже заметили, что дальше подробной истории Миссии писать не будем. Сейчас мы только кратко остановимся на основных моментах в жизни Миссии в последние годы до наших дней.

Как мы видели, волею Божиею Миссия оказалась в Александрии, начальник ее в 1918 г. скончался. Подошло время окончания дней изгнания Миссии из Иерусалима. В это время получились изменения на политической карте Ближнего Востока. Турция в войне, как и Германия, потерпела поражение. Разные географические области, принадлежавшие Оттоманской империи, были от нее отторгнуты, и некоторые из них были переданы державам-победительницам как мандатные территории. Мандат на Палестину получила Англия, которая образовала для управления страной т. н. мандатное правительство, а во главе всего административного аппарата был поставлен верховный комиссар, назначаемый из Лондона. Англия оставалась хозяйкой в Палестине до окончания мандата в 1948 г. Напомним, что интерес Англии к Палестине начался со скромного англиканского епископства в Иерусалиме.

В 1919 году отец Мелетий возвратился в Иерусалим, вскоре сюда же прибыли иеромонахи Серафим, Иларион, Иларион и Тихон. В храмах Миссии снова началось богослужение, жизнь стала входить в свою колею, только обстановка была для Миссии, конечно, необычная. Вместо паломников Миссии приходилось духовно руководить сотнями обездоленных женщин, русского консула не было, испанский консул, представлявший интересы России, впоследствии сложил с себя эти обязанности, связь с Россией прекратилась, на свое содержание Миссия больше не получала ни копейки.

Тем временем здание Миссии было занято американским отделением Красного Креста. Для нужд Миссии оставили храм св. муч. Александры, трапезную, около половины нижнего этажа и несколько комнат на втором. Красный Крест недолго пробыл в доме Миссии, вскоре он освободил это помещение, но на его место въехали новые жильцы. В здании Миссии разместился верховный мандатный суд Палестины. Уплачивая ничтожную аренду, эти непрощенные гости поселились прочно. Верховный суд занимал миссийское здание до самого окончания мандата в 1948 г.

В это самое время в России тоже думали о Миссии. Ведь с 1914 г. не было никаких известий о состоянии имущества Русской Церкви в Палестине. На Соборе 1917—1918 гг. Миссия была включена в непосредственное ведение Московского Патриарха. Но без ведома Святейшего Патриарха Тихона т. н. временное высшее церковное управление юга России командировало в Иерусалим епископа Павла (Павленко) для выяснения положения Миссии в Иерусалиме.

В июне 1919 г. епископ Павел прибыл в Иерусалим. Иеромонах Мелетий попросил его представить необходимые документы от высшей церковной власти на управление делами Миссии. Документов таких у епископа

Павла не было. Епископ Павел обратился к Патриарху Дамнану с просьбой признать его управляющим Миссией. У иеромонаха Мелетия был указ еще Св. Синода, которым ему поручалось исполнять обязанности начальника Миссии, у епископа Павла не было ничего. Естественно, что желания епископа Павла остались без удовлетворения. Очень мало пробыв в Св. Граде, епископ Павел уехал совсем из Палестины, а Миссией продолжал управлять о. Мелетий, которого Высшее Церковное Управление Заграницей (ВЦУЗ) вскоре вторично (т. к. он уже имел назначение Св. Синода от 1914 г.) назначило исполнять обязанности начальника Миссии.

3 мая 1921 г. в Иерусалим из Константинополя прибыл член ВЦУЗ архиепископ Кишиневский Анастасий. Он очень мало пробыл в Иерусалиме, поверхностно ознакомился с Миссией и уехал обратно.

В это время возобновились женские общины на Елеоне и в Горнем. Вернулись монахини, уезжавшие в свое время в Александрию. Горненские сестры привезли с собой останки первой старшей сестры горненской общины монахини Валентины, которая скончалась в Александрии.

В 1922 г. отец Мелетий был возведен Патриархом Дампаном в сан архимандрита. Это возведение, с одной стороны, свидетельствовало о благожелательности Иерусалимского Патриарха к нашей Миссии, а с другой стороны — этот жест показал, что Иерусалимская Церковь не особенно признает авторитет ВЦУЗ, т. к. возведение о. Мелетия в сан архимандрита было сделано без всякого сношения с этим учреждением. ВЦУЗ пришлось награждать архимандрита Мелетия *post factum*.

В 1923 г. Архиерейский Синод, заменивший ВЦУЗ, назначил начальником Миссии архимандрита Иеронима, б. заместителя Знаменского монастыря в г. Курске. Недолго архимандрит Иероним был во главе Миссии. Через год, в 1924 г., он подал в Архиерейский Синод прошение об отставке.

Временное исполнение обязанностей начальника Миссии Архиерейский Синод поручил архимандриту Мелетию, который и руководил Миссией до 1928 г., когда начальником Миссии был назначен архимандрит Киприан из Югославии, преподававший богословие в Битольской духовной школе.

Архимандрит Киприан прибыл в Иерусалим 2 ноября 1928 г. и пробыл там на посту начальника Миссии до 1930 г., когда по прошению был освобожден от этой должности и снова вернулся в Битоль на прежнее место.

Начальником Миссии на место архимандрита Киприана был назначен иеромонах Афанасий (Петров), сын б. русского консула в Александрии. Почти сразу после пострига и иеромонашеской хиротонии его назначили начальником Миссии. Он малое время управлял Миссией. Далее недолго возглавлял Миссию архимандрит Мелетий, а затем Архиерейским Синодом в Миссию был назначен начальником иеромонах Антоний (Синькевич) из Югославии, возведенный сначала в сан игумена, а затем, в 1934 г., в сан архимандрита.

При архимандрите Антонии в Миссии стал издаваться журнал «Святая Земля». В этом журнале, который выходил до 1940 г., бывали неплохие статьи по церковной археологии или различные описания, но, в основном, это был журнал крайнего карловацкого направления.

Без особенных изменений жизнь Миссии шла до 1945 г. Положительного об этом периоде можно сказать только то, что в 1923 г. был восстановлен Яффский сад, засохший во время войны 1914—1918 гг., и Магдальский сад был весь обновлен. В нем также были посажены новые деревья. Однако заслуга в этих хороших делах принадлежит не карловацкому руководству Миссии, а простым русским людям, которые по чувству долга старались вернуть русским землям в Палестине их прежний вид и значение. Сады были восстановлены арендаторами из числа оставшихся русских людей, которые с другими соотечественниками не покладая рук трудились над насаждением и поливкой садов.

1945 год — исторический год в жизни Русской Православной Церкви,

таковым же он был и в жизни нашей Иерусалимской Миссии. Вступивший на Московский Патриарший престол Святейший Патриарх Алексий совершил паломничество в Св. Землю и посетил другие престолы Православного Востока. Его приезд в Иерусалим воодушевил русских людей Палестины. Ведь много лет русские люди, живущие в Палестине, не имели никаких связей с родной землей, и вдруг среди них появился Предстоятель родной Русской Православной Церкви в окружении сонма архипастырей и пастырей, прибывших со своим Первосвященником, чтобы поклониться Живоносному Гробу Господню. Все воочию увидели несостоятельность измышлений карловацкой пропаганды. Святейший Патриарх очаровал всех. Когда он прибыл в Иерусалим, то, как сказал в приветственной речи Патриарх Тимофей, потрясся весь град.

Начальник карловацкой Миссии архимандрит Антоний старался всеми силами удержать в своем расколе духовенство Миссии, монашествующих и прихожан. Однако истинные чада Матери Церкви своим сердцем почувствовали, где пребывает истина. К Святейшему Патриарху за благословением стали приходить и священнослужители, в том числе и старейший член Миссии архимандрит Мелетий, и множество монашествующих, из которых, например, схиигумения Евгения сразу порвала общение с архимандритом Антонием. Действуя шантажом и подкупом, архимандриту Антонию удалось сохранить внешне свою организацию, но среди всех слоев русских людей Палестины образовались сторонники Московской Патриархии или, как они сами себя называли, «патриаршине».

Особенно сильная патриаршая группа образовалась в Горнем. Во главе этой группы стоял духовник монастыря неромонах Исаия. Группа «патриарших» сестер увеличилась еще больше, когда архимандрит Антоний отстранил от управления монастырем всеми уважаемую игумению Тавифу и назначил на ее место никому неизвестную, перед этим только постриженную в монашество, Елисавету. Игумения Тавифа была уволена только за то, что угостила чаем приезжавшего в монастырь как туриста советского консула из Египта.

Чтобы «патриаршине» сестры не были без руководства, по благословению Патриарха Тимофея, во главе их была поставлена монахиня Антонина и возведена в сан игумении.

«Патриаршине» сестры Елеона группировались около игумена Серафима, жившего на Малой Галилее, и около схиигумении Евгении, которая стала горячей сторонницей Московского Патриарха.

Летом 1945 г. Иерусалимская Патриархия порвала сношения с карловацкой Миссией. Всему карловацкому духовенству было запрещено служить на св. местах и в греческих храмах.

Иерусалимская Патриархия, порвавшая с представителями карловацкого раскола всякое общение, давно ожидала прибытия в Св. Град представителей Русской Православной Церкви.

17 сентября 1948 г. в заседании Священного Синода Русской Православной Церкви было решено: «Начальником Русской Духовной Миссии в Палестине (несколько изменилось наименование Миссии. Все время, как мы видели, она была «в Иерусалиме», а здесь она названа «в Палестине»). Этим подчеркивалось ее значение не только для государства Израиль, но и для Иордании, в которую с 1948 г. вошла часть Палестины. — Автор) назначить архимандрита Московской епархии Леонида (Лобачева). В состав Миссии назначить священника Московской епархии — Елховского Владимира Евгеньевича. Предложить архимандриту Леониду немедленно отправиться к месту своего назначения и по прибытии принять дела и имущество по должности начальника Миссии». Таким образом, существование законной Русской Духовной Миссии в Св. Граде снова стало реальным фактом.

В двадцатых числах ноября 1948 г. архимандрит Леонид и священник Елховский отбыли из Москвы и через Прагу и Афины 30 ноября прибыли

в Иерусалим, где их прибытие приветствовал старейший русский житель Иерусалима архимандрит Мелетий. Сразу же началась работа по выяснению, что же принадлежит нашей Миссии. На территории Израиля оказались следующие участки: Русское Подворье в Иерусалиме с Троицким собором и домом Миссии, два дома близ Русского Подворья на ул. Пророков (дом Миловидовой и дом Силаевой), Горненский монастырь в Айн-Кареме, «Место Сидения» близ Горнего, храм и сад в Яффе, земли с домами и храм в г. Хайфе, сады в Назарете и Кане Галилейской (Кфар-Кана), пустырь Лубие, дом «со сводами» в Тивериаде и Магдалский сад близ Тивериады. Остальное все оказалось на территории Иордании. Возглавление карловацкой раскольнической Миссии, бежавшее из Израиля в Иорданию, настроило там соответствующие круги против законной Миссии в Иерусалиме и поэтому удержало за собой владение этой собственностью Русской Православной Церкви.

Сразу после приезда архимандрита Леонида были налажены регулярные богослужения в церкви св. муч. Александры в Иерусалиме. В Горненском монастыре и раньше все время были ежедневные богослужения. В остальных храмах служба стала производиться периодически, по праздникам. Стали понемногу делать ремонты, все приводить в надлежащий вид. Между тем интерес к Миссии со стороны широкой общественности Израиля все более возрастал. Миссию посещали и старались с ней завести знакомства люди самых различных общественных положений и религиозных исповеданий.

Хуже обстоял вопрос с юридическим оформлением наших земель. Во время английского мандата был издан закон, по которому мандатное правительство Палестины назначало опекуна над русским имуществом (имущество Русской Духовной Миссии, Палестинского Общества и великого князя Сергея Александровича). Этот опекун был фактическим хозяином всего русского достояния в Св. Земле. Он контролировал все доходы, без него нельзя было делать никаких казенных расходов, выдавал пособия насельникам монастырей и паломникам.

Первое время власти Израиля не хотели вообще никак оформлять переход миссииских владений к Миссии. Право владения при этом не оспаривалось, но чувствовалась нежелательность нормально разрешить этот вопрос для Израиля. После настоячивых напоминаний и требований опекуна русского имущества И. Л. Рабинович передал архимандриту Леониду имущество Миссии по актам, составив на каждый объект отдельный акт. Такое оформление было далеко не достаточным. Получалось, что Рабинович как частное лицо передает эти владения архимандриту Леониду. В акте не указывались никакие доверенности или решения израильского правительства, на основании которых действовал Рабинович. На актах не было даже печати.

В ноябре 1949 г. (уже прошел год после приезда Миссии в Иерусалим) архимандрит Леонид имел беседу с израильским министром религий. В этой беседе архимандрит Леонид выразил недоумение и возмущение Миссии по поводу ряда вопросов, касающихся отношений к Миссии властей Израиля. В числе пунктов, отмеченных архимандритом Леонидом как проявление недобрых отношений к Миссии и к Русской Православной Церкви, были такие действия израильских властей, как, например, устройство собачьего питомника в Марининском подворье близ алтаря Троицкого собора, распоряжение о размещении санитарного обоза на площади перед собором, открытие в здании «Русской больницы» в 15—20 м от здания Миссии заразного отделения и помещение туда больных черной оспой, полное безразличие полиции к грабегам, различным хулиганским выпадам и осквернениям св. мест на русских участках, проволочка с ремонтом нашего дома «со сводами» в Тивериаде, пострадавшего от израильских взрывов, которыми разрушался соседний арабский квартал уже после окончания войны, отказ военного коменданта выдать пропуски араб-

скому духовенству из Назарета и Каны Галилейской, приглашенному на праздник 25 февраля в Миссию.

Кроме того, архимандрит Леонид сообщил министру религий о неприятном затягивании вопроса с русским имуществом: фактически им продолжал управлять Рабинович как опекун, это имущество часто подвергалось порче и переустройству арендаторами, все арендные платы поступали в банк на счет администратора, последним же не давались своевременно деньги для ремонта храмов и содержания монастыря из-за задержек министерства финансов.

Министр религий обещал урегулировать претензии Миссии (некоторые из них до сих пор не урегулированы), а в отношении имущества сказал, что он вообще не был в курсе этого дела и постарается в правительстве в ближайшее время разрешить благоприятно для Миссии этот вопрос, зятанутый бюрократией чиновников, за печеткую работу которых он извинялся, говоря, что государство новое и только учится управлять страной.

В это самое время подходил момент обсуждения в ООН будущего статуса Иерусалима. Шли упорные разговоры о его интернационализации, согласно бывшим ранее решениям Генеральной Ассамблеи. Израильские власти старались всячески доказать, что все религиозные объединения и исповедания пользуются полной свободой в своей деятельности. К концу 1949 г. израильский парламент вынес решение о ликвидации мандатного закона об администраторе русского имущества, об уравнивании этой институции и о передаче всего русского имущества его владельцам по принадлежности в полное их владение и распоряжение.

С внешней же стороны израильские власти проявляли к Миссии полную корректность и старались показать равенство ее со всеми другими исповеданиями (приглашение начальника Миссии на приемы к президенту и т. д.).

Сразу после приезда Миссии в Иерусалим завязались сердечные и братские отношения с Иерусалимской Патриархией. Русская Православная Церковь всегда должна с особой любовью относиться к патриаршему наместнику архиепископу Севастийскому Афинагору, который много содействовал верным чадам Московского Патриаршего престола, когда они боролись с раскольниками. После водворения в Миссии представителя Святейшего Патриарха Алексия Владыка Афинагор сразу постарался завязать с Миссией личное непосредственное общение. Заслуги архиепископа Афинагора особенно велики потому, что Патриарх Тимофей был все время в состоянии крайней немощи. Еще за несколько лет до описываемого времени он не мог совершать богослужения, почти не ходил, поэтому, естественно, и управлять делами Патриархии не мог, а архиепископ Афинагор в своей должности патриаршего наместника практически исполнял все патриаршие обязанности.

Дальше взаимоотношения с Иерусалимской Патриархией продолжали оставаться очень хорошими все время. Архиепископ Афинагор в течение 1949 г. несколько раз снова посещал Миссию, приезжали и разные архимандриты. Одним словом, общение между Миссией и Патриархией не осложнялось ничем.

Наряду с Иерусалимской Патриархией добрососедские отношения Миссия установила и с другими христианскими исповеданиями. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме всегда пользовалась большим авторитетом. Поэтому задачей Миссии, прибывшей из Москвы, было сохранить тот авторитет, который для Миссии завоевали ее прежние начальники — архимандрит Порфирий, епископ Кирилл, архимандрит Антонин и другие. Сохраняя этот авторитет, нужно было завязать хорошие отношения со всеми религиозными кругами Св. Земли.

На этом участке работы у Миссии тоже было все благополучно. Архимандрит Леонид делал визиты различным представителям инославия и

принимал их у себя. Первое официальное общение инославных кругов с Русской Духовной Миссией и, можно сказать, с Русской Православной Церковью было 25 февраля 1949 г. В этот день тезоименитства главы Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Алексия, главы различных христианских кругов, представленных в Израиле, были приглашены на торжественное богослужение и на прием в честь Московского Патриарха. С того раза вошло в прочную традицию ежегодно торжественно отмечать день Ангела Святейшего Патриарха. Праздник всегда начинается литургией, которую совершает обычно множество греческого, арабского и русского духовенства. За литургией присутствуют многие представители различных посольств, консульств, официальные лица израильских высших государственных учреждений, представители местной интеллигенции, общественности, печати и т. д. После литургии все гости во главе с духовенством шествуют в покои начальника Миссии, где бывает большой прием. Все приглашенные на 25 февраля 1949 г. (армяне, копты, эфиопы и др.) своим присутствием оказали уважение как Миссии, так и всей Церкви, пославшей эту Миссию.

В дальнейшем при каждом удобном случае христианские круги Палестины, да и не только христианские, но и все религиозные деятели, выражали Миссии свое уважение. Так, в первый же день пребывания архимандрита Леонида в Старом Городе у него был с визитом глава францискан, живущих при Гробе Господнем. Когда в Израиль прибыл армянский патриарх Иерусалима, он пригласил к себе в Яффу архимандрита Леонида для беседы, а незадолго перед этим армянский архиепископ из Багдада посетил нашу Миссию в Иерусалиме. И с другими исповеданиями все время поддерживались добрые взаимоотношения путем встреч, бесед, взаимных визитов и т. д.

В таких условиях возродилась и продолжалась жизнь Иерусалимской Миссии. Естественно, что своеобразная рабочая атмосфера и тяжелый палестинский климат создавали такое настроение, что сотрудники Миссии стремились и стремятся побыстрее вернуться в родные края. Просили об этом Московскую Патриархию и архимандрит Леонид, и священник Елховский.

В Патриархии, отчасти снисходя к этим просьбам, но, главным образом, желая поднять престиж Миссии, было решено направить на должность начальника Миссии настоятеля Псково-Печерского монастыря епископа Изборского Владимира (Кобец) в сопровождении двух священников, членов Миссии. Архимандрита Леонида было решено сделать заместителем начальника Миссии (пока епископ Владимир не войдет в курс дела), а священнику Елховскому благословлялось возвращаться домой.

Епископ Владимир — пострижник Киево-Печерской Лавры. Одно время он был казначеем Троице-Сергиевой Лавры, затем был настоятелем Псково-Печерского монастыря, откуда и был призван к епископскому служению в 1948 г., когда был хиротонисан во епископа Порховского.

Новый состав Миссии отправился в путешествие из Москвы перед праздником Рождества Христова и достиг Иерусалима 12 января 1950 г.

Вместе с епископом Владимиром в Миссию прибыли священник Дмитрий Москалев и священник Виктор Костин. Священник Москалев пробыл в Иерусалиме недолгое время, он заболел и вернулся в Москву, где и стал проходить пастырское служение. Священник Костин жил в Иерусалиме около двух лет.

Святейший Патриарх Алексий направил с новым начальником Миссии послание к Иерусалимскому Патриарху Тимофею, где просил с любовью принять нового посланника Русской Православной Церкви. Назначение епископа на пост начальника Миссии было необычным явлением. За столетнюю историю Миссии это был второй случай. После епископа Кирилла Миссию все время возглавляли архимандриты. Патриарх Тимофей и все

греческое духовенство, Синод и святोगробское братство встретили епископа Владимира очень хорошо и так относились к нему все время, пока он занимал свой пост. Иногда греки чаще бывали в Миссии, иногда реже, но это зависело от политической обстановки, т. к. иорданские власти очень недоброжелательно смотрели на дружбу Иерусалимской Патриархии с русскими, а иногда то же самое бывало и со стороны греческого генерального консульства.

5 апреля 1950 г. архимандрит Леонид уехал в Москву.

Епископ Владимир к тому времени окончательно освоился с делами Миссии. При нем особых событий в жизни Миссии не было. В основном, жизнь текла тем же руслом, что и при архимандрите Леониде, как внутри Миссии, так и во внешних ее проявлениях.

Во время пребывания в Миссии Преосвященного Владимира в израильскую часть Иерусалима прибыл Блаженнейший Патриарх Тимофей. Миссию он посетить не смог ввиду своего крайне немогущего состояния, но епископ Владимир представлялся ему в отеле «Кинг Дэвид», приветствовал Его Блаженство, и Блаженнейший с радостью встретил его.

К концу своего пребывания в Св. Земле епископ Владимир тяжело заболел.

Оправившись после болезни, епископ Владимир уехал в Москву для отдыха и поправления здоровья. Распрощавшись с Палестиной, 25 сентября 1951 г. он, сопровождаемый иеродиаконном Сергием (Павлюком), покинул Палестину, отбыв из порта Хайфы на пароходе.

В этот же день в Хайфу тоже на пароходе прибыло пополнение Миссии. Оно состояло из архимандрита Поликарпа (Приймак), назначенного заместителем начальника Миссии (ввиду отъезда из Палестины самого начальника, он становился исполняющим обязанности начальника Миссии, только в конце 1952 г. архимандрит Поликарп был утвержден в должности начальника Миссии), протоиерея Алексея Громова (из г. Владимира) и протоиерея Григория Хомутова (из Рязанской епархии). Члену Миссии отцу Виктору Костину благословлялось после ознакомления нового состава Миссии с делами возвратиться на Родину.

В 1951 г. в Миссии торжественно было отмечено 80-летие со дня рождения старейшего члена Миссии архимандрита Мелетия. Он был награжден патриаршей грамотой, и ему, согласно его прошению об увольнении его за штат по преклонности лет, была назначена хорошая пенсия. Отец Мелетий был живой связью между Миссией, бывшей до войны 1914 г., и нашей современной Миссией. Немного больше чем через год после ухода на пенсию, отец Мелетий скончался и был погребен на кладбище Горненского монастыря, где после войны 1948 г., когда христианское кладбище на горе Сион попало в нейтральную между Израилем и Иорданией зону, стали хоронить русских православных людей.

С внешним миром архимандрит Поликарп поддерживал те же взаимоотношения, что и его предшественники. У Миссии год от года увеличивался круг знакомых и друзей.

Израильские власти все время хорошо говорили о своих отношениях к Миссии, но не подкрепляли эти высказывания соответствующими делами. Особенно трудное время наступило для Миссии в 1953 г., когда израильскими провокаторами была брошена бомба в Советское Посольство в Тель-Авиве, а затем последовал разрыв дипломатических отношений между СССР и Израилем. Сразу во всех жизненных проявлениях окружающий израильский мир стал подчеркивать свою враждебность к Миссии. Начались всевозможные провокации и агрессивные акты. В Яффе был реквизирован миссийский сад со всеми постройками, за исключением храма и дома, где жила наш священник и заведующая садом. В Горнем начались попытки захватить лучшие здания. Миссия протестовала против этих беззаконий, как могла.

Домá в Яффском саду, правда, были скоро освобождены от израиль-

ских солдат, которые поселились там еще до получения Миссией уведомления о реквизиции, но это выселение обнаглевших израильтян было результатом вмешательства и протеста болгарской дипломатической Миссии, которая представляла интересы СССР в Израиле. В домах Яффского сада, чтобы пресечь попытки к новому их захвату, поселились болгарские дипломаты.

Только с восстановлением дипломатических отношений с Советским Союзом в Израиле стали снова терпимо относиться к Миссии. Такое отношение в Израиле к нашей Миссии в период разрыва дипломатических отношений с СССР более чем непонятно, т. к. все израильские чиновники знали и знают, что Русская Православная Церковь в СССР не является государственной и что она отделена от государства.

Внутренняя жизнь Миссии во дни архимандрита Поликарпа тоже мало чем отличалась от жизни предшествующих лет.

В ноябре 1953 г. на Родину отбыл протоиерей Хомутов, на его место прибыл священник Сергей Харламов, а в июле 1954 г. возвратился в Москву и протоиерей Громов.

Осенью 1954 г., когда архимандрит Поликарп и священник Харламов совершали поездку в Магдальский сад, их автомобиль попал в катастрофу. Архимандрит Поликарп пострадал мало, а священник Харламов получил тяжелые увечья, долго лежал в больнице, а когда несколько оправился после тяжелого потрясения, то был отозван в Москву. Решением Священного Синода в 1955 г. было изменено название Русской Православной Духовной Миссии Московской Патриархии в Палестине на прежнее традиционное наименование, имеющее столетнюю давность, — Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, о чем и был послан указ Святейшего Патриарха от 14 марта 1955 г. за № 390.

Во второй половине апреля архимандрит Поликарп был отозван в Москву, а в первых числах мая в Иерусалим отбыло из Москвы новое пополнение Миссии — протоиерей Михаил Зернов и игумен Пимен (Хмельевский). На время отсутствия начальника Миссии замещать последнего было поручено протоиерею Зернову.

В августе 1955 года из СССР в Горненский монастырь прибыла первая группа монахинь в качестве пополнения его личного состава. Прибывшие быстро освоились, сжились с сестрами, пробывшими в Горнем по сорок и более лет, и включились во все монастырские послушания.

До октября 1955 г. пробыл в Иерусалиме протоиерей Зернов, а затем поехал в Москву для доклада о жизни Миссии.

За время отсутствия протоиерея Зернова делами Миссии руководил игумен Пимен.

Протоиерей Зернов пробыл в Москве до февраля 1956 г. По его просьбе он был освобожден от прохождения службы в Иерусалиме. Решением Священного Синода 25 февраля 1956 г. начальником Миссии был назначен игумен Пимен с возведением в сан архимандрита. В этот же день членом Миссии был назначен автор настоящих строк, бывший в то время в звании иеромонаха.

Деятельность Миссии при архимандрите Пимене проходила прежним порядком во внутренних и внешних проявлениях жизни. Отношение израильских властей в это время тоже было, в основном, обычное — вежливость и любезность при встречах и посягательства на владения Миссии, особенно на часть земли Горненского монастыря, которая была экспроприрована израильским правительством для своих целей.

В июне 1956 г. в Горненский монастырь прибыла вторая группа монахинь — пополнение в обитель, где большинство насельниц — древние старицы. Новые сестры Горнего тоже быстро освоились на новом месте.

Архимандрит Пимен пробыл в Иерусалиме до июля 1957 года. Затем он выехал в Москву, был освобожден от должности начальника Миссии

с назначением в братию Троице-Сергиевой Лавры и одновременным назначением преподавателем Московской духовной академии. Позднее его назначили наместником Лавры.

Решением Священного Синода от 25 сентября 1957 г. начальником Миссии был назначен автор этих строк с возведением в сан архимандрита. 3 ноября 1957 г. в Троицком соборе Миссии за Божественной литургией Назаретский митрополит Исидор совершил чин возведения. Святейший Патриарх Алексий в своем письме на имя Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Венедикта (нужно заметить, что Патриарх Тимофей скончался 31 декабря 1955 г., а на его место в начале февраля 1957 г. был избран архиепископ Тивериадский Венедикт) просил Его Блаженство принять нового начальника Миссии в отеческое покровительство и любовь.

Подробно о деятельности Русской Духовной Миссии и Иерусалима, возрожденной в 1948 г., пусть напишут когда-нибудь позднее. Сейчас, помимо краткого перечисления основных событий в Миссии за последние годы, нужно отметить, что Миссия Русской Православной Церкви, прибывшая из страны, где Церковь отделена от государства, установила добрые отношения с Посольством СССР в Израиле, точнее с консульским отделом Посольства, который занимается делами граждан нашей страны, находящихся за границей. Такие же хорошие отношения установились и с Палестинским Обществом, которое ныне именуется Палестинским Обществом Академии Наук СССР. Только теперь, когда прекратилось смешение функций Миссии, Консульства и Палестинского Общества, все эти представительства русского народа на Востоке стали заниматься своей, присущей каждому, деятельностью, сохраняя взаимное уважение и невмешательство в дела друг друга.

Материальное обеспечение Миссии все время является вполне достаточным. Московская Патриархия в этом отношении заботится о миссионерских потребностях.

Начальники и члены Миссии, назначаемые в Св. Град, обычно тягостятся своим послушанием. Трудно жить в чужой стране, где так мало

Получение благодатного огня на израильско-иорданской границе

осталось русских людей, куда оформление виз для новых пополнений духовенства и Горненского монастыря затягивается израильскими властями на много, много месяцев. Кроме того, цель паломничества — поклонение Живоносному Гробу Господню и другим святыням, остается, в основном, не достигнутой. Далеко не всем из миссионерского духовенства и горненских монахинь удалось за последнее время побывать в Старом Городе, т. к. власти Иордании, находящиеся под контролем, давлением и влиянием английских и американских империалистов, чаще всего отказывают русским в просьбах разрешить проход через границу из Израиля в Иорданию и обратно. В Миссии ежедневно слышен колокольный звон Воскресенского храма, в Старом Городе слышат трезвон русских колоколов в Миссии, но попасть ко Гробу Господню, находящемуся от Миссии в нескольких минутах ходьбы, чрезвычайно трудно.

Такое своеобразие жизненных условий побуждает наше духовенство после непродолжительных сроков пребывания в Иерусалиме просить свое начальство о возвращении на Родину. Московская Патриархия в этом отношении всегда идет навстречу своим посланцам в Св. Земле, и они, пробыв года два в Миссии, возвращаются домой с радостью, что Господь сподобил видеть Святую Землю и вернуться в свое Отечество.

В настоящее время задачи Миссии сами говорят о ее значении в Иерусалиме, где представлены почти все христианские исповедания: Миссия прежде всего совершает молитвы во Святом Граде о своей стране, о своем народе, о своей Церкви; Миссия от лица Русской Православной Церкви поддерживает непосредственное братское общение с Иерусалимским Патриархатом, Миссия общается с самыми различными слоями и представителями всех религиозных кругов Израиля и отчасти Иордании (когда туда разрешают въезд); Миссия хранит и укрепляет то богатое наследство в виде различных владений, которые достались ей путем трудов и забот ее начальников и членов, подвизавшихся в минувшие годы; богослужение в Миссии считается самым красивым, самым лучшим по своей постановке среди других христианских общин. Об этом говорят не только представители инославия, но иудеи Израиля.

Невольно хочется закончить историю Русской Духовной Миссии в Иерусалиме пожеланием ей еще много, много лет представлять в святых местах нашу родную Церковь, преуспевать во всех видах ее деятельности, быть наследницей тех хороших традиций, которые сложились за время ее существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архимандрит Кириил О. Антоний Капустин, архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817—1894 гг.). Белград, 1934, с. 114—115.

² П. В. Безобразов. О сношениях России с Палестиной в XIX веке. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. XXII, вып. II, СПб., 1911, с. 185—187.

³ Н. Каптерев. Сношения Иерусалимских патриархов в текущем столетии (1815—1844 гг.). «Православный Палестинский Сборник», т. XV. Выпуск первый. СПб., 1898, с. 679—681.

⁴ Там же, с. 684.

⁵ Там же, с. 685.

⁶ Епископ Порфирий (Успенский) Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского, т. I, СПб., 1894, с. 229, 250, 254, 262.

⁷ Там же, с. 355.

⁸ Кирилл. Пребывание преосвященного Порфирия Успенского на Св. Земле. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. XV, выпуск 4. СПб., 1905, с. 281—282.

⁹ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. II, с. 379.

¹⁰ Там же, т. III, с. 161.

¹¹ Там же, с. 358, 360.

¹² Там же, с. 252.

¹³ Там же, т. V, с. 149.

¹⁴ Там же, т. III, с. 352, 353.

- ¹⁵ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. III, с. 36.
- ¹⁶ Там же, с. 622.
- ¹⁷ Там же, с. 626, 627.
- ¹⁸ Там же, с. 252—253.
- ¹⁹ Там же, с. 362—363.
- ²⁰ Архимандрит Порфирий. Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского с 1850 г. СПб., 1856, с. 1.
- ²¹ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. IV, с. 57.
- ²² Там же, т. V, с. 215—216.
- ²³ Свящ. Ф. И. Титов. Пресвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Киев, 1902, с. 108, 113.
- ²⁴ Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее АРДМ), дело № 1. Копия доклада Министерства Иностранных Дел императору Александру II.
- ²⁵ Епископ Порфирий. Книга бытия моего..., т. VI, с. 46.
- ²⁶ АРДМ, дело № 4. Указы о назначении состава Миссии.
- ²⁷ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 136.
- ²⁸ Архимандрит Порфирий. Второе путешествие по св. Горе Афонской. М., 1880, с. 12—13.
- ²⁹ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 120.
- ³⁰ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 229.
- ³¹ АРДМ, дело № 951. Переписка епископа Кирилла с Российским послом в Константинополе Бутеневым.
- ³² АРДМ, дело № 955. Награждение орденами Патриарха Кирилла и митрополита Мелегия Петроаравийского.
- ³³ АРДМ, дело № 1013. Переписка с русским консулом в Дамаске по вопросу о различных пожертвованиях Антиохийской Церкви.
- ³⁴ АРДМ, дело № 1204. Дело о пожертвованиях Антиохийской Церкви.
- ³⁵ АРДМ, дело № 1205. Дело о посылке митрополиту Тиро-Сидонскому Герасиму архиерейского облачения и митры.
- ³⁶ АРДМ, дело № 1695. Переписка по делу миссийского дома в Дамаске.
- ³⁷ АРДМ, дело № 1015. Переписка по делу воссоединения униатов.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ АРДМ, дела №№ 102, 1455, 1456. Прощения о воссоединении с православием аббата Пинелли, монаха Константина и др.
- ⁴⁰ АРДМ, дело № 1035. Копия англиканского послания с подписями.
- ⁴¹ Журнал «Christian news in Israel» 1957, ноябрь, с. 17.
- ⁴² АРДМ, дело № 887. Переписка о путешествии епископа Кирилла караваном в Назарет.
- ⁴³ АРДМ, дело № 1505. Инструкции в случаях бракосочетаний.
- ⁴⁴ АРДМ, дела №№ 261—263. О разных постригах.
- ⁴⁵ АРДМ, дело № 1106. Прощения паломников о помощи.
- ⁴⁶ АРДМ, дело № 1215. О хирургических инструментах.
- ⁴⁷ АРДМ, дело № 1217. Отношение из Азиатского департамента Министерства Иностранных Дел от 29 января 1860 г., за № 426.
- ⁴⁸ АРДМ, дело № 936. Дело о приезде великого князя Константина.
- ⁴⁹ Свящ. Ф. И. Титов, указ. соч., с. 424—425.
- ⁵⁰ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886, с. 378—379.
- ⁵¹ АРДМ, дело № 19. Указы о назначении духовенства и певчих в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.
- ⁵² АРДМ, дело № 1669. Переписка об окончании строительства здания Миссии и церкви во имя святой мученицы Александры на Русских Постройках в Иерусалиме.
- ⁵³ АРДМ, дела №№ 262—263. Дела о паломниках.
- ⁵⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, с. 435—436.
- ⁵⁵ Там же, с. 473—493.
- ⁵⁶ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 131.
- ⁵⁷ «Церковный Вестник». 1877, № 41, с. 8.
- ⁵⁸ АРДМ, дело № 1377. Переписка с Иерусалимской Патриархией.
- ⁵⁹ АРДМ, дело № 1195. Письмо из Константинопольского посольства.
- ⁶⁰ И. И. Соколов. Иерусалимский Патриарх Кирилл II и его отношение к болгарской церковной схизме. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества». т. XXV, вып. 1—4, 1914. Т. XXVI, вып. 1, 1915, т. XXVII, 1916.
- ⁶¹ АРДМ, дело № 963. Указ Св. Синода, № 224, от 5 августа 1874 г.
- ⁶² АРДМ, дело № 973. Письмо Иерусалимского Патриарха Никодима архимандриту Антонину от 25 октября 1886 г.
- ⁶³ АРДМ, дело № 975. Письмо священника Анисимова архимандриту Антонину от 2 сентября 1888 г.
- ⁶⁴ АРДМ, дело № 972. Переписка с Иерусалимской Патриархией.
- ⁶⁵ АРДМ, дело № 128. Письмо архимандрита Антонина к Мансурову.
- ⁶⁶ АРДМ, дело № 1295. Письмо В. Н. Хитрово от 25 декабря 1879 г.
- ⁶⁷ Архимандрит Киприан, указ. соч., с. 152.

- 68 АРДМ, дело № 128, цит. письмо архимандрита Антонина к Мансурову.
 69 Архим. К и п р и а н, указ. соч., с. 160—163.
 70 АРДМ, дело № 2416. Указ Св. Синода о Горненском празднике.
 71 АРДМ, дело № 2010. Переписка с Палестинским Обществом.
 72 Освящение православной церкви в Яффе. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. IV, СПб., 1894.
 73 Выписка из решения Св. Синода от 29 декабря 1857 г. (Хранится в канцелярии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме).
 74 АРДМ, дело № 2060. Письма графа Игнатъева.
 75 АРДМ, дело № 1700. Переписка с Петербургом о покупке земель.
 76 «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» за 1901 г., т. XII, вып. 1, с. 73—75.
 77 АРДМ, дела №№ 252—254, 926. Различные прошения.
 78 АРДМ, дела №№ 263, 264, 268, 269, 270, 913. Дела о постригах.
 79 АРДМ, дела №№ 1484—1505. Брачные дела, метрические книги.
 80 АРДМ, дела №№ 1114—1120, 1122—1124. Дела о материальной помощи папашникам.
 81 АРДМ, дело № 896. Письмо консула Арсеньева.
 82 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом. Ответ из Св. Синода, за № 9515 от 21 августа 1870 г.
 83 АРДМ, дела №№ 1067—1081, 1084. Переписка с арабами.
 84 АРДМ, дело № 1018. Переписка с болгарами.
 85 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом.
 86 АРДМ, дело № 95. Письмо к К. П. Победоносцеву от 2 июля 1890 г.
 87 АРДМ, дело № 92. Переписка с Петербургом.
 88 АРДМ, дело № 668. Дело о зарплате регенту хора.
 89 АРДМ, дела №№ 827, 829, 833. Финансовые дела Миссии.
 90 АРДМ, дело № 828. Дело об устройстве навеса над входом в Миссию.
 91 АРДМ, дела №№ 2057, 2058. Сведения о пожертвованиях.
 92 АРДМ, дела №№ 408—575, 599—600, 701—715. Сведения о пожертвованиях.
 93 АРДМ, дело № 1038. Благодарственное письмо эфнопов.
 94 См. «Православный Палестинский Сборник», т. III, вып. 1, СПб., 1884 г.
 95 См. «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества», т. VII, СПб., 1897, с. 391—399.
 96 А. Д м и т р и е в с к и й. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антоний. «Сообщения Имп. Прав. Палест. Общества», т. XV, вып. 2. СПб., 1904, с. 125—127.
 97 Там же, с. 144—146; Архим. К и п р и а н, указ. соч., с. 191—194.
 98 АРДМ, дело № 41. Свидетельство, выданное архимандриту Арсеню.
 99 АРДМ, дело № 42. Указ начальнику Русской Духовной Миссии архимандриту Рафаилу за № 3911.
 100 АРДМ, дело № 988. Переписка с Св. Синодом и указ Св. Синода.
 101 Там же.
 102 Прот. М а л ы ц е в. Православные церкви и русские учреждения за границей, СПб., 1906, с. 217.
 103 АРДМ, дела №№ 1244, 1274. Переписка с консулом.
 104 АРДМ, дела №№ 769, 835, 836. Переписка о ремонтах.
 105 АРДМ, дело № 4020. Руководственные правила для Горненской женской общины, утвержденные определением Св. Синода от 24 июля 1898 г. за № 2699.
 106 АРДМ, дело № 1901. Акт о покупке земли.
 107 АРДМ, дело № 159. Переписка с Петербургом по делу завещания архимандрита Антонина.
 108 АРДМ, дела №№ 727, 840. Переписка с В. Н. Хитрово.
 109 АРДМ, дело № 51. Переписка об увольнении архимандрита Рафаила и о назначении архимандрита Александра.
 110 АРДМ, дело № 172. Переписка о библиотеке и музее Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.
 111 АРДМ, дела №№ 1723, 1971, 1998. Переписка о стенах и столбах в Иерихоне.
 112 АРДМ, дела №№ 1977, 1980. О Силоаме.
 113 АРДМ, дело № 2213. Письмо В. Н. Хитрово архимандриту Александру от 30 декабря 1900 г. № 1826.
 114 АРДМ, дела №№ 174, 1918. Сведения о пожертвованиях.
 115 АРДМ, дела №№ 733—737. Отчетность.
 116 АРДМ, дела №№ 732, 184. Переписка о финансах и денежной помощи.
 117 АРДМ, дело № 175. О поступлении Ильи Самина в духовное училище в России.
 118 АРДМ, дело № 732. Переписка о финансах.
 119 АРДМ, дело № 1318. Копия письма В. Н. Хитрово к архимандриту Александру № 1816 от 29 декабря 1900 г.
 120 АРДМ, дело № 2201. Переписка о ремонте.
 121 АРДМ, дело № 902. Дело о постройке Николаевского подворья.
 122 АРДМ, дело № 172. Письмо из Московской духовной академии.

- ¹²³ АРДМ, дело № 899. Переписка о присылке книг Св. Писания.
- ¹²⁴ АРДМ, дело № 900. Письмо архимандрита Александра к прот. Михайловскому.
- ¹²⁵ АРДМ, дело № 67. Письмо архимандрита Леонида к митрополиту Антонию от
24 июля 1903 г.
- ¹²⁶ АРДМ, дела №№ 921, 922, 927, 935, 1791, 2050, 2151. Дела паломников
духовного звания.
- ¹²⁷ АРДМ, дела №№ 905, 906, 2096. Переписка о паломниках.
- ¹²⁸ АРДМ, дела №№ 996, 1007, 1139. Дела о помощи прокаженным.
- ¹²⁹ АРДМ, дело № 997. Прошения об устройстве детей в школы и пансионы.
- ¹³⁰ АРДМ, дела №№ 2042—2049. Переписка об экспорте цитрусовых плодов.
- ¹³¹ АРДМ, дела №№ 193, 1260. Переписка об экспорте масла и вина.
- ¹³² АРДМ, дела №№ 842, 2044. О живописных работах.
- ¹³³ АРДМ, дело № 2056. Письмо Запенина о пожертвовании.
- ¹³⁴ АРДМ, дела №№ 865, 870. О пожертвованиях.
- ¹³⁵ АРДМ, дело № 233. Записки архимандрита Леонида о земельных приобрете-
ниях и разных работах на миссийских участках.
- ¹³⁶ АРДМ, дело № 2217. Переписка об устройстве кладбища в Гефсимани.
- ¹³⁷ АРДМ, дело № 208. Переписка об устройстве миссийского подворья в Москве.
- ¹³⁸ АРДМ, дела №№ 1971, 2082, 2085, 2095. Переписка о строительстве храма
в Хевроне.
- ¹³⁹ АРДМ, дело № 2158. Фирман султана на открытие русского храма св. пророка
Иллии на Кармиле. Переписка по этому делу.
- ¹⁴⁰ АРДМ, дело № 1008. Письмо жителей Назарета о постройке храма от 29 мар-
та 1914 г.
- ¹⁴¹ АРДМ, дело № 218. Указ Св. Синода от 13 декабря 1912 г. № 19039 о бла-
гословении на сбор пожертвований для постройки храма в Тивериаде.
- ¹⁴² АРДМ, дело № 995. Указ Св. Синода № 9058 от 30 июня 1910 г.
- ¹⁴³ АРДМ, дело № 1000. Письмо Патриарха Дамиана от 29 ноября 1910 г.
№ 1658.
- ¹⁴⁴ АРДМ, дело № 1257. Переписка с консулом о пометках в паспортах.
- ¹⁴⁵ АРДМ, дела №№ 999, 1001. Отношение Русской Духовной Миссии к греко-
арабскому вопросу. См. также С. Троицкий. Греко-арабский вопрос в Палестине.
«Прибавления к Церковным Ведомостям», 1909, №№ 8 и 10, с. 398—401, 486—491.
- ¹⁴⁶ АРДМ, дело № 1006. Переписка с Св. Синодом. Указ Св. Синода № 4680 от
21 марта 1913 г.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ АРДМ, дело № 1026. Письмо Патриарха Григория.
- ¹⁴⁹ АРДМ, дело № 1027. Переписка с Антиохийским патриархом Григорием об
иконах.
- ¹⁵⁰ АРДМ, дела №№ 2930, 1028. Переписка с клиром Антиохийского Патриар-
хата.
- ¹⁵¹ АРДМ, дела №№ 1025, 1210. О посылке Св. Мира для Антиохийского Пат-
риархата.
- ¹⁵² АРДМ, дело № 1024. Письмо игуменни Мариам.
- ¹⁵³ АРДМ, дела №№ 1924—1954, 1958—1971. Дела Елеона.
- ¹⁵⁴ АРДМ, дело № 79. Переписка с Св. Синодом.
- ¹⁵⁵ АРДМ, дело № 1470. Принятие в православие Жоржет Лясефль.
- ¹⁵⁶ АРДМ, дело № 234. Просьба о пожертвовании на храм св. Марии Магдалины.
- ¹⁵⁷ АРДМ, дело № 1325. Переписка с Палестинским Обществом.
- ¹⁵⁸ АРДМ, дело № 7556. Переписка о назначении архимандрита Леонида епис-
копом Балахнинским и об оставлении его в Иерусалиме.
- ¹⁵⁹ Копия с решения суда о духовном завещании начальника Русской Духовной
Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Сенцова) (хранится в канцелярии Рус-
ской Духовной Миссии в Иерусалиме).

*Митрополит Ленинградский
и Новгородский НИКОДИМ*

ИОАНН XXIII, ПАПА РИМСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор настоящей работы, еще в бытность свою студентом Ленинградской духовной академии, с большим уважением относился к одному из старейших академических профессоров С. А. Купрессову, человеку большой эрудиции, талантливому богослову и блестящему педагогу. В курсе лекций по «Истории западных исповеданий», принадлежавших перу ныне покойного Сергея Алексеевича, были приведены размышления одного путешественника, который, посетив Святую Землю, был до глубины души потрясен той враждой, какая царила там между христианами различных исповеданий. Эти наблюдения побудили его задать себе вопрос: настанет ли такое время, когда все последователи Христовы будут едиными устами и единым сердцем прославлять своего Небесного Отца? Путешественник пришел к неутешительному выводу, считая, что это настанет лишь тогда, когда, по словам Апостола, «последний враг истребится — смерть» (1 Кор. 15, 26).

Века взаимной отчужденности укрепляли неприязнь, порождали столкновения и конфликты, вызывали появление не всегда серьезной литературы полемикаческого характера. Тяжесть и горечь разделения и недоброжелательства в отношениях между христианами разных исповеданий пришлось отчасти ощутить на себе и самому автору этих строк в бытность его начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Именно там 28 октября 1958 года он услышал, как одновременно не в обычное время и внезапно во всех католических храмах Иерусалима по-праздничному зазвонили колокола. Автор этих строк включил радиоприемник и услышал, что самое короткое время назад в Риме с лоджии собора св. Петра кардинал Канали возгласил о том, что папой Римским после незадолго до этого скончавшегося папы Пия XII избран малоизвестный в широких христианских кругах патриарх Венецианский кардинал Ронкалли... Появились первые фотографии новоизбранного: полный человек с добрым, приветливым лицом... крестьянин по происхождению.

Конечно, не с самого момента избрания, несколько позже, но все же совершенно явственно стало ощущаться изменение «климата» в отношениях католиков к своим христианским «отделенным» братьям. Вначале можно было говорить только о «потеплении», затем об улучшении взаимопонимания, потом... потом наблюдатели Русской Православной Церкви поехали на Второй Ватиканский Собор... Учащаются взаимные контакты между католиками и православными — официальные или полуофициальные, но протекающие в духе подлинного братства... Наконец, в декабре 1967 года во время совершения Божественной литургии с амвона Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры в Ленинграде католический епископ монсеньор Иоанн Виллебрандс обращается со словом проповеди, со словом назидания и в заключение осеняет архипастырским благословением не-

Магистерская диссертация, написанная в 1969 году и защищенная в Московской духовной академии 15 апреля 1970 года («Журнал Московской Патриархии», 1970, № 7, с. 39—41), 657 стр. машинописи. Публикуется в сокращении.— *Ред.*

сколько тысяч православных, предстоящих и молящихся... Хор поет: «Ис полла эти, деспота»...

«Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн», — так Константинопольский Патриарх Афинагор выразился о папе Иоанне XXIII. И действительно, вся церковная жизнь последних лет свидетельствует о справедливости применения этих евангельских слов к покойному папе. Глубокое убеждение автора в исключительности исторической роли папы Иоанна XXIII побудило его взяться за перо и осветить деятельность этого Первосвященителя Римской Церкви. Русское Православие хранит добрые воспоминания об этом иерархе, но жизнь папы-миротворца, миротворца в самом широком смысле этого слова, известна сравнительно немногим. Поэтому мы взяли на себя труд, не создавая панегирика, по возможности объективно воссоздать облик этого незаурядного человека, христианина, служителя Христова, предстоятеля Римско-Католической Церкви.

4 ноября 1958 года, во время коронации, папа Иоанн XXIII произнес слово в соборе св. Петра. Лица, присутствовавшие на церемонии в то утро, рассказывали, что среди кардиналов, епископов, священников и специалистов в вопросах ватиканского протокола было заметно движение удивления, когда папа, прочитав с трона Евангелие, начал говорить. Эта речь не была предусмотрена в утвержденном накануне церемониале и потому о ней не упоминалось в брошюре с детальным описанием торжеств, которая была роздана присутствующим. Согласно программе и древней традиции, за чтением Евангелия должны были последовать непосредственно молитвы Предложения. На торжествах коронации папы никогда не говорили. Вопреки обычаю, папа Иоанн XXIII произнес слово, которое было настоящей программной речью. Прежде всего он сказал о том, что будет иным папой, чем его предшественник. Тем, кто мог предположить, что он будет вести себя как государственный деятель и дипломат, папа Иоанн XXIII заметил, что они заблуждаются, так как представляют в ложном свете то, чем должен быть Римский папа. «Папа именуется так, — говорил он, — потому что он — как любящий отец»¹.

В своем обращении к миру от 29 октября, на следующий день после своего избрания, папа Иоанн XXIII сказал о некоторых принципах, которыми он будет руководствоваться в своей деятельности и которые впоследствии получили развитие в его энцикликах. Новый папа сразу же довел до всеобщего сведения свою программу, как мог поступить только человек, намеревающийся осуществлять ясные, созревшие в течение времени идеи. Уже в своих самых первых выступлениях он много говорил о мире и при этом не прибегал к отвлеченным рассуждениям, а акцентировал понятие мира, неотделимого от справедливости.

В своей коронационной речи папа говорил: «Ближе всего к сердцу принимаем мы задачу пастыря всего стада. Прочие человеческие качества — наука, дипломатическая осторожность, организационные способности — могут служить украшением и восполнением папского правления, но не могут заменить этой задачи»². Папа Иоанн XXIII хорошо сознавал, что Церковь приблизилась к такому поворотному моменту своей истории, когда она должна показать миру свое материнское лицо, свою заботу о насущных нуждах и волнениях человечества, свою искреннюю любовь, столь необходимую людям. Его личный образ жизни был направлен на то, чтобы устранить завесу, за которой, казалось, живет папа, изолированный от всех смертных, недоступный в глубине Ватиканского дворца. По словам личного секретаря папы монсиньора Лориса Каповиллы, «папа стремился сделать из наследника рыбака с Галилейского озера человека, похожего на всех остальных людей, управлять которыми поручено ему и которые являются сыновьями, овцами из стада его»³. И действительно, за сравнительно короткое время папа Иоанн XXIII сделался очень популярным. Бурные приветствия, которыми сопровождался его появления на улицах Рима, просто поразили его, однако папа не счел их убедительными.

Идя 8 декабря 1958 года в базилику Санта Мария Маджиоре среди шумных приветствий толпы, он сказал одному прелату: «Мне нечего гордиться. Пий IX также когда-то шел здесь, и все кричали: «Да здравствует Пий IX!», а прошло немного времени, и стали кричать: «долгой Пия IX, долой Пия IX!».

Однажды папа посетил детскую больницу в Риме, где сестры преподнесли ему на подушечке белую сукфью, чтобы он дал в обмен свою. Это был обычной времени папы Пия XII, имевшего обыкновение обменивать по десять — пятнадцать шапочек только при прохождении через собор св. Петра, принимая от верующих новые и новые в обмен на те, которые были на его голове в течение нескольких секунд. Папа Иоанн XXIII ответил отказом. «Мою шапочку, — сказал он сестрам, — я вам не дам по двум причинам: во-первых, я не хочу, чтобы потребовалось открывать специальную шляпную мастерскую для изготовления моих шапочек, а, во-вторых, я не хочу, чтобы это дело расположило нас к суевериям»⁴.

Папа был преисполнен доброты и милосердия, но никто и никогда не видел, чтобы он демонстративно делал добро своими руками или же присутствовал при раздаче милостыни и пособий, даже если они были назначены им лично. Это был папа, которого никто не видел в таких позах, которые способствовали снисканию дешевой популярности⁵.

Во время поста 1963 года, последнего поста, который он провел на земле, каждое воскресенье этот восьмидесятилетний старец, несмотря на усталость и плохое состояние здоровья, отправлялся в какой-нибудь находящийся на окраине города в рабочем квартале приход, показывая этим самым, что он является епископом Рима и этого не забывает. По пути обратного следования папского кортежа собиравшись толпы людей. Два-три часа ждали они на пронизывающем ветру. Задолго до появления папской машины раздавались бури аплодисментов, крики «ура», звуки автомобильных гудков. Когда же папа Иоанн XXIII, одетый в красный плащ, стоя в своей машине, приближался, приветствия усиливались. Люди теснились на балконах и в окнах домов. На некоторых перекрестках папа останавливался, брал микрофон и обращался к присутствующим с одной из своих импровизированных речей, которые были чем-то средним между уроком катехизиса и дружеской беседой. Иногда остроумное слово вызывало в толпе бурю смеха. Он благословлял и уезжал, сопровождаемый хором благодарностей. Нельзя не заметить, что подобного восхищения Рим не выражал папам в течение многих лет.

Самым горячим желанием папы Иоанна XXIII было желание привлечь людей ко Христу любовью. Он знал, что это не только соответствует истинной заповеди Божией, но и является сегодня необходимым. Открыть Церковь для всех людей доброй воли, сделать Церковь как можно более человеческой, как можно более доступной, понятной и в то же время величественной, сделать христианское милосердие естественным для всех — вот, как он сам неоднократно говорил об этом, основная задача его понтификата. Сочетание в личности папы Иоанна XXIII трезвого ума и сердечности породило политику доброй воли. Про него говорили, что это — папа, «который сумел снова ввести в моду улыбку в мире»⁶. Папа был убежден, что в будущем Церковь будет иметь успех только в том случае, если она будет верна принципам любви и милосердия. Такая новая постановка вопроса требовала от папы Иоанна XXIII и нового образа действий, который заключался в том, чтобы, сражаясь с привычками и рутинной, быстро продвигаться по пути необходимых реформ, учащать встречи и контакты. «Что особенно важно, — заявил он в речи, произнесенной во время генеральной аудиенции 20 марта 1960 года, — так это всегда идти вперед, не отдыхая на путях, проложенных старыми привычками, нужно идти на поиски новых контактов, быть всегда открытым для законных требований времени, в котором мы призваны жить, для того, чтобы всегда Христос был провозглашен и познан»⁷. «Мир движется, — сказал он однажды, —

необходимо находить правильный подход к нему, с сердцем молодым и доверчивым, а не терять время на противопоставления. Я предпочитаю шагать в ногу с тем, кто идет, вместо того, чтобы замкнуться и допустить, чтобы прошли мимо меня»⁸.

Нельзя не вспомнить об отвращении папы Иоанна XXIII в течение всей его жизни к администрированию и бюрократии. Он разоблачал мелочной и педантичный дух, который иногда извращает структуру нужной организации. Он верил в правильность мгновенного выбора, быстрых решений, в своего рода созидательный эмпиризм. Так, 15 декабря 1958 года он без декрета назначил 23 новых кардиналов, увеличив на 12 единицу предельное количество, утвержденное оставшимся в силе декретом Сикста V от XVI века. Несколько позже он внезапно объявил двадцати членам коллегии кардиналов в соборе святого Павла «вне стен» о своем решении созвать Собор. Вот как об этом говорил сам папа на аудиенции, данной г-ну Этьену Жильсону: «Однажды в конце церемонии, после того, как я благословил верующих и попрощался с ними, я оказался один перед несколькими кардиналами. Нужно было им что-то сказать, но что — я не знал. В подобных случаях всегда важно начать. Ну, хорошо, — сказал я, — я рад вас видеть здесь вместе. Я вижу итальянцев, французов, немцев, есть также американцы. Вдруг мне пришла мысль: а почему, — говорю я им, — у нас нет Собора? Смотрю на них, никто не говорит ни слова, и я подумал: кажется, что это не такая уж хорошая мысль?! — что я и сказал на следующий день кардиналу-викарию, но он мне ответил: «Напротив, они были поражены и потому молчали, но все думают, что это прекрасная мысль»⁹.

Внешне эти факты производят впечатление импровизации, однако их, на наш взгляд, нельзя считать чем-то стихийным, скорее, они явились плодом напряженной умственной деятельности, тщательного сопоставления всех «за» и «против». По свидетельству людей, знавших папу Иоанна XXIII, он во всем руководствовался чувством конкретного, возможного и осуществимого. Многие были склонны считать его модернизатором и преобразователем, но в то же время отмечалось, что папа за время своего понтификата не сместил ни одного человека с занимаемой должности и никого не лишил полномочий, чтобы таким путем облегчить себе достижение поставленных целей. Напротив, он показал на примере, что новые структуры могут свободно разрастаться вместе со старыми, постепенно вытесняя их. Папа Иоанн XXIII сумел сообщить Церкви максимальный динамизм, которого требовала современная эпоха, отчасти благодаря восстановлению внутренней свободы, которая была искажена ранее, но, главным образом, благодаря тому, что он смотрел на современную ему эпоху не с боязливым недоверием своего предшественника, но с гуманным реализмом.

Иногда поведение папы вводило в заблуждение тех, кто знал его недостаточно хорошо. И некоторые очень долго верили его характеристике «добротного толстяка» без особого таланта. Еще будучи нунцием в Париже, монсеньор Ронкалли приобрел репутацию человека, который все время говорит, все время двигается, плохо слушает собеседника, постоянно отвлекается от темы разговора и который, смеясь над собственными шутками, имеет поразительную способность вовремя вставить удачное слово. «Но тот, кого люди считали невнимательным говоруном, — писал личный секретарь папы, — мог повторить вам то, что вы ему говорили полгода тому назад и что он, казалось, не слышал. Те же, которые хорошо его знали, не считали, что он слишком много говорит и смеется. Поразительно ясный и проникающий в сущность людей и положений ум. Умеренное, но твердое суждение о вещах, которые ему кажутся главными»¹⁰.

В управлении папа Иоанн XXIII избегал самодержавности, которая, по его же собственным словам, «удушает истину несгибаемой внешней дисциплиной, приостанавливает действие, не допускает широких взглядов и смешивает непреклонность с упрямством». Но при всей внешней привет-

ливости этот человек умел сохранять чувство дистанции, и очень скоро стало ясно, что это отнюдь не такой папа, которым можно легко управлять, и что те, кто видел в нем «сельского священника», «милое праздничное явление», глубоко ошибались. По удачному выражению монсиньора Каповиллы, близко знавшего папу Иоанна XXIII, «никто не мог надеяться хоть немного повлиять на него своим словом, ибо папа Иоанн XXIII был отцом для всех, и ничем другим»¹¹.

Папа был глубоко проникнут любовью Христовой, которая для него была отнюдь не отвлеченным понятием. Нелегко трезво судить о людях, хорошо зная их и в то же время любить их. У него это получалось совершенно естественно. И именно в этом сочетании реалистической пронизательности и доброты заключается величие и обаяние его личности. Нельзя не признать, что ему случалось ужасаться потоку плохих новостей и испытывать глубокую печаль. Он страдал от недостатка веры христиан, их пренебрежения к совести, от их сентиментальной и фанатической набожности, так несоответствующей нуждам Церкви и современного мира; он страдал от действий некоторых священников, проявляющих мало рвения, не обладающих ни любовью, ни благочестием, в то же время стремящихся к опасному активизму. Он предлагал таким людям стать «живыми как огонь, заботясь в первую очередь о душе»¹².

Поистине единственным и неповторимым был образ действий папы Иоанна XXIII. Он, пожалуй, был более догматичным, чем папа Пий XII, и почти таким же догматичным, как папа Пий X. Как и другие папы, он обладал чертами, присущими только одному ему. Это отчетливее всего видно из слов папы Иоанна XXIII, придававших его личности особую окраску: «упрощайте то, что сложно, и не усложняйте того, что просто». При любом случае он охотно сообщал этот рецепт. Один прелат однажды поведал ему об унынии, в которое повергает его эта должность. «Мой друг, — ответил папа, — почему Вы колеблетесь? Поступайте как я — не принимайте себя слишком всерьез»¹³.

За последнее столетие ни один понтификат не был таким коротким. Но трудно назвать хоть один понтификат, который был бы более оригинальным по своему характеру и своим намерениям и более определяющим для Католической Церкви. За эти неполные пять лет ей был указан новый путь, по которому отныне невозможно было не следовать. Возможно, сегодня многое было бы иначе, если бы осенью 1958 года на конклаве, неожиданно для многих, папой не стал полный улыбающийся человек, о котором многие говорили, что он будет «переходным» папой, а его понтификат будет как бы перерывом в деятельности Церкви после столь плодотворного понтификата папы Пия XII.

Вспоминаются слова немецкого богослова Карла Ранера, который говорил приблизительно так: «Папа переходного периода к новому заставил Церковь перейти на пути будущего»¹⁴.

Об этом папе Римском, об этом слугителе Христовом, об этом христианине, об этом человеке и будет идти речь в нашем повествовании.

ГЛАВА I. ОЧЕРК ЖИЗНИ ПАПЫ ИОАННА XXIII ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА РИМСКИЙ ПРЕСТОЛ

«Я вышел из смирения, — говорил папа Иоанн XXIII, — милость Господня поможет мне никогда не забывать мою деревню и поля, где мои родные трудятся в простоте и доверии, глядя на солнце, которое отражает величие Божие»¹⁵.

Папа Иоанн XXIII — Анжело Джузеппе Ронкалли — родился 25 ноября 1881 года в живописной деревушке Сотто-иль-Монте (в переводе на русский язык — «под горою»), у подножия Альп, в северной провинции Италии Бергамо, в крестьянской семье. «Дядя Дзаверно, будучи ревност-

ным христианином, побежал, не обращая внимания на ледящий ветер, в соседний приход, чтобы окрестить малютку, ибо это он должен был сделать как хозяин дома. Священника не было... Наконец, вместе с порывом холодного ветра в церковь вошел священник, который сразу же и окрестил младенца»¹⁶.

В 1962 году, 25 ноября, в день своего рождения, посещая конгрегацию «Пропаганда веры», папа Иоанн XXIII вспомнил, что, по рассказам родителей, в 1881 г., 25 ноября, шел сильный дождь. Настоятель их приходской церкви должен был куда-то отлучиться, но отец новорожденного настаивал, чтобы его первенец был крещен в течение первых 24 часов жизни, так как был убежден, что это будет иметь значение для всей последующей жизни ребенка.

Анжело был третьим ребенком в семье, ставшей впоследствии очень многочисленной. Позже в ней насчитывалось десять детей. Его отец — земледелец Джованни Ронкалли и мать — Марианна Джулия Мадзола вступили в брак в 1877 году.

Мальчик рос в семье крепким и здоровым, неприхотливым в пище. Свидетель детских лет Анжело, его брат Саверно, вспоминал: «Крепкий, веселый, никогда не сердящийся на кого бы то ни было, с открытым и сердечным характером, он (т. е. Анжело. — М. Н.) с удовольствием рассказывал нам о том, что он делал в школе, о книгах, которые он прочитал... У него была крепкая память. Достаточно было ему один раз увидеть человека (или прочитать предложение) для того, чтобы запомнить навсегда»¹⁷. Конечно, он не был каким-то «образцовым» ребенком, слишком благоразумным и без недостатков. Он был почти таким же, как и другие, «нормальным во всем и всегда», — говорит его брат¹⁸.

И все же была одна черта, которая выделяла маленького Анжелино из среды его сверстников — это его стремление служить Богу. «Я не помню такой минуты, — говорил папа Иоанн, — когда бы я не хотел служить Богу священником». К пятилетнему возрасту Анжелино бывал на мессе не только по воскресеньям, но порой и по будням вместе со взрослыми членами семьи, несмотря на то, что обувь и лучшее платье для посещений церкви приходилось беречь долгие годы. Вскоре мальчик стал прислуживать у алтаря и помогать священнику при крещении младенцев. Храм был всего в нескольких шагах вниз по дороге, Анжелино видел его из окна комнаты, в которой он жил вместе с дядей Дзаверно. Много лет спустя, отвечая на вопрос о его священническом призвании, папа заметил, что, наверное, оно пришло к нему, когда он наблюдал за тем, как женщины селения с уважением приветствовали дону Ребуццини, направляющегося в церковь. В 1888 году в возрасте семи лет он принял первое Причастие, в следующем году от монсиньора Гаetano Камилло Гиндани он воспринял конфирмацию.

Как и большинство мальчиков его возраста, Анжело поступил в 1889 году в начальную школу соседнего поселка Камантино, но вскоре перешел в другую школу, находившуюся в местечке Монастероло. Несмотря на хорошую память и природную сообразительность, его успехи в начальных классах не были блестящими.

Семья Ронкалли была чрезвычайно набожна, и когда Анжелино стал заявлять о своем стремлении стать священником, такое его желание не встретило никаких препятствий. Чтобы осуществить свои намерения, мальчик должен был познакомиться с основами латыни. Его занятиями руководил кюре (настоятель прихода) Дон Луиджи Бонарди, а затем Дон Пьетро Болис. Став позже нунцием в Париже, он с юмором рассказывал о том, что бормотанье на языке Цицерона было для него трудным и что священник, по совету его отца, давал ему пощечины для того, чтобы заставить изучать язык.

В 1891 году по совету священника и школьного учителя родители направили молодого Ронкалли в епископский колледж в Селане. С момен-

та поступления туда он стал ежедневно ходить пешком шесть километров через горы. «Усердные писатели,— говорит один из них Альден Гатх — любят сравнивать папу Иоанна со св. Пиетом X, который тоже ходил в школу пешком босиком, а ботинки надевал перед входом в класс. Разумеется, Анжело также ходил босиком, ибо должен был беречь кожаные башмаки; впрочем, ему, без сомнения, было гораздо удобнее без них»¹⁹. Эти ежедневные хождения он совершал вместе со своим другом Пиерино Доницетти, ставшим впоследствии мэром Сотто-иль-Монте...

В октябре 1893 года, когда Ронкалли исполнилось двенадцать лет, его направили в семинарию Бергамской епархии. В ней он проучился семь лет, а в 1898 году произнес свой обет безбрачия, который в Католической Церкви дается при поставлении в иподиакона. Анжело был очень застенчивым и чрезвычайно мягким по характеру. Его успехи в семинарии не были блестящими, но знания, полученные там, были прочными и глубокими. С четырнадцати лет, одетый в сутану, перейдя из семинарии для младших в семинарию для старших, он сильнее стал чувствовать удаление от мира. Его близкие и друзья в Сотто-иль-Монте увидели, что он прошел уже большой путь. К нему уже не обращаются на «ты», его называют «Дон Анжело». Однако «этот семинарист не удаляется от товарищей и не разыгрывает из себя важную персону. Это были годы обучения, годы приобретения нового опыта. Он становится священником, соответствующим портрету, начертанному рукой монсиньора Монтини, который впоследствии станет его преемником на Римской кафедре. Священник — это человек Божий, а человек Божий тот, для кого жить — значит почитать Бога, искать Бога, ...изучать Бога, говорить с Богом, говорить о Боге, служить Богу, ...религиозный человек, святой человек, ...посредник между Богом и людьми, ...мост, представитель Бога пред людьми и людей пред Богом»²⁰.

Бергамскую семинарию Анжело заканчивает в 1900 году, после чего местный епископ направляет его в знаменитую римскую понтификальную семинарию (духовную академию в нашем значении) святого Аполлинария. Ректору Бергамской семинарии удалось получить для молодого Ронкалли стипендию Черазоли²¹.

Необходимо сказать несколько слов об учебном заведении, в которое был направлен Дон Анжело. Со всего света самые одаренные юноши направляются в Рим для завершения своего образования и получения учебных степеней. Из среды этих выпускников избираются епископы, кардиналы или, по крайней мере, руководители обширной организации, которую представляет из себя Католическая Церковь. «Для нее совершенно неважно, вышел ли священник из княжеской семьи или является сыном деревенского жителя, как Анжело Ронкалли, но она обязательно хочет, чтобы ответственные места в управлении доверялись тем, кто с ранней молодости формировался под сенью Ватикана»²².

В 1900 году ректором Римской семинарии был монсиньор Бугарини, а каноническое право читал здесь монсиньор Евгений Пачелли (будущий папа Пий XII). Молодой Ронкалли с энтузиазмом принял за учение, постепенно расстался он со своими крестьянскими привычками, ум и язык его стали более гибкими.

25 июня 1901 г. Анжело Ронкалли — бакалавр богословия и первый ученик по древнееврейскому языку. Однако на время ему пришлось прервать свое обучение: 30 ноября этого же года его призвали в армию. Военная служба, которую он проходил в 73-м пехотном полку, находившемся в Бергамо, перенесла Анжело в среду ровесников, оставшихся в миру. Контакт с «мирскими» представителями его поколения явился для молодого семинариста источником пополнения житейского опыта. 31 мая 1902 года его производят в капралы, а 30 ноября — в сержанты. Но вот служба в армии закончена, и юноша может продолжить прерванную учебу. По возвращении в Рим Ронкалли назвал этот год службы «вавилонским

пленением» и за десять дней, в декабре 1902 года, написал в своем «Дневнике» немало страниц, отражавших его чувства и размышления.

13 июля 1904 года Дон Анжело заканчивает занятия в семинарии святого Аполлинария и получает звание доктора за представленное сочинение по каноническому праву.

10 августа 1904 года исполняется заветная мечта Ронкалли — он становится священником. Хиротонию его совершал монсеньор Капетелли в церкви Святой Марии Монте Санто на Пьяццо дель Пополо («Площади народа») в Риме. Ставленнику в это время было 23 года. На следующий день он совершал свое первое богослужение у гробницы святого Петра в Ватикане. Об этом сообщили находившемуся в базилике папе Пию X. Папа позвал к себе молодого священника и благословил его. Эта неожиданная встреча навсегда осталась в памяти Анжело Ронкалли.

Вскоре после этого он взял отпуск и отправился в Сотто-иль-Монте, где в середине месяца совершил свою первую торжественную мессу. Один житель деревни, который жив и теперь, вспоминает, что он слышал, как врач общины говорил Дону Анжело: «Вы станете папой». Предсказание было, безусловно, только любезным комплиментом, ибо в Италии друзья молодого священника очень часто желают ему стать обладателем папской тиары, но оно, как мы видим, сбылось.

Из изучаемых наук больше всего внимание Ронкалли привлекало к себе каноническое право. Для того, чтобы стать специалистом в этой области, он поступил в октябре 1904 года на факультет канонического права духовной академии святого Аполлинария. Но долго учиться ему не пришлось, так как он был назначен секретарем епископа Бергамского монсеньора Радини-Тедески, который оказал на молодого Ронкалли огромное влияние.

Политическая обстановка того времени была довольно сложной. Антиклерикальное государство стремилось захватить последние территории, верные Римскому престолу и находившиеся еще в руках папы. Ответной реакцией Ватикана было стремление создать на всем полуострове широкую сеть многотысячных организаций, обществ, епархиальных и приходских комитетов для координации общественной деятельности. Вдохновителем этого движения был комитет «Дело конгрессов» («Opera Dei congressi»).

У монсеньора Радини-Тедески были две основные заботы: совершенствовать методы апостолата, создав «Католическое действие», и продолжать быть инициатором социального католичества, колыбелью которого в Италии с XIX века был город Бергамо. Епископ Радини-Тедески готовился к напряженной борьбе и никогда не стремился ее избежать.

В 1909 году возникла оживленная полемика, когда епископ принял сторону бастующих рабочих. Дон Анжело был очевидцем этих событий и вспомнил о них следующее: «Когда в Ранице разразилась забастовка, о которой столько говорилось, имя епископа, который сохранил сдержанность во время предыдущих аграрных волнений, появилось среди первых и самых щедрых подписчиков, озабоченных проблемой дать хлеб рабочим, отказавшимся от работы. О скандале кричали почти повсюду, дошли до того, что направили недоброжелательные сведения в высшие инстанции. Некоторые благонамеренные лица считали даже, что дело теряло право быть поддержанным по единственной причине, что некоторые средства вызывали опасность перейти границы. Монсеньор Радини-Тедески отнюдь не придерживался этого мнения. Ставка, которую делали бастующие в Ранице, не являлась частным вопросом заработной платы или отдельных личностей, это был принцип и основной принцип свободы рабочей христианской организации перед лицом мощной организации капитала. Он считал, что, решительно принимая сторону бастующих, он делал в высшей степени христианское дело и, как он написал об этом, дело справедливости, любви и социального мира. Так что он позволил взывать и продолжал

живо интересоваться бастующими, сожалея и с добротой возмещая неизбежные материальные и личные потери, которые следовало ожидать в этой битве, продолжавшейся 50 дней»²³. Какова же была реакция Римского престола на такой поступок епископа? Ронкалли пишет: «Затем, как только осела пыль, поднятая в драке, Святой Отец Пий X написал ему (епископу Радини-Тедески. — М. Н.) собственноручное письмо, что было его привычкой, с тем, чтобы ему заявить, что он не мог осуждать то, что при его благоразумии он считал необходимым делать, прекрасно зная местные условия, людей и обстоятельство»²⁴.

Епископ Радини-Тедески, занимавший в Риме в период понтификата папы Льва XIII кафедру христианской социологии и разделявший его взгляды на социальные проблемы, просто не мог занять другой позиции. В этой области бергамский епископ оказал решающее влияние на мировоззрение Ронкалли в его молодые годы. «Девять лет провел Анжело Ронкалли рядом с Радини-Тедески в качестве его секретаря; нет ничего удивительного, что он написал его биографию, как никто не сумел бы этого сделать: этот документ поныне сохраняет свою ценность для тех, кто хочет ознакомиться с мыслями, деятельностью и набожностью этого пастыря душ, сформировавшегося в атмосфере «*Rerum novarum*», которому Лев XIII доверил первую кафедру христианской социологии в папской Леонианской коллегии; а также для тех, которые хотят познакомиться с миром так называемой современной христианской социальной программы, вблизи которой Ронкалли довелось провести лучшие годы своей молодости... Убеждение, что освобождение человека от экономического рабства не чуждо религии, получившее решительное подтверждение при Льве XIII, имело в лице Радини-Тедески последовательного проводника, а в лице Анжело Ронкалли — верного ученика»²⁵.

Не прошло еще и пяти лет с того момента, когда Анжело Ронкалли покинул близкую его сердцу семинарию в Бергамо, как он возвращается туда, по настоянию епископа, преподавателем. Ему было поручено преподавать патрологию, апологетику и историю Церкви. Еще будучи в Риме, Анжело чувствовал склонность к этим предметам. С большим интересом читал он ветхие фолианты кардинала Барония, в которых видел мучения и героизм христиан давно минувших времен. Читая эти книги, он делал из них соответствующие выписки, позволившие ему впоследствии опубликовать небольшой труд, который был напечатан в 1908 году под названием «Кардинал Цезарь Бароний. В честь трехсотлетия со дня его кончины».

Будучи личным секретарем епископа Радини-Тедески, отец Ронкалли научился прежде всего управлению епархией. Исполняя свои административные обязанности, он приобрел искусство руководить людьми. Однако епископ стремился подготовить отца Анжело к пастырскому служению и потому направил внимание молодого священника к «апостолату мирян» (т. е. участию мирян в миссионерской и просветительной работе) и к социальным проблемам. Здесь отец Ронкалли познакомился с крупной фигурой итальянского католичества профессором Редзара, одним из бергамских пионеров социального католичества. Это была значительная личность в итальянской политике перед первой мировой войной.

В 1904 году — впервые после 1870 года — папа по своей личной инициативе снял запрет с итальянских католиков являться на выборы²⁶. В 1913 году молодой священник Ронкалли подписал памятную записку, направленную папе профессором Редзара, в которой была выражена просьба, «чтобы на выборах баллотировались католические кандидаты, либеральные в социальном отношении и твердо придерживающиеся своих доктрин»²⁷, что вызвало резкую реакцию в либеральной и консервативной среде и заставило монсеньора Радини-Тедески препринять некоторые шаги в Риме для того, чтобы защитить своего молодого секретаря-ученика. Это событие накладывает еще один штрих на портрет будущего папы.

Опытный социолог и организатор, епископ Бергамский одобрил и под-

держал программу, выработанную избирательной комиссией, в которой Дон Анжело Ронкалли заседал отныне рядом с Редзара. Однако эта, скорее светская сторона его служения дополнялась священническими занятиями в студенческой среде. Молодой священник выполнял обязанности духовника учащейся молодежи. Кроме того, он организовал в Бергамо дом студентов, первый в Италии. Студенты с увлечением посещали этот центр, разместившийся в старинном дворце Марензи. Отец Ронкалли читал также общеобразовательные религиозные лекции для учащихся педагогических училищ. Читал он лекции и в народном университете и организовал первые кружки для молодых девушек. По окончании первой мировой войны эта его деятельность получает официальное признание, и священник Ронкалли становится главным духовником преподавателей итальянских университетов.

В середине 1914 года монсиньор Ради́ни-Тедески посетил Рим. По возвращении в Бергамо изнурявшая его болезнь обострилась. Вскоре жизнь епископа оборвалась. Дон Анжело держал его на своих руках, когда он испускал последний вздох, молясь о мире среди людей. Мировая война уже началась. Это было 22 августа 1914 года.

24 мая 1915 года Ронкалли получил приказ о мобилизации. Он вернулся в старый дом в Сотто-иль-Монте для того, чтобы попрощаться со своими отцом, матерью и братьями. Оттуда Анжело прибыл в Милан в военный госпиталь святого Амвросия и переменял там духовную одежду на форму сержанта. Начальство отправило его обратно в Бергамо, где были оборудованы военные госпитали. Он уделял много времени раненым и часто проводил целые ночи у изголовья искалеченных солдат, кричавших от страданий и отчаяния. В течение четырех лет он переходил из одного госпиталя в другой, вначале как сержант-санитар, а с 1916 года — как духовник. Дон Анжело вглядывался в лица раненых и проникал еще глубже в сердца тех, кто не мог освободиться от воспоминания ужасных сцен кровавой бойни. Может быть, именно здесь и было прочно закреплено то настроение, проистекавшее из кроткого и мирного духа Анжело Ронкалли, которое потом стало практической деятельностью папы-миротворца, прерываемой хрипами исповеди, которые он слышал, проходя между рядами больничных коек, и которые открывали ему жизненную правду в значительно большей степени, чем это делали прочитанные книги.

И всё же книги были для отца Анжело большой поддержкой. Когда у него были время и силы, он работал над биографией монсиньора Ради́ни-Тедески. Священник Ронкалли согласился на чтение в семинарии лекций по научной апологетике, предназначенных для учащихся старших курсов, но они уходили один за другим на фронт, и весной его лекции слушало лишь несколько молодых людей.

Наконец, наступил мир. Закончились военные испытания, которые не только наложили определенный отпечаток на душу Дона Анжело, но и нанесли тяжелый урон его семье: пятеро братьев Ронкалли не вернулись с поля сражения.

После войны он становится почетным каноником Бергамского кафедрального собора и директором студенческого дома, продолжая заниматься педагогической и общественной деятельностью.

* * *

Монсиньор Ратти, как папский нунций в Варшаве, приобрел в годы после первой мировой войны значительное влияние на дипломатию Ватикана, и с мнениями его считались в Государственном Секретариате. Будучи уже кардиналом и архиепископом Миланским, он обратил внимание папы Бенедикта XV на отца Ронкалли и рекомендовал привлечь его к дипломатической работе. В июне 1921 года, за несколько месяцев до своей смерти, папа Бенедикт XV призвал о. Анжело Ронкалли в Конгрегацию «Пропаганда веры», своего рода папское министерство для управления

миссиями. Он намеревался сделать его инициатором реформы организации «Пропаганда веры», учреждения французского, по своему происхождению.

Эта организация, основанная в 1822 году в Лионе Полиной Жарико, осуществляла сбор денежных средств для поддержки миссионеров. Несмотря на то, что она распространилась по всей Европе и Америке, по своему управлению она оставалась французской. Руководство осуществляли «советы», находившиеся в Париже и Лионе. Во время войны 1914—1918 гг. национальный характер этой организации вызвал очень серьезные затруднения. Было невозможно сосредоточить во Франции пожертвования католиков Германии и Австрии, стран, находившихся в состоянии войны с Францией. Соединенные Штаты, становившиеся державой со все более и более значительным католическим населением, с трудом мирились с тем, что приходилось давать деньги через европейское посредничество организации, которая должна бы носить всемирный характер. Некоторые епископы-миссионеры также были недовольны тем, что им приходилось давать финансовый отчет светским «советам». Папа Бенедикт XV, почувствовав, что «колеса столь необходимой организации начинают скрипеть», решил реорганизовать ее на более широких основах. Сделать это поручалось отцу Анжело Ронкалли. Приступая к своим новым обязанностям, он получил почетный титул — «личный прелат Его Святейшества»²⁸.

Новый монсиньор сыграл в исполнении этого деликатного поручения решающую роль. Прежде всего он реформировал организацию «Пропаганда веры» на местах. В Италии имелось несколько региональных организаций, которые слились в один национальный центр. Председателем его стал монсиньор Ронкалли. Папа Бенедикт XV поставил своей целью преобразовать «Пропаганду веры» в единый папский юридический институт. Под руководством кардинала Ван Россума, префекта Конгрегации «Пропаганда веры», группа прелатов, с которой сотрудничал отец Ронкалли, подготовила текст решения. Однако 22 января 1922 года папа Бенедикт XV скончался. После некоторых колебаний его преемник папа Пий XI опубликовал этот текст. Это было *motu proprio* «*Romanorum Pontificum*». Центральным местопребыванием организации, ставшей папской, был определен Рим.

С этого момента организацией «Пропаганда веры» стал руководить генеральный совет, избираемый папой и состоящий из представителей различных национальностей. Французские круги, в том числе и правительственные, которые прежде и не знали о существовании этой организации, приняв новость с неудовольствием, несмотря на то, что папа Пий XI принял меры предосторожности, согласно которым было указано пожаловать французам особое право участия в новом генеральном совете. Это недовольство исчезло очень быстро, благодаря значительным успехам преобразованной организации, первыми шагами которой руководил монсиньор Ронкалли. Будучи членом совета, он принял участие в редактировании новых положений. Для посещения национальных центров организации он предпринял большую поездку по Европе. В 1923—1924 гг. Ронкалли побывал в Лионе, Париже, Брюсселе и Мюнхене. Новая папская организация быстро завоевала популярность в католическом мире²⁹.

Четыре года, проведенные в Риме в здании на площади Испании, где находилась Конгрегация «Пропаганда веры», и поездки по столичным городам Европы дали возможность будущему папе получить полное представление о проблемах миссионерства. Одновременно в самом Риме он продолжал интенсивную пастырскую деятельность, произнося проповеди, исповедуя, знакомясь и сближаясь с университетской средой и интеллигенцией столицы. Монсиньор Анжело Ронкалли всегда стремился совмещать обязанности пастыря с административными обязанностями в Церкви.

В ноябре 1924 года монсиньор Ронкалли назначается на кафедру патрологии папского Атенеума в Латеране. В начале 1925 года ему было

поручено участие в комитете по проведению юбилейного «святого года». Руководя созданием миссионерской выставки, отец Ронкалли находился в постоянном контакте с прессой очень многих стран, ибо выставка вызвала большой интерес среди журналистов и особенно среди ученых. Папа, наблюдавший за ходом подготовительных работ, убедился в том, что бывший исследователь миланских архивов трудится с тем же проворством, с тем же прилежанием и с тем же практическим подходом, что и раньше.

3 марта 1925 года монсиньор Ронкалли назначается апостолическим визитатором в Болгарии с возведением его в сан епископа, которому папа присвоил титул архиепископа Ареопольского (г. Раббата Моавитского, у подножия горы Абарим в Палестине, на востоке от Мертвого моря). Епископскую хиротонию монсиньора Ронкалли совершил секретарь Восточной конгрегации кардинал Таччи 19 марта 1925 года, в день святого Иосифа, в храме святых Амвросия и Карла в Риме. В это же время монсиньор Анжело Ронкалли избрал свой епископский девиз, которому он следовал всю жизнь: «Послушание и мир».

Апостолический визитатор должен был совершить поездку в Болгарию с инспекционными целями и разобраться на месте в запутанном положении болгарских католиков западного и восточного обрядов, которое возникло после подписания соглашения в Нейи. Эта поездка должна была служить объединению католиков Болгарии, ибо время было смутное и католицизм в этой стране переживал серьезный кризис. Болгарские католики были поручены заботам двух апостольских викариев, юрисдикция одного из которых распространялась на Македонию, а другого — на Фракию. Изменив границы в результате передачи некоторых территорий Греции и Румынии, «соглашение Нейи» породило новые проблемы, ибо границы церковной юрисдикции не стали совпадать с политическими границами. Более того, многие католики восточного обряда покинули территорию Фракии и Македонии и изменили свое местожительство из-за создания новых границ. Необходимо было обеспечить их защиту и преобразовать церковную администрацию. Как видно из официального доклада, представленного монсиньором Ронкалли папе Пию XI во время короткого пребывания в Риме, имелось 45 000 болгарских католиков обоих обрядов. Через три-четыре года их стало 47 000. Католики западного обряда, в основном, принадлежали к «паулинскому» обряду (армянского оттенка) и образовали Никопольскую епархию, находясь в непосредственном подчинении у Святейшего Престола и у апостольского Софийско-Филиппопольского викариата, где их было приблизительно 40 000; в основном, это были семьи уроженцев Фракии и Македонии. Другие болгарские католики — восточного обряда — находились в юрисдикции апостольского администратора³⁰. Монсиньор Ронкалли решил дать восточным католикам собственную иерархию. Благодаря его усилиям Рим учредил в 1926 году Софийский экзархат. На эту должность было предложено назначить молодого священника Кирилла Куртева, который прибыл в Рим, где и было совершено его архиерейское рукоположение.

Учредив епархию византийского обряда, архиепископ Ронкалли обратил свое внимание на необходимость подготовки для нее священнослужителей и основал семинарию — первую на территории Болгарии, — руководить которой было поручено Обществу Иисуса.

Успехи апостольского визитатора были оценены в Риме, и там сочли полезным придать миссии, которая вначале должна была быть только временной, постоянный характер. Апостольский визитатор был назначен апостолическим делегатом в Болгарии³¹. Таким образом, монсиньор Ронкалли стал первым представителем папского престола в этой стране. Несмотря на первый успех, апостолический делегат, благодаря врожденному реализму, понял, что осуществление более широких мероприятий сопряжено с чрезвычайными трудностями. Начиная с 1923 года, завязались первые контакты между Софией и Римом. Представитель царя Бориса

поехал в Рим. После его поездки поползли слухи о возможности заключения конкордата. В 1924 году монсиньор Евгений Тиссеран предпринял поездку в Болгарию, где он встретился с православным митрополитом Стефаном. Это и была еще одна из причин назначения Ронкалли в Болгарию. Ознакомившись с обстановкой на месте, апостолический делегат понял, что это были только разговоры, которые так и не приняли никакой определенной формы.

За годы, которые архиепископ Ареопольский провел в Болгарии, он укрепил отношения католиков с Римом и развил деятельность католических организаций обоих обрядов. Монсиньору Ронкалли удалось завоевать уважение и со стороны православного духовенства, заложив этим основы многочисленных экуменических связей, которые, начиная с этого времени, станут характерными для его деятельности³².

В течение десяти лет пребывания в Болгарии монсиньор Ронкалли изучал болгарский и древнеславянский языки, а также и русский язык. Будучи по научному складу историком, он много занимался древнеславянской письменностью и славянской культурой вообще и приобрел большую познания по истории православия в богослужбном и культурно-бытовом отношениях. Папа Иоанн XXIII довольно свободно читал и немного говорил по-русски.

Пребывание монсиньора Ронкалли среди православных дало ему возможность приобрести опыт, которого не имел ни один из его предшественников на Римской кафедре. (Он был первым апостолическим делегатом в Болгарии после тысячелетнего перерыва.)

В 1934 году газета «Пополо д'Италия» торжественно объявила, что архиепископ Ронкалли будет направлен нунцием в Бухарест, чтобы сместить монсиньора Дольчи, который возводился в кардинальское достоинство и возвращался в курию в Рим. Даже в Бухаресте эта весть была воспринята серьезно. Подобное перемещение в Румынию означало бы не только повышение, но и явилось бы актом папского доверия к нему. Однако такого жеста не последовало. В Бухарест отправился монсиньор Валерио Валери, соученик монсиньора Ронкалли по Римской семинарии, которому странным образом было суждено обходить его в дипломатической карьере, за исключением самого последнего этапа. Быть свидетелем широко разрекламированного назначения, а потом лишиться его — обидно и унизительно. В письме Дону Карло Маринелли от 18 мая 1933 года архиепископ Ронкалли с некоторой горечью писал: «Прошу простить меня за то, что я задержался с ответом. Вопреки тому, что на первый взгляд может показаться, я, как ослик, постоянно запряженный в тележку, везу немного, но работаю всегда»³³.

24 ноября 1934 года он был назначен апостолическим делегатом в Турции и Греции с постоянным пребыванием в Стамбуле.

25 декабря того же года монсиньор Ронкалли обратился с последним Рождественским посланием к болгарским католикам в соборе отцов-капуцинов в Софии. В нем он как бы подводит итог своему десятилетнему пребыванию в гостеприимной Болгарии. С первых строк этого послания чувствуется тревога, которую архиепископ Ареопольский испытывает при виде военных туч, сгущающихся над миром. (27 февраля 1933 года — пожар в рейхстаге; 23 марта — вся власть в Германии переходит к Гитлеру; Германия предупреждает о своем выходе из Лиги Наций.)

«Я рад, — говорил он, — что мой отъезд с этой болгарской земли, где я провел десять лет, на протяжении которых Бог осыпал мою душу самыми ценными благословениями, совпадает с рождественскими торжествами; я счастлив также, что по случаю этих праздников могу обратиться к вам с приветствием, которое я оставляю вам, желая, чтобы оно стало вечным напоминанием о моем отъезде. Мир людям доброй воли! Так я, приветствуя вас, говорю: да, мир, братья, мир, мир!.. Позвольте мне, дорогие братья, заверить вас, что этот путь самый прекрасный, и пригласить вас

пожелать сегодня, когда освещает нас свет Вифлеема, всегда следовать этим путем»³⁴.

Коснувшись международных отношений, архиепископ Ронкалли отметил, что «общая ориентация в мире тревожна и угрожающая», и призвал всех своих слушателей «оставаться верными сторонниками мира Вифлеемского, который есть мир Христа». «Пусть никогда не будет у нас недостатка в доброй воле, — восклицал он. — Когда она существует, Бог дает всё»³⁵.

Вспоминая о своих контактах с православными в Болгарии, монсиньор Ронкалли говорил: «Здесь, перед вами и алтарем, мне приятно признать, что болгарский народ от своих самых высоких представителей до самых скромных народных масс всегда проявлял в отношении меня признаки уважения, внимания и любви. Эти чувства всегда переполняли меня радостью. Я всегда буду готов во всех обстоятельствах засвидетельствовать это повсюду, где бы я ни был, и перед любым собеседником»³⁶.

Обращаясь к православным, архиепископ Ронкалли указывает на причину, разделяющую их с католиками, и по-своему видит ее в неправильном понимании православными «одного из основных пунктов учения Христа, сообщаемого нам в Евангелии, т. е. союза всех верующих Церкви Христовой с преемником князя апостолов»³⁷. Здесь нужно заметить, что слова «князь апостолов» не выражают католического учения о примате, это наименование может соответствовать православному наименованию «первоверховный». Слова «князя апостолов» относятся к апостолам Петру и Павлу одинаково. Выразив свою скорбь по поводу церковного разделения, Преосвященный Ронкалли высказал надежду, что «должен, наконец, настать день, когда будет только одна паства и только один пастырь, ибо так хочет Иисус Христос»³⁸. По словам оратора, прискорбное разделение никогда не мешало ему относиться с любовью к православным братьям: «Мое отношение... дает мне искреннюю уверенность, что я доказал всем, что также люблю их (православных. — М. Н.) в Господе, той братской, глубокой и искренней любовью, которой учит нас Евангелие». Замечательно по своей сердечности следующее высказывание архиепископа Ронкалли: «По традиции, до сих пор сохранившейся в католической Ирландии, в ночь на Рождество в окне каждого дома ставят свет, чтобы предупредить Иосифа и Марию, которые могут пройти нас ночью в поисках убежища, что здесь внутри живет семья, которая ждет их у очага и у стола, уставленного дарами Божиими. Дорогие братья, никто не ведает путей будущего! Повсюду, где бы я ни был в мире, если кто-либо из Болгарии пройдет возле дома ночью в страхе, он найдет в моем окне зажженный свет. Стучи, стучи в дверь! Я не спрошу тебя, католик ты или нет, брат из Болгарии, входи просто! Тебя встретят две братские руки, горячее сердце друга радостно встретит тебя»³⁹.

Пребывание в Болгарии оставило в душе будущего папы самые светлые воспоминания. При расставании архиепископ Ронкалли говорил: «Отправляясь к новому месту, я увожу с собой драгоценную память о Болгарии. Я просил Святого Отца заменить мой архиепископский титул на титул восхитительного места — истинно жемчужины Болгарии. Отныне я уже не буду носить титул архиепископа Ареопольского, а буду называться архиепископом Месемврийским»⁴⁰.

* * *

Назначив монсиньора Ронкалли апостольским делегатом в Турции и Греции, Ватикан поручил ему инспектировать все католические общины там. Одновременно он был назначен апостольским викарием в Константинополе (т. е. стал администратором католиков Стамбула).

Положение, в которое попал архиепископ Месемврийский, было более сложным, чем в Софии. Греция вносила серьезные трудности в европейскую политику. В результате вмешательства Лиги Наций она должна бы-

ла эвакуировать Петрич, пограничный с Болгарией город. Греция опасалась усиления соседней с ней Болгарии, которая, по-видимому, заключила военный союз с Италией (не случаен и брак болгарского царя Бориса с дочерью итальянского короля). В феврале 1934 года организовалась «Балканская Антанта», острие которой направлено было против Болгарии. Греки, вполне естественно, должны были быть обеспокоены странным выбором Ватикана, который направлял в Афины апостолического делегата, представлявшего его в Софии.

Положение архиепископа Ронкалли еще более осложнялось тем, что он был назначен одновременно в Константинополь именно в тот момент, когда происходило огромное перемещение населения, согласно Локарнскому и Анкарскому соглашениям, предусматривающим выезд более одного миллиона греков из Турции и одного миллиона турок из Греции. Принудительное перемещение влекло за собой религиозные последствия, так как среди репатриантов из Константинополя и из Анатолии было некоторое количество греко-католиков, привыкших из поколения в поколение жить в единственной зависимости от своего епископа в Оттоманской империи. Прибытие группы католиков, извлеченных из этнической мозаики Турции и попадающих в православное окружение, вызывало большие опасения. И это было вполне понятно. С конца XIX века в Афинах находился католический собор для католиков, купцов из Венеции, Генуи, Пизы и Амальфи, которые обосновывались в течение веков на греческом архипелаге. Будучи итальянцами по своему происхождению, они сохраняли только свои имена и латинский обряд. Эти люди не отличались ничем от греков, и подлинные греки считали их малозначительным этническим меньшинством (их насчитывалось только несколько тысяч). Их присутствие не тревожило православное население. Теперь же — наоборот: католический собор, предназначенный для репатрированных греков византийского обряда, рассматривался как клин, который пытаются вбить в греческое единство, основанное на древнем православии. Еще более опасными показались «латинские» начальные и средние школы, основанные во второй половине XIX века, в то время, когда им не придавали особо важного значения. Попытки правительства установить с Ватиканом дипломатические отношения вызывали раздражение среди общественности страны.

Монсеньор Ронкалли поселился вначале в Константинополе, затем устроился в Афинах, в маленьком особнячке на улице Гомера. Свою резиденцию он покидал лишь для того, чтобы посетить католические учреждения, причем во время этих визитов всегда совершались богослужения. Общительному и в то же время сдержанному апостолическому делегату удалось рассеять недоверие православных греков.

В 1927 году группа православных мирян основала журнал «Зои» с целью оживления религиозных институтов в Греции. В результате этого произошли значительные сдвиги в сфере благотворительности. Архиепископ Ронкалли выражал свое восхищение тем, что в Греции происходит усовершенствование апостолата мирян, и одобрял то, что это движение не ограничивается лишь традиционной благотворительной деятельностью, но вносит свежую струю в интеллектуальные области общественной жизни⁴¹.

В годы войны (1939—1945 гг.), трагические для Греции (как, впрочем, и для других оккупированных Германией стран), особенно сильно проявилась душевная доброта архиепископа Месемврийского. С большими трудностями ему удавалось доставать продукты питания, медикаменты и одежду для греческого населения. По просьбе политических деятелей и высшего духовенства Православной Церкви он направился в Рим, чтобы попросить ходатайства Ватикана перед Германией и Италией о смягчении блокады Греции. В результате достигнутого соглашения Красный Крест и папские организации по оказанию помощи могли направлять, несмотря на блокаду, продукты для населения. Следует попутно отметить тот факт, что уже после избрания Иоанна XXIII на Римский престол газета «Катимерини»

опубликовала статью, посвященную благотворительной деятельности нового папы во время оккупации Греции. Апостолический делегат также твердо выступил в защиту еврейского населения, которое подвергалось страшной угрозе в результате политики истребления, проводимой нацистами на захваченных ими территориях. Он заступался за них и воспрепятствовал высылке многих из них. Будучи уже папой, Ронкалли получил от главного раввина из Иерусалима поздравительную телеграмму, в которой тот выражал свою признательность за услуги, оказанные им во время войны еврейскому населению.

Находясь в Греции, монсиньор Ронкалли оказал помощь приблизительно трем тысячам армян. Он принял активное участие в урегулировании их религиозного положения, проявляя большую деликатность в этом вопросе.

С большими трудностями встретился апостолический делегат и в Турции. Кемаль Ататюрк решил силой преобразовать старую Оттоманскую империю. Он считал, что радикальная секуляризация является одним из условий, необходимых для рождения новой Турции. Упразднив ношение духовного платья для священнослужителей всех вероисповеданий, распустив мусульманские объединения монашеского типа (дервиши), практически запретив мусульманские богословские учебные заведения, он вовсе не был расположен поощрять католицизм, который к тому же носил характер религии, совершенно чуждой национальной традиции и до сих пор защищавшейся в Оттоманской империи только силой западных держав. Правда, местные условия позволяли апостолическому делегату поддерживать контакт с правительством для того, чтобы вести личные или официальные переговоры. Политика Ататюрка заключалась в неукоснительном осуществлении программы «младотурок». Президент новой республики желал основать современное национальное государство, освободив его от тысячелетней восточной традиции. В Турции не стало ни фесок, ни арабского алфавита, ни пятницы, предназначенной Кораном для молитвы, ни магометанского календаря, ни полигамии. В стране был введен Кодекс швейцарского гражданского права. Новые школьные законы, бесплатное и обязательное начальное образование были направлены на борьбу с неграмотностью. За десять лет она снизилась с 93% до 63%. Все школы, находившиеся в ведении католических орденов, были закрыты. В Конституции 1928 года государство объявило себя «агностическим», заявив, что это поможет ему быть беспристрастным по отношению ко всем религиям.

Ронкалли прибыл в Истанбул как частное лицо и был встречен только секретарем делегатуры. Скрупулезный в смысле соблюдения законов, он сразу же дал знать полиции о дне своего прибытия. Апостолический делегат не был аккредитован при правительстве, поэтому не могло быть и речи об установлении официальных дипломатических контактов; даже частные шаги его требовали осторожности и такта. «Поскольку в этой стране дождь льет как из ведра, мне придется держаться за стены, пуская в ход всё, чем располагаю»⁴², — писал он 20 декабря 1934 года епископу Бергамскому монсиньору Бернарджии, с которым его связывала настоящая дружба.

С самого начала своей деятельности монсиньор Ронкалли сумел снять расположение правительства и общественного мнения своим терпеливым спокойствием, выдержкой, благоразумием, доброжелательством и, что не менее важно, своим реалистическим подходом к окружающей действительности. Примером последнего может служить следующий эпизод. Приехав в Константинополь, он пошел однажды вечером в одну из латинских церквей, находившуюся недалеко от его резиденции. По окончании богослужения монсиньор Ронкалли услышал, что кто-то из сидевших на скамье молился по-французски. Он спросил, отчего верующие употребляют иностранный язык. Ему ответили, что это старый обычай и французский язык распространен на всем Востоке. «В таком случае нужно пере-

вести эти молитвы на турецкий язык», — заметил он. Вскоре апостолический делегат пригласил к себе компетентное лицо, объяснил ему смысл молитв и некоторые наиболее трудные места в них и заказал отпечатать новый текст. В следующее воскресенье раздали листки с напечатанным текстом, и молитва была совершена на национальном языке, на том языке, который в эпоху Ататюрка заменил собой арабский, употребляемый мусульманами при богослужениях. Такое «понимание» ватиканского дипломата встретило положительный отклик со стороны правительства.

Деятельность дипломата не отрывала его и от пастырских обязанностей, к которым архиепископ Месемврийский подходил вдумчиво и серьезно. За время пребывания в Турции ему удалось внутренне сплотить латинские общины этой страны.

22 ноября 1944 года, незадолго до праздника Рождества Христова, монсеньор Ронкалли получил шифрованную телеграмму из Ватикана. Расшифровав ее, он прочитал следующее: «Приезжайте немедленно. Назначены нунцием в Париж. Тардини». Таким образом, после двадцати лет, прожитых на Востоке в постоянных контактах с Православием, он возвращался в Западную Европу.

В письме, адресованном другу, новый нунций с юмором, всегда присущим ему, писал: «Где недостает лошадей, ездят на ослах»⁴³. Ответственность, возложенная на него в этом новом назначении, была велика, и задача, вставшая перед ним, исключительно деликатна.

27 декабря холодным утром монсеньор Ронкалли покинул Анкару и направился в Рим. 29 декабря, после приема у папы Пия XII, он снова сел в самолет, чтобы до 1 января успеть в Париж, ибо в этот день генерал де Голль, глава временного правительства Французской республики, устраивал прием для дипломатического корпуса. Если бы нунций задержался, то традиционное обращение к главе государства было бы произнесено послом СССР, как старшим по сроку пребывания во Франции среди других послов, аккредитованных там⁴⁴.

Прибыв в Париж, нунций Ронкалли почти сразу посетил посла СССР во Франции С. А. Виноградова и сказал ему, что, видимо, в преддверии Нового года и предстоящего приема у генерала де Голля посол уже подготовил текст своей речи. Для того, чтобы она не осталась произнесенной, нунций попросил этот текст, заметив, что он и прочитает приготовленную речь. С маленькими и несущественными изменениями эта речь и была обращена нунцием к генералу де Голлю.

Несколько слов о событиях, предшествовавших появлению нунция Ронкалли в Париже. В 1945 году во Франции было образовано первое коалиционное правительство де Голля с участием всех политических партий, включая коммунистов. С одной стороны, де Голль отрицательно относился к политике папы Пия XII, с другой, будучи приговоренным к расстрелу правительством Петэна, он проявлял полную и понятную непримиримость к правительству Виши и всему, что было с ним связано. При Петэне папским нунцием во Франции был монсеньор Валерио Валери, впоследствии кардинал. Через назначенного в Ватикан послом Франции Жана Маритена (французского философа) де Голль без обиняков объявил, что его правительство считает монсеньора Валери «персона нон грата». Монсеньор Тардини, и. о. государственного секретаря, был в величайшем затруднении. В Ватикане решили послать во Францию тактичного и обходительного архиепископа Ронкалли.

Вопрос взаимоотношений Ватикана с Францией осложнялся еще и тем, что в послевоенной Франции остро встал вопрос о коллаборантах (лицах, сотрудничавших с оккупантами). Некоторые политические деятели считали, что необходимо, по крайней мере, больше половины французского епископата удалить с занимаемых должностей. Министерство иностранных дел, бывшее более компетентным в этих вопросах, проявило некоторую сдержанность. Министр иностранных дел Бидо, католик и участник дви-

жения Соппротивления с первого часа его возникновения, требовал снятия только 33 членов епископата. Генерал де Голль взял разрешение такой деликатной проблемы на себя. Начались переговоры. Вначале глава правительства одобрил требование своего министра иностранных дел, просившего об удалении 33 епископов. Когда об этом официально информировали монсиньора Ронкалли, он медленно перелистал памятную записку, закрыл ее и сказал своему собеседнику: «Но здесь только вырезки из газет. Могли бы вы иметь любезность предоставить мне подлинные документы в отношении того поведения, в котором упрекают обвиняемых?»⁴⁵. Пришлось создавать юридическое досье, обсуждать значение и ценность представленных документов и вести неоднократные переговоры с нунцием. Эти переговоры велись в течение десяти месяцев. Результатом их было то, что французское правительство попросило удалить только трех епископов⁴⁶.

Архиепископ Ронкалли очень быстро завоевал в Париже общее уважение. Как ученый историк, он приобрел особый престиж в академических кругах⁴⁷. Он установил дружественные связи не только с членами французского епископата, но и с государственными и общественными деятелями (преимущественно левого направления, как Эррио и президент республики Венсан Ориоль). В качестве старшины дипломатического корпуса нунций Ронкалли установил хорошие отношения с дипломатами, аккредитованными в Париже, в том числе и с советскими послами⁴⁸.

Монсиньор Ронкалли не очень любил появляться в министерстве иностранных дел. Он ходил туда только тогда, когда этого требовали обстоятельства. В течение восьми лет своего пребывания в Париже он вручил только одну ноту. Он сам говорил об этом так: «Я посещаю как можно реже ваших министров и только тогда, когда они этого хотят сами. Господин Бидо меня упрекнул, что я прихожу слишком редко, и обратил мое внимание на то, что кардинал Феррата, бывший нунцием в начале века, бывал в Кэ д'Орсэ каждую неделю. Но в то время министры иностранных дел были обычно враждебно настроены по отношению к Церкви и нунцию приходилось напоминать о себе. Со мной дело обстоит иначе, так как я нахожусь среди друзей и не желаю их утруждать»⁴⁹. Дипломат не преобладал в нем над пастырем, и он заботливо следил за всякими новыми попытками французского духовенства в области апостолата, в частности, за опытом священников-рабочих, который был начат по инициативе парижского кардинала Сушара.

В 1947 году появились первые священники-рабочие, к 1949 году их насчитывалось 50 человек, а в 1951 году — более 100 человек. Этот эксперимент, как и всякое новое явление, был встречен некоторыми католическими кругами весьма недружелюбно. В адрес Ватикана приходили резко отрицательные отзывы о деятельности «Миссии Парижа» (так именовалось официально это начинание. — М. Н.) от католиков, которые именовали себя «благожелателями, пекущимися о чистоте вероучения». Следует отметить, что в годы пребывания во французской столице архиепископ Ронкалли неизменно пытался, в меру своих возможностей, оградить начинания французского католичества от громов и молний римской курии. Однако самая мера его возможностей была, естественно, ограничена, поскольку нунций назначается для сношений с правительством страны, а не с поместной ветвью Римско-Католической Церкви. Разумеется, что местные церковные дела не могут вовсе не касаться нунция, но учреждения курии управляют ими помимо него. Известно, что в конфликтах, вызванных санкциями Ватикана против священников-рабочих и «прогрессивного катехизиса», нунций Ронкалли пытался склонить Папский Престол к более терпимой позиции. В ряде случаев его посредничество приводило к смягчению линии Ватикана. Этим объясняется энергичная поддержка его кандидатуры на конклаве французским кардиналатом, как и чувства радостного облегчения, охватившее католиков Франции после избрания его папой.

С ноября 1946 года, после встречи с папой Пием XII, архиепископ Ронкалли в качестве наблюдателя Римского Престола присутствует на открытии заседаний ЮНЕСКО в Сорбонне. В июне 1952 года он становится постоянным наблюдателем при этой организации. Это послужило для него поводом обратиться на богослужении, при открытии заседаний, с волнующим призывом к миру между народами, в котором уже слышались нотки «*Racem in terris*».

В те годы происходило обсуждение проектов реформы конституции Франции. Во время прений по реформе конституции французские кардиналы и епископы указали на те опасности, от которых должно быть предохранено новое европейское общество. Были высказаны соображения по пяти пунктам, которые, по мнению французской иерархии, являются основной причиной противоречий в современном буржуазном обществе:

1. Бедственное положение пролетариата, неуверенность его в завтрашнем дне, экономическая зависимость и часто нищета, лишаящая многих тружеников подлинно человеческой жизни.

2. Господство денежной олигархии, стремление к прибыли путем жестокой эксплуатации труда, не считающейся с человеческой личностью.

3. Наносящая вред экономическая власть, часто проявляющая откровенное злоупотребление.

4. Борьба классов, связанных, однако, значительными общими интересами, в то время как они должны были бы рассматривать себя как одно целое на службе всеобщему благу.

5. Практический материализм, приносящий в жертву права человеческой личности бессердечной конкуренции и жажде наживы.

Будущий папа Иоанн XXIII был солидарен с таким анализом и поддержал его. Впоследствии в энциклике «*Mater et Magistra*» подверглись рассмотрению почти все эти пункты.

Архиепископ Ронкалли охотно пользовался также своим правом совершать рукоположения: пока парижская кафедра в 1949 году оставалась вакантной, он рукоположил в соборе Нотр-Дам 49 священников. В жизни будущего папы нетрудно наблюдать стремление, несмотря на последовательно выполняемые им административные функции, оставаться прежде всего священником, пастырем. Для лучшего ознакомления с религиозной жизнью Франции, папский нунций в те годы предпринимал многочисленные путешествия. «Он не доверял письменным сообщениям, косвенным сведениям, газетным историям. Он хотел сам проверить на месте, сам убедиться лично, а при необходимости и без свидетелей, в том, что он слышал или о чем догадывался. Он посещал великие святых, председательствовал на конгрессах и возглавлял паломничества, произносил много речей. Все это являлось для него подходящим случаем, чтобы выполнить свою задачу, опросить, рассудить самому лично о виденном и услышанном»^{49а}. Ронкалли особенно благоволил к крестьянским районам страны, которые своей верой напоминали ему родные места Бергамо. Однако он стремился хорошо узнать и другие провинции. Пастырские проблемы этой страны стали для него близкими и понятными. Он познакомился с протестантизмом во Франции, пожалуй, так же хорошо, как и с православным Востоком. Он бывал в Лионе, Тулузе, Марселе, Бордо, Авиньоне, Нанте, Руане и многих других городах.

В парижский период жизни архиепископа Ронкалли частыми гостями у него бывали видные политические деятели Франции: Бидо, Шуман, Эррио, а также французский писатель Мориак, турецкий посол Менеменгиоглу, кардинал Тиссеран, приезжавший в Париж из Рима, и многие другие в том или ином отношении выдающиеся и влиятельные лица. Его связывали довольно дружественные отношения с президентом Франции социалистом Орионом. Интересно в этой связи привести высказывание самого Ориоля, относящееся к будущему папе Иоанну: «Во всех моих официальных сношениях с ним и еще гораздо более в частных беседах

я имел возможность убедиться в его умственной утонченности и гуманности. Как собеседник, он доставлял мне истинное наслаждение своим шармом и юмором. Я постоянно убеждался и в глубокой симпатии, которую он питал к Франции, а также в живом интересе его ко всему, что так или иначе относится к делу мира»⁵⁰. По вопросу о войне и мире можно привести слова самого Ронкалли из новогоднего обращения от имени дипломатического корпуса в 1951 году. «Война — гибель цивилизации, — сказал он, — и возврат к варварству. Даже, если необходимо противопоставить нападению «*ovi repellere*» (отражение вторжения) и защита безопасности или свободы делают ее неизбежной, война всегда должна оставаться «*ultima ratio*» (последним средством). И прежде чем дойти до этого, грозной ответственностью дипломатии остается изыскание абсолютно всех возможностей, чтобы непременно избежать ее»⁵¹.

В конце ноября 1952 года Ронкалли получил извещение о возведении его в кардинальское достоинство. Это означало, что он должен будет вскоре покинуть Францию.

12 января 1953 года он надел кардинальский пурпур, и по традиции, унаследованной от французской монархии и разделявшейся некоторыми другими европейскими странами (такими, как Испания и Португалия) до 1969 г., когда по призыву папы Павла VI они от этого отказались, президент Ориоль торжественно вручил монсиньору Ронкалли красную кардинальскую баретту (головной убор), которую привез из Рима папский аббат монашине Джакомо Теста. Церемония происходила в Елисейском дворце. Благодарственная речь кардинала Ронкалли была прощанием с Францией. «Для моего личного утешения, — сказал он, — на протяжении всей моей жизни и повсюду, куда бы Святейшему Отцу было ни угодно назначить меня и поручить мне ответственную задачу на благо служения Святой Церкви, мне будет достаточно, чтобы каждый добрый француз, вспомнив обо мне, мое скромное имя и о моем пребывании среди вас, мог бы сказать: это был честный и миролюбивый священник, всегда и при всех обстоятельствах надежный и искренний друг Франции»⁵².

15 февраля 1953 года кардинал Ронкалли был провозглашен патриархом Венеции.

23 февраля патриарх Венеции покинул Францию. На его место был назначен монсиньор Паоло Марелла.

Новое послушание означало для кардинала Ронкалли возвращение после большого перерыва к возделенному пастырскому служению и подвигу. И, хотя ему уже было 72 года, именно в Венеции он впервые мог руководствоваться в своей деятельности своими собственными принципами, взглядами и опытом. Пятилетнее пребывание его на одной из главных кафедр Римской Церкви было подготовкой и опытом для его последующей деятельности на Римском престоле. Одновременно с назначением в Венецию кардинал Ронкалли был зачислен в конгрегацию Восточной Церкви и в монашескую конгрегацию.

Став во главе одной из важных епархий (только двум епархиям латинского обряда присвоены ранг и наименование патриархов — Венецианской и Лиссабонской), кардинал Ронкалли оказался к тому же и в митрополитии с большим историческим и политическим прошлым, в которой и по сей день очень интенсивна и сложна общественная жизнь. Жизнь Венеции, как известно, всегда отличалась красочной темпераментностью, и в средние века история ее полна кровавых и зловещих эпизодов. В период борьбы против австрийского господства и становления итальянской нации Венеция становится одним из главных центров нового национального единства. Традиция города-республики в наше время проявляется именно в дискуссионных формах общественной борьбы, напоминающих до некоторой степени нравы древнего Рима. Венеция — это прежде всего город с 350-тысячным населением. Не все венецианцы живут туризмом и художественными промыслами. Не все они золотых или серебряных дел мастера или

выделыватели кож. Огромное число их трудится на кораблестроительных верфях, металлургических и сталелитейных заводах. В Венеции имеются пролетариат и буржуазия, здесь довольно жестокая классовая борьба. К моменту вступления кардинала Ронкалли на Венецианский патриарший престол мэром города был коммунист Батиста Джакуинто.

И в этом городе, где окруженные хоругвями статуи Мадонны носят в процессиях по переулкам рабочих кварталов и где бастующие профсоюзы опираются на приходское духовенство, стало ясным отношение кардинала Ронкалли к проблемам нашего времени. На венецианской кафедре он оказался ярким выразителем того направления католической мысли, которого в эпоху понтификатов папы Пия XI и папы Пия XII придерживался епископат Франции. В Италии это направление было представлено в послевоенные годы двумя тенденциями, близкими одна к другой, но поддающимся разграничению на «правую» (к которой принадлежит кардинал Сири, архиепископ Генуэзский) и «левую» (выразителем которой является бывший архиепископ Болонский кардинал Леркаро). Во время своего пребывания на Венецианской кафедре кардинал Ронкалли представлял эту последнюю тенденцию.

Направление, о котором идет речь, лучше всего может быть рассматриваемо как некий синтез. В упрощенном истолковании это — слияние церковного начала с прогрессивной социальной политикой. У этого вида мышления оказываются решительные противники и слева и справа. Слева его обвиняют за религиозную ортодоксальность, за церковный конформизм, справа — за соглашательство и стремление к компромиссу с антихристианской философией. Противники слева принадлежат почти исключительно к нерелигиозным или антирелигиозным кругам, и их критика исходит, таким образом, извне. Противники справа в большинстве случаев находятся в лоне Римской Церкви. Сами представители этого синтеза утверждают, с одной стороны, свою верность церковному началу, с другой — свое стремление включиться в современную действительность. Они очень часто определяют свои установки как необходимость «присутствия» вневременной Церкви в современности и оцерковления современности, одухотворения и освящения Церковью меняющейся действительности.

Как и французские кардиналы, Ронкалли в этих вопросах придерживался традиции папы Льва XIII и папы Пия XI. И в этих (как, впрочем, и в других) областях следует видеть особенно глубокое, основное различие между папой Иоанном XXIII и его предшественником — папой Пием XII. Различие это стало обнаруживаться еще в венецианский период деятельности кардинала Ронкалли настолько, что официоз Ватикана «Оссерваторе Романо» пытался даже отмежевать Ватикан от некоторых высказываний патриарха Венецианского.

Весть о назначении на вдовствующую кафедру кардинала Ронкалли была встречена с облегчением и вызвала всеобщую радость. Прибытие нового кардинала-патриарха воодушевило не только христианские круги. Его приветствовали и антиклерикалы, и социалисты, и коммунисты. В этом отношении показательное заявление в печати бывшего мэра Венеции коммуниста Джакуинто, сделанное им уже после избрания кардинала Ронкалли папой: «Я знал нового папу, когда сам я был мэром Венеции, а он — патриархом. Я имел случай встречаться с ним много раз и всегда видел в нем человека мудрого и современного, всегда стоявшего превыше политических склоков, неизбежно возникающих при гражданском и религиозном управлении большим городом»⁵³. Лидер социал-демократов Сарагат (потом президент Италии) со своей стороны отозвался о кардинале Ронкалли очень кратко: «Это человек здравого смысла и большого благочестия»⁵⁴.

Встреча нового патриарха в Венеции была триумфальной и, по-видимому, смутила его самого. Это был его первый контакт с огромными толпами, среди которых он оказался впервые центром внимания и симпатии.

Биограф папы Иоанна—Альден Гатх так описывает торжественную встречу, устроенную патриарху-кардиналу 15 марта 1953 года: «Был солнечный день, хотя в воздухе чувствовалось еще свежее дыхание зимы. Все гондолы, барки и лодки в Венеции были заняты в этот день верующими, сопровождавшими с железнодорожной станции до площади св. Марка барку кардинала, высланную за ним городским управлением. Дома, дворцы и мосты вдоль Большого канала были украшены знаменами с крылатым львом св. Марка, эмблемой прежней Венецианской республики, с балконов и окон свисали старинные парчевые ткани и гобелены. Постройки, лодки, доки утопали в море первых весенних цветов. Впереди плыли гондолы президента города и членов городского совета, а также частные гондолы дворянских родов с гондольерами в цветных livreaх. За ними ладьи с золотыми фонарями и церковными хоругвями на носках везли священников и представителей приходов епархии. По обоим берегам канала всякое место, достаточно сухое, чтобы на нем стоять, заполняли толпы охваченных энтузиазмом венецианцев, приветствующих, машущих руками, весело смеющихся, в то время как церковные колокола, над которыми доминировал пронзительный звон «Мараньоны», наполняли воздух металлическим гулом. Патриарх Ронкалли в пурпурном кардинальском одеянии, в короткой пелеринке из горностаев, был самым счастливым из всех. Улыбаясь, он посылал благословения направо и налево так энергично, что его круглая с широкими полями шляпа перекосилась набок и, если бы он не схватил ее вовремя, упала бы в канал»⁵⁵.

В своем кафедральном соборе у мощей апостола и евангелиста Марка патриарх выступил с первым словом к новой пастве, которое представляет собой большой интерес, так как в нем он ставил себе целью охарактеризовать самого себя. Но, помимо этого автобиографического элемента, в первой речи нового венецианского архипастыря заслуживает внимания и то, что он излагает здесь свои взгляды на священство, пастырское призвание и архиерейское служение.

Он начал латинской фразой: «Esse homo, esse sacerdos, esse pastor... (се человек, се священник, се пастырь)... Вы ожидали меня с трепетом, — продолжал он, — вам говорилось и писалось обо мне многое, значительно превосходящее заслуги мои. Я сам смиренно представляю себя вам. Я подобен всякому человеку, живущему на земле. Мне ниспослано хорошее телесное здоровье, немного здравого смысла, чтобы я мог быстро и ясно разбираться в вещах, с предрасположением любить людей, что помогает мне быть верным евангельской заповеди уважать права ближнего, как свои, и не дает мне вредить кому бы то ни было; и это поощряет меня творить благо в отношении всех»⁵⁶. Остановившись на грозных противоречиях современного мира, кардинал Ронкалли продолжал: «...Мне дано было вступать в общение с людьми, весьма различными по религии и идеологии, где я соприкасался вплотную с острыми и грозными социальными проблемами, пред лицом которых ни суждение, ни воображение мое не утратили, однако, спокойствия и уравновешенности: раз крепость церковных и нравственных начал утверждена, надо больше заботиться о том, что объединяет, нежели о том, что разделяет и вызывает столкновения»⁵⁷.

С момента приезда в Венецию кардинал Ронкалли приступил к делу сразу, и тут еще раз выявился полностью его «стиль» — все делать быстро, но без спешки и без шума, тем более без шумихи. Патриарх старался быть доступным для всех, близким простому народу, принимая безо всякого протокола и предварительных просьб, исповедуя самых простых людей из числа своих прихожан, посещая по нескольку раз приходы своей епархии, рано приезжая и произнося проповеди на всех богослужениях.

Политическая обстановка в Венеции оказалась сложной для нового патриарха, ибо в среде местной христианско-демократической партии (правящей в Италии с конца второй мировой войны) возникло сильное течение левого крыла, возглавленное широко известным Владимиром Дориго.

Это течение пользовалось в Венеции большим влиянием. Дориго, как политический деятель, сформировался под сенью «Католического Действия» — массовой организации католиков-мирян. Поскольку «Католическое Действие» (в отличие от христианско-демократической партии) подчинено непосредственно Ватикану, Дориго, несогласный с линией папы Пия XII, демонстративно вышел из рядов этой организации. Он представлял крыло христианских демократов, считавшее необходимым соглашение с более левыми силами, в частности, с социалистами Ненни.

Правое крыло и центр христианских демократов, находившихся у власти как в партии, так и в стране, возражали против намерений Дориго и единомышленных с ним лидеров левой фракции в других крупных центрах Италии. В Ватикане почин левых католиков встречал решительное осуждение (папа Пий XII не терпел оппозиции своим директивам среди католиков). Следует считать твердо установленным факт, что кардинал Ронкалли долгое время оказывал Дориго благоволение и содействие, стараясь в то же время удержать его в рамках церковной дисциплины. По своему обыкновению он не выступал с громогласными заявлениями, а предпочитал личное общение и частные беседы. Такие беседы он вел с представителями всех течений общественной мысли Венеции, в частности, с социалистами и христианскими демократами всех направлений⁵⁸.

Во многих чертах патриаршество Ронкалли в Венеции было близким линии поведения кардинала Леркаро, архиепископа Болонского, с его социальными начинаниями в Италии, и кардиналов Фельтэна, Лиенара и Жерлие — во Франции. Сооружение в Венеции гигантской статуи «Христа трудящегося» было всюду воспринято как символическое выражение общей направленности патриаршества Ронкалли.

В начале 1957 года в Венеции был созван всеитальянский съезд социалистической партии (Ненни). Патриарх Ронкалли по этому поводу обратился к своей пастве с посланием, в котором говорилось: «На этих днях в Венеции соберется съезд представителей всех областей полуострова: конгресс итальянской социалистической партии. Как добрый венецианец, у которого гостеприимство в большой чести, следуя также поучению апостола Павла о том, что епископу надлежит быть страннолюбивым и любящим добро, я позволю себе выразить ему приветствие в духе безмятежного почтения. Вы поймете исключительное значение этого события для направления, которое примет страна наша в ближайшем будущем. Оно, разумеется, вдохновляется стремлением к системе взаимопонимания в целях улучшения жизненных условий и социального благосостояния. Эти стремления, поскольку они опираются на искренность, на добрую волю, являются намерениями благородными и великодушными...»⁵⁹. Если представить себе настроение в курии в то время и личные твердые убеждения и взгляды папы Пия XII, то станет ясно, что написать такое приветствие съезду социалистов мог человек, имеющий свои твердые убеждения, искреннюю открытость и добрую, но стойкую волю.

Вполне естественно, что занятая Венецианским патриархом позиция не могла не вызвать оживленных пересудов. Ненни огласил послание кардинала Ронкалли съезду, который выслушал его стоя и разразился овацией в адрес его автора. Озадаченная курия немедленно приняла меры. «Оссерваторе Романо» и ватиканское радио уточнили, что о соглашении с левым крылом итальянской общественности не может быть и речи. Через несколько лет жизнь показала другое.

Характерным для патриарха Ронкалли было и другое послание, с которым он обратился в 1957 году к духовенству своей епархии: «Одной газетной хроники достаточно, чтобы ежедневно омрачать утренние часы: только и читаешь что о закрытии заводов, о сокращении рабочих часов или — еще хуже — об увольнении личного состава. Мне бы хотелось иметь возможность взволнованным голосом умолить тех, кто располагает прерогативами и финансовыми средствами, избавить добрый наш народ от но-

вых испытаний. Увольнение десяти, пятидесяти, ста тружеников должно бы напомнить предприятиям и заводам об их женах, об их многочисленных детях и нередко об их престарелых родителях, погруженных в смертельную скорбь. И сами мы потрясены до глубины души. К этому не дерзаю ничего добавить, — продолжал он, — но я обращаюсь к руководителям промышленности и администрации, к их техническим и хозяйственным советникам и именем Божиим заклинаю их помыслить, что способности и вещественные блага, которыми они располагают, предоставлены им не для того, чтобы сводить балансы, а чтобы быть орудиями Промысла Божия на благо всей земной семьи человеческой, что в силу этого они обязаны считать себя облеченными сложнейшим, но и необходимейшим социальным служением и что заслуга и почет будет уделом того, кто поступает в духе Ветхого и Нового Завета»⁶⁰. Между тем, общественная деятельность кардинала Ронкалли не ограничивалась лишь произнесением проникновенных речей. По свидетельству биографа папы Иоанна, «кардинал Ронкалли поощрял крупных владельцев своей епархии, таких, как Сири, Марзото, к поступкам, носящим прогрессивный характер. Он непременно побуждал лидеров христианских демократов развернуть настоящую социальную политику»⁶¹.

Какой характер носили прогрессивные поступки Сири и Марзото, нам неизвестно, но упоминание об этом на страницах печатного исследования говорит о том, что в области социальной будущий папа умел добиваться реальных успехов.

За время своего патриаршества в Венеции кардинал Ронкалли открыл в своем соборе доступ к крипте с мощами апостола Марка и — интересная деталь — восстановил перед главным алтарем древнюю алтарную преграду, существовавшую до разделения Востока и Запада...

19 марта 1955 года, в день тридцатилетия его епископского служения, все население города торжественно отмечало вместе со своим патриархом эту знаменательную в его жизни дату. С 24 по 27 ноября 1957 года заседал собранный им епархиальный синод, в связи с чем патриарх несколько раз обращался в соборе к своему духовенству и мирянам.

9 октября 1958 года скончался папа Пий XII, а 11 октября кардинал Ронкалли совершил в соборе святого Марка торжественную панихиду по скончавшемуся папе. Вскоре после этого он стал готовиться к поездке в Рим, где должен был открыться конклав. На перроне вокзала патриарха провожала огромная толпа. В Венецию кардинал Ронкалли больше не вернулся. 28 октября 1958 года начался новый период в жизни Анжело Джузеппе Ронкалли.

* * *

Прежде чем говорить об этом новом периоде, следует остановиться хотя бы кратко на психологии двух пап — Пия XII и Иоанна XXIII, которая во многом определила различие в их понтификатах. Следует вспомнить, что папа Пий XII считался интегралом и стремился к тому, чтобы духом католицизма были проникнуты все стороны и области человеческой деятельности. В сущности, это традиционно для Рима. Трудно представить себе какого бы то ни было папу, который был бы чужд такому стремлению. Несомненно, разделял его и папа Иоанн XXIII, и он мог бы быть интегралом, как и его предшественник.

Можно задать вопрос: почему папа Иоанн XXIII не стал интегралом в духе и стиле папы Пия XII? На этот вопрос ответ дает рассмотренная нами жизнь Ронкалли до 1958 года. От интегрализма папы Пия XII его оградили традиционные веяния и установки бергамской школы, в духе которой он воспитывался и под действием которой сформировались его убеждения. Интегрализм папы Пия XII означал не развитие, не движение вперед, а как бы контрнаступление. В отличие от него папа

Иоанн XXIII всегда считал, что Церковь (для него это была, конечно, Церковь Римская) не должна защищать никакого «статус кво», не должна и не может связывать себя ни с какими учреждениями, ни с устаревшими порядками и обреченными явлениями истории. Из сказанного можно вывести такое заключение. Предпосылка папы Пия XII была пессимистической, тогда как предпосылка папы Иоанна XXIII — оптимистическая: первый не доверял новому в мире и боялся его, последний понимает закономерность появления нового и не испытывает страха перед ним.

Все это стало в достаточной мере ясным за годы пребывания кардинала Ронкалли в Венеции. И, может быть, именно благодаря тому, что это стало ясным, он и оказался на папском престоле, так как в Католической Церкви в целом стало доминирующим убеждение, что пришло время для перемены курса и что направление Пия XII должно быть изменено. Посмертные похвалы покойному папе (исходящие, в частности, и от самого Иоанна XXIII) не должны в этом отношении никого смущать. Премство папской власти всегда требовало таких похвал умершему обладателю полноты церковной власти, а подчеркнутый упор на его добродетели, качества и заслуги обычно лишь усиливает общую уверенность в том, что перемены неминуемы.

Кардинал Ронкалли пробыл в Венеции немногим более пяти лет. В жизни 77-летнего старца это срок небольшой, но он оказался самым важным для него этапом, поскольку позволил наблюдавшим за деятельностью кардинала-патриарха, с момента своего назначения в Венецию ставшего одним из «папабили», т. е. кардиналов, имеющих шансы быть избранным на Римский престол, составить себе о нем довольно ясное представление.

Современники Ронкалли отмечали, что он всегда любил дружеские беседы, искал общества людей. Он редко пропускал случай высказаться сам. При его добродушном и терпимом отношении к окружающим эти высказывания принимали характер именно той простоты и родственности, на которой он сам любил настаивать. На папском престоле это — необычное явление, да и сам он в ряду римских пап — необычная личность. Его общительность оказалась в резком контрасте с привычками его непосредственного предшественника Папы Пия XII. О различии в психологии обоих пап вскользь уже говорилось, но различие, о котором шла речь выше, больше всего касалось их разного отношения к окружающей действительности и к современности в широком смысле этого слова. Если иметь в виду внутреннюю жизнь обоих пап в ее повседневных проявлениях, то сразу становится заметной несхожесть пап Пия XII и Иоанна XXIII.

Первый был замкнутым и молчаливым, несмотря на очень значительное число оставленных им булл, энциклик и публичных обращений к самым разнообразным группам людей. У папы Пия XII была потребность в учительном, истолковывающем и наставляющем общении с паствой. Но это общение всегда шло сверху вниз и оставалось односторонним в том смысле, что папа не ожидал (да и не терпел) никакой дискуссии: он просто высказывался, и только. Вне официальных приемов и церемоний (правда, все более многочисленных) папа Пий XII был мало доступен, и ему не могли быть в тягость обычаи Ватикана, как бы замуровывающие папу в торжественном одиночестве. Он работал, молился, отдыхал в окружении лишь немногих сотрудников, и будничная жизнь его протекала между кабинетом, личной капеллой (небольшой крестовой церковью), библиотекой и личными апартаментами.

Папа Иоанн XXIII сразу же показал, что он будет держать себя гораздо более свободно и что протокольной части Ватикана придется перестроить свои правила...

Так что еще до коронации папы Иоанна XXIII в Ватикане уже поняли, что «стилем» нового понтификата будет простота и общительность.

ГЛАВА II. ПОНТИФИКАТ ПАПЫ ИОАННА XXIII

12 октября 1958 года, через три дня после смерти папы Пия XII, кардинал Ронкалли покинул Венецию, направляясь на его погребение и на конклав. По приезде в Рим он остановился на виа Аурелиа в «Домус Марие».

Вечером 25 октября, в воскресенье, кардинал Ронкалли вместе со всеми членами Священной Коллегии вошел в Сикстинскую капеллу, чтобы подготовиться к первому голосованию. Его секретарь монсиньор Каповилла сопровождал его в качестве конклависта.

После смерти папы Пия XII людям, даже хорошо разбиравшимся в делах Римского престола, трудно было делать прогнозы относительно выборов нового папы. Была одна кандидатура, больше других привлекавшая к себе всеобщее внимание. Это — архиепископ Миланский Монтини. Однако он не имел кардинальского звания, вследствие чего кандидатура его отпадала, хотя канонические правила не запрещают возводить на папский престол лиц, не облеченных кардинальским достоинством, но традиция последних шести веков не знает таких случаев⁶². Обстановка была довольно неясной, хотя и рассказывают, что один из кардиналов, прежде чем переступить порог Сикстинской капеллы, сказал: «Я не могу думать ни о ком, кроме Ронкалли: у него самое доброе сердце и самый большой опыт»⁶³.

Конклав закрыл свои двери вечером 25 октября. После неожиданной смерти кардинала Муни, архиепископа Детройтского, он насчитывал 51 избирателя. Кардинал Ронкалли занимал видное место среди «папабили». Первый тур голосования 26 октября утром был отрицательным. 27 октября из трубы Сикстинской капеллы пошел белый дым. Радио Ватикана сообщило об избрании папы. Но сразу же после этого поднялся густой черный дым, разочаровавший собравшуюся на площади толпу. 28 октября после одиннадцатого или двенадцатого голосования папой был избран кардинал Ронкалли. Когда старейшина Священной Коллегии кардинал Тиссеран задал ему традиционный вопрос: «Принимаешь ли ты каноническое избрание, делающее тебя Первоверховным пастырем?», кардинал Ронкалли ответил следующее: «Трепещу и устрашаюсь, ибо ведомые мне немощи мои достаточны, чтобы привести меня в смущение, но, видя в желании моих собратьев-кардиналов знак Божественной воли, принимаю их избрание, склоняясь перед чашей горечи и под тяжестью Креста»⁶⁴.

Как уже указывалось выше, кардиналы решились на его избрание лишь в одиннадцатом или двенадцатом туре. Вначале решалась альтернатива: папа-политик или папа-пастырь, то есть решался вопрос, будет ли новый папа преодолевать внешние или, скорее, внутренние трудности Церкви. Предшественник папы Иоанна XXIII, чрезмерно централизовав церковное управление, во многом содействовал изоляции Римской Церкви от внешнего мира, им же были созданы барьеры, отделявшие ее от прочего христианского мира. Резко отрицательным было и отношение покойного папы к социализму. Так, например, 1 июля 1949 года был издан декрет об отлучении от Церкви всех коммунистов и тех, кто сотрудничает с ними. Теперь же, по мнению большинства кардиналов, на Римском престоле должен быть папа, зарекомендовавший себя благочестием и практическим подходом к жизни. С такими мыслями многие из них и бросали в избирательную урну свой бюллетень, на котором было написано: «Беру в свидетели Христа Господа, Который меня рассудит, что я выбираю того, кого я должен был выбрать пред Богом».

28 октября после четырехдневного конклава кардиналов над Сикстинской капеллой поднялся, наконец, белый дым, который возвестил людям, собравшимся на площади св. Петра, и всему миру, что новый папа избран. В эту минуту все было полно ожидания. На центральный балкон собора

св. Петра вышел старший среди кардиналов-диаконов Канали и в тишине, наступившей вслед за его появлением, обратился к тысячам присутствующих на площади с традиционными словами: «Возвещаю вам великую радость: имеем папу Высокопреосвященнейшего, Досточтимейшего Анжело Джузеппе святой Римской Церкви кардинала Ронкалли, который принял имя Иоанна XXIII». А перед этим новоизбранный папа в своей речи, обращенной к кардиналам после окончательного голосования, объяснил, что побудило его выбрать это имя. «Буду называться Иоанн, — ответил он на вопрос старейшины Коллегии кардиналов кардинала Тиссерана, как будет он именовать себя после избрания, — это имя дорого мне, потому что так звали моего отца. Оно дорого мне, ибо это название носит скромная приходская церковь, где было совершено наше крещение. Это торжественное имя бесчисленных храмов по всему миру, и прежде всего, нашего собора, благословенной и святой Латеранской базилики. Это имя более других использовалось среди многих римских пап. Фактически насчитывалось двадцать два абсолютно достоверных и законных правителя, по имени Иоанн. Почти каждый из них краткое время находился на престоле... Мы предпочитаем прикрывать несовершенство нашего собственного имени величественной пледой римских пап. Разве святой Марк-евангелист, слава и покровитель нашей любимой Венеции, он, которого, как собственного сына, любил апостол Петр, первоверховный апостол и первоепископ Римской Церкви, не именовался Иоанном? Мы с любовью относимся к имени Иоанн, столь дорогому нам и всей Церкви, особенно потому, что его носили два человека, ближе других стоявшие ко Христу Господу, Божественному Искупителю всего мира и Творцу Церкви: Иоанн Креститель, Предтеча нашего Господа... и другой Иоанн, ученик и евангелист, на долю которого выпала любовь Христа и Его Пресвятой Матери... который воспринял щедрую любовь, пылавшую в нем незатухающим апостольским пламенем...»⁶⁵.

С точки зрения исторической, имя Иоанн носило наибольшее количество пап. Первым был святой Иоанн I, брошенный царем остготов Теодорихом в тюрьму, мученически скончавшийся в заключении в 526 году. Последний был Иоанн XXII (Жак Дюэз), родившийся в Кагоре и бывший папой Авиньонским с 1316 по 1334 год. Был еще один папа, носивший имя Иоанна XXIII, это — кардинал Балтазар Косса, который был избран в 1419 году во время великого Западного раскола. Он был низложен в 1415 году и умер в 1419 году, примирившись с Церковью, будучи кардиналом, епископом Тускулумским. В официальном списке пап в качестве законного папы он не фигурирует.

На конклаве папа Иоанн XXIII сделал исключение из правила, которое он вменил себе, когда был еще кардиналом, — никогда не дарить свою скуфью. Он возродил старый обычай, от которого отказались папы Пий XI и Пий XII. После того, как новый папа принимает свое избрание и объявляет о выбранном имени, секретарь конклава — монсиньор, единственный не имеющий кардинальского достоинства член конклава, подходит к новоизбранному, чтобы помочь ему в соседнем помещении переоблачиться в белую сутану и передать ему белую скуфью вместо красной, кардинальской. По старой традиции, новый папа, получив белую скуфью, снимает ту, что он носил как кардинал, и надевает ее на голову секретаря конклава, объявляя таким образом свое решение о возведении его в кардиналы. Курт Клиндер по этому поводу пишет: «Обмен скуфьями, на какой бы ступени иерархической лестницы это ни происходило, означает всегда радикальное изменение в жизни этих людей. Это также волнующее событие для кардиналов и всего конклава. Следовательно, вы можете себе представить, каковы были мысли монсиньора Арборио Мелла, когда он вручил белую скуфью кардиналу Ахиллу Ратти после того, как новый папа выбрал имя Пия XI. Надеялся ли он, стоя на коленях, что красная, еще теплая скуфья экс-кардинала Ратти будет возложена на его голову? Папа

Пий XI по-другому относился к этой традиции. После нескольких мучительных секунд, показавшихся монсиньору Мелла вечностью, он поднял глаза: Пий XI левой рукой спокойно надевал белую скуфью, в то время как правой он быстро засовывал красную в карман своей сутаны. Монсиньор Мелла долго стоял с преклоненной головой, очень долго... Так же поступил и Пий XII»⁶⁶. Считалось, что монсиньор ди Джорни (единственный человек, который, не нося пурпура, мог находиться в Сикстинской капелле) не может питать особых надежд, преподнося белую скуфью кардиналу Ронкалли, ставшему Иоанном XXIII. Два папы уже нарушили эту традицию, и было мало надежды, что это изменится. И тем не менее Иоанн XXIII возложил свою красную скуфью на голову ди Джорни. Не смея верить, тот потрогал свою голову. «Ну да, — сказал новый папа, — конечно... Вот тебе моя скуфья»⁶⁷.

Учитывая преклонный возраст нового папы, некоторые считали, что его понтификат будет в большей степени представительным, чем активным. Папа Иоанн XXIII, правда, повесил в своем рабочем кабинете портреты пап, своих предшественников Бенедикта XV, Пия XI и Пия XII, как подтверждение того, что он будет уважать их традиции. Но он в то же время не оставил никаких сомнений в том, что намерен приблизить Католическую Церковь к проблемам сегодняшнего дня.

Первым, кого пригласил к себе новый папа, был главный редактор «Оссерваторе Романо» — ватиканского официоза. По требованию папы Иоанна XXIII, напыщенный язык римской курии должен был исчезнуть, и потому редакция этого органа печати в будущем, когда речь пойдет о папе, должна будет избегать таких фраз, как: «Тот, кто царствует над умами...» или: «Избранник в своей вдохновенной и величественной речи...»; писать же нужно просто: «Папа сказал...» Было также запрещено печатать вступительную фразу: «Мы излагаем произнесенную речь в том самом виде, в каком мы восприняли ее из высочайших уст...» Папа отметил тот факт, что эти обороты не только устарели, но и кажутся смешными⁶⁸.

4 ноября 1958 года состоялась коронация папы Иоанна XXIII. Собор св. Петра сиял праздничными облачениями епископов и священников, парадными мундирами представителей правительств и праздничными одеждами собравшихся мирян-католиков. Вопреки обычаю, новый папа неожиданно прервал интронизационную мессу ради краткого слова. Смысл его был таков: престол св. Петра превращает его, папу, в пастыря для всего стада, а также в пастыря для духовных овец не из римско-католической овчарни, им он предложил свои услуги пастыря, они услышат его голос. Да будет едино стадо и един пастырь.

О первых шагах папы Иоанна Генри Пикер пишет следующее: «Иоанн XXIII, который, по мнению избравших его кардиналов, должен был лишь передать в безупречном состоянии двухтысячелетнее строение Церкви «грядущему великому папе» и одновременно «сохранить для него место», решил на обновление этого здания, здания, из которого 900 лет назад ушли православные и которое четверста лет назад покинули протестанты. Теперь, по его представлению, оно должно было быть превращено в отчий дом для всех христиан»⁶⁹.

Новый ветер повеял в Ватикане после того, как папа Иоанн XXIII вступил в его древние стены. В строгих и торжественных помещениях неожиданно зазвучал веселый смех, присущий домам с многодетными семьями. Юмор и находчивость нового папы привнесли в стены, гордые своими традициями, совершенно новую атмосферу. Даже во время генеральных аудиенций улыбались, когда папа подсмеивался над переживаниями в своем отчете доме и в родной общине, когда он рассказывал эпизоды из своей жизни священника, епископа и патриарха. Вначале, однако, папа Иоанн детально и основательно познакомился со своим новым окружением. До сих пор он почти не был знаком с Ватиканом. В течение первых

недель своего понтификата он часами бродил по ватиканским дворцам и садам: разговаривал со священниками, служащими и рабочими, которые встречались ему во время этих обходов.

Папа Иоанн XXIII выработал последовательность папского рабочего дня в соответствии со своими прежними привычками. Всем стало ясно, что папа не намерен жить в «золотой клетке», а намерен целиком и полностью посвятить себя многочисленным ежедневным заботам.

Рабочий день папы Иоанна XXIII начинался в 4 часа утра. Вначале была молитва по «Бревиарию» (иерейскому молитвослову), которая являлась для него не благочестивой обязанностью, а внутренней потребностью, источником, откуда он черпал силу для своей деятельности. До ранней литургии, которая начиналась в 7 часов, папа занимался своими делами. Больше всего он любил в эти часы находиться в апостолическом дворце и читать акты, памятные записки, книги. Иногда он просматривал исторические материалы, чтобы определить, как его предшественники справлялись с церковными проблемами своего времени. Во время ранней литургии в домашней часовне в папских апартаментах постоянно присутствовали лица из его ближайшего окружения: секретарь монсиньор Каповилла, три монахини, обслуживавшие его покои и кухню, и духовник папы монсиньор Каванья. Иногда ранняя литургия совершалась в Сикстинской капелле или в какой-либо другой часовне в присутствии кардиналов. Завтрак папы, начинавшийся в 8 часов, состоял обычно из стакана молока или фруктового сока, булочки и яблока, иногда подавалась чашка чая или кофе. Завтрак был для него временем не только еды, но и чтения газет, которое он имел обыкновение заканчивать не спеша. Начинал он с «Оссерваторе Романо», основанной в 1861 году дедом папы Пия XII — Маркантонио Пачелли. Далее следовали итальянские и французские газеты, в которых его секретарь уже заранее подчеркивал самое важное, а также газеты со всего мира, где имелась интересующая папу информация. Газеты и журналы играли в его жизни значительную роль. Еще будучи юношей, он имел сокровенное желание стать журналистом и даже однажды опубликовал в местной газете статью. В дальнейшем он не раз говорил, что апостол Павел, если бы он жил в наше время, был бы, вероятно, журналистом, чтобы нести Христово благовестие во все народы.

Уже на следующий день после избрания папой он принял у себя журналистов и отметил, что придает особое значение их профессии. Через два дня после открытия II Ватиканского Собора папа вновь принял журналистов, на этот раз в Сикстинской капелле, у подножия картины Микеланджело «Страшный суд». Он просил их ставить в своих сообщениях правду превыше сенсации и не становиться на путь удовлетворения массового любопытства. Даже в последние дни его жизни ему приносили газеты, если там что-либо было написано о Соборе. Папа Иоанн XXIII, будучи любителем и ценителем четких формулировок и толкований, с остроумным смысловым значением сам подчеркивал в газетах и журналах то, что должно было быть обработано в ватиканском бюро. Папа не отрицал, что, несмотря на наличие у него весьма разнообразных источников информации, существовали новости, о которых он узнавал только из газет.

После завтрака и чтения газет следовал короткий обмен мнениями с секретарем монсиньором Каповиллой, в обязанности которого входило знакомить папу с программой дня и предъявлять ему важную почту, предназначенные для подписи письма и документы. Все это помещалось в белую кожаную папку, с которой папа около 9 часов появлялся в своем рабочем кабинете.

Уже через два месяца вся римская курия хорошо знала, что папа не любит длинных писем и замечаний и возвращает для переработки предложения, памятные записки и изложение точек зрения, которые занимают более двух страниц. Будучи сам сторонником четкого и конкретного образа мышления, он требовал от своих сотрудников строго и точно продуман-

ного доклада⁷⁰. Тех, кто приходил к нему с заумными богословскими аргументациями, он поучал, ссылаясь на простоту и достоверность молитвы «Отче наш», являющей собой квинтэссенцию христианства⁷¹.

В свой официальный рабочий кабинет в апостолическом дворце папа спускался на лифте, ибо кабинет находился двумя этажами ниже апартаментов. В это время от всех требовалось соблюдение полной тишины.

Несколько слов о стиле руководства Иоанна XXIII. Ознакомившись с обстановкой, он возложил многие руководящие функции и ответственность на своих сотрудников, а сам только контролировал и координировал решение важных дел. При этом он допускал проявление своими подчиненными собственной инициативы. Все это весьма резко отличалось от ясных и точных директив папы Пия XII. «Но разве в конечном счете это приносило вред для Церкви? Разве не это было причиной того, что этот простой, скромный и человечный папа почти с самого начала своего понтификата завоевал необычайные симпатии и мировую популярность? Разве не явилось доказательством его современности именно то, что он с учетом естественности жизненного процесса ограничивался тем, чтобы указать направление, а затем предоставить свободу всем импульсам? Он сам говорил об этом следующим образом: «Я папа тех, кто при езде на автомобиле жмет на педаль газа, и я также папа тех, кто жмет на педаль тормоза»⁷². В противоположность своему предшественнику папа Иоанн XXIII склонен был обсуждать многие вопросы со своими доверенными лицами и рассматривать проблемы, учитывая различные точки зрения. Даже если у него не было никаких вопросов к кардиналам, и тогда папа не отказывался дать им аудиенцию. Кроме того, он весьма четко и определенно подтвердил их право «непосредственного вызова по телефону Святого Отца»⁷³.

В 9 часов 30 минут начинались аудиенции у папы кардинала государственного секретаря, кардиналов и докладывающих прелатов. Характер папы проявлялся уже в самой церемонии приветствия. Он был против обычных трех коленопреклонений и избегал их тем, что встречал посетителя уже у дверей и брал его за руку. Предметом рабочих аудиенций чаще всего были епископские доклады, которые раз в пять лет каждый епископ делает Риму письменно, а неевропейские епископы — раз в десять лет дополнительно устно. Папа Иоанн XXIII, рассмотрев состояние вещей, высказал пожелание, чтобы доклады епископов из социалистических стран изучались и обрабатывались с чрезвычайной тщательностью, ибо предложения епископов этих стран, касающиеся выступления Церкви против гонки вооружений, против ядерных испытаний, против войны и за мирное разрешение социальных и международных проблем, заслуживают должного внимания.

Аудиенции у папы ни в коей мере не напоминали получение приказа. Решения принимались на основе общих обсуждений и размышлений. При этом папа, принимавший, если это было необходимо, решения весьма быстро, обращал внимание на то, чтобы вопросы были хорошо продуманы, а решение их было терпеливым и тщательным.

За рабочими аудиенциями папы следовали послеполуденные специальные и частные аудиенции. Засвидетельствовать папе свое личное почтение прибывали известные люди со всего мира. Всем посетителям нравилась сердечность, с которой папа, игнорируя официальный протокол, избегал коленопреклонений при церемонии приветствия, искусно влетал в ход беседы одну из своих шуток. Посетителей поражала откровенность, с которой папа Иоанн XXIII вел беседу, а сотрудники курии говорили, что скоро в Ватикане не будет никаких служебных тайн. Весьма часто аудиенции папы длились до 14.30. Что это означало для 80-летнего старца, который уже в 4 часа был на ногах, нетрудно представить.

После аудиенции папа обедал. Как и все итальянцы, он любил разговаривать за столом. Он был рад гостю за обеденным столом — кардиналу,

иностранному епископу, другу прежних дней или кому-либо из своих братьев и сестер. За столом всегда должен был присутствовать его секретарь монсиньор Каповилла. Конечно, подобные приглашения к столу привлекли к себе внимание в Ватикане, так как подобное ранее не имело места. Но папа Иоанн XXIII заявил, что он не нашел в Евангелии места, где бы папе предписывалось есть в одиночестве, напротив, даже Христос охотно принимал пищу в присутствии других лиц⁷⁴. Вполне естественно, что приглашения к столу служили источником получения информации из первых рук, и это было очень важно.

После обеда и расставания с гостем папа Иоанн XXIII имел обыкновенно прилечь отдохнуть или погулять в ватиканском саду. Довольно часто и охотно отправлялся он на возвышенные точки «града Ватикана», чтобы оттуда полюбоваться Римом. Перед ужином папа со своими секретарями и двором отправлялся молиться в розарий. Он любил эту, насчитывающую почти тысячу лет, форму молитвы, так как она уводит человека от сутолоки повседневной жизни, создает для него духовную атмосферу и дает внутреннее спокойствие. Обстановка его домашней часовни была простой. Он высказал пожелание, чтобы его молитва во всем походила на богослужение простого священника. Он не любил ничего лишнего и потребовал лишь одного, чтобы престол совершения Евхаристии украшали безупречно белые покрывала. Если он в качестве приветствия получал цветы, которые доставляли ему особую радость, то он оставлял их в своей часовне.

После ужина, который начинался в 19 часов, папа Иоанн с удовольствием гулял по саду либо в сопровождении своего кардинала государственного секретаря, либо со своим богословским советником доминиканцем Луиджи Каппи. Иногда он садился за свой письменный стол, чтобы закончить срочные дела. Около 22 часов он обычно отходил ко сну.

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПОСЛЕ ИЗБРАНИЯ НА РИМСКИЙ ПРЕСТОЛ

Перед новым папой встали многочисленные трудные проблемы, как это бывает в Римской Церкви после слишком длительного понтификата. Ближайшей для него задачей, требовавшей немедленного разрешения, была перестройка управленческого аппарата.

Помощники правящего папы с его смертью теряют свои полномочия. Вступая на Римский престол, новоизбранный папа должен или подтвердить полномочия помощников своего предшественника, или их заменить. Для важных должностей, как, например, для должности государственного секретаря, замена часто означает смену ориентации.

С кончиной папы Пия XII положение осложнилось тем, что покойный папа оставил вакантными большое количество должностей после смерти лиц, занимавших их. Практически один прелат управлял одновременно несколькими канцеляриями, а наиболее важными из них руководил сам папа.

Первое, что сделал новый папа, это реорганизовал свой дом, назначив двух человек на должности, которые очень долгое время оставались вакантными. На должность мажордома он назначил монсиньора Федерико Каллори ди Виньяле⁷⁵. Монсиньор Назалли Рокка ди Корнеллиано был назначен камергером⁷⁶.

Место кардинала государственного секретаря, являющегося одновременно премьер-министром и директором папского дипломатического отдела, после смерти кардинала Малионе в 1944 году при папе Пие XII оставалось вакантным. После того, как монсиньор Монтини занял Миланскую кафедру, на месте оставались только заместитель государственного секретаря по чрезвычайным делам монсиньор Тардини и заместитель управляющего Государственным Секретариатом по текущим делам монсиньор Делль Аква. Для управления Церковью в том случае, если Римский пре-

стол вакантен, предусмотрена должность кардинала-камерленго. Эта должность оставалась также незанятой.

Перед папой Иоанном встал вопрос о передаче более широких полномочий своим сотрудникам-кардиналам и об увеличении их количества. В конце своей жизни папа Пий XII предпочитал руководить Церковью самостоятельно; он почти не принимал кардиналов — префектов конгрегаций. Папа Иоанн XXIII сразу же после своего избрания задержал конклав для краткого совещания и уже в первую неделю своего понтификата установил регулярные аудиенции для сотрудников Ватикана. Эти аудиенции назначались на целую неделю вперед. Первые же шаги папы Иоанна XXIII давали понять, что новый папа серьезно решил обновить систему руководства Католической Церковью.

Нам нет необходимости говорить о том положении, которое существовало во взаимоотношениях католического Рима с некатолическими Церквями и конфессиями. Современники прекрасно помнят то, выражаясь мягко, напряжение, которым характеризовались эти взаимоотношения. Взгляды папы Пия XII в данном случае также известны. Поэтому весьма значительным событием в жизни Римско-Католической Церкви явилось выступление папы Иоанна по Ватиканскому радио с Рождественским посланием 23 декабря 1958 года. Не будет преувеличением сказать, что это выступление было программным. Послание явилось как бы ответом на приветствие кардинала Тиссерана, старейшины Коллегии кардиналов, с которым тот обратился к папе.

Новый Римский папа обратился к памяти своего предшественника папы Пия XII, о котором он говорил в самых возвышенных тонах (это, впрочем, и неудивительно, если учесть, что такого вообще традиция Ватикана и Рима: о мертвых говорить или хорошо, или ничего). Папа Иоанн XXIII охарактеризовал 19 Рождественских посланий папы Пия XII как величественный памятник его мудрости и апостольской ревности. Сущность учения своего предшественника папа усматривает в двух словах: единство и мир, хотя и вкладывает в эти слова несколько иное содержание, чем папа Пий XII. Единство и мир — это краеугольные камни мироздания, они поддерживают вселенную на протяжении всей истории ее существования. Однако, по словам папы, человеческая история знает в своем начале кровавый эпизод — убийство брата своим братом. Закон любви, запечатленный Творцом в сердце человека, был погран злой волей, которая вскоре привела человечество к несправедливости и беспорядку. Было нарушено единство и потребовалось вмешательство Сына Божия, Который восстановил священные узы семьи человеческой Своей кровью. И это восстановление продолжается. Продолжает осуществляться оно через Церковь, призванную собрать все народы под своими необъятными знаменами, которые простираются по всему миру.

Особенно страшен тот факт, что разрушение коснулось самого основного — наследия Христова. Тем не менее, по словам папы Иоанна, «печаль этого факта не останавливает и не остановит усилий нашей души, чтобы ответить на приглашение, полное любви, исходящее от отдельных братьев, которые также носят на челе имя Христа, читают Его святое Евангелие и не остаются безразличными к вдохновениям религиозного благочестия и братской любви, благотворной и благословенной»⁷⁷. Вспомнив о своих предшественниках папах от Льва VIII до Пия XII и о их призывах к единству, папа Иоанн высказал свое намерение продолжать смиренное и настойчивое выполнение задачи, к которому побуждает нас слово и пример Иисуса, Доброго Пастыря Небесного: «И тех надлежит Мне привести... и будет одно стадо и один Пастырь» (Ин. 10, 16). Говоря в заключение своей речи о празднике Рождества, папа Иоанн XXIII сказал, что «этот праздник должен быть отмечен максимальным религиозным и мирным рвением, демонстрацией единства и любви к нашим братьям, трудящимся, больным, страдающим, к какой бы категории они ни относились и как

бы они ни назывались... Пусть наше Рождество будет конструктивным. Пусть все, кто слушает наш голос, доносящийся издалека, ...имеют волю укрепить благие намерения, которые они высказывают по освящению нового года, чтобы он был для всего мира годом справедливости, добра и мира»⁷⁸.

В своем Рождественском послании по радио папа Иоанн XXIII призвал возвратиться к единству Церквей и в первую очередь к единству с Православными Церквями. Константинопольский патриарх Афинагор ответил на этот призыв в своем новогоднем послании. Этот документ был напечатан в газете «Истанбул», выходящей в Константинополе на французском языке. «Ля Докюмантасьон Католик» перепечатал это выступление в своем 1296-м номере от 1 февраля 1959 года. Этим текстом мы и воспользуемся. Патриарх Афинагор начинает свое послание с указания на то, что он радуется всякому искреннему призыву к миру, исходящему откуда угодно, особенно, конечно, когда он исходит из такого христианского центра, как древний Рим. Константинопольский патриарх говорит далее о том, что печальная картина современного человечества, подвергающегося всяческим испытаниям из-за недостатка взаимопонимания и из-за отсутствия мира между народами, налагает на глав христианских Церквей большую ответственность. Сознывая тяжесть этой ответственности, патриарх заявляет, что он готов, помимо молитв за мир во всем мире, позитивно сотрудничать в практических областях с «почитаемой Западной Церковью»⁷⁹ с целью укрепления надежды людей на перспективу счастливого будущего. «Мы, — пишет он, — призванные Богом для духовной заботы о миллионах верующих наших Церквей, должны объединиться, чтобы в своих глубоких потребностях народы наши облегчение и решение беспокоящих их проблем»⁸⁰. Отметим с большим удовлетворением призыв папы Иоанна к единству Церквей, патриарх высказывает свое убеждение, что всякий призыв к единству должен сопровождаться необходимыми конкретными усилиями и действиями, «которые приведут в гармонию намерения и деяния и поистине приблизят нас к Господу, нас и членов наших Церквей, по крайней мере сейчас, в области практической и в духе равенства, справедливости, духовной свободы и взаимного уважения»⁸¹.

Патриарх Афинагор выразил надежду, что Римская Церковь также братски обратится на Восток. «Мы желаем этого и ждем со стороны Его Святейшества, нового папы Римского Иоанна XXIII, личность которого столь известна, любима и уважаема в наших землях. Это совместное требование христианского мира и будет зарей поистине нового года во Христе Иисусе»⁸².

Первую рождественскую ночь своего понтификата папа Иоанн XXIII провел, посещая римские больницы и госпитали. Подобного римляне еще не видели. Они встречали папу овациями, прежде чем он начинал обход помещений, и эти овации были выражением их искренних чувств. Папа обменивался несколькими фразами с детьми, больными стариками и преподавал им благословение. При этом довольно часто звучал его меткий юмор.

Конечно, подобными посещениями епископ Римский преследовал цель не только доставить радость детям, больным и старикам. Одновременно он знакомился с работой больниц и госпиталей своей епархии, и в результате подобных осмотров начинали осуществляться мероприятия, которых нередко подолгу ждали врачи, сестры и пациенты.

Говоря о деятельности папы Иоанна XXIII как Предстоятеля Римской Церкви и верховного руководителя всех церковных организаций, необходимо прежде всего коснуться различных случаев, когда и в чем эта деятельность проявилась. Остановимся на некоторых из них.

С февраля 1959 года он возродил древний обычай, согласно которому папа лично возглавлял специальные воскресные церемонии во время

Великого поста, совершавшиеся в различных храмах. На этих церемониях Иоанн XXIII присутствовал каждое воскресенье Великого поста на протяжении четырех лет своего понтификата. Так же регулярно принимал он участие в процессиях, совершавшихся в праздник Богоявления. Накануне Ватиканского Собора папа, не убоившись усталости, совершил паломничество в Лоретто и Ассизи.

18 января 1959 года папа Иоанн XXIII посетил колледж «Каприанка»⁸³. После богослужения он обратился к собравшимся с речью, в которой с особым вниманием остановился на вопросе единства христиан. «Мы находимся, — говорил папа, — в начале октавы за единство (т. е. восьмидневных молитв о единстве Церкви), а именно, в цикле специальных молитв, чтобы наступил возврат или пришествие истинной веры и подлинной Церкви»⁸⁴. Инициатива этого движения, по словам папы Иоанна XXIII, восходит к папе Льву XIII, и это движение не является просто благочестивой практикой, а является пылким устремлением разума и сердца, которое стремится разделить высшую надежду Небесного Учителя, Который за несколько часов до страданий молил Своего Отца о единстве всех душ. Для достижения этой цели необходимы молитвы, и не только молитвы, но и жертвы. «Может быть, сегодня больше, чем когда-либо, входная дверь окажется узкой, — говорил Римский папа, — это требует усилия воли и самоотречения. Но если все мы будем действовать по воле Господа, по Его желаниям и чаяниям, многие войдут в Его овчарню, то есть в мир Его Сердца, в единство Его учения»⁸⁵.

Нельзя не упомянуть также об одном факте, характеризующем папу Иоанна XXIII как христианина с любящим сердцем и широким экуменическим кругозором. Так, перед Пасхой 1959 года он изъясил из литургической молитвы в Великую пятницу об обращении евреев слово «неверные». По тем же соображениям был изъят следующий отрывок из акта посвящения рода человеческого святому Сердцу Иисусову: «Будь Царем всех тех, кто еще блуждает в потемках язычества или ислама, и не откажи привлечь их всех к свету Царства Твоего. Взгляни милостиво на детей народа, который был некогда Твоим избранным, да падет и на них также кровь, которую некогда они призывали на свои головы»⁸⁶. Акт посвящения святому Сердцу был составлен папой Львом XIII. Он был опубликован вслед за энцикликой «Annum sacrum» от 25 мая 1899 года. Вместо изъятых отрывка по инициативе папы Иоанна XXIII был вставлен иной: «Будь Царем всех, кто еще привязан к старым языческим предрассудкам и изми их из тьмы, чтобы вести к свету в Царство Божие». Как явствует из приведенного отрывка, папа опустил не только слова, относящиеся непосредственно к евреям, но и упоминание о «блуждающих в потемках ислама». Заключительными словами этой молитвы были следующие: «...Дай всем народам порядок и мир; сделай, чтобы от одного полюса Земли к другому звучал голос: «слава Сердцу Божественному, Которое обрело для нас спасение, честь ему и слава во веки веков»»⁸⁷.

29 июня 1959 года папой Иоанном XXIII была опубликована первая его энциклика, которая называлась «Ad Petri cathedram». Естественно обратить внимание на эту энциклику, поскольку она, как первая, является программной, да и само название ее говорит об отношении папы Иоанна XXIII к поставленным в ней вопросам.

В самом начале обширного документа папа сообщает о трех темах, которые в нем будут затронуты. Обращаясь к читателям, он писал: «Истина, единство и мир, которые надо обрести и развить под вдохновением любви к ближнему, и будут предметом нашей первой энциклики, обращенной ко всему миру, ибо, как нам кажется, таково основное требование нашей апостольской задачи. Да поможет нам Дух Святой в ее написании и да просветит вас, когда вы будете ее читать. Пусть благодать Божия позволит вам всем достигнуть желанной цели, несмотря на предрассудки, множество трудностей и препятствий»⁸⁸.

а) Истина

Причиной и корнем всякого зла, по мнению папы Иоанна XXIII, является незнание истины. В данном случае речь идет не только о простом неведении, но о неразумной позиции презрения к истине и ее искажения. Благодаря этому происходят всякого рода заблуждения, которые, проникая в умы и просачиваясь в социальную область, угрожают ниспровержением. Бог наделил человека разумом, дающим возможность познавать естественные истины. Если человек следует разуму, то он следует Самому Богу. Что же касается истин, не подвластных природным способностям разума, то здесь мы не можем ничего постигать без света и вдохновения Духа Святого. Поэтому Слово Божие, пребывающее во свете неприступном (1 Тим. 6, 16), в Своей величайшей любви к человечеству стало плотью и пребывало среди нас, чтобы просветить всякого человека, проходящего в мир, и чтобы привести все человечество не только к полноте истины, но также и к добродетели, и вечному блаженству. Коснувшись кратко Божественного домостроительства спасения человека, папа Иоанн XXIII делает из этого вывод о необходимости принятия всеми людьми учения Евангелия.

Особенно резко выступает папа против тех, кто сознательно искажает истину: «Что касается тех, кто осмеливается намеренно нападать на известную истину, говорить, писать и действовать, пользуясь оружием лжи, чтобы завоевать себе расположение простых людей и сформировать по своей воле умы молодежи, еще податливой и несведущей, они, вне всякого сомнения, злоупотребляют неведением и невинностью ближнего и предаются деятельности, заслуживающей кары»⁸⁹. Папа призывает к точности, осторожности и скромности в подаче истины тех, кто благодаря книгам, газетам и журналам оказывают влияние на умы своих читателей, особенно молодых, на формирование общественных мнений и нравов.

Коснувшись проблем кино, радио и телевидения, папа Иоанн XXIII отметил, что эти средства массовой информации могут побуждать к добру и даже к христианской добродетели, но, к сожалению, довольно часто они становятся источником нарушения нравственности, бесчестья, заблуждения и разврата. Для того, чтобы парализовать тлетворное влияние этих факторов, необходимо безнравственным спектаклям и передачам противопоставить передачи и спектакли, которые отстаивают истину и добрые нравы, таким образом «лекарство придет из источника, который часто выделяет яд»⁹⁰.

В энциклике отводится довольно значительное место проблеме религиозного безразличия. По словам папы, «существуют люди, которые, не нападая открыто на истину, проявляют в отношении ее беззаботность и безразличие»⁹¹. Причем эта позиция приводит к утверждению, что все религии стоят друг друга без какого бы то ни было различия истинного и ложного.

б) Единство, согласие и мир

Рассматривая причину возникновения разногласий и споров, папа приходит к выводу, что они возникают или тогда, когда не известна истина, или, что еще хуже, когда она известна, но ею пренебрегают для достижения выгоды и оправдания собственных действий. Поэтому необходимо, чтобы простые люди, а также и те, кто держит в своих руках судьбы народов, искренне любили истину, ибо только в этом случае они придут к согласию и миру, которые гарантируют общественное и личное процветание. Сознательное искажение людьми истины особенно отчетливо проявляется в расовой дискриминации. Находясь на подлинно христианских позициях, папа Иоанн XXIII заявляет, что Бог создал людей не врагами, а братьями. Он дал им землю для возделывания, чтобы все могли пользоваться в одинаковой степени ее плодами и извлекать из нее необходимое для своих потребностей. Различные нации и расы — это не что иное, как

общины людей-братьев, которые должны стремиться к союзу друг с другом и не только для достижения личных целей, но и для общего блага всего человечества.

Если люди называют друг друга братьями и если они призваны к одной и той же судьбе, то они не могут относиться друг к другу как противники и враги. История человеческой ненависти очень трагична. «Слишком много молодежи в расцвете лет пролило свою кровь! Слишком много солдатских кладбищ осталось на земле, как грозное предостережение о необходимости вернуться к согласию, к единству и справедливому миру»⁹². Те, которые угнетают других, которые лишают других свободы, не могут, по словам папы Иоанна XXIII, внести свой вклад в это единство.

Сила современного оружия такова, что в случае войны не осталось бы ни для народов-победителей, ни для народов-побежденных ничего, кроме огромного разрушения и всеобщего разорения. Поэтому папа предлагает главам государств поразмыслить над этим обстоятельством и употребить все силы для достижения единства и предоставления свободы всем гражданам и нациям.

От проблем сохранения международного мира папа Иоанн XXIII переходит к вопросам социальным. И здесь его слово прежде всего имеет целью способствовать достижению мира между классами⁹³. За исходный тезис своих рассуждений папа Иоанн XXIII берет слова папы Льва XIII, который писал о всегдашнем существовании в человеческом обществе различных классов вместе с определенным их равенством, происходящим из дружеского сотрудничества⁹⁴. «Каждый нуждается в другом; капитал не существует без труда, как и труд без капитала. Их гармония дает красоту и порядок»⁹⁵. Даже неискушенному в богословии читателю приходит в голову недоуменный вопрос: когда и где Бог желал, чтобы род человеческий, происходящий от одной крови, был разделен на классы? Папа Иоанн XXIII не устраняет в своих рассуждениях основного противоречия капиталистического общества — существования в нем эксплуататоров и эксплуатируемых, поэтому его пожелания не являются средством к радикальному улучшению положения трудящихся. Он пишет: «Каждый класс и каждая категория граждан может отстаивать свои собственные права, лишь бы она делала это с соблюдением законности и без насилия, с соблюдением прав других, таких же нерушимых, как их собственные. Все братья, поэтому надо, чтобы все вопросы решались дружески, в братской взаимной любви»⁹⁶. Нужно здесь ясно заметить, что этот совет является, надо думать, искренним, но наивным. О том, что этот совет не исполнился в земной реальности, видно из энциклики преемника папы Иоанна XXIII папы Павла VI «*Populorum progressio*».

Уже до этого были выступления папы Иоанна XXIII, в которых он касался проблемы взаимоотношений в семье. В энциклике «*Ad Petri cathedram*» этот вопрос освещен значительно шире. В семье должен царить упорядоченный и гармоничный союз. Этот союз вытекает из нерасторжимости уз и святости христианского брака. Прочность домашнего очага обеспечивает в значительной степени порядок, прогресс и благосостояние всего общества в целом.

Отец в семье должен воздействовать на домочадцев не только своей властью, но и примером безупречной жизни. Мать своей добротой и добродетелью руководит домом, она должна быть любящей и нежной для своего супруга. Родители должны вместе тщательно воспитывать своих детей — «этот дар бесценный», который доверил им Бог. Пусть дети не только повинуются своим родителям и любят их, но и помогают им во всем. «Пусть никогда столь прекрасный, столь нежный и столь нужный союз не нарушается; если поколеблется христианский институт семьи, если заповеди, данные в этой связи Божественным Искупителем, будут отброшены или ими пренебрегут, сомнению подвергнутся сами основы гражданского общества, что принесет великий ущерб всем гражданам»⁹⁷.

в) Единство Церкви

Надежда на единство Церкви, по словам папы, целиком основывается на молитве Иисусовой: «Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17, 21). Поддерживаемый этой надеждой, папа объявил о своем намерении созвать Вселенский Собор. Главная его цель будет состоять в том, чтобы способствовать развитию католической веры, нравственному обновлению жизни верующих, приспособлению церковной дисциплины к потребностям и методам нашего времени. Для «отделенных братьев», т. е. христиан-некатоликов, по словам папы Иоанна XXIII, Собор явится приглашением искать и обрести единство, о котором Господь Иисус Христос молился Своему Отцу Небесному.

Папа упомянул об отрадном явлении в отделенных от Рима общинах — о намечающемся стремлении и симпатии к вере и институтам Католической Церкви. По мысли папы, Небесный Искупитель, основав Церковь Свою, дал ей прочное единство. Если бы Он не сделал этого, Он создал бы бесполезную организацию, которая со временем оказалась бы противопоставленной Ему Самому, наподобие тех философских систем, которые, подчиняясь разнообразию человеческих мнений, рождаются одна за другой, преобразовываются и исчезают. Однако единство Церкви не должно быть чем-то расплывчатым, неопределенным и хрупким, а должно быть прочным, крепким и надежным.

Церковь, по словам папы Иоанна, твердо опирается в своей вероучительной деятельности на Священное Писание и Священное Предание; она настаивает на том, что существует только одна истина и не допускает существования нескольких «истин», которые противоречат одна другой. Церковь присоединяется к утверждению Апостола языков: «Мы не сильны против истины, но сильны за истину» (2 Кор. 13, 8). Однако существуют многочисленные пункты, по которым Католическая Церковь позволяет богословам вести дискуссии, если эти дискуссии не нарушают ее единства, а служат еще лучше и более глубокому осмыслению догматов веры. Папа Иоанн XXIII считает, что нужно придерживаться «единства в необходимом, свободы в сомнительном, любви во всем»⁹⁸, вспоминая выражение св. Викентия Лиринского.

г) Отеческие призывы

В первую очередь папа обращается к епископам. Он говорит, что знает об их рвении, об их апостольском духе, который побуждает каждого из них развивать, укреплять и распространять среди всех людей Царство Божие. Ему также известно об их опасениях и печалях, вызванных удалением многих от веры, недостатком священников, не позволяющим удовлетворять растущие религиозные запросы на местах. Папа Иоанн XXIII призывает епископов твердо верить в Господа Иисуса Христа, к Которому они постоянно обращают свои молитвы: без Него они не могут ничего (Ин. 15, 5), но с благодатью Его каждый из них может повторить слова Апостола народов: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе... Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом» (Флп. 4, 13, 19), чтобы с поля, возделанного трудом своим и орошенного потом своим, они могли собрать богатый урожай и изобилие плодов⁹⁹.

Обращаясь к священникам, папа напомнил им о необходимости послушания епископу. Священники должны помнить, что они не чиновники, а служители священного. Они никогда не должны считать, что положили достаточно труда, времени и забот, когда речь идет о просвещении умов Божественным Светом, о подавлении злой воли, о распространении Царства Христова. И, самое главное, больше, чем в свои усилия, должны они верить в силу Божественной благодати, которую они ежедневно призывают в усердной молитве.

В духе послушания должны проводить свою жизнь и монашествующие. «Мы обращаемся,— писал папа,— с отеческим приветствием и призываем их выполнять смело и не жалея сил всё, что предписали им их основатели в своих уставах: прежде всего, рвенне в молитве, в покаянии, в обучении молодежи, в помощи нуждающимся и обездоленным всякого рода»¹⁰⁰.

Совершенно отдельно обращается папа к монахиням, о которых говорит с большой теплотой. Многообразно их служение Церкви: одни проводят свою жизнь в тени монастырской ограды в молитве и покаянии, другие целиком и полностью отдают себя делам внешнего апостолата. «Каких только добрых дел ни совершают монахини,— пишет папа,— никто иной не мог бы их совершить с таким бескорыстием и с такой нежностью!»¹⁰¹. Папа Иоанн XXIII утверждает, что эти монахини имеют несомненные заслуги не только перед Католической Церковью, но и перед гражданским обществом.

В 67-м параграфе энциклики папа вновь возвращается к положению труженников, экономические условия жизни которых находятся на весьма низком или даже нищенском уровне. Причину этого печального положения он видит в том, что социальная доктрина Церкви еще не полностью осуществляется на практике. «Поэтому,— говорит он,— надо работать страстно и эффективно, а это долг не только частных лиц, но, главным образом, тех, кто занимается общественными делами, чтобы социальная доктрина Церкви, много раз изложенная прекрасным и мудрым образом нашими предшественниками и которую подтверждаем мы сами, была как можно скорее, хотя и постепенно, осуществлена на практике полностью и реально»¹⁰².

В своих заключительных призывах папа Иоанн XXIII требовал от своих чад не только молитв, но и обновления христианской жизни, которое больше, чем сами молитвы, преклоняет к ним милосердие Божие. «Итак, если кто-либо по причине своих грехов далеко отошел от Небесного Искупителя, пусть вернется к Нему., Который есть «Путь, Истина и Жизнь» (Ин. 14, 16), если кто-либо в своей религии вял, нерешителен, не имеет рвеня и пренебрежителен, пусть оживит свою веру, пусть питает свою добродетель Божественной благодатью, развивает ее и умножает»¹⁰³. Если все будут стремиться исполнять всё это, то мы вновь увидим в Церкви сияние высоких христианских добродетелей. «Мы желаем вам всем этого обновления христианской жизни, этой святости, и мы постоянно просим Бога об этом в наших молитвах не только для тех, кто смело проявляет настойчивость в сохранении единства Церкви, но и для тех, кто в любви к истине и с искренним желанием стремится примкнуть к Нему»¹⁰⁴.

Как будет видно в дальнейшем из содержания настоящей работы, главные мысли этой энциклики «Ad Petri cathedram» стали пунктами программы, которую осуществлял папа Иоанн XXIII в течение всего своего понтификата.

2. НАЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ КАРДИНАЛОВ

При папе Пие XII большинство кардиналов, членов курии, являлись членами нескольких конгрегаций, минимум трех, как, например, кардинал Агаджанян, максимум девяти, как, например, кардинал Канали и кардинал Микара. Это означало, что, кроме осуществления ими постоянных непосредственных обязанностей на занимаемых должностях, они были вынуждены присутствовать почти ежедневно на двух или трех заседаниях. Таким образом, новый папа встал перед проблемой необходимости увеличения числа кардиналов курии для восполнения этого недостатка. В 1958 году в Священной Коллегии кардиналов не хватало 17 членов для достижения традиционного «плenums» из 70 кардиналов¹⁰⁵.

Деятельность папы Иоанна XXIII, касающаяся управления Церковью, имела в виду и расширение руководящего состава, и увеличение роли Коллегии кардиналов. Так как папское единовластие — примат — в Римской Церкви никем не оспаривалось и не ставилось под сомнение, папа приступил к значительной деконцентрации власти, увеличивая число иерархов, которым можно было бы давать серьезные полномочия. Никогда ни один папа не назначал так много кардиналов за столь короткий срок: 55 кардиналов за четыре с половиной года понтификата, из них три кардинала были назначены «in pectore», и имена их так и не были названы при жизни папы Иоанна XXIII.

Через полтора месяца после своего избрания, 15 декабря 1958 года, папа созвал свою первую консисторию, на которой объявил о назначении 23 новых кардиналов (превысив, таким образом, традиционное число 70). Папа Иоанн XXIII привлек в Коллегию новых прелатов, имевших большой опыт в церковных делах, занимавших важные кафедры и широко представлявших церковную географию мира. Расширяя Коллегию кардиналов, папа возвратился к обычаю, который стал исчезать при его предшественнике, ибо Пий XII перестал возводить в кардинальское достоинство архиепископов, возглавляющих большие митрополии. Папа Иоанн XXIII ввел в Коллегию кардиналов епископов наиболее крупных городов мира.

В курию также влились свежие силы: были возведены в кардиналы прелаты, занимавшие дипломатические посты. Согласно старому обычаю, папа возвел в кардинальское достоинство секретаря конклава монсиньора ди Джорно. Число кардиналов курии возросло с 13 до 24, а их средний возраст понизился с 76 до 74 лет. Доведение числа кардиналов до 75 не было единственным новшеством на консистории 15 декабря 1958 года. Начиная с этой консистории, в Коллегии кардиналов стали сотрудничать два родных брата — кардиналы Гаэтано и Амлето Чиконьяни. Следует отметить, что, согласно «Кодексу канонического права» (канон 232, § 3), кровный родственник первого или второго колена здравствующего кардинала не может быть возведен в кардинальское достоинство¹⁰⁶. Таким образом, папа Иоанн XXIII на протяжении малого времени позволил себе реформировать сразу два канонических правила.

Папа стремился увеличить кардинальскую Коллегию настолько, чтобы обеспечить нужды Католической Церкви в современном мире. 14 декабря 1959 года были провозглашены еще восемь кардиналов, а на консистории 28 марта 1960 г. число кардиналов достигло 88 (60 европейцев, 8 — из Северной Америки, 9 — из Южной Америки, 1 африканец, 6 — из Азии, 1 австралиец, 3 кардинала «in pectore»). Впервые в истории Католической Церкви кардинальский пурпур получили африканец и японец.

В 1961 году на консистории, состоявшейся 16 января, папа назначил четырех новых кардиналов, а 19 марта 1962 года он созвал свою пятую и последнюю консисторию, на которой были возведены в кардинальское достоинство еще десять человек; среди них были и правящие архиереи из разных стран, и прелаты курии.

Таким образом, ко времени кончины папы Иоанна XXIII число кардиналов курии более чем удвоилось: вместо 13 их стало 32. Папа позаботился также о должностях, которые были вакантными в самом начале его понтификата: утвердил кардинала Алоизи-Мазеллу в должности камерленго, а несколько позже, 28 марта 1959 года, назначил кардинала Копелло на должность канцлера Римской Церкви. Каждый раз, когда какая-нибудь должность становилась вакантной, папа немедленно находил для нее преемника. Так, 12 апреля 1961 года место государственного секретаря, которым был только что скончавшийся кардинал Тардини, занял кардинал Амлето Чиконьяни.

Папа Иоанн XXIII хотел также, чтобы все кардиналы имели сан епископа (12 из них не имели епископского сана). Отметив на тайной консистории 19 марта 1962 года радость этих двенадцати кардиналов, которые

имели счастье стать равными в священном и мистическом отношении их коллегам, имеющим сан епископов, он выразил готовность пожаловать епископский сан всем кардиналам, в том числе и диаконам, ввиду того почетного места, которое занимают кардиналы, в силу исключительной важности порученных им должностей и в силу того, что они являются непосредственными сотрудниками папы в управлении Церковью¹⁰⁷. В «Motu proprio» от 15 апреля 1962 года папа подтвердил, что впредь все кардиналы будут епископами. «Кардинальское бремя, — писал он, — как обязанности, возложенные Церковью, обладает высоким духовным значением... Мы горячо радуемся тому, что все кардиналы, поскольку они облечены во всю полноту священства, могут посвятить себя различным, на них возложенным обязанностям в образе, более соответствующем их достоинству»¹⁰⁸. В «Motu proprio», опубликованном четырьмя днями раньше, 11 апреля, он объявил о том, что отныне шесть кардиналов, епископов субурбиканских епархий (граничащих с Римом), в дальнейшем будут только именоваться таковыми, но не будут исполнять папских епископских обязанностей. Поступая таким образом, папа Иоанн XXIII хотел освободить кардиналов курии от всего, что мешает им заниматься исключительно общецерковными делами¹⁰⁹. 19 апреля 1962 года в Латеранской базилике папа сам рукоположил во епископы 12 кардиналов, не имевших ранее этого сана.

Так папа Иоанн XXIII положил начало генеральной реформе Священной Коллегии для приведения ее в состояние, отвечающее нуждам и потребностям времени. Хотя кардиналы по-прежнему были разделены на три степени: епископы, священники, диаконы, но теперь осталось только историческое воспоминание об их когда-то существенном разделении (субурбиканские епископы, пресвитеры храма святого Иоанна Латеранского, диаконы римских диаконий). В Коллегии кардиналов, по мысли папы, должно быть лишь две категории ее членов, различаемые по исполняемым ими функциям: кардиналы-пастыри, проживающие на местах, и кардиналы-куриалы. Первые придают высшему управлению Католической Церкви вселенский характер (в географическом смысле), вторые, освобожденные от всяких других обязанностей, привлечены папой еще более, чем в прошлом, к содействию ему в управлении Церковью.

Следует отметить, что понтификат папы Иоанна XXIII значительно укрепил престиж и роль Коллегии кардиналов в результате значительно большего привлечения ее к управлению Церковью, чем это было при его предшественниках. Это желание привлечь сотрудников к своей работе проявлялось папой не только в его важных решениях, но и в повседневном течении дел. Он очень часто встречался со своим государственным секретарем и с руководителями отделов курии. Он любил давать советы и с удовольствием выслушивал их сам. Вообще разговоры с посетителями доставляли ему большое удовольствие. Он сам стремился к встречам и любил общество. В этом следует видеть не только одну из черт его симпатичного характера, но и один из способов управления. Папа Иоанн XXIII часто повторял окружающим совет апостола Павла: «Испытывайте всё, хорошего держитесь». Будучи принципиальным в отношении вероучения, опытным в руководстве, он хотел знать людей и их точки зрения на проблемы современности. Благодаря прямым контактам, он получал интересную информацию и выражал непосредственно свои мысли. Он любил внушать доверие и убеждать, а непринужденный разговор являлся тонем, который он предпочитал в своих поучениях. Часто случалось, что в кажущиеся на первый взгляд простые разговоры он вставлял важные замечания, которым, как он надеялся, воспользуется его собеседник, а через него и окружающие люди.

Стремление папы Иоанна XXIII окружать себя друзьями и его обычай долго советоваться перед тем, как принять решение, исходили из его дипломатического опыта, а также, конечно, из глубокого сознания полезности применения коллегиальной формы правления в Церкви.

Из всего сказанного ясно видно, что папа Иоанн XXIII большое значение придавал и кардиналам и кардинальской Коллегии в целом, которая в его правление превратилась в подлинный сенат Римско-Католической Церкви. В лице кардиналов он имел многочисленных высококвалифицированных советников, могущих оказывать ему значительную помощь в его повседневных трудах и заботах.

3. РИМСКИЙ СИНОД

Одним из значительных событий первого же года понтификата папы Иоанна XXIII была подготовка, а затем и проведение синода Римской епархии. Вместе с провозглашением своего желания созвать Собор всей Католической Церкви папа Иоанн XXIII говорит и о желательности, полезности и необходимости созыва синода Римской епархии, который станет как бы Собором в миниатюре, с одной стороны, а с другой — даст определенный импульс и клиру, и мирянам Католической Церкви для начала «соборного» мышления, а кроме того, и в других епархиях вызовет желание созвать свой синод.

29 января 1959 года в монастыре святых Иоанна и Павла собралось большое число римских священников, к которым обратился с речью Римский папа. Он выразил свою радость по поводу того, что видит перед собой представителей не одного прихода, а большую семью настоятелей 190 приходов, тех людей, основной задачей которых является служение славе Божией. Папа имел возможность проверить кадры управления и духовного руководства епархии, а также принятые до сего дня меры по отправлению священнослужения в каждом центре христианской жизни, во всех приходах как новых, так и старых. В этой связи в мыслях папы встают многочисленные воспоминания из личной жизни, когда он имел возможность принять участие в обучении и подготовке к священству большого числа душ и составить себе представление о трудностях, встречающихся в управлении приходами. Конечно, Рим в молодые годы папы очень отличался от современного, но «Церковь, сильная присутствием и непрерывной помощью Божией, всегда мужественная и энергичная, укрепленная благодатью, умеет прекрасно во всех обстоятельствах встретить любую ситуацию; она не дает прогрессу обогнать себя; она никогда не остается позади»¹¹⁰.

Несмотря на то, что в данном случае папа употребляет глаголы в настоящем времени, нетрудно заметить, что эти слова являются указанием на то, какой Церковь должна быть. За последние годы город Рим сильно развился, население выросло удивительным образом. В этих условиях особенно необходим пастырь с мужественным сердцем, умеющий противостоять силам зла. Именно с целью усилить столь необходимую в современных условиях духовную деятельность папа собирается созвать Римский епархиальный синод. Он считает, что полезно и своевременно пригласить римское духовенство на обсуждение и разработку мер, соответствующих современной ситуации, и что благодаря этому обсуждению среди духовенства должен усилиться интерес к жизни прихода. «Синод, — продолжал папа Иоанн XXIII, — будет тщательно подготовлен, для этого будут предприняты все необходимые меры. Настоятели ответят на наш призыв с верой и стремлением. Они знают, что папа верит в них, папа в свою очередь питает отеческое убеждение, что пользуется их полным доверием. Монашествующие окажут эффективную помощь, все верующие примут участие в начинаниях и постараются оказаться достойными этого нового дара Бога и Святой Церкви»¹¹¹.

21 февраля газета «Оссерваторе Романо» опубликовала пастырское послание папы Иоанна, адресованное епархиальным священникам и всем католикам Рима. В нем он подробно останавливается на своем намерении созвать синод Римской епархии. Мы не будем затрагивать те места по-

слания, которые созвучны мыслям, содержавшимся в выступлении папы в монастыре святых Иоанна и Павла 29 января. Коротко остановимся на том, как характеризует задачи синода папа Иоанн XXIII. Он говорит: «Синод — это собрание епископата и его священников для изучения проблем духовной жизни верующих, придания или возвращения силы церковным законам. Синод необходим для того, чтобы изжить злоупотребления, способствовать установлению христианской жизни, поощрять богочитание и религиозную практику. Речь идет, по сути дела, о продолжении деятельности Иисуса Христа, нашего Искупителя»¹¹². В заключение папа призвал всех горячо молиться об успешной деятельности синода, ибо это — трудное дело, требующее привлечения всех средств, «способных распространить жизнь благодати в душах»¹¹³.

В этом же номере газеты было опубликовано папское распоряжение о назначении специальной комиссии, которой поручена подготовка предстоящего синода. Председателем этой комиссии был назначен архиепископ Луиджи Тралья, помощник викария папы по Риму. Его помощниками были назначены монсиньор Этторе Куниель, второй помощник викария, монсиньор Пьетро Канизиро ван Лиерде, папский ризничий и генеральный викарий по Ватикану, монсиньор Чезаре д'Амато, настоятель собора святого Павла «вне стен», монсиньор Энрико Леонидас Данте, просекретарь (помощник секретаря) Конгрегации обрядов, монсиньор Луиджи Чиварди, каноник Ватиканского собора, монсиньор Паоло Петрелли, кантник базилики «Санта-Мария-Маджоре», монсиньор Петр Матиолли, аудитор «Священной Римской Роты», монсиньор Джiovанни Грегорино, настоятель церкви святого Бенедикта и камерленго римских настоятелей, монсиньор Джiovанни Канести, настоятель церкви в честь иконы Божией Матери «Утешение», отец Феличе Капелло, иезуит, отец Раймондо Верардо, доминиканец, отец Эременегальд Лио, францисканец. Секретарем комиссии был назначен монсиньор Карло Маккари, секретарь римского викариата¹¹⁴. Подготовка к Римскому синоду началась. Какие упования папы Иоанна XXIII были связаны с Римским синодом, видно из его различных выступлений. Так, принимая группу из двухсот епархиальных руководителей итальянского «Католического Действия», папа Иоанн XXIII, в ответ на поздравительный адрес нового генерального председателя этой организации Агостино Мальтарелло. произнес речь, которая была опубликована в «Оссерваторе Романо» 10 августа 1959 года. Папа коснулся разных пунктов программы конгресса председателей епархиальных комитетов в Италии, нашел их весьма важными и пожелал сказать несколько слов по каждому из них. Папа заявил, что католики стоят перед лицом мира в том его виде, в каком он предстал перед ними сегодня, со всем тем, в чем он нуждается для возвышения людей, и с признаками его упадка. Речь идет о нравственном аспекте многих жизненных проявлений, к которым нельзя подходить безразлично. Поэтому необходимо, чтобы «Католическое Действие» продолжало свою активную деятельность, следуя своим собственным обязательствам, чтобы те, кто занимает высокое положение и может принимать необходимые меры, предотвратили поистине отчаянное вырождение нравов, начиная с интимной жизни семьи. Некоторые старые формы воздействия, по словам папы, могут показаться малоприспособленными к новым временам. Но не следует забывать, что, в сущности, человек сегодня таков, каким он был и в прошлом, с его способностью попадать в западню больших или малых компромиссов, с его подверженностью внешним соблазнам.

Римский синод, по мнению папы, имеет большое значение. Рим — это престол апостола Петра, в Риме разрабатывают законы и предписания для всей Церкви, Рим — это город, число жителей которого за полвека возросло с четырехсот тысяч до двух с лишним миллионов. Ввиду этих обстоятельств, необходимо своевременно пересмотреть условия и структуру жизни епархии и епархиального управления, чтобы приспособить их

к новым требованиям времени в области богопочитания, обучения и дисциплины. В этом особенно заинтересовано католическое духовенство, а «Католическое Действие» со своей стороны призвано внести вклад своего сотрудничества. Достижение целей, стоящих перед синодом, облегчает то обстоятельство, что в стенах Рима собраны многие священники, компетентные в области вероучения, пастырской жизни и опыта работы на всех континентах. Итак, из слов папы становится ясной цель созыва синода, которая заключается в обновлении многих форм церковной жизни в условиях Рима, а римский опыт смогут позаимствовать и другие епархии, особенно если в их состав входят города с многомиллионным населением.

Наконец, 24 января 1960 года, в воскресенье, в зале Благословений открылся Римский синод.

В каждой епархии, согласно канону 356 «Католического Кодекса» Римской Церкви, каждые десять лет предусматривается проведение общих собраний духовенства во главе со своим епископом, называемых епархиальными синодами. На этих синодах изучаются все проблемы, которые волнуют народ и духовенство. Епископ поручает особой комиссии подготовить ряд нормативных текстов, которые, после обсуждения на синоде, проводятся в жизнь епископом в виде «Синодальных постановлений», являющихся обязательными для всего клира епархии. Епархиальный синод в Риме не собирался уже на протяжении пяти веков. (Последний синод был создан в 1461 году папой Пием II.) Современный епархиальный Рим представляет собой огромную столицу с более чем двумя миллионами жителей, проблемы которой во многом отличаются от проблем маленького средневекового города эпохи Возрождения. Папа поручил комиссии, во главе которой стоял архиепископ Тралья, разработать проекты синодальных декретов и предложил собравшимся три схемы общим объемом в 700 страниц. Они касались следующих проблем:

- 1) права и обязанности священников мирских и монашествующих;
- 2) пастырская деятельность: литургия, церковная музыка, церковное пение, участие верующих в богослужении, апостольское управление мирян, участие в таинствах, религиозное обучение;
- 3) церковные владения и их управление, в том числе уход за историческими ценными архивами римских церковных общин.

Состав синода был весьма разнообразным. Здесь собрались прелаты епархии, представители монашеских орденов, священники церквей, духовники коллегий, больниц, тюрем и католических объединений, а также члены Римского викариата. В качестве гостей присутствовали папский нунций в Италии и наблюдатель Государственного Секретариата.

Открывая первую сессию Римского синода, папа обратился к собравшимся с речью. В начале ее папа привел краткую историческую справку о традиции Церкви созывать Соборы и разрешать на них назревшие проблемы. Он начал с Апостольского Собора в Иерусалиме и кратко охарактеризовал последующие Соборы, включая I Ватиканский. Папа Иоанн XXIII заявил, что его сердце тревожно бьется в ожидании нового великого Вселенского Собора, который будет 22-м в истории Католической Церкви.

Однако наряду с религиозными вопросами вселенского порядка, которыми может заниматься только Собор, есть вопросы местные, могущие быть разрешенными на встречах меньшего масштаба — на епархиальных синодах. Далее в своей речи папа уделил большое внимание роли мирян в синоде. Он заявил, что предстоящий синод является собранием церковнослужителей и только церковнослужителей, принадлежащих к черному и белому духовенству. В момент открытия синода голос прелата предложит всем мирянам выйти. Значит ли это, что есть трещина и разделение между священниками и мирянами? По словам Римского папы, такого разделения нет и следует помнить, что Церковь Христа есть со-

вершенное общество, в котором каждый, входящий в его состав, участвует во всех богатствах его духовного достояния. Церковь — живая организация; здесь всё тесно связано и едино; все составные части здесь расположены и приспособлены так, чтобы соответствовать сверхъестественным целям, стоящим перед ней. Это вносит четкое разграничение между духовенством и народом, разграничение, а не разделение. Духовенству принадлежит функция управления, освящения церковного тела, что требует наличия Божественного призвания и посвящения. Христианский народ призван участвовать в небесных милостях, но Иисус Христос доверил распределение этих милостей священству, специально учрежденному для осуществления этой высочайшей функции посредника между небом и землей для блага и освящения верующих.

Сейчас особенно необходимо, чтобы во всей обширной Римской епархии все объединились для молитвы об успешной деятельности синода. «В течение будущей недели, которая должна быть одной из самых памятных в истории христианского Рима, — говорил папа, — священники и монашествующие должны будут каждый на своем молитвенном посту обращаться к «Отцу светов» (Иак. 1, 17) для того, чтобы сделать различные статьи нового подготавливаемого законодательства предметом исследования, размышления и решения. А верующие все без исключения, в особенности мужские и женские монашеские конгрегации, будут сотрудничать вместе с ними извне посредством своих пожеланий и молитв»¹⁵. В заключение папа вознес молитву Царице Небесной, Матери Господа Иисуса, о ниспослании помощи всем собравшимся.

Первое рабочее заседание Римского синода состоялось в понедельник, 25 января, в зале Благословений апостолического дворца. Основной темой заседания был вопрос о белом и черном духовенстве. Оставшись наедине с кардиналами, прелатами и церковнослужителями, папа Иоанн XXIII произнес перед ними речь о личности священника и его жизни. Вначале он напомнил о той большой подготовительной работе, которая была проведена в области составления предписаний и серии статей, посвященных работе синода. Забота епископа о своей епархии заключается не только в составлении предписаний дисциплинарного характера, но и в усилиях, направленных на воспитание воли людей с тем, чтобы она всегда оставалась твердой и крепкой, даже тогда, когда в ней появляются признаки усталости и истощения. Самым главным сотрудником епископа в этой его деятельности является священник. А для того, чтобы деятельность последнего была плодотворной, ему необходимо обладать святостью жизни. Рассматривая вопрос о высоте и важности священства, папа приводит многочисленные тексты Священного Писания, которые ярко иллюстрируют основную мысль его выступления. Коснувшись центрального пункта литургической деятельности Церкви — принесения Бескровной Жертвы, папа Иоанн XXIII остановился на том, насколько благоговейно и осознанно совершается это таинство священниками, которые на протяжении многих лет произносят эти священные слова. Он говорил: «Пожелаем вместе, и это будет одним из воспоминаний о Римском синоде, чтобы ежедневное проведение святого богослужения каждым из нас было усердным и благочестивым. Попросим также нашего ангела-хранителя присутствовать с нами на этом священном акте, мягко предупредить нас и помочь тихо произнести, согласно литургическим предписаниям, но с верой, признательностью, кротким благочестием, со смирением и трепетом слова, скрепляющие завещание любви Иисуса к нам, освящающие Божественную реальность Его и нашего священства и дающие нам невыразимые и постоянные радости в этой или той жизни. «Сие творите в Мое воспоминание». Пусть будет так».

Для обогащения разума священнику необходимо учиться всю жизнь. Теперь, как никогда, необходима высокая культура. Несведущий и неспособный не может и не должен становиться священником. В то же

время к подбору книг и вопросов для изучения нужно подходить очень осторожно, ибо неразборчивость в этом вопросе, а также избыток литературных трудов по всем областям человеческого знания иногда приводит к умственной рассеянности и легкомыслию в оценке тех или иных проблем. Все священники должны избегать искушения казаться оригинальными или чрезмерно современными и всегда помнить слова, сказанные кардиналом Шустером: «Личный субъективизм в богословии приводит к ереси, в аскетизме поддерживает в людях вымысел, а в канонических дисциплинах он создает недисциплинированных, следовательно, заблудших, которые сошли с пути сотрудничества в делах Божиих»¹¹⁶.

Сердце священника должно быть полно любви, как и ум должен изучать истину. Любовь ко Христу, любовь ко Святой Церкви и к душам человеческим, особенно к тем, которые поручены его заботам. Души человеческие могут принадлежать к различным классам, но особую заботу и внимание следует проявлять к душам грешников и бедняков всех категорий. Самое главное, чтобы священник не оказался в роли евангельского наемника, который нерадиво относится к своей пастве и при виде проходящего волка, хищного и страшного, спит или убегает вместо того, чтобы закричать на похитителя, сразиться с ним или позвать на помощь. Слова Христовы: «Я есмь Пастырь Добрый» являются для всех священников приглашением и призывом следовать Его доброму примеру, умножать свои жертвы, подобно тому, как Он принес великую Жертву. В заключение папа Иоанн XXIII сказал: «Пусть образ Иисуса, Божественного Пастыря, всегда будет перед нашими глазами через чтение Евангелия и пусть священное и живое присутствие Его Тела и Его Крови сохранит для нас благодать, спасающую нас от заблуждения и зла и дающую нам даже среди жизненных тревог и оскорблений источник предварающей радости, которая справедливо может быть названа предвкушением радости будущей»¹¹⁷.

Следует отметить, что Римский синод проходил с большим воодушевлением. С особым вниманием были выслушаны речи папы Иоанна XXIII, иногда они прерывались горячими аплодисментами (например, когда папа высказался о необходимости и преимуществах церковного celibата). Большое количество присутствовавших (около 1000) не позволило провести дискуссию после прочтения предложенных схем, однако участникам было предложено прислать свои замечания в письменном виде. Многие откликнулись, и папа принял во внимание эти замечания при составлении текста синодальных уставов, которые были обнародованы 28 июля того же, 1960 года. После того, как они вошли в силу (1 ноября 1960 года), папа Иоанн XXIII принял 24 ноября все духовенство Римской епархии и призвал его соблюдать эти новые положения епархиальной жизни, не обмануть надежд христиан и неверующих, взгляды которых обращены к Риму. Можно сказать, что новые римские синодальные постановления не сделали революции, и тем не менее они способствовали упорядочению жизни и деятельности духовенства города, в котором количество священнослужителей в 1960 году составляло 590 человек. Священникам предлагалось подготовить вместе с их сотрудниками программу пастырской деятельности на год с тем, чтобы избежать стихийных начинаний. Всё должно было быть сделано для того, чтобы привлечь верующих на богослужения: чтение Евангелия и апостольских посланий на родном языке; объяснение церемониала больших религиозных праздников; каждый раз, когда это бывает возможным, вместо индивидуального соблюдения обрядов ввести коллективное, например, массовое крещение по воскресеньям всех новорожденных за минувшую неделю. Проповедь должна составляться применительно к верующим, необходимо принимать во внимание их культуру и психологию. Для студентов духовных семинарий должны быть организованы занятия со специалистами по красноречию.

Основной мыслью, заключающейся в схемах Римского синода, была та, что Церковь в этом мире может и должна нести Христово благовестие только путем, соответствующим духу времени, любви к ближнему, и что необходимо принести в жертву изжившие себя правила (как, например, правила орденов), если они уже более не соответствуют психологическим и социологическим представлениям наших дней и лишь усложняют, а не упрощают церковные функции.

По своему проведению и внешней форме своих работ Римский синод явился как бы репетицией к Ватиканскому Собору, о созыве которого папа объявил 25 января 1959 года. И синод, и Собор, хотя они и проводились на различном уровне, явились отражением заботы папы Иоанна XXIII сделать так, чтобы духовенство несло евангельское благовестие наиболее приспособленным к условиям современного мира образом. Проявление этой заботы мы находим во всей пастырской деятельности папы Иоанна XXIII. Вся его деятельность, все его выступления направлены на сближение священника с народом. Это сближение стоило ему значительных усилий.

4. ПОДГОТОВКА СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ

С 12 по 14 декабря 1958 года в «Домус Марие» проходила итальянская епископская конференция. По окончании ее папа Иоанн принял кардиналов, архиепископов и епископов, участников этой конференции. Папа обратился к ним с речью. Почтив память своего предшественника, он напомнил о счастливых встречах на подобных собраниях, на которых всегда охотно присутствовал. Папа, по его словам, рассчитывал принять участие в конференции и в этом году, однако был далек от предположения, что окажется на ней в качестве главы Римско-Католической Церкви. Эти собрания всегда приносили ему большую радость, и сейчас он хотел бы пожелать конференции наилучших результатов и ободрить весь итальянский епископат.

Эта аудиенция дала возможность папе Иоанну XXIII поделиться с епископами некоторыми своими мыслями, а также дать указания, вытекающие из них. Он особенно хотел, чтобы был подчеркнут истинный глубокий смысл литургии с применением наилучших средств для подготовки верующих к наибольшему познанию неоценимых сокровищ небесной Жертвы, «источника освящения для духовенства, эффективной пастырской деятельности и постоянного улучшения народа христианского»¹¹⁸. Говоря затем в более конкретных выражениях о самой деятельности епископов и священников, папа выразил удовлетворение «многочисленными чудесными результатами, столь же явными, как и утешительными, которых они достигли в своем неустанном рвении»¹¹⁹. Он призывал подчеркивать основные принципы христианской жизни, настаивать на постоянном соблюдении великих добродетелей, придающих им значение и характеризующих их, в частности, веры, братской любви, прощения, терпеливого восприятия всего, что исходит от Бога. Основной заботой каждого пастыря, по словам папы, должна быть помощь «Католическому Действию», которое является объектом неустанных попечений Римского престола.

Другое рассуждение папы касалось различных аспектов пастырской деятельности. По его мнению, необходимо осуществлять постоянный контакт с различными категориями личностей, начиная с самых неимущих классов, с трудящихся, проявляя заботу о самых заброшенных, самых обездоленных, о лишенных всякой помощи, как, например, о рыбаках, сельских рабочих, шахтерах, эмигрантах, безработных, и в то же время проявлять любовь к больным, сиротам, заключенным и т. д. Папа подчеркнул необходимость изучения Закона Божия, основы и источника любой эффективной христианской деятельности. Более того, папа призывал поступать так, чтобы изучение Закона Божия распространялось все боль-

ше, становилось интенсивнее и глубже, согласно традиционным церковным формам. После этих указаний и высказывания некоторых других мыслей папа Иоанн XXIII прошел в соседний зал «Арацци», где находились секретари епископов, и беседовал с ними на протяжении получаса, называя знакомые ему города, делясь личными воспоминаниями, эпизодами из религиозной жизни народа. Папа вспомнил о нескольких аудиенциях, данных ему папой Пием X, когда он был секретарем епископа Радини-Тедески.

а) Энциклика «*Sacerdotii nostri primordia*»

Вопросам пастырского, священнического призвания и служения папа Иоанн XXIII посвятил специальную энциклику «*Sacerdotii nostri primordia*». Эта энциклика была обнародована папой 31 июля 1959 года. Она была написана по случаю столетия со дня смерти святого Иоанна Вианнея («святого Арсского священника»). Какова же была цель этой энциклики? Папа отвечает на этот вопрос следующим образом: «Направляя вам это письмо, мы духом и сердцем обращены, главным образом, к священникам, нашим чадам дорогим, чтобы призвать их всех настойчиво, и особенно тех из них, кто посвятил себя пастырскому служению, обдумать восхитительный пример их брата по священнослужению, ставшего их небесным покровителем»¹²⁰. «Пусть наше окружное письмо поможет им всем укрепиться и вырасти в этой небесной дружбе, которая является радостью и силой всякой священнослужительской жизни»¹²¹.

Папа не собирается говорить о незнакомом для них предмете. Просто он на примере жизни святого кюре из Арса хочет выделить аспекты священнической жизни, которые во все времена являются основными.

Иоанн Вианней был человеком аскетизма. Он лишал себя пищи и сна, подвергал себя жестокой дисциплине. Обычно от верующих не требуются такие подвиги, тем не менее следует заботиться о том, чтобы в мире не было недостатка в пастырях, которые, движимые Духом Святым, не колебались бы встать на этот путь, «ибо подобные люди,— по словам папы,— совершают чудеса обращения!»¹²². Пример кюре из Арса, строгого к себе и снисходительного к другим, наглядно напоминает о первостепенном значении аскетизма в священнической жизни.

Святой Иоанн был достойным последователем преподобного Франциска Ассизского. Богатый, чтобы давать другим, но бедный для себя самого, он жил в полном отречении от благ мира сего. «Мой секрет очень прост,— говорил он,— всё отдать и ничего не оставить себе»¹²³. Он советовал никогда не отказывать во внимании бедным, потому что невнимание к ним равносильно равнодушию к Богу. Папа призывает своих сыновей по священнослужению размышлять над примером бедности и любви к ближнему. Если среди них есть такие, которые обладают некоторым личным имуществом, то пусть они не привязываются к нему. Пусть вспоминают они об обязанности, изложенной в каноническом праве (канон 1473) по поводу церковных доходов,— «расходовать их на бедных или на благотворительность». Папа Иоанн XXIII говорит, что ему известно о многих священниках, которые фактически живут сегодня в настоящей бедности. «Если наша забота,— пишет папа,— может быть им утешением, пусть знают они, что мы всегда радуемся их бескорыстию в служении Христу и Церкви»¹²⁴.

Бедность святого кюре из Арса всегда сочеталась с целомудрием. О высоком значении этой добродетели для каждого священника папа говорит очень подробно. Он с сожалением замечает, что во многих районах священники вынуждены, в силу своих обязанностей, жить в таком окружении, где вопросы морали не стоят на должной высоте и где слишком много внимания уделяется чувственности. Кроме того, часто они бывают морально одиноки, плохо поняты и мало поддерживаются верующими. Поэтому папа пишет: «Мы рекомендуем настойчиво, достопочтенные

братья (имеются в виду епископы), обеспечить вашим священникам, по мере возможности, такие условия существования и деятельности, которые могли бы поддержать их. Надо любой ценой справиться с опасностями изоляции, осудить неосторожность, устранить соблазны праздности или опасность переутомления»¹²⁵. Аскетическое целомудрие не замыкает священника в бесплодном эгоизме, а наоборот, делает его сердце более открытым и восприимчивым ко всем нуждам своих братьев. «Когда сердце чисто,— говорил кюре из Арса,— оно не может устоять, чтобы не любить, ибо оно обрело источник любви»¹²⁶. Папа Иоанн XXIII с большой теплотой отзываясь о celibate в Римской Церкви и считает это великим для нее благом. «Как хорошо для человеческого общества,— пишет он,— что в нем имеются люди, которые, будучи свободны от земных забот, полностью посвящают себя служению Богу и отдают своим братьям жизнь свою, свои помыслы и свои силы! Какая благодать для Церкви, что есть священники, верные этой высокой добродетели! Мы считаем это самой чистой славой католического священнослужения, наилучшим ответом желаниям Сердца Христова и его предначертаниям для священнослужительских душ»¹²⁷.

Послушание святого, по словам папы Иоанна, также является замечательным примером для современных священников. На протяжении всей своей жизни он стремился к святому уединению, и пастырские обязанности были для него слишком тяжелым грузом, от которого он несколько раз стремился избавиться. Однако его полное повиновение епископу не позволяло изменить образ жизни. Папа говорил, как ему приятно предложить такой пример священникам и как он глубоко верит, что они поймут величие этого священника и запомнят на всю жизнь. И если когда-либо у них возникнет соблазн усомниться в значении этой основной добродетели, которая сегодня так легко не признаётся, пусть они знают, что против них есть ясные и четкие установки папы Пия XII, который свидетельствует, что «святость личной жизни и эффективность апостолат имеют в качестве основы и поддержки... постоянное и точное повиновение своей иерархии». Наши предшественники, продолжал он, резко осуждали серьезные опасности духа независимости среди духовенства как для докторины, так и для метода апостолат и церковной дисциплины¹²⁸. Возвращаясь вновь к памяти святого кюре из Арса, папа писал, что тот жил только в Церкви и для Церкви, как соломинка, брошенная в пылающий костер. «Священники Иисуса Христа, мы все пребываем в костре, горящем огнем Духа Святого, мы всё получили от Церкви, мы действуем только от ее имени и властью, которую она нам дала. Так будем служить ей в узах единства и так, как она сама хочет, чтобы ей служили», — такими словами закончил папа Иоанн XXIII свою энциклику.

* * *

Будучи папским нунцием во Франции, а затем — кардиналом, папа Иоанн XXIII многократно оказывал поддержку идее организации широкого движения священников-рабочих. Он придерживался взгляда многих церковных деятелей, считавших необходимым для личного восприятия рабочими евангельского благовестия жить священникам среди них, разделяя их труд и заботы. В то время монсеньор Ронкалли считал, что Церковь должна организовать также движения монахов-рабочих, которые с утра выходили бы на работу, а вечером бы возвращались в монастыри. Став папой, он не только не принял предложения кардинала Фельтэна о расширении движения священников-рабочих, а наоборот, запретил этот смелый социальный эксперимент Римско-Католической Церкви, с которым французские католики-прогрессисты и даже часть церковных иерархов связывали большие надежды. Утверждая решение конгрегации «Священной Канцелярии» о ликвидации движения священников-рабочих, папа фактически выступил против себя самого — бывшего нунция и кардинала

Ронкалли. 10 июня 1959 года состоялось заседание конгрегации «Священной Канцелярии», на которой было признано целесообразным упразднить движение священников-рабочих. 11 июня папа утвердил эти решения и высказал свои собственные мысли на этот счет. Кардиналом Писсардо было разослано соответствующее письмо в те епархии, где такой опыт проводился. Вот некоторые выдержки из этого письма: «Святейший Престол считает, что для того, чтобы евангелизировать рабочую среду, нет необходимости посылать священников в качестве рабочих среди рабочих и что нет возможности пожертвовать традиционной концепцией священнослужения для этой цели, которую Церковь тем не менее считает одной из своих самых дорогих миссий. В самом деле, священник посвящается в сан, главным образом, для того, чтобы выполнять свои священные функции: воздавать Богу святую жертву мессы и общую молитву Церкви, раздавать верующим таинства и распространять среди них слово Божие. Все другие виды деятельности священника должны быть всячески подчинены этим функциям или должны вытекать из них, как их практическое следствие, а всё, что несовместимо с ними, должно быть исклчено из жизни священника... Работа на заводе или даже на менее крупных предприятиях постепенно подвергает священника влиянию среды. Работающий священник не только оказывается в материализованном окружении, вредном для его духовной жизни и иногда даже опасном для его целомудрия, он также вынужден, как бы помимо своей воли, мыслить в области профсоюзной и социальной так же, как его товарищи по труду, и поддерживать их требования, что очень быстро приводит его к участию в классовой борьбе. А это недопустимо для священника»¹²⁹. Так окончился эксперимент, на который возлагалось много надежд. Главной же причиной неудачи его можно считать те места в католической социальной доктрине, где говорится, что разделение человечества на классы — воля Божия.

б) Энциклика «*Princeps pastorum*»

29 ноября 1959 года была опубликована третья энциклика папы Иоанна XXIII, которая целиком посвящена миссионерским проблемам. Этих вопросов, правда, папа касался уже в первой своей энциклике «*Ad Petri cathedram*», но важность вопроса побудила его обнародовать специальную энциклику, «ибо Церковь, в соответствии с указаниями Божественного Искупителя, не перестает возвышать свои призывы к небесам с той целью, чтобы Господин «выслал делателей на жатву Свою» (Лк. 10, 2) особенно в эти времена, когда «жатвы много, а делателей мало»¹³⁰.

Отметив успехи в миссионерской деятельности, которые были достигнуты при его предшественниках Пие XI и Пие XII, папа указал на проблемы, встающие перед Церковью сегодня. Местные Церкви на территориях миссий, даже имеющие свою собственную иерархию, еще продолжают нуждаться в помощи миссионеров из других стран, либо ввиду большой протяженности их территорий, либо по причине растущего числа верующих и огромного количества ожидающих света Евангелия. Таким странам необходимо оказывать помощь, которая должна осуществляться в духе христианской любви и деликатности. Особое внимание следует уделить подготовке местных кадров, которые, по словам папы Бенедикта XV, имея очень много общего со своими согражданами по характеру, образу мышления и внутренним устремлениям, являются гораздо лучшими проповедниками веры Христовой. При подготовке местного духовенства нужно стремиться к тому, чтобы священники стяжали в себе дух святости, стремление быть светом мира и солью земли.

Подготовка, которую следует дать духовенству, должна быть приспособлена к частным условиям, которые могут быть различными для тех или иных мест и наций. Однако нужно, чтобы эти молодые люди не «получали подготовку в обстановке, слишком отдаленной от мира», ибо тогда, по выходе из семинарии, они бы встретили трудности в общении

с людьми и «им пришлось бы большинство времени либо необдуманно вести себя по отношению к верующим, либо не обращать внимания на полученную подготовку»¹³¹. Программы семинарий при миссиях обязательно должны содержать курсы, касающиеся различных вопросов миссиологии, а также технические знания по всем вопросам, которые представляются полезными для будущего служения духовенства в этих районах. Следует наблюдать, чтобы даваемое образование не только соответствовало учению Нового Завета, но и открывало ум учеников и стимулировало его так, чтобы они были в состоянии вынести точное суждение о культурных ценностях, свойственных каждой из этих стран, особенно в их отношении к богословию и философии. «Церковь, — писал папа, — не презирала и не отбрасывала доктрин язычников, а напротив, освободив их от всех заблуждений и всякий загрязнений, она их дополнила и христианской мудростью довела до совершенства. Равным образом она осветила в некоторой степени их национальные искусства и их гуманитарные науки, особые традиции народов и их установившиеся обычаи; она использовала также их праздники, изменив их форму и их смысл, чтобы праздновать память о мучениях и о святых тайнах»¹³². Папа продолжал: «Действительно, повсюду, где подлинные ценности искусства и мысли способны обогатить человеческую семью, Церковь готова способствовать этой работе разума. Она сама, как известно, не идентична какой-либо культуре, даже западной культуре, с которой, однако, ее история тесно переплетается. Ибо ее собственное назначение иного порядка: спасение человека для вечной жизни. Но Церковь, полная молодости, постоянно обновляемой дыханием Духа, расположена признать, принять и даже вдохновить всё, что к чести разума и человеческого сердца встречается на других берегах мира, помимо средиземноморского бассейна, который был providенциальной колыбелью христианства...»¹³³.

Если священники из местного населения получают подготовку в соответствии с этими принципами и заботами и если, поборов трудности, они готовы к действию, то они смогут сделать очень многое под руководством своих епископов. Им будет гораздо легче найти слушателей среди образованных людей своей родины, и они привлекут их к христианской истине особенно в тех нациях, цивилизация которых восходит к самым отдаленным временам, ибо они должны, по словам Апостола, «пленять всякое помышление в послушание Христу» (2 Кор. 10, 5). По словам папы Иоанна XXIII, важно использовать все возможности, позволяющие встретить уверенно испытания разного рода, даже в том случае, если подтверждает-ся евангельское изречение, что «один сеет, а другой жнет» (Ин. 4, 37).

На землях миссионерской деятельности Церковь стремится не только проповедовать истину и любовь Христову, но и организовывать социальную помощь, являющуюся ценной поддержкой христианских общин и наций, к которым они принадлежат. Однако папа предостерегает, чтобы светские дела не заслоняли апостольской деятельности Церкви. Поэтому, по его мнению, следует как можно скорее передавать социальную деятельность в руки граждан заинтересованной страны с тем, чтобы освободить от этого миссионеров.

Самое страшное искушение, какое подстерегает глашатаев Евангелия на их благовестническом пути, это соблазн поставить свою земную родину превыше родины небесной, т. е. стремиться сочетать миссионерскую деятельность с укреплением влияния и мощи своей собственной страны. «Это, — по словам папы, — явилось бы страшным ядом для апостольского служения, ядом, который у глашатаев Евангелия разрушил бы всю силу их любви к душам и ослабил бы их авторитет»¹³⁴.

Касаясь роли мирян в миссиях, папа Иоанн XXIII требует, чтобы они с энтузиазмом принимали активное участие в апостольской деятельности, сотрудничая с церковной иерархией, ибо повсюду, где основана Церковь, она всегда должна присутствовать и быть активной во всех

своих частях, т. е. и через духовенство, и через мирян она должна выполнять свое дело спасения.

В странах миссионерской деятельности задача заключается не только в обращении и крещении новых граждан Царствия Божиего, но и в том, чтобы сделать их способными взять на себя ответственность за жизнь и будущее Церкви. Число христиан не имеет большого значения, если страдает их качество, если в исповедании своей веры они не обладают несокрушимой твердостью и если их духовной жизни недостает глубины. Исповедание христианской веры не может быть сведено к внесению имен в регистр, оно должно, прежде всего, создавать нового человека (Еф. 4, 24), придавать сверхъестественный смысл всей его деятельности, стимулируя и направляя ее. «Христианское обучение и воспитание,— писал папа Иоанн XXIII,— которое считало бы себя свободным от долга после того, как оно обучило формулам катехизиса и основным заповедям христианской морали с общей казуистикой, не придав практических навыков поведения, рисковало бы привлечь в Церковь Божию пассивное стадо»¹³⁵.

Для того, чтобы стало возможным интенсивное христианское воспитание, надо воспитателям быть способными находить самые подходящие средства, чтобы постигнуть и хорошо понять разные образы мышления и их особенности, чтобы максимально облегчить для новых христиан глубокое усвоение истины.

Верующие, члены тела церковного, не могут и не имеют права замыкаться в себе и думать, что для выполнения своих обязанностей достаточно заботиться о своих собственных духовных потребностях. Напротив, каждый со своей стороны должен способствовать росту и распространению Царства Божиего на земле. «Все должны вступить в святое соревнование и проявлять рвение, чтобы обеспечить духовное благо ближнего, отстаивать свою собственную веру и довести ее до всех, кому она еще неизвестна совершенно или кто знает о ней недостаточно и потому судит о ней плохо»¹³⁶.

Большая ответственность лежит на катехизаторах, ибо «изучающие Закон Божий должны узнать от них не только начала веры, но и практики добродетели, и любовь большую и искреннюю ко Христу и Его Церкви»¹³⁷.

В заключение папа выражает свое одобрение епископам, духовенству и верующим всего мира, которые молитвой и трудами способствуют удовлетворению духовных и материальных потребностей миссионерской деятельности, и выражает надежду, что они будут сотрудничать еще более интенсивно.

В воскресенье, 22 ноября 1959 года, папа Иоанн XXIII совершил мессу в зале Благословений перед преподавателями и студентами Адриаской семинарии, региональной семинарии в Ананьи и семинарии пригородных епархий. Обращаясь к молодым семинаристам, папа изложил программу, с которой они должны войти в мир: будущий священник должен как можно лучше отвечать потребностям современного человека и постоянной воле Церкви, которая хочет, чтобы они как можно лучше раскрывали миру ее внутреннюю и внешнюю красоту. Эта красота Церкви раскрывается, прежде всего, через ее служителей, которые должны стяжать сердечную чистоту, ту, которая отражается в каждом слове, во всей жизни, в каждом поступке. Такая чистота представляет собой неотвратимую привлекательность для окружающих. «Подобно снегу, выпавшему на грязь, которая, к несчастью, покрывает очень большую часть этого бедного мира, она вызывает уважение даже у тех, кто отдален от нас, даже у тех, кто иногда, возможно, насмехается над ней, но тем не менее хочет видеть ее нетронутой и сверкающей в представителях Бога»¹³⁸.

Сила характера является вторым качеством священнического призвания. Принадлежность Церкви требует закалки характера и воли, способ-

ной выдержать все испытания борьбы против страстей и эгоизма. Будущие священники должны быть способны сопротивляться соблазнам века, они должны умерять свою чувственность, чтобы владеть собой во всех обстоятельствах, они должны обладать в высокой степени естественными добродетелями.

Наконец, священник должен обладать христианской любовью, которая является венцом добродетели. Она необходима для упорядоченного и верного свершения повседневных обязанностей от самых малых до самых значительных. Семинарист, обладающий этой любовью, не испугается трудностей, которые встречаются в его жизни.

31 мая 1961 года, в день памяти папы Григория VII, причисленного Римской Церковью к лику святых, было совершено торжественное папское богослужение в соборе св. Петра. После его окончания папа Иоанн XXIII обратился к собравшимся с проповедью, которая целиком посвящена памяти этого выдающегося в те времена западного иерарха. Хотя в данном случае папа Иоанн XXIII касался определенного исторического лица, но слова его были обращены к сегодняшнему дню. Переворачивая мысленно страницы истории, он пояснял, чего ждет в настоящее время Церковь от своих служителей, какими видеть хочет их и какими должен видеть их верующий народ.

Папа Григорий VII, по словам Иоанна XXIII, наполнил собой XI век и мир той эпохи; он встряхнул всю Европу, погруженную во множество заблуждений и глубокое невежество. Папа этот умер в изгнании. Незадолго до своей кончины в Салерно папа Григорий VII обратился к верующим-католикам с буллой, которая начиналась словами «Приходите, возлюбленные братья...» Эта булла стала духовным завещанием папы. В ней он писал о том, что с первых дней своего возвышения на Римский престол основной его заботой было то, чтобы Церковь, Невеста Христова и Мать всех людей, была украшена, как и много веков тому назад, первоначальным сиянием и была всегда свободной, целомудренной и католической. По мысли папы Иоанна XXIII, эти слова «выражают всё, что есть наиболее прекрасного в Святой Церкви: ее свободу, чистоту нравов и затем католичность, т. е. распространение на весь мир»¹³⁹. С этим призывом, который историки называют «призывом предельного одиночества и оставленности», Григорий VII испустил дух вдали от Рима.

С 18 по 22 февраля 1963 года в Риме в «Домус Пацис» происходил конгресс итальянского клира, осуществляющего пастырское служение в климатических, туристических и термальных станциях. Папа принял 19 февраля участников конгресса и обратился к ним с речью. В ней он отметил свое удовлетворение столь уместным мероприятием, ибо оно отвечало неотложным нуждам современного апостолатата. Так как пастырская деятельность нуждается в постоянном приспособлении ко времени и непрерывно изменяющимся условиям жизни общества, то ясно, что быстрое развитие туризма на настоящий день представляет собой одну из самых неотложных проблем как по своему громадному значению, так и по своим последствиям в деле укрепления религиозных и моральных обычаев христианского общества. Папа рад указать на то, насколько он сочувствует практическим результатам этого начинания, поскольку о нем можно судить по намечаемой программе и компетентности лиц, призванных к сотрудничеству на этом участке пастырской деятельности. Конгресс должен обратить внимание на значение того влияния, какое имеет туризм на социальную жизнь. Папа Иоанн XXIII сказал, что великолепно отдает себе отчет в тревоге многих священников, руководителей душ, из-за новых привычек, созданных туризмом, которые нарушают святость воскресных дней, подрывают нравственность среди молодежи и даже саму семейную жизнь. По мнению папы, необходимо принять меры для устройства богослужений в наиболее значительных туристических центрах, так же как и религиозное обучение для тех многочислен-

ных верующих, которых туризм отрывает от их приходской жизни и среды. Однако не следует обращать внимания только на негативную сторону этого вопроса. Необходимо поощрять все организации, вдохновляемые христианскими взглядами на жизнь, дающие возможность путешествовать в условиях тишины и радостного физического и нравственного отдыха. Кроме того, нельзя не хвалить начинания культурного и религиозного характера, проводимые в наиболее значительных туристических центрах, дающие возможность множеству людей встретиться с Богом. В заключение папа Иоанн XXIII призвал на конгресс и на его организаторов обилие небесных даров¹⁴⁰.

5. ВСТРЕЧИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

Как известно, Римский папа предстает перед мировой общественностью в двух качествах: он — предстоятель Католической Церкви и глава государства Град Ватикан. В связи с этим папа нередко имеет контакты с представителями различных государств, которые обращаются к нему или к которым он обращается в своем одном или другом качестве. Сразу же после своего избрания папа Иоанн XXIII должен был вступить в соприкосновение с государственными и политическими деятелями. На его интронизации присутствовали представители многих государств. Необходимо было новому папе принять дипломатический корпус, аккредитованный при Ватикане. В этом случае произошли обстоятельства, обратившие на себя внимание многих.

Несомненный интерес общественности вызвала история с польским и литовским дипломатическими представительствами, т. е. представительствами эмигрантских правительств. В соответствии с правилами, в начале каждого понтификата послы и полномочные посланники, аккредитованные при папском престоле, вручают новые верительные грамоты вновь избранному папе. Однако было замечено, что ни посол «польского правительства» Казимир Папе, ни посланник «литовского правительства» Станислав Жирдвайнис не были приглашены присоединиться с этой целью к дипломатическому корпусу. Ввиду слухов, ходящих по этому поводу, «Оссерваторе Романо» от 5—6 января 1959 года опубликовала статью без подписи под названием «Должные уточнения». В мировой прессе уже тогда стали появляться, и не без основания, статьи о «новой ориентации политики Ватикана». Как это явствует из статьи, автор ее пытается опровергнуть безосновательные слухи. Тем не менее, не нужно быть слишком проникательным, чтобы понять, что ватиканский официоз еще раз подтверждает справедливость мнений, высказанных в мировой прессе. Газета пишет: «Действительно стало обычаем, чтобы после смерти папы Римского дипломаты, которые были при нем аккредитованы, представляли новые верительные грамоты его преемнику. А очевидно, что в результате слишком хорошо известной ситуации (имеется в виду существование социалистических правительств в Польше и Литве, являющейся в настоящее время республикой, входящей в СССР.— М. Н.), останавливаться на которой нет надобности, польский и литовский представители не в состоянии представить документы, за которыми можно признать дипломатический характер и ценность в смысле международного права... Это положение является неоспоримым фактом. Из него логически следует, что Святой Престол не имеет дальше возможности признавать за этими известными дипломатами титул глав из соответствующих представительств, который до сих пор они носили»¹⁴¹. И хотя далее газета поясняет, что Ватикан ничего не имеет против этих дипломатов, факт остается фактом: папа Иоанн XXIII не захотел иметь дело с представителями «беглых» правительств.

13 февраля 1959 года «Оссерваторе Романо» опубликовала обмен телеграммами между президентом Итальянской Республики Дж. Гронки

и папой Иоанном XXIII по случаю 30-й годовщины подписания Латеранских соглашений. Благодаря этим соглашениям положение Церкви в Италии было нормализовано и закончился конфликт между Церковью и государством. Президент писал папе: «Италия участвует в праздновании 30-й годовщины подписания Латеранских соглашений в том же духе, который побудил Учредительную Ассамблею включить подавляющее большинство их статей в конституцию. Это пожелание и опыт последних лет являются свидетельством сознания большой важности, которую имело для здорового демократического порядка сотрудничество, ставящее в основу отношений между Церковью и государством признание высочайшего духовного учения, а также взаимное уважение ответственности, свойственной обеим сторонам. Я могу, таким образом, объявить себя выразителем чувств всего итальянского народа, вспоминая об этом историческом событии и прося Ваше Святейшество принять вместе с выражением моих личных чувств сыновнего поздравления искреннее поздравление нации»¹⁴². Отвечая на телеграмму президента Дж. Гронки, папа выразил свою признательность и удовлетворение адресованными ему пожеланиями и, в свою очередь, отметил, что он молится, «дабы их (т. е. Латеранских соглашений) верное исполнение плодотворно продолжалось для христианского процветания, спокойствия и мира итальянского народа в плане его славных традиций, его древней веры и его основных духовных и нравственных ценностей, прочной основы и надежного источника подлинного гражданского и социального порядка»¹⁴³.

В среду, 6 мая 1959 года, папа Иоанн XXIII принял президента Итальянской Республики Дж. Гронки. Во время этого торжественного приема папа выступил с речью, опубликованной на следующий день в «Оссерваторе Романо». Он напомнил президенту о их встрече, состоявшейся в Пизе во время большого праздника св. Раньери, покровителя этого города. На торжественной мессе тогда присутствовал Гронки, которого впервые как главу правительства приветствовал патриарх Венецианский Ронкалли. Папа выразил свое удовлетворение по поводу того, что сегодня, как папа, он имеет большую радость возложить на президента знаки «Верховного Ордена Христова», учрежденного в 1309 году папой Иоанном XXII. Награждая главу Итальянской Республики, Римский папа этим самым выражает свою любовь к народу этой страны.

22 мая 1959 года папа Иоанн XXIII принял на аудиенции греческого короля Павла и королеву Фредерику. Следует отметить, что афинское правительство издавна стремилось улучшить отношения с Ватиканом. Но известно также и то, что его положение в этом вопросе при отрицательной позиции Элладской Православной Церкви, представляющей государственную религию, довольно затруднительно. После войны первая попытка установления отношений с Ватиканом была сделана в 1948 году. Православная Церковь тогда воспротивилась этому с большой силой. Когда в 1954 году генералу Папагосу пришла мысль посетить папу Пия XII в надежде получить от него поддержку в вопросе о Кипре, митрополит Афинский Спиридон направил генералу личное письмо, в котором в резких выражениях запрещал ему говорить папе что-либо выходящее из протокольных рамок. Элладская Православная Церковь исключала не только возможность установления дипломатических отношений, но даже присутствие в Греции какого-либо уполномоченного или легата Римского престола. В этой связи интересно заявление, сделанное министром иностранных дел Греции. Он говорил, что «в результате королевского визита 22 мая 1959 года лед в отношениях между Грецией и Святым Престолом был разрушен, но до обмена дипломатическими представителями еще далеко».

На аудиенции папа обратился к своим гостям с кратким приветствием. Он коснулся в первую очередь того вклада, какой внесла Греция в культурную сокровищницу человечества. Упомянуты были римские

папы родом из этой страны, такие, как: Эварист, Телесфор, Хигин, Анфер, Сикст II, Эзоб, Зосима, Феодор, Захария и два Иоанна — VI и VII. Папа Иоанн XXIII напомнил, что на греческом языке писали: апостол Павел, трое евангелистов, гении века патристики — Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст, «эти гиганты, на которых впоследствии было построено здание богословия как на Востоке, так и на Западе»¹⁴⁴.

Коснувшись тягот военного времени, папа сказал, что для него было утешением оказывать посильную помощь страждущему населению Элады. В эти печальные дни наиболее ярко проявился характер народа, его энергия, выносливость и его религиозный дух. Папа заверил королевскую чету в том, что узы, которые он завязал в свое время с их страной, не порвались и что греческий народ пользуется его уважением и симпатией. В заключение своей речи папа Иоанн XXIII выразил уверенность в том, что в лице греческих католиков его гости всегда найдут глубоко лояльных и преданных подданных¹⁴⁵. Последняя фраза была произнесена папой по-гречески. Как видно из вышеприведенных слов, беседа происходила в сердечной обстановке, но никаких государственных вопросов затронуто не было.

11 июня 1959 года папа Римский в торжественной обстановке принял президента Турецкой Республики Селяля Байяра. На следующий день газета «Оссерваторе Романо» опубликовала текст папского выступления. Как нередко бывало в таких случаях, папа начал речь с воспоминаний о годах пребывания в Турции. Напомнив о визите предшественника Байяра — президента Мендереса папе Пию XII, папа Иоанн XXIII заявил, что подобные визиты «служат выражением сердечных чувств Турецкой Республики к Святому Престолу»¹⁴⁶. Будучи хорошо знаком с Турцией, папа много говорил о ее высокой культуре, «о сокровищах искусства, собранных за многие века». И здесь, может быть, сознательно, а может быть, и бессознательно, папа Иоанн «бросил камешек» в адрес своего гостя, упомянув среди шедевров культуры собор Святой Софии (как известно, построенный христианами и впоследствии захваченный мусульманами). Папа заверил своего гостя-президента в том, что католическое меньшинство в Турции лояльно относится к правительству, ибо религиозные убеждения обязывают это меньшинство уважать законную власть. Напомнил он и о своих чадах, которые издавна посвятили себя делу воспитания в школах и благотворительности в больницах, которые считают для себя честью вносить свой вклад в жизнь и процветание нации. «Господин президент Турецкой Республики! — в заключение воскликнул папа. — Нам очень приятно повторить еще раз, что мы счастливы приветствовать Вас здесь, в Риме, в Ватикане. Во время нашего пребывания в Турции мы выучили прекрасную формулу приветствия, с которым обращаются к тем, кто уезжает или продолжает свою поездку: «Да хранит тебя Бог и пусть розы цветут на твоем пути!»¹⁴⁷.

27 июня 1959 года президент Французской Республики генерал де Голль нанес визит папе Иоанну XXIII. С Францией папу связывали давние прочные узы. Будучи папским нунцием в этой стране, он отдал много сил для нормализации положения Католической Церкви в послевоенный период. На аудиенции папа Иоанн XXIII приветствовал своего гостя небольшой речью. Он заявил, что эта страна и ее жители очень близки его сердцу и что он отдает должное природным, интеллектуальным и эстетическим качествам «нежной Франции».

Папа вспомнил о своем первом визите, который он нанес утром 1 января 1945 года в качестве нунция генералу де Голлю. Тогда он выступил от имени дипломатического корпуса, аккредитованного при временном правительстве Франции, с новогодним приветствием. Папа отметил, что не первый раз генерал де Голль оказывается в стенах Ва-

тикана. «В июне 1944 года, когда призрак войны удалялся от стен Рима и на горизонте уже был виден столь желанный конец ужасного конфликта, наш предшественник Пий XII был счастлив принять Вас и побеседовать с Вами во время сердечной аудиенции». Призванный вторично руководить своей родиной, благодаря стечению обстоятельств, де Голль, по словам папы, проявляет большую энергию для того, чтобы она была достойна своей предшествующей истории. В заключение папа Иоанн XXIII сказал: «Позвольте нам выразить искренние пожелания Вашей дорогой родине. В Вашем лице, господин президент, мы приветствуем благородный народ Франции с его славным прошлым и его замечательными талантами и выражаем ему нашу отеческую любовь!»¹⁴⁸

Генерал де Голль коленопреклоненно получил благословение папы и обратился к нему с ответным словом. Его речь была краткой. Президент сказал, что поскольку Его Святейшество позволил ему сказать несколько слов в его присутствии, он делает это с величайшим уважением и с величайшей радостью. «У нас во Франции,— говорил генерал де Голль,—Его Святейшество пользуется совершенно особым уважением. Мы знаем его прежде всего как Викария Христа, а затем также как прелата, который некогда хорошо знал нас и любил. От имени Франции мы пришли положить к его ногам наше уважение и просим в трудной задаче, какой является задача президента Французской Республики и сообщества, его доброжелательной поддержки. Именно это я и хотел сказать, выражая пожелания здоровья Святому Отцу и процветания и славы нашей Католической Церкви»¹⁴⁹.

При приеме президента США Эйзенхауэра 6 декабря 1959 года ничего особенно существенного сказано не было ни с одной, ни с другой стороны.

Почти накануне открытия Римского синода 22 января 1960 года папа Иоанн XXIII принял на торжественной аудиенции канцлера Федеративной Республики Германии К. Аденауэра. Приветственная речь, с которой к гостю обратился папа, была опубликована газетой «Оссерваторе Романо» на следующий день. Конечно, появление этой речи в печати ожидалось с интересом, однако содержание ее, вероятно, многих разочаровало, так как глава Католической Церкви постарался обойти все «острые углы», касающиеся проблемы Германии. Его речь — это комплекс благожелательных высказываний в адрес немецкого народа, народа, одаренного умом и волей, народа, к которому папа испытывает чувство симпатии и любви, так же как и его предшественник. Здесь же несколько слов похвалы в адрес немецких католиков, руководимых «ревностными и бдительными епископами». В заключение папа пожелал немецкому народу «еще большего процветания в плодотворном сотрудничестве, которое может осуществиться из доброй воли каждого из его сыновей и из решимости служения в духе справедливости и любви самым высоким идеалам цивилизации и мира»¹⁵⁰.

11 апреля 1961 года папа Иоанн XXIII принял председателя Совета министров Италии А. Фанфани. Он приветствовал высокого гостя весьма радушно. Самые первые слова папы были посвящены воспоминаниям. Он говорил о событиях почти трехлетней давности, когда Фанфани от имени президента республики приветствовал его «в первые часы папского служения». В этом месяце, продолжал папа, вся Италия празднует столетие своего единства. Папа отмечал, что в течение этого времени Промысл Божий попускал возникать весьма острым противоречиям между Святейшим Престолом и правительством Италии. Однако при этом нельзя не вспомнить старинную поговорку, в силу которой «история всё скрывает и всё открывает». И сегодня, анализируя эту историю, он не может не прийти к выводу, что в период становления национального единства литература определенного рода сеяла ничем не оправданное смущение в сердцах итальянцев в то далекое время. Однако, по

словам папы, «всё остальное в тот исторический период было, по плану Провидения, подготовкой к победоносным и мирным страницам Латеранских соглашений (1929 года,— М. Н.), подписанных мудростью папы Пия XI, согласно счастливому девизу «Мир Христов в Царствии Христовом», дабы показать новый горизонт, открывшийся для окончательного торжества истинного и совершенного единства рода, языка и религии, что составляло предмет лучших чаяний итальянцев»¹⁵¹. Сегодня папа наблюдает за деятельностью главы государства с чувством живой симпатии и отечески желает успехов ему и всем разделяющим с ним ответственность за управление страной.

8 июня 1961 года, вскоре после своего бракосочетания, король Бельгии Бодуэн и королева Фабиола посетили папу Иоанна XXIII. Эта молодая чета была радушно принята Римским Первосвященником, который обратился к ним со словом приветствия. Он поздравил короля и королеву с недавним вступлением в брак и выразил радость по поводу их религиозного единомыслия. Вслед за этим папа Иоанн XXIII коротко упомянул о странах Бельгии и Испании, уроженцами которых являются молодожены. Родина королевы Фабиолы вызывает приятные воспоминания у папы, который несколько лет назад посетил Испанию. Он не может забыть гостеприимства испанского народа, глубину его религиозного духа, сияющие чистотой лица детей. Дорога его сердцу и Бельгия, имеющая славное прошлое, овеянное доблестью, отвагой и упорным трудом. Папа говорил, что нельзя также не отметить верность этой страны Римскому престолу. В период подготовки ко Второму Ватиканскому Собору бельгийские епископы проявляют много труда и усердия.

Касаясь истории своей жизни, папа Иоанн XXIII упомянул о том, что под руководством епископа Бергамского Радини-Тедески ему не раз приходилось сотрудничать и встречаться с выдающимися бельгийскими учеными в области католической социологии. Бельгия дала Католической Церкви не только выдающихся епископов и социологов, но и неисчислимую армию миссионеров, которые вписали много страниц в историю отдаленных континентов.

В заключение папа выразил надежду, что Бельгия «всегда будет, благодаря единодушному взаимопониманию между всеми ее детьми и благодаря высоким достоинствам ее правителей, фактором единства, братства, плодотворного сотрудничества внутри международной общины»¹⁵².

25 ноября 1961 года папа Иоанн XXIII отмечал свое восьмидесятилетие. Со всех концов мира были направлены поздравительные телеграммы, в которых содержались добрые пожелания маститому предстоятелю Католической Церкви. Для нас представляет особый интерес поздравление, направленное председателем Совета Министров СССР. Интересно оно еще и потому, что телеграмма подобного рода впервые была направлена в Ватикан с момента существования Советского Союза как социалистического государства. Поздравление вызвало много толков и, скажем прямо, кривотолков в мировой печати. 17 декабря 1961 года газета «Оссерваторе Романо» сообщила следующее: «Посол СССР при Итальянской Республике Его Превосходительство Семен Козырев 25 ноября направил следующее письмо Его Преосвященству монсиньору Карло Грано, апостольскому нунцию в Италии: «Во исполнение данного мне поручения, прошу Вас сообщить от имени главы Советского Правительства Его Святейшеству папе Иоанну XXIII по случаю его восьмидесятилетия поздравления и сердечные пожелания здоровья и успехов в его благородном стремлении содействовать урегулированию международных проблем путем откровенных переговоров»¹⁵³. На следующий день нунций в Италии был уполномочен передать ответ следующего содержания: «Его Святейшество папа Иоанн XXIII благодарит за добрые пожелания и выражает г-ну Премьер-Министру и всему русскому народу сердечные

пожелания распространения мира путем счастливого соглашения о братстве всех людей, о чем он усердно молится»¹⁵⁴. Письмо советского посла было написано по-русски, а ответ был написан по-итальянски и сопровождается неофициальным переводом на русский язык.

25 апреля 1962 года папа Иоанн XXIII принял на торжественной аудиенции Мориса Иамеого, президента Республики Верхней Вольты, первого президента африканской страны, получившего аудиенцию у Римского папы. Обращаясь к президенту, папа сказал, что он считает своим приятным долгом принимать глав государств и с особым удовольствием желал бы видеть в Риме представителей Африки, столь многообещающего континента. Республика Верхняя Вольта предприняла огромные усилия для укрепления своего внутреннего благополучия и единства. Намерения граждан этой страны создать благоприятные семейные и социальные условия жизни, соответствующие человеческому достоинству, заслуживают самого горячего одобрения. «Пусть эта счастливая эволюция усиливается и расширяется!» — говорил папа¹⁵⁵. Он высказал также свое пожелание, чтобы молодая республика получила необходимую и обильную помощь от стран, находящихся в более благоприятных условиях, что в свою очередь содействовало бы непрерывному экономическому развитию. «Согласие между гражданами, материальное благополучие, культурное, социальное и религиозное процветание гарантируют каждой нации то место, какое она должна занимать в семье народов». В заключение папа заверил президента в том, что Католическая Церковь в молодой республике будет оказывать всяческую поддержку руководству страны¹⁵⁶.

3 июля 1962 года избранный незадолго до этого президент Италии Антонио Сеньи нанес официальный визит в Ватикан папе Иоанну XXIII. Обращаясь с речью к главе итальянского государства, папа напомнил ему о их первой встрече, которая состоялась в 1956 году в окрестностях Падуи на закладке «Дома Божественного Покрова», посвященного святому Антонию Падуанскому, небесному покровителю А. Сеньи. Шесть лет спустя папа рад приветствовать высокого гостя в своем дворце. Заботы каждого из них различны. Папа в Латеране имеет одни заботы, президент Италии в Квиринале — другие. Однако в их деятельности есть много общего. Говоря о себе, папа Иоанн XXIII отметил, что вот уже четыре года все его помыслы и все его действия направлены на утверждение истины, сердечной добродетели, справедливости и мира во всем мире. Он неоднократно призывал все нации земли и всех честных людей сотрудничать в деле восстановления мира «не в блеске оружия и разрушений, а в свете вечных христианских принципов, живущих среди различных народов»¹⁵⁷. Новый высокий пост вручается президенту Италии накануне великого события, каким явится II Ватиканский Собор, поэтому «сердечное чаяние всех добрых и честных душ сводится к тому, чтобы гостеприимство Собора вызвало для Рима и всей итальянской нации заслуженное восхищение всего мира»¹⁵⁸. Обращаясь к президенту, папа привел выдержку из 84 псалма, в котором говорится: «Милость и истина сретятся, правда и мир облобызуются; истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой; правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои» (Пс. 84, 11—14). Этот текст из Священного Писания приведен папой не случайно. Он сказал: «Эти святые слова выражают всё, что заставляет биться сердце смиренного папы Иоанна, который принял Вас с такой радостью»¹⁵⁹.

25 сентября 1962 года папа на торжественной аудиенции принял президента Республики Дагомеи Губерта Мага. Упомянув об этом визите, газета «Африк нувель» писала: «Визит главы государства Дагомеи надо считать сыновним посещением, имея в виду, что Губерт Мага — правверный католик»¹⁶⁰.

Обращаясь с приветственной речью к высокому гостю, папа Иоанн XXIII сказал: «Ваш сегодняшний визит доставляет нам глубокое удовлетворение. Представляется весьма естественным, что мы, которые ценим подобные обращения к общему отцу всего христианства, окружаем постоянной заботой все народы. Каждый из них находит в нашем сердце особое благоволение, учитываются его качества и то положение, какое он занимает в семье народов. В Вашем лице, господин Президент, мы приняли весьма привлекательный народ»¹⁶¹. Папа выразил также свою радость по поводу того, что католическая община Дагомеи является одной из самых горячих и усердных в Черной Африке. Церковь, в свою очередь, через свои воспитательные и благотворительные учреждения способствует процветанию народа.

Папа Иоанн XXIII выразил свое удовлетворение теми отношениями, какие сложились в этой стране между Церковью и государством, и выразил надежду, что эта встреча будет залогом дальнейшего развития взаимного сотрудничества. Путь, пройденный этой страной за два года самостоятельности, вызывает искреннее восхищение¹⁶².

В воскресенье, 23 декабря 1962 года, папа Иоанн XXIII принял рождественские поздравления дипломатического корпуса, аккредитованного в Ватикане. В ответном слове папа выразил свою радость по поводу многочисленного собрания дипломатов и надежду, что со временем, если это будет угодно Богу, «вся большая человеческая семья сможет быть собрана вокруг Римского папы для мирной и сердечной встречи». Говоря о задачах, стоящих перед Церковью, папа Иоанн XXIII сказал, что она не преследует чисто земных целей, она не мечтает о каком бы то ни было временном господстве. В своей деятельности Церковь опирается на завещание, данное ей Спасителем в молитве Господней: «сначала Имя, Царство и воля Божия, а затем хлеб и потребности каждого дня»¹⁶³.

История наглядно показала в течение веков, что чем больше Церковь пытается оставаться верной такому положению, тем вернее она трудится ради счастья человеческого и прежде всего ради великой цели мира. Касаясь политических событий истекающего года, папа заметил, что мир находился в октябре месяце на грани катастрофы, но что «такая опасность была очень быстро устранена, что мудрость и осторожность восторжествовали, придав уверенности и мужеству человечеству, находившемуся в беде»¹⁶⁴. Необходимым для поддержания и укрепления мира, по мнению папы Иоанна XXIII, является уважение повсюду и всеми международного права, построенного на праве естественном. Те, кто работает в области укрепления правовых положений в спорах, возникающих между государствами, действительно трудятся для истинного блага людей и осуществляют дело, благословенное Богом. Касаясь, хотя и косвенно, высокой роли Организации Объединенных Наций, папа говорил: «Для современного мира характерно существование во всемирном масштабе учреждений, стоящих на страже уважения прав и мешающих применению силы. Является общим долгом, мы не боимся это сказать, поддерживать и охранять эти учреждения, делать всё, чтобы способствовать успеху тех целей, которым они служат. Те, кто работают для этого, продолжают такую работу энергично с полной уверенностью в ее успехе, будут благословлены будущими поколениями. История сохранит их имена неизгладимыми»¹⁶⁵.

Живя в мире, человечество может посвятить себя не только великим экономическим и социальным целям, но также и продолжению исследования космоса и реализации самых смелых технических планов. В заключение папа сказал: «Пусть грядущий год отметит много мирных завоеваний, результатов человеческого гения! И да внушит Господь организаторам этих больших начинаний по преодолению пространства мысль приобщить к своим усилиям и опытам способных и смелых людей всех народов и рас»¹⁶⁶.

6. КОНТАКТЫ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Кроме контактов на государственном уровне, папа Римский, естественно, имеет широчайшие связи с мировой общественностью, поскольку почти полмиллиарда католиков живут во всех странах мира, а сама Католическая Церковь имеет многочисленные общественные организации. Этих контактов папы Иоанна XXIII с различными учреждениями, организациями и отдельными лицами, имеющими общественное значение, мы далее и коснемся.

В первой главе настоящей работы мы останавливались на том, что нунций Ронкалли, находясь во Франции, снискал там всеобщее уважение как в правительственных, так и в научных кругах. 22 января 1959 года Французская Академия наук вручила папе Иоанну XXIII изготовленную в его честь золотую медаль. Папа выразил свою благодарность в письме, адресованном им г-ну Морису Женевау, постоянному секретарю Французской Академии наук. Он писал: «Мы хотим сказать Вам и через Вас всем Вашим коллегам по Французской Академии о своей глубокой признательности. Мысленно мы видим тех из вас, с кем были лично знакомы и с кем поддерживали столь приятные связи. Оживляя эти и еще более близкие воспоминания, мы вновь ощущаем очарование бесчисленных контактов, которые нам было дано осуществить с художественными и литературными богатствами вашей родины на протяжении лет, которые нам посчастливилось провести у вас»¹⁶⁷. Папа отметил, что он усматривает в этом поступке жест сыновней признательности интеллигентной Франции главе Римской Церкви. В заключение он призвал на «авторов этой деликатной инициативы» изобилие Божественных благословений.

В понедельник, 4 мая, папа Иоанн XXIII принял на специальной аудиенции членов третьего национального Конгресса итальянской католической прессы. Приветствуя журналистов, папа отметил, что этот Конгресс проходил как бы в двух планах: в плане техническом и организационном и в плане духовном и апостольском. В области технической справедливо отмечены известные упущения, которые способствовали тому, что католическая печать не имела такого влияния на общественное мнение, как другие газеты, технически хорошо исполненные, но распространяющие взгляды, противоречащие католической доктрине. Папа одобрил рассмотрение этих вопросов и призвал проявить в этой области здоровое стремление к новому. Однако, по его мнению, журналистам-католикам необходимо четко видеть цель, ради которой они употребляют орудия своей профессии. Католическая пресса должна быть, прежде всего, провозвестницей истины. Современный философский релятивизм повторяет скептический вопрос Пилата: «Что есть истина?» Поэтому долг каждого человека, и тем более каждого христианина, дать свидетельство истины. «Что же касается вас, журналистов,— говорил папа,— вы совершенно особым образом, в силу профессионального сознания, должны стремиться к истине, чтобы она, столь часто попираемая и искажаемая средствами информации, могла восторжествовать!»¹⁶⁸. Однако орудиями католиков, работающих в мире печати, являются не только орудия истины, но и орудия любви, которые должны возвышать умы, строить добро, заставлять сиять добродетель в душах.

Папа коротко остановился на печальной критике зла, приносимого прессой благодаря ее безнравственности и разложению. Особенно прискорбно то влияние, какое она оказывает на сознание молодежи. Особенно опасными являются иллюстрированные ежедневные или периодические издания, предлагающие читателям соблазнительную смесь серьезного и пошлого, иногда даже непристойного, под предлогом сообщения полной информации или рекламы.

На каких же принципах должна строиться деятельность католической прессы? Для ответа на этот вопрос папа привлекает слова ап. Павла: «Осуществлять истину в любви» (Еф. 4, 15). Папа Иоанн XXIII считает.

что любовь к ближнему даже у полемиста не ослабляет стремления к истине, только делает ее более приемлемой. «Поступайте так,— говорил папа,— будьте отважными защитниками, но покажите себя также лояльными и великодушными к противникам, ибо прежде всего и всегда «любовь Христова объемлет нас» (2 Кор. 5, 14). Готовьте ценные газеты, книги, издания, и вы будете апостолами, ибо убедительно то слово, которое одновременно является истиной, любовью, красотой, потому что оно есть отражение суверенной Мудрости, первой Любви, вечной Красоты»¹⁶⁹.

18 октября 1959 года папа Иоанн XXIII принимал на аудиенции директоров, редакторов и корреспондентов газеты «Аввенире д'Италия» (католическая газета в Болонье). Обращаясь к ним, папа сказал: «Все наши чада нам одинаково дороги. Но вполне естественно, что мы чувствуем ближе к нам тех, кто открыто исповедует верность учению Церкви и поддерживает ее дело. Среди этих последних вы занимаете первостепенное место». Папа всегда рассматривал газету «Аввенире д'Италия» как помощницу католического апостолата. Она всегда представлялась ему как орган формирования сознания, что является самой лучшей похвалой для газеты.

Жизнь католической газеты характеризует и оправдывает прежде всего ее позитивная программа. Ценность газеты, как и любой другой человеческой деятельности, заключается в том, что она делает ценной огромных усилий с ясным представлением собственных обязанностей. Католическая печать — это, прежде всего, деятельное присутствие, деятельное свидетельство, свидетельство бдительное перед лицом бесчисленных проблем, поставленных жизнью. Это стремление истолковать их согласно прочному критерию вечной истины, отражающейся во времени. Задача газеты — правильно проинформировать читателя, помочь ему составить просвещенное мнение перед лицом сомнений и смущений, возникновению которых способствует обстановка современного мира. Католическая газета не должна следовать за изменчивыми капризами общественного мнения, она должна всегда служить истине.

Стиль газеты должен быть всегда ясный; когда он принимает воинственный характер, он должен быть пропитан любовью и уважением ко всем, кто пребывает в заблуждении.

К сожалению, выражения, помещенные во многих печатных изданиях, часто не отвечают даже самым элементарным требованиям вежливости, сдержанности, стыдливости и имеют такую терминологию, которая неприятна всякому честному сознанию. «Так вот, дорогие чада,— говорил папа,— стиль вашей газеты не должен позволить вам пойти на подобные отклонения совести. Перед лицом ловкости «сынов века сего» (Лк. 16, 8) продолжайте действовать, решительно опираясь на свой здравый смысл, свою веру и свою смелость. Научите читателя ценить истинное, доброе, красивое; умеете черпать свой материал в неисчерпаемых источниках истины, красоты и доброты, которые истекают обильно из иллюстрации разных эпох истории, мира искусства и поэзии, достижений науки, путешествий исследователей и миссионеров»¹⁷⁰.

Важной и благородной задачей католической прессы, по словам папы, является служение слову Божию, содействие тому, чтобы оно прозвучало во всей его красоте и новизне, без обеднения и искажения, сохраняя свою жизненность и притягательность.

Прощаясь с представителями католической прессы, папа напутствовал их следующими словами: «Ваш труд является не историческим, не ретроспективным — это постоянное движение вперед к духовным победам человеческого и христианского прогресса, к чести Христа и Святой Церкви, постоянного источника процветания и мира»¹⁷¹. Слова папы обращены были в данном случае к представителям газеты «Аввенире д'Италия». Мы не знакомы с этой газетой достаточно подробно, чтобы полностью или в части согласиться с характеристикой папы Иоанна, данной ей. Если же

мы возьмем принципиальные его установки без конфессионального подхода в отношении того, какой должна быть пресса, то здесь он совершенно прав, и такой урок назидателен для всех журналистов.

29 декабря 1959 года папа Иоанн XXIII принял участников ежегодной Ассамблеи итальянской университетской католической федерации. Собравшиеся с большим вниманием выслушали речь, с которой к ним обратился папа. Он подробно остановился на проблеме христианского подхода к науке. По словам папы, с Христом любая наука, церковная или светская, является источником света, и поэтому люди должны остерегаться того, чтобы Господь не покинул их разум, их исследование и толкование природы. Не только богословие, но и все отрасли науки должны быть преисполнены света и нести его в мир.

В жизни студента-христианина подобающее место должно занимать Священное Писание, хотя и здесь необходимо избегать крайностей, в которые в свое время впадали люди. Так, например, халиф Омар I сжег Александрийскую библиотеку на том основании, что, по его мнению, достаточно одного Корана и что любая другая книга будет лишней. Папа Иоанн XXIII говорил: «Евангельский свет Христа должен освещать наши научные исследования. И в древних науках, и в новых истина есть одна, и она вечна, в то время, как может быть множество форм, освещений, сияний, исходящих от нее. Сохраним все библиотеки и будем почитать их, но всегда вслед за Учителем: Он говорит мало слов, но они остаются навечно»¹⁷². Папа выразил этим особое поощрение деятельности католических ученых. Далекий от того, чтобы тормозить их порыв, он будет поощрять их восхождение в современных отраслях науки и быстрые достижения в полезных и серьезных исследованиях при условии, что в них «всегда будет присутствовать Христос»¹⁷³.

Папу Иоанна XXIII волновали не только сугубо церковные вопросы. Он также живо откликался на многие события, происходившие в мире и не имевшие отношения к религии.

22 июня 1962 года папа Иоанн XXIII выступил с речью на XXII международном Конгрессе общества писателей и композиторов, который происходил в Риме. Он сказал, что Католическая Церковь охотно поощряет такие международные встречи на всех уровнях. Она с одобрением относится к стремлению людей, в дружественной и братской обстановке желающих поделиться дарованиями и талантами, какими их наградило Провидение. Ватикан хранит в своих галереях и музеях, библиотеках и архивах ценнейшую коллекцию шедевров искусства, поэтому создатели шедевров всегда являются его желанными гостями.

То, что отличает собравшихся в глазах публики,— это их талант и их язык. Язык поэта, литератора, музыканта способен вскрыть интимные уголки души, выявить вдохновение. Он возвышает души, направляет их к благим, высоким целям, очищает страсти, направляет людей на путь к спасению и на стремление ко благу. «В вашей профессии,— говорил папа,— речь идет не о выяснении материальных ценностей или экономических возможностей. Вас интересует (и это составляет ваше почетное призвание) стремление выявить ценность духовного порыва каждого народа... Так, голосом своих поэтов и художников всякий народ, даже прежде развития своей экономики, может выявить величие и очарование своих внутренних возможностей»¹⁷⁴. Голос писателя и художника поучает, утешает, является источником самой чистой и высокой радости. Звуки этого голоса способны преодолевать искусственные преграды, которые разделяют людей. Случалось, что в минуты горя, а также во время братоубийственных войн голос поэта заставлял человечество призадуматься.

Однако очень редко гений или талант встречается в этом мире понимание и пользуется славой, которую он заслуживает. Очень часто творчество лучше оценивается последующими поколениями, а не современниками. «Евангелие нам повествует: «справедливо изречение — один сеет,

другой жнет» (Ин. 4, 97). Вы — сеятели. Другие пожнут после нас и даже, может быть, на ваших глазах. Какая это для нас радость, когда мы слышим, что современная молодежь все больше ощущает в себе тот жизненный дух, который заставляет ее больше интересоваться благами духовной жизни!.. С открытой душой продолжайте делать свое благородное дело, смело глядя в глаза. Это привлечет к вам внимание и заставит людей обратить свои мысли в сторону мира»¹⁷⁵. Выразив эти пожелания, папа Иоанн XXIII призвал Божественное благословение на собравшихся и на их работы, поставленные на службу благородным идеям человечества.

В августе 1962 года, находясь в Кастель Гандольфо, папа выступил по радио и телевидению по случаю совместного полета двух советских космонавтов Николаева и Поповича. Он говорил, что весь мир с энтузиазмом наблюдает за подвигом этих двух людей. Далее он выразил пожелание, чтобы это историческое событие, оставшись в анналах научного изучения космоса, послужило бы выражением подлинного прогресса и крепкой основой братства народов»¹⁷⁶.

5 октября 1962 года папа Иоанн XXIII присутствовал на торжественном заседании Папской Академии наук, посвященном 25-летию со дня ее основания папой Пием XI. Тема заседания была «Проблема космической радиации в межпланетном пространстве». Папа выступил перед собравшимися с речью, в которой говорил об отношении Церкви к науке. Он отмечал, что Церковь принимает чистую науку, ту науку, которую ученые всего мира, единые в своих миролюбивых изысканиях, стремятся продвигать по пути прогресса, делая результаты своих исследований общим достоянием. Церковь охотно поощряет производимые в мире изыскания, направленные на лучшее познание людей и вселенной. Тема предстоящих заседаний, по мнению папы, очень актуальна. Не вдаваясь в подробности этой темы, папа высказал мысль, что сейчас люди живут в такую эпоху, когда распри и частые недоговоренности между научными мыслями и требованиями веры будут возникать значительно реже. Первый Ватиканский Собор, по его словам, совершенно ясно установил отношения между разумом и верой. В свете этих постановлений Церковь и определяет свое отношение к новейшим научным достижениям. Прогресс в науках должен еще больше усилить хвалебные гимны, возносимые людьми своему Творцу.

18 ноября 1962 года папа принял на аудиенции представителей буддистской федерации Японии. Обращаясь к своим гостям с приветственной речью, он сказал, что всегда с большим интересом следил за многовековой историей японской нации, ее культурой и выдающейся активностью ее народа. Впервые контакты Рима с Японией завязались в XVI веке, когда папа Григорий XIII принял посольство из этой страны, приехавшее засвидетельствовать ему свое уважение. Однако деятельность католических миссионеров особенно развернулась на протяжении последнего столетия. В настоящее время католическая иерархия Японии состоит из кардинала, 11 архиепископов и епископов и 5 папских префектов. Католики, по словам папы Иоанна XXIII, пользуются в этой стране уважением благодаря сотрудничеству в деле процветания нации. Папа с большой радостью принимает своих гостей и желает, чтобы воспоминания об этом приеме никогда не покидали их. «Помимо этого,— говорил он,— мы выражаем пожелание небесной помощи не только для всех присутствующих, но и для их семей, чтобы в полном сознании усиливались поиски истины, а также убеждение в истинном братстве народов и достоинстве детей Божиих»¹⁷⁷.

В воскресенье, 6 января 1963 года, папа принял муниципальные власти города Рима. От лида прибывших с приветственной речью выступил мэр города Глауко. Отвечая на приветствие, папа заметил, что, хотя он и очень любит этот древний священный город, но больше всего беспокоят его сердце не здания, возведенные на протяжении многовековой исто-

рии, а души человеческие, пастырем которых он является. Огромную радость доставляли ему встречи с жителями города Рима, которые на протяжении четырех лет оказывали ему самый радушный и теплый прием. «Все это счастье, всю эту любовь,— говорил он,— мы относим к святому Петру».

Сейчас Церковь стоит перед очень сложной проблемой подготовки второй сессии Собора, которая, как надеется папа, будет последней. (Этой надежде, как мы знаем, не суждено было сбыться.— *М. Н.*) Папа поделился своими проектами относительно апостольского дворца в Латеране. В этом дворце в течение 11 веков до Авиньонского плена жили римские папы, там же происходили заседания пяти больших Соборов. Для разрешения пастырских проблем, выдвинутых современностью, папа решил перенести туда кафедру римского викария и епархиальную римскую курию¹⁷⁸.

Если проанализировать выступления папы Иоанна XXIII, то становится ясно, какие проблемы его больше всего волновали. Среди них папа отводил большое внимание средствам массовой информации. Его неоднократные выступления перед журналистами диктовались стремлением направить деятельность прессы по доброму пути. 27 января 1963 года, в праздник св. Франциска Сальского, папа Иоанн XXIII выступил перед сотрудниками газеты «Оссерваторе Романо», членами католического союза итальянской прессы и католическими журналистами других стран. В беседе с ними он высказал несколько мыслей о «деликатной миссии, порученной католической прессе». В то же самое время папа обращался ко всем журналистам мира. Пресса, по его словам,— это замечательная возможность в области установления взаимоотношений. Католическая пресса — это не только распространительница вероучения, церковных распоряжений и справедливой информации, но и своего рода «плотина» для разлагающегося мышления. Вполне естественно, что для выполнения этих задач католическая пресса должна обладать умением видеть и выражать вещи, избегая ненужной полемики, которая никому не приносит пользы и никого не учит любви. Говоря о прессе, которая в своей деятельности не вдохновляется священным учением Церкви, но которая имеет широкое распространение в католических странах и читается католиками, папа заявил о ее большой ответственности, так как в глазах всего мира она воспринимается в качестве распространительницы мнений и обычаев католического мира и выразительницы мнения Церкви.

7 марта 1963 года поступило известие, что 1 марта генеральный совет международного учреждения «Бальцан», собравшись в Цюрихе в присутствии председателя Швейцарской Конфедерации господина Вилли Срюлера, единогласно решил присудить премию мира 1963 года папе Иоанну XXIII. Вот как были изложены мотивы, побудившие генеральный совет присудить премию Римскому папе: «Ввиду его постоянной заботы о поддержании мирных отношений между государствами как своими мирными призывами, так и своим дипломатическим вмешательством, о братстве между людьми и народами; ввиду того большого вклада, который он внес в это братство, в особенности в течение истекшего года — приглашением представителей других христианских вероисповеданий, православных и протестантов, присутствовать на Вселенском Соборе и проявление в этом вопросе особой активности, создавая этим как среди членов этих вероисповеданий, так и среди членов Католической Церкви отношения высокого взаимопонимания, последствия чего будут многочисленны и значительны; за установление контактов, далеко переходящих границы христианского общества»¹⁷⁹.

10 мая 1963 года состоялось торжественное вручение бальцановской премии за мир папе Иоанну XXIII. Церемония происходила в двух местах: сначала в королевском зале, а затем в базилике святого Петра.

Первая часть церемонии проходила перед ограниченным числом лиц. Здесь присутствовали несколько кардиналов, лица, принимающие участие в политической жизни Италии, официальная швейцарская делегация, члены общества «Бальцан» и другие лауреаты этой премии: профессор биологии Карл фон Фритс (Австрия), историк Самюэль Эллио Морисон (США), академик Андрей Николаевич Колмогоров (СССР) и музыкант Пауль Хиндемит (Германия). В самом начале церемонии выступили Аранго-Руиз, председатель исполнительного комитета по премиям фонда «Бальцан», Фредерик Фукэ, председатель швейцарского сената, и президент Италии Сеньи, почетный председатель фонда «Бальцан», накануне удостоенный папой «ордена Христа». Президент Сеньи вручил премию в размере 100 миллионов лир папе Иоанну, который после этого произнес краткое слово.

Он начал его с текста Священного Писания, заимствованного из Послания апостола Павла к Тимофею: «Царю же веков, нетленному, невидимому, единому, Премудрому Богу честь и слава во веки веков» (1 Тим. 1, 17). Поясняя смысл этого текста, папа сказал, что действительно Богу в первую очередь возносится его благодарность за эту премию. Ибо Богу угодно внедрить мир в сердца и провести это начинание через папу. «Наша благодарность,— продолжал он,— затем обращается к вам, Ваши Превосходительства, сумевшие произвести вручение этого дара со столь благородными и возвышенными словами; она распространяется и на членов разных комитетов фонда и на всех высокостоящих лиц, которые захотели своим присутствием придать особую торжественность этой церемонии»¹⁸⁰.

Приглашенные спустились в ватиканскую базилику, где уже собрались оба дипломатических корпуса (чрезвычайно редкое событие в Риме), аккредитованные при Ватикане и при Квиринале. Среди присутствующих находился председатель Государственного Комитета при Совете Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Романовский. Он специально прибыл в Рим по этому случаю. Газета «Иль Котидиано» 11 мая 1963 г. писала, ссылаясь на «авторитетные источники Ватикана», что «приглашения были сделаны фондом «Бальцан» и что господин Романовский присутствовал на церемонии не как политический деятель, а как представитель культурного сектора Министерства иностранных дел СССР»¹⁸¹.

После того, как папа Иоанн XXIII прибыл в базилику св. Петра, внесенный на «*sedia hestatoria*», бывший председатель Швейцарской Конфедерации Филипп Эттер, председатель финансового комитета фонда «Бальцан», произнес слово. В своем слове г-н Эттер, в частности, сказал, что в настоящее время два мира противостоят один другому. С одной стороны, мир опасений, страха, неуверенности и иногда даже отчаяния, а с другой — мир веры, надежды и доверия. Всей своей деятельностью и особенно энцикликлой «*Racem in terris*», адресованной людям доброй воли, папа Иоанн XXIII противопоставил сумеркам опасения и страха мир веры, доброго согласия, мир оптимизма. Обращаясь к папе, Филипп Эттер говорил: «Вы вновь зажгли для человечества огонь надежды, указав ему путь, гарантирующий мир: уважение достоинства и свободы человека и семьи, уважение права и закона, справедливости и любви. Все мы глубоко благодарны Вашему Святейшеству. Тот факт, что государственные деятели всех стран горячо Вас приветствовали и Ваш призыв, дает нам возможность надеяться, что Ваш голос не будет гласом вопиющего в пустыне. Вашей личной деятельностью Вы дали новое доказательство, что папство представляет собой столп и убежище мира, межвероисповедное и международное»¹⁸².

После этого выступления сенатор Гронки, бывший президент Италии, взял слово в качестве председателя комитета премий фонда «Бальцан». Характерным в его речи было то, что он упомянул о Ватиканском Соборе как проводнике мирных идей. Гронки прямо сказал, что Собор явля-

ется большим вкладом в братство людей и народов. Бывший президент вручил папе Иоанну XXIII знаки премии «Бальцана» — колье и золотую медаль.

В ответном слове папа заявил, что мир, представляемый в Божественном свете и встречающий отклики в сердцах людей, — величественное зрелище и наслаждение для сознания и сердец. Папа Иоанн XXIII обратил внимание присутствующих на величественный купол Микеланжело и заметил, что он покоится на четырех внушительных пилястрах, углубленных в землю до самой скалы. Мир — это дом, общий дом. Он — дуга, соединяющая землю с небом. Но чтобы столь высоко вознестись, она должна покоиться на четырех мощных пилястрах, о которых сказано было в энциклике «*Rasem in terris*». «Мир — это пустое слово, если оно не базируется на таком порядке, который мы с горячей надеждой начертали в этой энциклике, порядке, основанном на истине, справедливости, оживленном и дополненном любовью и осуществляемом в свободе. Ко всему человечеству мы обратились с нашим призывом. Действительно, мы уверены, что в течение ближайших лет в свете прошлого опыта мир примет этот призыв»¹⁸³.

На следующий день, 11 мая, в полдень, папа Иоанн XXIII был принят в Квиринале президентом Италии А. Сеньи. Это официальное посещение характерно тем, что после 1870 года, когда Квиринал перестал быть летней резиденцией пап и перешел в распоряжение правительства, только один из Римских пап переступил через его порог. 28 декабря 1939 года здесь был папа Пий XII. Президент Сеньи и папа Иоанн XXIII обменялись речами. После произнесенного папой слова присутствовавший здесь же профессор Холмогоров, прибывший из СССР, горячо приветствовал папу. Он сказал папе, что «привез ему привет от советского народа, который очень ценит его постоянный труд в пользу мира»¹⁸⁴. Папа Иоанн XXIII с улыбкой ответил, что счастлив слышать его слова, так как они означают, что его призыв к миру был понят всеми народами, а не только католиками.

Здесь же папа заявил, что ему хотелось бы, чтобы сумма, врученная ему фондом «Бальцан», была передана и предназначена в какой-нибудь фонд мира.

Несколько позже было сообщено, что эта премия будет распределяться каждые два года частным лицам или даже целым учреждениям, которые проявят большие усилия в деле поддержания мира. Согласно желанию, высказанному папой, этот фонд в один миллион швейцарских франков (соответствующий премии Бальцана) будет значительно увеличен за счет средств Римского престола¹⁸⁵.

На следующий день после торжественного вручения Бальцановской премии за мир папой Иоанном XXIII в Ватикане была получена телеграмма от Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия, в которой говорилось: «С чувством искреннего удовольствия спешу направить Вашему Святейшеству мои искренние поздравления по случаю присуждения Вам Бальцановской премии во свидетельство непрестанных усилий Вашего Святейшества в пользу благословенного мира на земле и доброй воли между людьми. С любовью во Христе».

В ответной телеграмме от 14 марта 1963 года папа выразил свою благодарность за присланное поздравление: «Взволнованный Вашим поздравлением по случаю присуждения Нам Бальцановской премии, из глубины души возносим горячие молитвы к Всевышнему о Вашей особе, духовенстве и верующих. Яко Ты еси Бог мира, и любви, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем!»¹⁸⁶.

Приближался исход папы Иоанна XXIII в вечность. Болезнь его обострилась и прогрессировала. Но еще накануне смерти голос папы Иоанна слышали многие люди. В день Пятидесятницы, 2 июня 1963 года, радио Кёльна организовало специальную передачу о Соборе, в которой участ-

вовали кардиналы Фрингс, Дёпфнер, Кёниг и Сюэненс. Передача закончилась трансляцией обращения папы Иоанна XXIII, записанного на пленку в начале его болезни. Это выступление последнее, с которым папа Иоанн XXIII обратился к своим чадам. Папа говорил: «Успех такого большого дела, как Собор, требует полного и единодушного сотрудничества всех верующих; но всё же не следует забывать, что Собор по преимуществу дело Святого Духа, являющегося церковным сердцем и постоянным автором и подателем его «весеннего обновления». Под Его водительством и покровительством Собор может ли не быть плодотворным и не произрастить ожидаемые спасительные плоды?! Поэтому мы приветствуем в радостном ожидании, с радостной и живой надеждой наступление праздника Пятидесятницы, когда сыны Церкви во множестве соберутся в Ней, чтобы горячо призывать Святого Духа. Дорогие сыны..., мы хотим, чтобы в этот... святой день вы устремили свои молитвы к небу, так как того требуют сейчас нужды Церкви. Вдохнитесь этими глубокими чувствами и единым сердцем состыжайтесь в горячности, чтобы призвать на Ватиканский Собор благодать, помощь, свет Святого Духа, руководящего решениями вдохновляющего слова, чтобы он обрадовал народ Божий и привел к единству удаленные души, Он, Кто премудростью Своей сотворил небеса (Пс. 135, 5). Поверьте мне, мои братья, что Духом Святым обладают в меру любви к Церкви (Ириной Лионский, Против ересей, III, 24, 1). Да поможет вам Пресвятая Дева и да защитит Она нас всегда Своим материнским заступлением, да поможет Она иметь возможность применить к вашему поведению высокие и бодрящие слова апостола Павла: «Впрочем, братья, радуйтесь, усердствуйте, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами. Приветствуйте друг друга лобзанием святым... Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и общение Святого Духа со всеми вами» (2 Кор. 13, 11—13)¹⁸⁷. Эти апостольские слова стали таким образом последним обращением к людям, последним завещанием папы Иоанна XXIII.

ГЛАВА III. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАПЫ ИОАННА XXIII

В настоящей главе речь будет идти о позициях папы Иоанна XXIII в социальных вопросах, позициях, вытекающих из признания факта неупорядоченности в мире общественных отношений и стремления преодолеть ее. В нашем повествовании мы неоднократно затрагивали эти вопросы. Наше внимание уже останавливалось на бергамском периоде жизни отца Анжело Ронкалли, на личности епископа Радини-Тедески, под влиянием которого формировались взгляды молодого священника, упоминалось о выступлениях кардинала Ронкалли в Венеции и даже о том, что Ватикану приходилось отмежеваться от некоторых его высказываний. Излагая историю понтификата папы Иоанна XXIII, мы анализировали его выступления, темой которых были вопросы социального упорядочения современного общества.

Ставились ли социальные вопросы в Римско-Католической Церкви до папы Иоанна XXIII? Безусловно ставились, и более всех уделял им внимание папа Лев XIII. В своей энциклике «*Regum novarum*» он возмущался тем, что небольшая группа богатых людей наложила ярмо рабства на огромную часть неимущих. «Пусть не думают,— писал папа,— что Церковь до такой степени ушла в заботу о душах, что она пренебрегает тем, что имеет отношение к земной жизни и преходящей. Что касается, в частности, рабочего класса, она прилагает все усилия, чтобы вывести его из состояния нищеты и обеспечить ему лучшую судьбу»¹⁸⁸. «Не найдется никого,— продолжал Лев XIII,— кто бы осуждал усердие, имеющее своим предметом, в согласии с естественным законом и законом Божественным,

создание более сносных условий существования для тех, кто живет трудом рук своих, так, чтобы они чувствовали себя людьми, а не животными, христианами, а не язычниками»¹⁸⁹. Папа приводил в связи с этим слова Спасителя: «Жаль Мне народа» (Мф. 15, 32). Вместе с тем папа Лев XIII говорил о невозможности избавить человечество от страданий и мирился с общественным неравенством. Как бы мы ни относились к высказываниям папы Льва XIII по социальным вопросам, нельзя не признать, что никто из его предшественников и ближайших преемников не акцентировал так на неудовлетворительном положении трудящихся. Однако и в высказываниях папы Льва XIII, и в высказываниях его преемников звучало определенное отношение к капитализму. По мысли пап, строй этот сам по себе не плох, нужно бороться не с капитализмом, а с злоупотреблениями, имеющими в нем место. Энциклики выступали против классового антагонизма и за гармонию между капиталом и трудом, ибо оба они создают материальные ценности. Папы выступали против забастовок и стачек, приветствовали благотворительность общественную и частную и выступали против социализма, считая его ложной философской и общественной концепцией.

На протяжении последних десятилетий в человеческом обществе произошли огромные и глубокие перемены как в плане экономическом, так и в плане социальном, политическом и культурном. Эти перемены побудили папу Иоанна XXIII пересмотреть и развить доктринальные положения, касающиеся социальных вопросов, разработанных его предшественниками. Энциклика «*Mater et Magistra*» была опубликована 15 мая 1961 года по случаю 70-летия со дня выхода в свет энциклики «*Regum novarum*». Но и до этой энциклики в своих выступлениях по разным случаям папа Иоанн XXIII неоднократно касался социальных проблем.

В воскресенье, 7 декабря 1958 года, папа Римский давал аудиенцию в зале «Клементины» юристам IX Национального конгресса «Союза итальянских католических юристов» и участникам Конгресса итальянского католического союза специалистов (дипломированных и руководящих)¹⁹⁰. После обращения к юристам он, говоря об итальянском католическом союзе специалистов, напомнил о встрече, которая произошла у него с ними в июле 1951 года в Сен-Жермен-ан-Лэ, во время I Международного конгресса инженеров-католиков, когда он был нунцием в Париже.

Не желая никоим образом повторять учение о Церкви (пап от Льва XIII до Пия XII), он ставит единственной целью осветить один момент, которому обычно не уделяли должного внимания. Папа напомнил, что Церковь, в силу врученного ей небесного полномочия, имеет право и обязанность поучать законам, вытекающим из Откровения и из естественного права в отношении социальной жизни в ее разнообразных проявлениях. Если в этой очень обширной области существуют проблемы, сами по себе имеющие определенное содержание и ценность, то нет сомнения, что их решение не может абстрагироваться от религиозных и нравственных принципов, которыми должны руководствоваться в своей жизни не только отдельные лица, но также и все человечество в своей социальной жизни.

Говоря о теме конгресса и руководствуясь тем, что было сказано папой Львом XIII, папа Иоанн напомнил, что если и может быть расхождение взглядов в области чисто политической, то, когда под угрозой находятся великие религиозные и социальные интересы, «надо заставить замолчать внутренние разногласия и партийные предпочтения», и католики «должны все с одинаковым намерением и в едином духе направить свои усилия к достижению общей цели»¹⁹¹.

Всегда, во всех случаях при выборе своих представителей партии и избиратели должны проявлять максимум осмотрительности и сознательности. «Глубокое чувство принципов здорового политического и социального порядка, соответствующего нормам права и справедливости,— сказал

папа,— имеет особенно важное значение для тех, кто при любой форме демократического режима обладает, как представитель народа, полностью или частично законодательной властью. А поскольку центр тяжести демократии заключается в этом народном представительстве, политические течения которого проявляются во всех областях общественной жизни как в добре, так и во зле, вопрос нравственного возвышения, практической способности, интеллектуальных возможностей депутата парламента для всего демократического строя является вопросом жизни или смерти, процветания или упадка, оздоровления или постоянного недомогания»¹⁹².

Папа Иоанн XXIII считал, что все люди, независимо от их происхождения, равны не только перед Богом, но и здесь, в земной жизни; ценность каждого человека зависит от того, как он проживет и что сделает в течение своей жизни. Эту мысль можно особенно четко видеть в речи папы, обращенной к римской аристократии.

10 января 1959 года папа принимал представителей римской знати и патрициата. В ответ на их пожелания он прежде всего выразил свою признательность за благочестивые и преданные слова, высказанные их представителем князем Аспрено Кодонна, род которого много веков находится на службе при папском престоле. Однако папа отметил, что под человеком «благородным» он подразумевает в первую очередь того, кто живет в соответствии с предписаниями Священного Писания и, руководствуясь им, направляет свои внутренние побуждения. Это благородство больше того, которое является древним наследием знатных предков. В заключение он обещал не забывать в молитвах всех присутствующих лично и членов их семей и пожелал, чтобы «всё, что они представляют замечательного и доброго в истории прошлого, нашло сегодня выражение в деятельности, преданности и примере христианской жизни, во славу Божию и на благо всех»¹⁹³.

Говоря о жизни общества, о жизни социальной, папа Иоанн XXIII прежде всего говорил о семье и подчеркивал, что здоровая семья есть основа здорового общества, благополучие или неблагополучие общественной жизни зависит и начинается в семье. Эти мысли высказывались папой Иоанном неоднократно. Об этом он довольно пространно говорил, когда по просьбе ассоциации «Фронта делла фамилия» папа Иоанн 11 января 1959 года преподавал собравшимся на площади св. Петра благословение и обратился специально к христианским семьям и ко всем, кто «соединяется, чтобы основать очаг во имя Божие», с отеческим посланием. Он начал свою речь напоминанием того, что по церковной традиции первое воскресенье после Богоявления посвящается святому Семейству Назаретскому, покровителю всех семей Италии. Папа вспомнил о своем детстве, о том, что значили для его детской души примеры благочестия, которые он видел в доме своих родителей. «Каждая семья,— сказал он.— основанная на деятельности, на взаимном уважении, на страхе Божиим, представляет собой силу деревень, городов, нации; она есть ядро и основа всякой добродетели, защита от всякой опасности развращения, запас здоровых, постоянно обновляющихся сил на благо каждого и на благо гражданского общества». Папа отметил тяжелое положение многодетных семей, которые из-за своей верности Закону Божию (т. е. из-за того, что они не пресекают искусственно зарождающуюся жизнь.— М. Н.) часто встречаются с большими затруднениями и лишениями, которых другие не знают или с которыми мало считаются. Он выразил свою озабоченность тем, что существуют семьи, которые из-за недостатка средств, работы, здоровья живут в состоянии неуверенности в завтрашнем дне. Папа Иоанн говорил: «Наше беспокойство распространяется также на молодежь, юношей и девушек, которые питают в сердце своем желание зажечь пламя своего очага и иметь свою собственную семью. Иногда им мешают серьезные трудности, и это также болью разрывает наше сердце»¹⁹⁴.

Все перечисленные трудности, с которыми сталкивается многодетная семья в условиях капиталистической Италии, объяснимы. В данном же случае папа ограничился только их констатацией и не внес никакого конструктивного предложения, которое бы способствовало облегчению положения трудящихся в условиях «мира свободного предпринимательства».

Говоря о значении семейной жизни и о необходимости сохранения ее святости и нерушимости для благополучия всего общества, для всего человечества, папа Иоанн XXIII подчеркивал в этом отношении громадное значение женщины — матери и жены.

В феврале — марте 1959 года в Риме проходил IX Конгресс итальянского женского центра. 1 марта папа Иоанн XXIII принял участников этого форума и обратился к ним с речью. В ней он подробно остановился на вопросе значения семьи в современном мире и на той роли, какую занимает в семье женщина. По словам папы, «семья... — это пристанище, где утихают бури жизни, где беспорядочные наклонности теряют свою привлекательность, где побеждается влияние дурных примеров»¹⁹⁵. Однако в настоящее время «это святилище» подвержено многим опасностям и невзгодам. По мнению папы Иоанна XXIII, основную опасность для здоровой семьи представляет бесконтрольная пропаганда, которая пользуется мощными средствами (печать, театр, кинематограф) для распространения, особенно среди молодежи, ростков разложения. Ввиду наличия такого мощного отрицательного фактора, семья должна и обязана защищаться, и женщины должны с чувством ответственности занять подобающее им место в этой деятельности. Они призваны быть оградой семейного очага. Они призваны к апостольскому служению в мире. «Пусть любовь будет вашей поддержкой и вашим горячим утешением, — восклицал папа, — любовь к семье, к Церкви, к Родине, любовь, которая толкает вас на смелые действия, которая, если можно так сказать, заставляет вас забыть самих себя в стремлении к славе Божией и благу души. Пусть Божественный свет, который вы должны зажечь в умах и сердцах дорогих ваших членов семьи, в сердцах ваших друзей, а также далеких вам людей, свет, который должна поднять ваша рука, чтобы осветить всё вокруг вас, освещает вас и не меркнет»¹⁹⁶.

* * *

Энциклика «Mater et Magistra» может рассматриваться как синтез социальных воззрений папы Иоанна XXIII. Основной мыслью этой энциклики является необходимость соблюдения людьми принципа справедливости, согласно которому все человеческие существа без различия пола, расы, вероисповедания, цивилизации, национальной принадлежности могли бы располагать в достаточном количестве материальными благами для того, чтобы иметь возможность вести образ жизни, соответствующий их человеческому достоинству.

Обращаясь ко всем чадам Римско-Католической Церкви, папа Иоанн XXIII в предисловии к энциклике говорит о том, что Мать и Наставница всех народов — Вселенская Церковь была основана Господом Иисусом Христом для того, чтобы все люди на протяжении всех веков, приходя в ее объятия, обретали полноту жизни. «Столпу и утверждению истины» (1 Тим. 3, 15) ее Божественный Основатель дал двойное задание: рожать детей для вечной жизни и воспитывать их.

Христианство соединяет небо с землей, охватывает всего человека: его душу и тело, его разум и волю, призывая его возвышать ум к вершинам жизни вечной. Тем не менее, хотя Церковь призвана освящать души и делать их причастниками небесного света, она заботится также и о повседневных нуждах людей, и не только об их пропитании и условиях жизни, но также об их благоденствии и культурном процветании. По словам папы Иоанна XXIII, замечательным свидетельством учения и деятельности Церкви в течение веков является «бессмертное окружное по-

слание «*Rerum novarum*»». «Редко какое-либо слово папы получало такой всемирный отклик и было принято с таким одобрением, как это послание Льва XIII»¹⁹⁷.

Далее папа Иоанн XXIII повествует о том, как откликнулись на социальные запросы человечества его ближайшие предшественники Пий XI и Пий XII. Он кратко останавливается на энциклике «*Quadragesimo anno*» и на радиопослании Пия XII в день Пятидесятницы 1941 года. Мы не будем рассматривать его рассуждения по этому вопросу, так как нас в первую очередь интересуют социальные воззрения самого папы Иоанна XXIII, а не его предшественников. Свой краткий обзор папа заканчивает выводом, согласно которому в настоящее время положение значительно изменилось по сравнению с тем, каким оно было 20 лет назад. Огромные изменения произошли в области научной, технической и экономической: открытие ядерной энергии, ее первые применения для военных целей, ее возрастающее использование в мирных целях, беспредельные возможности, открывающиеся перед производством в области синтетической химии, распространение автоматики и применение автоматизации в промышленности и в обслуживании, модернизация сельскохозяйственного сектора, быстрое преодоление расстояний в области сообщения — радио, телевидение, возрастающая скорость транспорта, начало завоевания межпланетного пространства. Значительные сдвиги произошли и в области социальной: развитие социального страхования и социального обеспечения в некоторых странах, постепенный подъем начального образования, возрастание благосостояния, уменьшение внешних преград между классами, интерес среднего человека к событиям мирового значения. Однако наряду с этим существует социально-экономическое неравновесие в мировом плане между странами экономически развитыми и странами, стоящими на пути экономического развития.

В политической жизни отмечается, с одной стороны, всё возрастающее участие в общественной жизни стран всё большего числа граждан, закат колониальных режимов, достижение политической самостоятельности странами Азии и Африки, с другой, — отмечается определенное ограничение в правах некоторых слоев населения и национальностей.

После этой небольшой преамбулы папа Иоанн XXIII переходит к изложению своих взглядов в разделе, озаглавленном «Уточнение и развитие учения послания «*Rerum novarum*»». В самом начале он выясняет вопрос о личной инициативе и вмешательстве государственной власти в экономические области. Он отмечает, что экономическая жизнь вытекает из личной инициативы отдельных граждан, действующих либо в индивидуальном порядке, либо в разных формах объединений, имеющих целью достижение общих интересов. По мнению папы, государственные власти обязаны в этом активно участвовать, чтобы содействовать развитию производства для социального прогресса на пользу всем гражданам. Участие государственной власти в области экономики должно, по словам папы Иоанна XXIII, вдохновляться «принципом вспомогательности», сформулированным в свое время Пием XI в энциклике «*Quadragesimo anno*». Другими словами, государство должно приходить на помощь слабому предприятию, но не имеет права посягать на собственность и свободу этого предприятия (не говоря уже о национализации его).

Непременной обязанностью государства является охрана существенных прав человеческой личности. Среди этих прав папа особенно отмечает право человека быть ответственным за содержание себя и своей семьи. В любой экономической системе должна быть допущена свобода плодотворной производительной деятельности. «Опыт показывает, — говорит папа, — что там, где нет личной инициативы отдельных людей, обречены на застой те секторы экономики, которые предназначены на производство беспредельного числа предметов потребления и общественного обслуживания, связанных не только с материальными, но и с духовными нуж-

дами человека; эти же предметы и эти обслуживания особенно требуют творческих талантов отдельных лиц. Однако, с другой стороны, там, где отсутствует или имеет недостатки должная деятельность государства, возникает неустрашимый беспорядок, эксплуатация слабых мало добросовестными сильными, которые появляются во всякой стране и во всякое время, как плевелы среди пшеницы»¹⁹⁸. Заметим, что в странах, вставших на путь социалистического общественного развития и развития производства, где отсутствует частная собственность на средства производства, такой опасности не существует.

В разделе «Социализация, ее происхождение и объем» папа Иоанн XXIII в первую очередь призывает не путать это понятие с национализацией, т. е. с отчуждением частных предприятий в пользу государства, хотя здесь же указывает на то, что Церковь допускает и национализацию, но при условии справедливой оценки стоимости предприятия и уплаты полной суммы владельцу или владельцам. По его словам, национализации могут быть подвергнуты преимущественно крупные предприятия общегосударственного значения: железные дороги, почта, телеграф, телефон и т. п. с целью воспрепятствовать чрезмерной концентрации капитала в частных руках. Государство имеет право конфисковать частное имущество в порядке наказания за совершённые преступления. Под термином «социализация» в прямом его смысле папа подразумевает «возрастающее умножение отношений в сожительстве людей, выражающееся в разных формах совместной жизни и деятельности, а также в их оформлении путем различных юридических установлений»¹⁹⁹. Это явление имеет своим источником многочисленные исторические факторы, к числу которых следует отнести научные и технические достижения, возрастающую продуктивность производства, более высокий уровень жизни населения.

Вполне естественно, что социализация имеет много преимуществ. Она позволяет удовлетворить многие запросы личности, особенно экономические и социальные. Таковыми являются средства для подлинно человеческого существования: медицинская помощь, более высокий уровень начального образования, право на жилище, на труд, на соответствующий отдых. Кроме того, благодаря печати, кино, радио, телевидению, людям дана возможность принимать участие в событиях, касающихся людей всего мира. В то же время социализация умножает формы организации и вводит всё более подробную регламентацию юридических отношений между людьми в каждой области жизни. Поэтому она до некоторой степени ограничивает поле деятельности людей, ибо создает такую среду, которая затрудняет возможность мыслить каждому самостоятельно, независимо от внешних влияний, поступать по своей инициативе. Некоторые заключают из этого, что социализация, возрастая в объеме и глубине, неизбежно превратит людей в автоматов. Папа не смотрит столь пессимистически на перспективы социализации, но предупреждает, что социализация должна осуществляться таким образом, чтобы извлекались из нее присущие ей преимущества и ограничивались ее отрицательные явления.

После размышлений о положительных и некоторых отрицательных сторонах социализации человеческого общества папа Иоанн XXIII поднимает вопрос о справедливом вознаграждении за труд. Он пишет, что его душа наполнена горечью при виде того, как во многих странах и даже на целых континентах множество трудящихся получают такую заработную плату, которая обрекает их самих и их семьи на условия жизни, недостойные человека. Иногда это вызвано недостаточным прогрессом индустриализации. Но даже и в развитых странах существует вопиющий и оскорбительный контраст между крайней нищетой множества людей и благосостоянием и безудержной роскошью богатых. В некоторых странах значительный процент доходов поглощается во имя проявления и

поддержания дурно понимаемого национального престижа. Очень часто несметные суммы расходятся на вооружение.

Так как хозяйство различных стран быстро развивается, притом со времени последней войны особенно ускоренным темпом, уместно обратить внимание на то, чтобы экономическое развитие сопровождалось соответствующим социальным прогрессом, при котором все категории граждан получали бы свою долю благ. Следует постоянно следить за тем, чтобы экономическое и социальное неравенство не возросло, а уменьшалось. Папа писал, что «экономическое богатство народа зависит не только от общего обилия благ, но еще более от их справедливого распределения для обеспечения личного развития членов общества, что и является подлинным назначением народного хозяйства»²⁰⁰.

Говоря о кустарных и кооперативных предприятиях, папа указывал на то, что «в соответствии с общим благом и в пределах технических возможностей следует сохранять и поощрять кустарные предприятия, сельские хозяйства семейного характера, а также кооперативные предприятия, как дополнение к двум предшествующим...»²⁰¹. Для того, чтобы оставаться жизнеспособными, кустарным и кооперативным предприятиям нужно приспосабливаться к новым обстоятельствам, которые определяются прогрессом науки и техники, а также к меняющимся требованиям и запросам потребителей. Для этого необходимо, чтобы те и другие имели хорошее техническое образование и были профессионально организованы. «Из этих соображений,— писал далее папа,— призываем наших возлюбленных чад, ремесленников и кооператоров всего мира, сознавать благородство своей профессии и своего ценного содействия тому, чтобы народы сохраняли живое чувство ответственности и дух сотрудничества и чтобы всегда оставалось горячее желание исполнять свою работу с изяществом и оригинальностью»²⁰².

Касаясь роли трудящихся в средних и крупных предприятиях, папа Иоанн XXIII считает вполне законным стремление трудящихся к деятельному участию в жизни тех предприятий, в которых они работают. Безусловно, невозможно заранее определить род и степень этого участия, так как это зависит от фактического положения каждого данного предприятия. Это положение может быть различным в разных предприятиях. «Тем не менее,— писал он,— мы считаем уместным привлечь внимание к тому факту, что проблема активного участия трудящихся всегда существует как в частных, так и в общественных предприятиях. Во всяком случае следует стремиться к тому, чтобы предприятие в порядке отношений, функций и положений становилось обществом людей, как личностей». Следует отметить, что эти рассуждения папы являются вполне резонными и положительными по своему замыслу, однако то, что он говорит далее, звучит несколько идеалистически и, пожалуй, больше как пожелание, чем конструктивная программа. В полной мере это неосуществимо в условиях капиталистического ведения хозяйства. Папа, в частности, пишет, что для этого (т. е. для реализации сказанного выше) требуется, чтобы отношения между предпринимателями и руководителями, с одной стороны, и людьми, приносящими свой труд,— с другой, были проникнуты уважением, взаимным признанием достоинства, пониманием, духом честного деятельного сотрудничества, интересом к общему делу, чтобы труд понимался и переживался всеми членами предприятия не только как источник дохода, но и как исполнение порученного им долга и как служение на общую пользу.

В наше время широко развивается движение объединения трудящихся, получившее общее признание в юридических установлениях различных стран, а также и в международном плане путем коллективных трудовых договоров. Однако папа считает своим долгом заявить о том, чтобы «голос трудящихся имел возможность звучать и быть услышанным и вне пределов отдельных производственных организаций и во всех

областях жизни»²⁰³. Это необходимо потому, что отдельные производственные организации, как бы крупны они ни были, включены в экономическую и социальную сферу соответствующих государств и ею обуславливаются.

Как известно, своего рода «водоразделом» современных политических взглядов является вопрос владения частной собственностью на орудия и средства производства. Подходя к этому вопросу, папа Иоанн XXIII сознаёт, что в современном мире распространяются сомнения: «не уменьшился ли в своем значении или не утратил ли вовсе свою силу один из принципов социально-экономического порядка, а именно — принцип природного права на частную собственность, включая и право собственности на орудия производства?»²⁰⁴ Он считает, как явствует из его дальнейших рассуждений, такое сомнение необоснованным. Повторяя в несколько измененном виде свои доводы, приводимые еще в самой первой энциклике «Ad Petri cathedram», папа говорит, что право частной собственности, даже на средства производства, имеет постоянную ценность по той причине, что оно основано на онтологическом и телеологическом первенстве личности перед обществом. Что же это за онтологическое и телеологическое первенство личности? Кратко поясним значение этих терминов. Онтологическое первенство — это первенство в порядке существования. Это означает, что общество существует постольку, поскольку существуют отдельные люди, из которых составляется общество. Телеологическое первенство — это первенство в порядке направленности. Это означает, что не личность существует для общества, но общество существует для личности. Согласимся на какое-то время с утверждением, что обладание частной собственностью на средства производства делает личность свободной в том обществе, в котором она живет. Теперь обратимся к капиталистическому обществу, где (всё это, правда, приблизительно) из 100 личностей только 10 обладают частной собственностью на средства производства, обладают капиталом и поэтому обладают инициативой в области экономики и свободны располагать средствами для проявления этой инициативы. Встает вопрос: как же быть в таком случае другим 90, не имеющим этой собственности? Чем гарантируется их свобода и независимость? Вполне естественно, что эти 10 избранных своим капиталом и своей собственностью отнюдь не обеспечивают свободы остальным. Принцип социалистического общества решает этот вопрос значительно проще: пусть все, без исключения, в одинаковой степени владеют орудиями и средствами производства, и это будет самой большой гарантией их свободы, тогда не нужно будет призывать к частной благотворительности «избранных», а благотворительные функции возьмет на себя все общество, государство под контролем общества. Рассуждения о том, что «право частной собственности должно быть гарантией существенной свободы личности и незаменимой составной частью социального порядка»²⁰⁵, во многом снижает положительное впечатление, производимое энцикликой в целом, ибо в данном случае создается впечатление защиты обветшавших форм человеческого общежития. Если вдуматься в историю рода человеческого, то становится несомненным, что именно частная собственность разжигала ненависть людей друг к другу, ввергала народы в кровопролитные войны и что защита этой же собственности и доходов, получаемых от нее, держит современный мир в постоянном напряжении.

Однако несомненным является также и то, что в своей энциклике папа Иоанн XXIII стремится к установлению некоторого равновесия в условиях капиталистического ведения хозяйства, и в этом нельзя не видеть прогрессивный характер этого документа. Папа утверждает, что достоинство человеческой личности требует, «как естественной основы для жизни, права пользоваться земными благами; этому праву соответствует основная обязанность обеспечивать по возможности всем частную собст-

венность»²⁰⁶. Вышесказанное, по мнению папы, не исключает законного права государства и его учреждений владеть средствами производства, в особенности, когда эти последние дают такую экономическую мощь, которая не может быть оставлена в руках частных лиц без опасности для общего блага. В наше время весьма заметна тенденция к расширению общественной собственности, принадлежащей государству и гражданским учреждениям. Это объясняется тем, что всеобщее благо требует все большего расширения государственных функций. Однако и здесь гражданские учреждения должны расширять размеры своей собственности только в тех пределах, которые направляются соображениями всеобщего блага. Необходимым условием плодотворного функционирования предприятий, принадлежащих государству, является поручение их заботам достойных лиц, сочетающих высокую, проверенную на опыте, компетентность с примерной добросовестностью и ответственностью перед страной. Их деятельность должна постоянно контролироваться, чтобы внутри государства не образовывались сильные экономические группировки, приносящие вред обществу.

Папа Иоанн XXIII признаёт тот факт, что сегодня государство и гражданские учреждения всё более расширяют круг своей деятельности особенно в области благотворительности. Однако он считает, что от этого социальная функция частной собственности не уменьшается, ибо «всегда имеется налицо множество горестных положений, острых и сложных нужд, которых официальные формы общественной помощи не могут выявить и не могут удовлетворить. Поэтому всегда остается открытым широкое поле для человеческого отзывчивости и для частного христианского милосердия»²⁰⁷.

Третья часть энциклики озаглавлена «Новые формы социального вопроса». Какие же формы рассматривает папа Иоанн XXIII? Свое повествование он начинает с утверждения, что исторический опыт человечества не только делает очевидными требования справедливости между рабочими и предпринимателями или управляющими, но затрагивает также отношения между различными экономическими секторами и между экономическими областями менее развитыми и областями более развитыми внутри отдельных государств. В мировом плане эта проблема касается взаимоотношений между странами различной степени социального и экономического развития.

Большую тревогу в этом отношении вызывает положение сельскохозяйственного сектора. В последнее время особенно участились факты ухода сельского населения в городские центры. Эта миграция замечается почти во всех странах, иногда она принимает массовый характер, создавая сложные, трудно разрешимые проблемы. Как только начинает развиваться какая-либо отрасль экономики, уменьшается количество рабочей силы, занятой в области земледелия. Однако папа полагает, что уход населения из сельскохозяйственного сектора в другие производственные секторы вызывается не только объективными причинами экономического развития. Часто таким поводом является желание вырваться из среды, кажущейся замкнутой, не имеющей будущности, жажда новизны, к которой склонно современное поколение, стремление к быстрому обогащению, стремление к более свободной жизни со всеми удобствами, которые имеются в городах. Но главной причиной таких перемещений папа Иоанн XXIII считает недоразвитость сельскохозяйственного сектора как в отношении показателей производительности труда, так и уровня жизни сельскохозяйственного земледельческого населения.

Отсюда возникает основная проблема, встающая почти перед всеми государствами: каким образом уменьшить неравновесие между производительностью сельского хозяйства, с одной стороны, и индустриального сектора и сектора обслуживания, с другой, чтобы жизненный уровень сельского населения возможно меньше отставал от жизненного уровня

горожан, находящих заработок в промышленности или в сфере обслуживания, чтобы земледельцы не страдали комплексом неполноценности, чтобы они, напротив, пришли к убеждению, что в сельской среде своей они смогут уверенно смотреть в будущее. Папа считает уместным дать несколько советов, которые, как ему кажется, могут помочь разрешению этой проблемы.

По его мнению, прежде всего необходимо прилагать всевозможные усилия, особенно со стороны государственных властей, к тому, чтобы сельское население располагало дорогами, транспортом, средствами сообщения и связи, снабжением питьевой водой, жилищем, медицинской помощью, образованием, техническим и профессиональным обучением, благоприятными условиями для религиозной жизни, предоставлением возможности для мебелировки и модернизации сельского дома. Если в деревенской среде отсутствует подобного рода обслуживание, то экономическое развитие и социальный прогресс в этой среде становятся почти невозможными или слишком замедленными. Ввиду этого, уход сельского населения становится почти неудержимым и с трудом поддающимся контролю.

Как мы помним из истории, вопрос о преодолении разрыва, несоответствия между городом и деревней (т. н. «ножницы») был одним из тех, которые были поставлены в нашей стране со всей серьезностью сразу после социалистической революции в 1917 году.

В своей энциклике папа говорит далее, что требуется также, чтобы экономическое развитие государства происходило постепенно и гармонично во всех секторах производства. Для этого в сельском хозяйстве следует провести преобразования, касающиеся техники производства, выбора культур, структуры предприятий, допускаемой или требуемой совокупностью экономической жизни страны, притом так, чтобы достигнуть этого в соответствии с уровнем жизни, существующим в секторах индустриальном и общественного обслуживания. Благодаря этому сельское хозяйство получило бы возможность потреблять большее количество индустриальной продукции и повысить спрос на более квалифицированное общественное обслуживание. Со своей стороны оно предоставляло бы этим двум секторам и всему обществу продукты, по количеству и по качеству лучше отвечающие требованиям потребителей. Папа думает, что благодаря этому «стало бы легче контролировать в зонах ухода и прихода движение рабочих сил, которые остаются свободными вследствие прогрессивной модернизации методов земледелия, а также обеспечить профессиональную подготовку, желательную для плодотворного переключения их в другие секторы производства»²⁰⁸.

В силу особых свойств сельского хозяйства, папа рекомендует установить твердую дисциплину в охране цен на сельскохозяйственные продукты, используя с этой целью различные средства, какие современная экономика способна представить. Здесь, безусловно, необходимо регулирующее вмешательство государственной власти. При этом нужно всегда помнить, что цена на эти продукты часто представляет собой скорее вознаграждение за труд, чем выгоду, получаемую с вложенного капитала. Бесспорно, что продукты сельского хозяйства предназначены для удовлетворения прежде всего самых главных человеческих потребностей, поэтому и цены на них должны быть таковы, чтобы эти продукты были доступны всем потребителям. Но ясно также и то, что нельзя, ссылаясь на эти обстоятельства, держать целую категорию людей (т. е. сельскохозяйственных тружеников) в состоянии постоянной социальной и экономической приниженности и лишать их покупательной способности, необходимой для поддержания достойного уровня жизни. Настоятельной необходимостью является также развитие в сельскохозяйственных районах тех отраслей промышленности, которые связаны с хранением, переработкой и транспортировкой сельскохозяйственных продуктов. Жела-

тельно также развитие и других отраслей промышленности, благодаря чему сельским семьям будет предоставлена возможность пополнять свои доходы в той самой среде, где они живут и работают.

Безусловно, во всех этих социально-экономических преобразованиях должны быть заинтересованы и принимать участие в первую очередь сами сельские труженики. «Они могут легко понять,— писал папа,— как благороден их труд: они живут среди величественного храма творения, они находятяся в постоянной близости к жизни растений и животных, неисчерпаемой в своих проявлениях, нерушимой в своих законах, богатой напоминаниями о Боге, Творце и Промыслителе; их труд производит всё разнообразие продуктов питания, которыми живет род человеческий... Но и от них требуется ориентировка и приспособление в меняющихся условиях, терпение в ожидании, чувство ответственности, дух предприимчивости»²⁰⁹.

Трезвая оценка реальных событий современности папой Иоанном XXIII более всего проявляется в его размышлениях о сельских тружениках, о том, на каких основах должна строиться их деятельность. Он, в частности, указывал, что в сельскохозяйственном секторе, как, впрочем, и во всех остальных, жизненной необходимостью является профессиональное объединение. Труженики земли должны чувствовать себя солидарными друг с другом и сотрудничать в создании кооперативных предприятий и профессионального прогресса в производстве, для успешного содействия в охране цен на продукты, для достижения одинакового экономического уровня с профессиональными категориями других секторов производства. В наше время, по словам папы Иоанна XXIII, одинокие голоса почти никогда не имеют возможности быть услышанными и еще менее — быть выслушанными.

По мысли папы Иоанна XXIII, в земледельчестве человеческая личность находит много побуждений для своего формирования и обогащения. «Поэтому,— писал он,— этот труд нужно воспринимать и переживать, как призвание и как миссию, как ответ на призыв Бога к участию в осуществлении замыслов Его Провидения в истории, как благую обязанность возвышать самих себя и других, и как свой вклад в человеческую культуру»²¹⁰.

Анализ энциклики убедительно показывает, что папа уделяет в ней весьма значительное место сельскохозяйственным вопросам.

Тревогу папы Иоанна XXIII вызывают также факты социально-экономического неравенства между различными районами одного и того же государства, между районами экономически развитыми и районами отсталыми. По его словам, справедливость требует, чтобы государственные власти прилагали усилия для устранения этого неравновесия. С этой целью необходимо заботиться о том, чтобы в районах менее развитых общественное обслуживание было обеспечено в тех видах и в той степени, какие требуются данной средой и отвечают среднему уровню жизни народа. Необходимо также, чтобы проводилась соответствующая социально-экономическая политика, особенно в области предложения труда, передвижения рабочей силы, заработной платы, налогов, капиталовложений, обращая особое внимание на отрасли промышленности, содействующие возникновению новых предприятий. Эта политика должна быть направлена на целесообразное применение рабочей силы, на поддержку инициативы предпринимателей и на использование местных природных ресурсов. Государственное вмешательство должно содействовать современному и соразмерному развитию всех трех отраслей производства: сельскохозяйственного, промышленного и общественного обслуживания, причем так, чтобы граждане менее развитых районов постоянно чувствовали себя ответственными за свой экономический рост.

Другой, еще более важной проблемой нашего времени является проблема взаимоотношений государств экономически развитых с государст-

вами, стоящими на пути экономического развития. Солидарность, которая соединяет всех людей и делает их членами одной семьи, налагает на государства большие обязанности не оставаться равнодушными в отношении стран, население которых терпит нужду, голод и не пользуется элементарными человеческими правами. Это необходимо прежде всего для обеспечения всеобщего прочного мира.

В некоторых странах предметы потребления, особенно продукты земледелия, производятся в избытке, в других странах широкие слои населения борются с нуждой и голодом. Справедливость и человечность требуют, чтобы первые оказывали помощь вторым. И здесь папа с гневом говорит о тех странах (капиталистических), где при больших урожаях для сохранения цен на рынке уничтожаются продукты питания, столь необходимые для голодающей части человечества. Одобрив помощь слаборазвитым странам, папа Иоанн XXIII отмечает, что очень часто эта помощь совершенно недостаточна. Он пишет: «Научное, техническое и экономическое сотрудничество между странами, экономически развитыми, и теми, которые только начинают или уже стоят на пути развития, требует более широкого размера, чем тот, который существует, желательно, чтобы ближайшие десятилетия ознаменовались ростом этого многообразного сотрудничества»²¹¹.

Папа Иоанн XXIII является настойчивым проповедником уважения к национальным особенностям развивающихся стран. Он писал, что государства, находящиеся в стадии экономического развития, обычно обладают своей собственной, отличной от других индивидуальностью, особенно в традициях, богатых духовными ценностями. Государства, оказывающие им помощь, должны сознавать и учитывать эту индивидуальность и преодолевать искушение перестраивать облик развивающихся стран по своему образу и подобию. Но самым страшным искушением, по его словам, бывает стремление использовать свою технико-финансовую помощь с целью оказать влияние на политическое положение этих стран, для осуществления своих планов господства. «Если бы это произошло,— пишет папа Иоанн XXIII,— то следовало бы прямо заявить, что это было бы новой формой колониализма, хотя и искусно замаскированного, но не менее подавляющего, чем тот, от которого многие народы недавно избавились. Это отрицательно повлияло бы на международные отношения и составило бы угрозу всеобщему миру»²¹². Поэтому необходимо, чтобы техническая и финансовая помощь оказывалась бы с самым искренним бескорыстием и только с одной целью — поставить страны, находящиеся на пути экономического развития, в такие условия, чтобы они сами получили возможность осуществить в дальнейшем свой социально-экономический подъем.

Научный и технический прогресс, экономическое развитие, улучшение условий жизни являются, несомненно, положительными элементами цивилизации. Однако папа напоминает, что они не являются высшими человеческими ценностями. С огорчением отмечает он тот факт, что во многих экономически развитых странах имеется много людей, позабывших или отвергших духовные ценности. Достижение материального благосостояния становится единственной жизненной целью этих людей. Папа считает это большим недостатком многих стран и выражает опасение, что подобным же «бытовым материализмом» могут быть заражены народы развивающихся стран.

С глубоким удовлетворением папа свидетельствует, что в настоящее время католики стран, находящихся в стадии экономического развития, прилагают большие усилия, направленные на развитие и подъем своих стран в социально-экономической области. С другой стороны, католики экономически развитых стран стремятся оказать более плодотворную помощь развивающимся странам. Достоянно особого одобрения разносторонняя помощь, какую они оказывают учащимся из стран Азии и Африки.

В параграфе, озаглавленном «Рост населения и экономическое развитие», папа Иоанн XXIII говорит о несоответствии между населенностью и средствами существования. В последнее время, по его словам, возникла проблема соотношения между ростом населения, экономическим развитием и наличием средств существования в мировом плане.

Некоторые социологи указывают, что, согласно статистическим данным, через несколько десятков лет численность человечества значительно увеличится, в то время как экономическое развитие будет происходить менее ускоренным темпом. Из этого делают вывод, что если не будут приняты своевременные меры для ограничения роста населения, то несоответствие между численностью населения и средствами существования в недалеком будущем почувствуется очень остро. Следовательно, во избежание крайних затруднений, необходимо, по мнению этих социологов, прибегнуть к энергичным мерам для сокращения или пресечения рождаемости.

Следует отметить, что папа Иоанн XXIII в корне не согласен с такой постановкой вопроса. Он говорит, что при рассмотрении в мировом плане отношений между ростом населения, экономическим развитием и наличием средств существования не создается впечатления, что это может привести к тяжелым затруднениям ни теперь, ни в ближайшем будущем. Данные, которыми мы располагаем, слишком неопределенны и неточны, чтобы из них можно было выводить безошибочно заключения. Кроме того, папа говорит, что Бог в Своей благодати и премудрости наделил природу неисчерпаемыми богатствами и дал людям разум и творческие способности для изобретения соответствующих орудий, чтобы овладеть этими богатствами и пользоваться ими для удовлетворения нужд и потребностей жизни. «Поэтому основное решение проблемы надлежит искать не в средствах, оскорбляющих установленный Богом нравственный порядок и поражающих самые источники человеческой жизни, но в обновленных научно-технических усилиях человека для углубления и расширения его господства над природой. Успехи, уже достигнутые наукой и техникой, открывают в этом направлении беспредельные горизонты»²¹³.

Папа видит две причины затруднительного положения этих стран: первая — это недостатки экономической и социальной организации; вторая — это недостаточная действительность солидарности между народами.

Успехи науки и техники во всех областях жизни людей увеличивают тесные взаимоотношения между государствами и делают всё более глубокой их взаимную зависимость. Поэтому папа говорит, что каждая из наиболее важных человеческих проблем, каково бы ни было ее содержание: научное, техническое, экономическое, социальное, политическое, культурное, — приобретает сегодня интернациональное и часто всемирное значение. В силу этого, отдельные государства не в состоянии собственными силами разрешить наиболее важные проблемы современности, даже если они отличаются активностью своих граждан, эффективностью экономики, обширностью своей территории. Все государства теперь взаимно зависят друг от друга, и каждое из них, развивая себя, содействует развитию других. Поэтому крайне необходимо, чтобы между ними процветали согласие и сотрудничество.

Эти и некоторые другие соображения дают понять, почему в сознании отдельных людей и целых народов всё более распространяется убеждение в том, что согласие и сотрудничество между ними крайне необходимо. Но очень часто случается и так, что люди, облеченные особой ответственностью, бессильны осуществить то и другое.

В чем же видит корень этого бессилия папа Иоанн XXIII? Он считает, что искать его нужно в отсутствии взаимного доверия, благодаря которому люди и государства взаимно боятся друг друга. Каждый опасается, что другой стремится к господству и ожидает только благоприятного момента, чтобы привести в исполнение свое намерение. Поэтому

каждое государство увеличивает свой военный потенциал, чтобы отбить у предполагаемого агрессора желание напасть. Следствием этого, по словам папы, является то, что «неизмеримая человеческая энергия и огромные средства используются не во всем для созидательных целей, в то время как в сознании отдельных людей и целых народов возникает и усиливается чувство тревоги и угнетенности, ослабляющее дух инициативы для деятельности в широком плане»²¹⁴.

Отсутствие взаимного доверия находит свое объяснение в том, что люди в своей деятельности руководствуются различными или совершенно противоположными понятиями о жизни. Благодаря этому уменьшается возможность встречаться и достигать полного и верного понимания в свете одного и того же закона справедливости, всеми признаваемого.

Папа говорит, что слово «справедливость» и выражение «требование справедливости» звучат в устах всех, однако это слово и это выражение принимают у одних и у других различное или даже противоположное содержание.

Взаимное доверие между народами и государствами, по словам папы Иоанна XXIII, может установиться и окрепнуть только в признании и соблюдении нравственного порядка, который, говорит папа, имеет основой только Бога; оторванный от Бога, он распадается. Ибо человек — не только материальный организм, но также дух, одаренный разумом и свободой. Поэтому он требует нравственно-религиозного порядка, который больше, чем всякая материальная ценность, влияет на направления и решения, какие следует давать проблемам личной и общественной жизни каждого государства и в отношениях между ними²¹⁵. Другими словами, папа считает, что христианизация общества и законов, по которым живет общество, приведет к установлению нравственного порядка в мире, а значит, и взаимного доверия. Конечно, такие мысли близки и дороги сердцу каждого христианина, но невольно возникает вопрос: будет ли это панацеей от всех бед и зол, раздирающих человеческое общество и препятствующих установлению взаимного доверия и сотрудничества? В средние века Европа считалась целиком христианской и в ней даже не было конфессиональных разделений. Законы всех стран в то время строились (хотя и не целиком, но в принципе) на христианской основе, но... увь! — мира, социальной справедливости и взаимного доверия в Европе не было и в помине. И сегодня враждебное отношение капитализма к социализму имеет отнюдь не религиозные корни и мотивы.

Римско-Католическая Церковь в лице своих пап всегда запрещала католикам какое бы то ни было сотрудничество с представителями других идеологий. Причем она не ограничивалась только одними запретами, но налагала серьезные взыскания на ослушников, вплоть до отлучения. Как же подходит к этому вопросу папа Иоанн XXIII? Анализ его энциклики показывает, что взгляды папы отличаются от взглядов на эти вопросы его предшественников. Он говорит, что католики, связанные с социальной деятельностью, часто находятся в контакте с людьми, придерживающимися других взглядов на жизнь. Вступая в эти контакты, они должны всегда проявлять бдительность и последовательность, не допуская никаких компромиссов в отношении религии и морали. «Но (и это «но» определяет новую постановку вопроса. — М. Н.) в то же самое время они должны быть проникнуты духом понимания, бескорыстия и быть готовыми к лояльному сотрудничеству с инакомыслящими в осуществлении вещей, добрых по своей природе или, по крайней мере, могущих быть использованными во благо»²¹⁶.

В области социальной деятельности папа Иоанн XXIII возлагает большую ответственность на католиков-мирян, и это не удивительно, если учесть, что «они обычно заняты такой деятельностью и в таких учреждениях, которые имеют своим содержанием и конечной целью земной порядок жизни»²¹⁷. Для осуществления столь благородных задач необ-

ходимо, чтобы они не только обладали большой профессиональной компетентностью, но и проводили свою деятельность в духе искреннего доверия и послушания церковной власти. «Пусть наши чада помнят,— наставляет папа,— что когда в этой земной деятельности они не следуют принципам и директивам христианского социального учения, они не только не исполняют своего долга и часто нарушают права своих братьев, но могут подорвать доверие к самому этому учению, создавая впечатление, что оно, хотя и благородно само по себе, но лишено действенной направляющей силы»²¹⁸.

* * *

Намереваясь в этой главе осветить социальную деятельность папы Иоанна XXIII, мы коснулись его энциклики «*Mater et Magistra*», которая является квинтэссенцией социального учения папы Иоанна XXIII.

В этой энциклике христианское социальное учение признаётся составной частью христианского понимания жизни (раздел «Просвещение»). Учение это уже давно преподается в различных католических учебных заведениях. Оно, по мысли папы Иоанна XXIII, должно быть включено в программу религиозного обучения в приходах и в объединениях мирян. Оно должно распространяться всеми современными средствами: периодической прессой, изданиями популярного и научного характера, через радио и телевидение. Социальное учение должно не только провозглашаться, но и осуществляться конкретным образом в действии. «Это особенно верно в отношении христианского социального учения, которого свет есть Истина, которого цель есть Справедливость и которого движущая сила есть Любовь»²¹⁹. Взгляд на социальные вопросы рассматривается папой Иоанном XXIII, как неотъемлемая часть церковного учения, основанного на Божественном Откровении и святоотеческом предании. «Учительство Церкви, в сотрудничестве с просвещенными священниками и мирянами, особенно в течение настоящего столетия, разработало определенное социальное учение, которое ясно указывает верные пути к восстановлению отношений в общественной жизни согласно универсальным нормам, отвечающим требованиям природы и свойствам современного общества, и потому приемлемо всем»²²⁰.

Православной Церкви более свойственно говорить о христианской социальной мысли, чем о социальном учении Церкви. Только руководящие принципы морали, очевиднейшим образом вытекающие из Священного Писания или засвидетельствованные в своем богооткровенном достоинстве единодушным согласием всей Церкви, составляют нравственное богословие, при помощи которого православная социальная мысль определяет свое понимание конкретной социальной действительности и свое деятельное к ней отношение. Даже высказывания авторитетных и весьма почитаемых отцов Церкви по социальным вопросам рассматриваются в контексте преходящей исторической действительности и принимаются не за безусловно обязательное учение, а за достойную самого серьезного внимания творческую мысль своего времени, которая никоим образом не должна быть абсолютизирована.

Нельзя не подчеркнуть того факта, что в формировании христианской социальной мысли или христианского социального учения имел и имеет чрезвычайно большое значение человеческий фактор и определенный склад социального мышления. В области православной социальной мысли этот факт проявляется, быть может, сильнее всего в том, что системы нравственного богословия недостаточно глубоко освещали и освещают вопросы социальной этики. Это было бы невозможно, если бы доминирующим фактором и здесь, как, например, в области догматического богословия, было Божественное Откровение, которое регламентировало бы до мельчайших подробностей и строй социальной мысли, и нормы общественного поведения христианина в любых условиях. Право-

славные богословы и восточные отцы Церкви, как бы сознавая и чувствуя, что Божественная заповедь «безмерно обширна» (Пс. 118, 96), и как бы остерегаясь слишком неосторожного вторжения в область христианской этики человеческого элемента, т. е. различных частных богословских мнений, не стремились превращать разделы нравственного богословия, затрагивающие социальные вопросы, в законченную и санкционированную Церковью систему. Они переносили центр тяжести на непосредственное практическое действие в конкретных условиях живой социальной действительности.

В области же римско-католической мысли доминирующее значение человеческого фактора в решении конкретных проблем, которые ставит перед христианином социальная жизнь, проявилось в изменчивости социального учения Церкви, в его «аджюрнаменте», которое иногда носило характер прямого и честного пересмотра некоторых позиций, хотя и глубоко укоренившихся в традиции церковного учительства.

Такую изменчивость, в частности, можно проследить в ином подходе папы Иоанна XXIII к проблеме сотрудничества католиков с представителями нерелигиозных идеологий, но этого нельзя сказать о взгляде папы на частную собственность. Позднее в принятой II Ватиканским Собором пастырской конституции («*Gaudium et Spes*») и в энциклике папы Павла VI «*Populorum progressio*» этот вопрос также подвергся существенному изменению, и право на частную собственность уже не считается абсолютным. Этот весьма важный вопрос должен, без сомнения, решаться с учетом прямо противоположных взглядов, характерных для двух противостоящих друг другу социально-экономических систем: капиталистической и социалистической. Желание мирно сосуществовать требует от людей в практической жизни признания следующих положений: 1) решать вопрос о формах собственности, в конечном счете, может только народ; 2) при данном решении этого вопроса, т. е. в условиях данной социально-экономической системы, любая форма собственности усилиями общества должна обращаться на служение общему благу. Мыслить иначе — значит мыслить односторонне.

Принятая II Ватиканским Собором пастырская конституция «О Церкви в современном мире» уже не содержит в себе утверждений о неизыблемости частной собственности и является существенным шагом вперед в социальном учении Католической Церкви. Более того, эта конституция прямо говорит о различных законно установленных народами формах собственности, т. е. признаёт первое из вышеупомянутых положений, а именно, что решать вопрос о формах собственности, в конечном счете, правомочен лишь народ.

Бесспорно положительным в рассуждениях папы Иоанна XXIII является то, что он делает совершенно правильный акцент на важности наблюдения за правильным, т. е. гуманным употреблением существующих форм собственности, в силу которого в условиях каждой социально-экономической системы любая существующая в ней форма собственности усилиями общества должна быть обращена на служение общему благу.

К числу положительных сторон частной собственности папа Иоанн XXIII, следуя примеру своих предшественников, относит то обстоятельство, что «право частной собственности по природе своей неразрывно связано с определенной социальной функцией». Эта социальная функция состоит в том, что обладающий частной собственностью имеет возможность воспользоваться ею для помощи своему ближнему. «Всегда, — продолжает папа, — имеется налицо множество горестных положений, острых и сложных нужд, которые не могут быть выявлены и удовлетворены официальными формами общественной помощи. Поэтому остается всегда открытым широкое поле для человеческой отзывчивости и для частного христианского милосердия»²²¹. Эта положительная сторона вполне свойственна и личной собственности в социалистическом обществе

с тем лишь различием, что формы общественной помощи и государственная забота о социальном обеспечении граждан действуют в социалистических государствах столь эффективно, что исключают необходимость частной благотворительности в широких размерах, как это встречается в государствах капиталистических.

Однако наряду с положительными сторонами частной собственности, папа Иоанн XXIII отмечает ее существенные отрицательные стороны. «Частная собственность имеет по своей природе общественный характер, основание которого заключается в общественном назначении материальных благ. Пренебрежение этим общественным характером весьма часто приводит к тому, что собственность становится источником эгоистических стремлений и серьезных нарушений порядка, что дает противникам частной собственности повод для выступлений против нее»²²².

Несмотря на некоторую односторонность подхода к социальным вопросам, заслуга папы Иоанна XXIII перед человечеством велика, ибо, благодаря его энцикликам «*Mater et Magistra*» и «*Racem in terris*» смогла появиться на свет пастырская конституция II Ватиканского Собора «О Церкви в современном мире», которая явилась значительным шагом вперед на пути к более объективным взглядам в социальных вопросах, в том числе и на частную собственность не как на естественное право и постоянную непреходящую ценность, необходимую при любых условиях, а как на форму, связанную с определенными историческими условиями и зависящую в своем существовании от выражения воли народов.

В заключение необходимо перечислить те вопросы, которые разработал и решил папа Иоанн XXIII и которые способствовали обновлению социального учения Римско-Католической Церкви. Ими являются следующие важные проблемы: о свободе и гармоничном развитии личности, о взаимных правах и обязанностях государства и граждан, о значении материального благосостояния и о важности его правильной оценки с точки зрения высшего призвания человека, об истинном смысле научно-технического прогресса и об опасностях его использования во вред человечеству, о значении семейного воспитания, об ответственном служении обществу, о равном достоинстве людей, о принципах помощи развивающимся странам, о мирном разрешении межгосударственных конфликтов, об уважении суверенитета, о мероприятиях, направленных на ослабление международной напряженности и установление атмосферы доверия, о разоружении, о предотвращении мировой войны, о ликвидации в мире голода.

В некоторых деталях подхода к этим вопросам папа Иоанн XXIII, обусловленный принадлежностью к обществу определенной социально-экономической структуры, стоит на позициях этого общества, однако в целом, и это можно сказать с вполне достаточным основанием, социальная деятельность папы Иоанна XXIII во многом содействовала достижению понимания относительно иного принципиального подхода к перечисленным вопросам и проблемам установления взаимопонимания и осуществления сотрудничества между людьми разных социально-политических убеждений, что способствовало развитию среди католиков, которых насчитывается в мире не одна сотня миллионов, идей мирного сосуществования и сотрудничества не только отдельных людей, но и целых народов и государств с различными социальными политическими системами. Оставить это незамеченным невозможно. В этом громадное значение папы Иоанна XXIII и его деятельности, в том числе и в социальных вопросах. Социальная мысль и деятельность папы Иоанна XXIII напоминает христианам, епископату, клиру и мирянам, что они имеют право и обязанность проявлять максимум внимания к социальным вопросам, думать, судить и говорить о причинах социальной неустроенности. В его социальных энцикликах разрабатываются общие нравственные принципы, руководствуясь которыми христиане вместе со всеми людьми доброй воли

должны участвовать в поисках возможно лучших решений социальных проблем, благодаря которым общественные отношения на базе сотрудничества будут совершенствоваться всё более и более в духе справедливости и любви.

ГЛАВА IV. ПАПА ИОАНН XXIII И ВТОРОЙ ВАТИКАНСКИЙ СОБОР

Прежде чем говорить о II Ватиканском Соборе и о той роли, какую сыграл в его созыве и организации папа Иоанн XXIII, следует сделать небольшой экскурс в историю и вспомнить некоторые факты, предшествовавшие этому грандиозному событию в жизни Римско-Католической Церкви.

Наиболее важным и интересным в этом плане представляется I Ватиканский Собор 1870 года. Кратко характеризуя его деятельность, можно отметить, что он углубил расхождение между Церковью на Востоке и Западе и, казалось, отодвинул в какую-то бесконечную, почти недостижимую даль возможность осуществления завета Христова о едином стаде. Вторая половина XIX века ознаменовалась обострением конфликта между папской властью и государством. Водораздел этого конфликта проходил в самой Италии, осуществлявшей свое национальное объединение в едином итальянском королевстве.

Еще в 1854 году папа Пий IX провозгласил догмат о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, внесший новые трудности в отношения между Римом и Православным Востоком, с одной стороны, и протестантизмом — с другой. В 1867 году он же выдвинул идею догмата о непогрешимости папы в вопросах христианской веры и нравственности, натолкнувшуюся тогда на сопротивление католического кардиналата и епископата. Тем не менее I Ватиканский Собор (по счету, принятому Римской Церковью, XX Вселенский), заседавший с 8 декабря 1869 года по 20 октября 1870 года, принял оба догмата: уже провозглашенный папой (в первый раз в истории Церкви единолично) о непорочном зачатии Богоматери и 18 июля 1870 года — о непогрешимости папы, когда он выступает в качестве пастыря и учителя всех христиан «ex cathedra».

Не будет излишним привести тут несколько важных подробностей. На Собор с правом голоса было приглашено 1037 представителей католической иерархии, но собралось фактически лишь 764. 13 июля при голосовании по вопросу о догмате непогрешимости в Риме находилось 692 епископа, но на самое голосование явилось только 601. 91 иерарх не принял участия в заседании и из них семь в кардинальском сане. При голосовании 451 голос был подан за новый догмат, 62 голоса — за его условное одобрение и 88 — против. Члены оппозиции в аудиенции 15 июля просили папу отказаться от введения догмата или хотя бы смягчить его формулировку. После отказа папы Пия IX несогласные с догматом отцы Собора покинули Рим. Наконец, 18 июля 1870 года догмат был принят на Соборе 533 голосами против двух.

Из сказанного видно, что единодушия по этому вопросу не было. Кроме того, I Ватиканский Собор сопровождался рядом неудач для папства. Франко-прусская война лишила папу Пия IX поддержки Наполеона III. В десять дней итальянские войска овладели Церковной Областью (так называлось папское государство) и 21 октября 1870 года заняли Рим. Накануне папа распустил Собор с несуществующим намерением созвать его на новую сессию после Рождества. Работа I Ватиканского Собора так и осталась незавершенной. Сам папа Пий IX объявил себя узником на Ватиканском холме. Этот конфликт между церковной и гражданской властью в Италии длился до заключения Латеранских соглашений в 1929 году, которыми и был признан государственный суверенитет «Града Ватикана».

После папы Пия IX до папы Иоанна XXIII Римский престол занимали папы Лев XIII, Пий X, Бенедикт XV, Пий XI и Пий XII. Эти папы обладали различными характерами, но в их понтификаты осуществлялось абсолютное верховенство римских первосвященников, которое в 1870 году было подтверждено в столь категорической форме догматом о непогрешимости.

У первых трех из упомянутых пап не было светской власти. По традиции папы Пия IX они были «узниками» в Ватикане, но о решении «римского вопроса», т. е. о восстановлении в каком-либо виде суверенитета Ватикана, не переставали писать и говорить. Это ватиканское «пленение» продолжалось без малого шесть десятилетий. Почти столько же времени не ставился вопрос о созыве нового Собора Римской Церкви.

Первое указание на своевременность созыва нового Собора исходило от папы Пия XI, который в первой своей энциклике «*Ubi arcano Dei*» (23 декабря 1922 года) поставил вопрос о новом Соборе, однако лишь в порядке пожелания. «Мы не дерзаем решаться,— писал папа,— приступить незамедлительно к возобновлению Вселенского Собора, открытого Святейшим папой Пием IX,— воспоминание об этом восходит к годам нашей юности,— который довел до конца лишь часть, хотя и весьма значительную, своей программы»²²³.

Пий XI был властным и решительным папой, обладавшим несомненной широтой взглядов. Про него говорят в Ватикане, что на этого папу невозможно было влиять никому. В энциклике 1922 года он отмечает, что колеблется созвать Собор, на котором обсуждалась бы все вопросы современности, и остается в молитвенном ожидании воли Божией, выраженной в более ясном знамении свыше. Можно понять эти колебания, так как двумя месяцами раньше произошел фашистский «поход на Рим» и весь понтификат папы Пия XI совпал с периодом диктатуры Муссолини, мало благоприятным для созыва Собора, всемирного по своей природе и составу.

Конец фашистского режима дождался уже не папа Пий XI, а его непосредственный преемник — папа Пий XII. Первые годы понтификата он был связан с второй мировой войной. Однако понтификат его продолжался еще 13 лет по окончании войны, и у папы Пия XII времени было достаточно для обдумывания созыва Собора, и к тому же обстоятельства определенно благоприятствовали такому начинанию. Есть указания на почин некоторых иерархов, предлагавших папе Пию XII созвать Собор. В годовщину интронизации папы Иоанна XXIII, в ноябре 1959 года, когда уже было известно, что II Ватиканский Собор созывается, в «Оссерваторе Романо» появилась любопытная статья кардинала Рурфини, архиепископа Палермского. В ней кардинал писал: «Двадцать лет тому назад я, последний из священников (тогда он был ректором Латеранского собора университета), осмелился у ног Пия XII говорить о Вселенском Соборе. Мне казалось, что обстоятельства требуют его срочного созыва и что материала для работы его было бы столько же, сколько и у Тридентского Собора. Досточтимый папа,— продолжал кардинал Рурфини,— не отклонил моего предложения. Он даже записал его, как имел обыкновение поступать с важными вопросами. Мне известно, что впоследствии он говорил об этом с одним, другим прелатом»²²⁴. Таким образом, из слов кардинала явствует, что папа Пий XII проявил лишь относительный интерес к его идее. В том же году журнал «Иреникон» опубликовал сведения о том, что кардинал Константин (скончавшийся в 1958 году) составил для папы Пия XII предварительную схему (проект) в 200 страниц на тему о христианском единстве²²⁵. Тут следует отметить, что журнал «Иреникон» издается бельгийскими бенедиктинцами и посвящен как указывает его название, идее мира и сближения с Православием, а кардинал Константин, известный миссионер, десятилетия проживший в Китае и считавшийся своеобразным человеком в курии, отличался

убеждениями, противоположными взглядам папы Пия XII. Прийти к положительному заключению относительно каких-либо определенных планов папы Пия XII о созыве нового Собора мы не имеем никакой возможности.

Вероятнее всего, папа Пий XII считал, что созывать Собор слишком рано. Будучи епископом христианской Церкви и носителем апостольского преемства, он не мог отрицать значение Собора и соборности Церкви, но, занимая папский престол, он был в положении самодержавного монарха, с подозрением относящегося к созыву собрания с правомочиями. Курия, т. е. все конгрегации, «министерства» Ватикана, держалась такого же мнения.

Однако новый папа думал по-иному. Все предполагали, что папа Иоанн XXIII будет переходным предстоятелем Католической Церкви. Это и оказалось верным в том смысле, что он начал переход от одного исторического этапа в жизни Католической Церкви к другому. Никто в те дни, когда он начал свой понтификат, не думал о соборной жизни в католицизме, ставшем, особенно в дни папы Пия XII, абсолютной монархией во всех, даже в мелочах, отношениях. И вдруг... все заговорили о Соборе. Так захотел папа, с высоты своего престола внезапно объявивший о своем решении созвать Собор всей Католической Церкви. Это случилось так. Мы несколько ранее отметили, что настроения в курии были «не соборные». Это можно понять, ибо курия предпочитала давать указания сверху, а не получать советы снизу. Как раз об этом французский журнал «Информасьон Католик интернациональ» в номере, вышедшем в самый момент открытия Собора, напечатал передовую статью под названием «Не слишком ли рано созывается Собор?» В этой статье важно не то, что сам журнал подходит к заключению о своевременности созыва Собора. Интересно то, что католический журнал, отмечая большое удивление в курии, вызванное почином папы Иоанна XXIII, говорит: «Многие круги старались там (в Риме.— М. Н.) впоследствии как можно более ограничить исключительное вселенское значение этого события. Если бы папа предварительно произвел опрос своих «министров», почти единогласно было бы высказано мнение: «Собор? Но ведь слишком рано!» Однако папа, по-иному думающий «на века вперед», не провел никакого опроса... Спящих растряс сам папа... Благодаря объявлению о созыве Собора движение к обновлению стало в некотором роде официальным, чего ожидали лишь немногие из католиков»²²⁶. И еще: «От богословов в наши дни требуют заменить богословие «сидячее» «движущимся», поступательным богословием, богословием взаимодействия, в котором истина освещается вразумляющей любовью вместо богословия взаимного противостояния»²²⁷.

Одним словом, курия была застигнута врасплох. Группа старейших и влиятельных тогда курiales кардиналов стала принимать все меры, чтобы ограничить папский почин. Кардиналов, которых иронически называли «пентагон» (поскольку их было пять: престарелый, во всем непреклонный старший из кардиналов-диаконов кардинал Канали, викарий папы по Римской епархии кардинал Микара, кардинал Пиццардо, занимавшийся вопросами католического образования, бывший архиепископ Неаполитанский и ставший затем членом курии кардинал Мимми и младший из кардиналов курии, но весьма влиятельный по своей должности секретаря верховной конгрегации «Sanctum Officium» кардинал Оттавиани), более всего смущали цели, поставленные перед предстоящим Собором папой Иоанном XXIII: подготовить единение с инославными христианами и преобразовать структуру Римской Церкви для согласования ее с современностью.

В 1959 году папа Иоанн XXIII неоднократно давал понять, чего он сам ожидает от созываемого Собора. Мы довольно подробно излагали события понтификата этого папы и касались множества его выступлений,

но, чтобы всё это освежить в памяти, приведем несколько кратких извлечений из его речей.

Так, в обращении к венецианскому клиру 24 апреля 1959 года папа говорил: «Наши молитвы и пожелания направлены на то, чтобы Собору было дано возобновить прежде всего картину, какую являли апостолы после вознесения Иисуса на небо: единство в мыслях и в молитве, собиране сил закаляющихся и возобновляющихся и искание всего потребного на апостольском поприще»²²⁸.

5 июня того же года в соборе св. Петра папа Иоанн XXIII пояснил: «Речь идет о большом событии. Да не помянет Господь прегрешения наши, но да воззрит на веру Церкви Своей, и да умирит и соединит ее по воле Своей, дабы внутренний строй ее обрел новую силу и дабы все отцы услышали глас Пастыря, дабы последовали они за Ним и образовали то единое стадо, которого столь пламенно желает Господь»²²⁹.

В своей энциклике «Ad Petri cathedram» от 3 июля 1959 года папа указывает на три задачи, стоящие перед Собором: «Главная цель Собора заключается в поступательном развитии католической веры, в обновлении христианской жизни верующих, в применении церковной дисциплины к условиям нашего времени. И это явит благолепное зрелище истины, единства и любви, лицемерие которого, мы верим, будет для тех, кто отделен от нас, благостным призывом искать и обрести единение»²³⁰.

Мы привели выдержки из некоторых высказываний папы Иоанна XXIII по вопросу о Соборе лишь за одно полугодие, первое с момента для всех неожиданного объявления его намерения созвать Собор.

В дальнейшем мы перейдем к краткому обзору подготовки Собора и его тематики (70 схем, приготовленных для изучения и обсуждения отцами Собора). Без описания подготовительного периода изложение происходящего на Соборе останется неясным, как бы выхваченным из процесса длительной эволюции. Необходимо учитывать, что Собор 1962 года — закономерный этап в истории Римской Церкви, в ее взаимодействии со всем христианством в целом. Если это не будет уяснено, останется совершенно непонятным участие официальных делегаций 86 государств на церемонии открытия Собора. Можно напомнить, что это во много раз превосходит число стран, которые можно назвать католическими.

Что касается главных целей, какие ставил себе папа Иоанн XXIII, созывая II Ватиканский Собор, то они ясны из всего сказанного им за эти годы: очищение от вековых наслоений, реорганизация и обновление церковной жизни, чтобы внутренне приспособить церковную жизнь к изменившемуся сознанию, к психологическим, культурным, бытовым условиям жизни верующих нашего времени, дабы иметь возможность показать ее, как основанную на заветах Христа и более соответствующую евангельскому духу, и устранить созданные греховными людьми многие препятствия к единению христиан. Имея в виду количественный состав Католической Церкви и ее значение в жизни целого ряда стран, когда от направления мыслей и деятельности, исходящих из Рима, зависят в значительной степени некоторые серьезные процессы в жизни этих «католических» стран, общественное значение Собора и его ориентации будет совершенно ясно.

ПОДГОТОВКА СОБОРА ПАПОЙ ИОАННОМ XXIII

Между объявлением папой о намерении созвать Собор Римской Церкви и открытием II Ватиканского Собора прошло без малого четыре года. За это время — срок немалый — борьба вокруг самой идеи Собора не прекращалась. В самом Ватикане борьба велась с целью ограничить и урезать почин папы Иоанна. В этой борьбе принимали участие все силы старой гвардии римской курии. Для противников всяких преобразований в Римской Церкви и уступок «духу времени» было важно еще до Собора

занять устойчивые позиции. Однако оппоненты папы сталкивались с большими трудностями.

Во-первых, папа самодержавен. В своих решениях он безапелляционен, а в высказываниях «ex cathedra» обладает вероучительной непрерываемостью, безошибочностью, непогрешимостью, что оказывает общее психологическое воздействие на католиков и их отношение к папе.

Во-вторых, сам папа Иоанн XXIII по природе своей был не только осмотрительно настойчив, но и упорен, если был убежден в своей правоте. Он считал, что конец венчает дело, и поэтому принимал все меры для того, чтобы последнее слово осталось за ним. Это особенно проявилось впоследствии в обсуждении некоторых схем на Соборе, когда папа властью своей приостанавливал дискуссию, принимавшую нежелательное направление.

В-третьих, за истекшие три с половиной года своего понтификата он пережил большинство своих главных и наиболее могущественных оппонентов, противившихся созыву Собора. Ряды оппозиции вообще довольно сильно поредели как в Ватикане, так и на местах.

В-четвертых, за свой короткий понтификат он успел возвести в кардинальское достоинство около полусотни лиц, многие из которых были его личными кандидатами.

В этом месте нашего изложения было бы уместно вновь привести несколько кратких статистических данных о кардиналате Римской Церкви. Ко времени открытия Собора 1962 года в кардинальской коллегии насчитывалось 85 кардиналов, из которых только 21 состоял в ней к моменту кончины папы Пия XII. В понтификат папы Иоанна XXIII возведено в кардинальское достоинство 49 человек.

Со времени объявления о созыве Собора в борьбу вскруг него втянулась вся иерархия (и не только высшая) Римской Церкви. Кое-где «на местах» высказывались опасения, недалекие от суждений курьяльных кардиналов (потом это всё выявилось в дискуссиях о схемах). Консервативные среди епископата были в замешательстве. Но большинство епископов считало, что Собор нужен уже только для того, чтобы рассмотреть и определить статут епископов, оказавшийся неясным после I Ватиканского Собора. Правящие епископы, находясь в непосредственном контакте со своей паствой, с ее нуждами, запросами и настроениями, значительно лучше понимали действительность, нежели ватиканские курьялы.

Почин папы, сразу открыто и подчеркнуто поддержанный кардиналом Молитини, архиепископом Миланским, одним из самых популярных среди католического епископата и священства иерархов, встретил весьма широкое сочувствие и понимание в самых различных слоях духовенства. Подготовительные усилия рядового епископата и многих прогрессивных кардиналов проходили для широкой публики незримо и были как бы борьбой в потенции²³¹.

Как мы уже отмечали, 25 января 1959 года папа сообщил о своем намерении созвать Собор 18 кардиналам, находившимся тогда в Риме, а 29 января государственный секретарь кардинал Тардини уже писал всем кардиналам, препровождая текст обращения папы от 25 января. В трехмесячный срок 25 кардиналов письменно высказали поддержку идее созыва Собора. И почти столько же еще не ответили 17 мая 1959 года, в праздник Пятидесятницы, папа образовал предварительную комиссию для рассмотрения вопроса о Соборе. Но это еще была не подготовительная комиссия, созданная позже. Предварительную комиссию или, как она называлась, подготовительную, было поручено возглавить кардиналу Тардини, в состав ее были назначены секретари конгрегаций курии. В задачи этой комиссии входило: 1) организовать опрос всего епископата для выяснения вопросов, подлежащих обсуждению Собором, 2) подготовить списки лиц, которым будет поручена его подготовка.

Кардинал Гардини, по своему долголетнему опыту заместителя государственного секретаря, сознавал, что Римской Церковью должно быть предпринято нечто решительное в столь ответственную эпоху. Поэтому он, даже будучи довольно консервативным по своим взглядам, убедился в правоте папы, решившего прибегнуть к созыву Собора. Убедившись в этом, он и сам стал убеждать (и, видимо, убедил) в правильности этого решения не одного из куриальных кардиналов. Следует отметить, что немалую роль в популяризации в Риме идеи Собора сыграл и декан священной коллегии кардинал Тиссеран.

Многие посторонние наблюдатели в течение последних десятилетий пришли к выводу, что в Римской Церкви всюду и во всем безраздельно господствует традиция, которой насыщено и пропитано положительно всё в церковной жизни. Поэтому они были уверены, что каких-либо существенных, радикальных перемен в Римско-Католической Церкви быть не может. Между тем, более внимательное наблюдение за эволюцией католической мысли приводило как раз к обратным заключениям. Несомненно, в самых широких кругах Римской Церкви — как в среде духовенства, так и в среде мирян — существовали настроения, противящиеся традиционным порядкам. Налицо было широко распространенное и всё более и более усиливающееся искание нового, признание необходимости важных перемен в церковной жизни и церковном строе. Для всякого непредубежденного наблюдателя всё более и более ясным становилось существование «передового католичества». Без учета наличия этого «передового католичества» нельзя правильно понять такое событие, как II Ватиканский Собор.

Искания и настроения этой прогрессивной части католического мира находили положительную оценку и в левых кругах мировой нецерковной общественности. Это нашло свое отражение в статьях, появившихся на страницах органов печати левого направления, что особенно показательно, поскольку такую печать нельзя заподозрить в предвзятом положительном отношении к идеям и устремлениям передового католичества.

Так, далекий от церковных кругов влиятельный французский еженедельник «Франс-Обсерватёр», выражающий мнение французских радикалов (по традиции — антиклерикалов), писал: «Созыв всякого Собора в конечном счете имеет последствия, оказывающиеся на уровне всей истории культуры. Вот почему было бы бессмысленным пытаться скрыть подлинную действительность: отзвук Второго Ватиканского Собора будет долгое время давать себя знать в истории нашего времени. Решения его возымеют положительное действие на эволюцию идей и структур в современном мире. У Собора есть, следовательно, свое политическое намерение, при этом — в сильнейшем значении этого слова... Иоанн XXIII, избранный почти случайно, наталкивается вокруг себя на всемогущество римских «бюро», на укоренившиеся навыки, на пристрастие к традиции. При попытке столкнуться с этой административной машиной «в лоб» он рискует истощить свои силы в какой-то мелкотравчатой борьбе. Остается единственный путь, чтобы перешибить эту механическую преграду: проверить всё, дав приток свежему воздуху, и, взяв разгон, созвать Собор. А это зависит лишь от него. И вот этот муж, полный здравого смысла, внезапно решается и берет на себя риск. В один прекрасный день он изрекает нужное слово, и жребий брошен... Иоанн XXIII берет на себя риск, но это величественный риск: 2850 епископов, собранных в Риме, концентрация всех главных богословов — всё это означает, что устанавливается другая машина, создается иная сила...»²³²

Газета «Унита», официальный и центральный орган Итальянской коммунистической партии, в день открытия Собора напечатала на первой странице передовую статью, в которой говорится следующее: «Итальянские коммунисты, трудящиеся и интеллигенты — последователи нашего движения, у которых в крови чувство «экуменичности», чувство универ-

сальной ценности солидарности и братства между всеми народами земли, в обществе, угрожаемом мутной моралью буржуазной наживы и атомного шантажа ее поборников, не скрывают своего интереса к собранию в Риме сотен и сотен представителей католической иерархии со всех концов света для работы, которая, в силу самых предпосылок своих и серьезности переживаемого времени, могла бы представить собой нечто новое, нечто отличное от старого духа идеологического крестового похода, духа политического и социального осуждения»²³³.

После этого констатирования интереса к Собору центральный коммунистический орган поясняет, почему именно и он, говоря от имени итальянских коммунистов, проявляет этот интерес: «Эхо II Вселенского Собора, провозгласившего в Констанце принцип превосходства соборного начала над папой и установившего периодичность созыва Соборов, замерло, как казалось, в католическом мире. Неожиданное решение Иоанна XXIII, принятое через несколько месяцев после кончины последнего из ряда правящих Церковью по образу «автократическому, в высшей степени централизованному и недостаточно апостольскому» (это слова молодого католика в сентябрьском выпуске журнала «Квеститалия»), представляется поэтому, как призыв к совещательности, как призыв к методу диалога, в котором гражданское общество всё больше ощущает потребность... «Аджиорнаменто»,— продолжает газета, заключая в кавычки это слово,— которое некоторые элементы, представленные ныне на Соборе, желали бы удержать в пределах обсуждения вопросов литургии и дисциплины, неизбежно распространяется на области жизни технической, политической, социальной, национальной и международной. Вопрос о взаимоотношениях католического мира с народами другой религиозной веры, с нациями, которые только что освободились от колониального ига, и, в первую очередь, с социалистическими странами, настоятельным образом выдвигает необходимость мирного и плодотворного согласования между коммунистическими идеалами и свободными религиозными общинами,— этот вопрос ставится перед общественным мнением с особой силой именно теми же самыми «ожиданиями», которые Собор вызывает среди верующих»²³⁴.

«Оссерваторе Романо» от 17 мая 1959 года опубликовала сообщение о том, что папа Иоанн XXIII назначил комиссию по подготовке к предстоящему Собору. Комиссия имела следующий состав:

председатель — кардинал Доменико Тардини, префект Священной Конгрегации чрезвычайных церковных дел, государственный секретарь; члены: монсиньор Джузеппе Феррето, титулярный архиепископ Сардикский, ассессор Консистолиальной Конгрегации; монсиньор Пьетро Сигизмонди, титулярный архиепископ Неаполя Писидийского, секретарь Конгрегации пропаганды веры; монсиньор Антонио Саморе, титулярный архиепископ Тирновский, секретарь Конгрегации чрезвычайных церковных дел; отец Акакий Кусса, из ордена алеппских василиан, ассессор Конгрегации Восточной Церкви; монсиньор Чезаре Зерба, секретарь Конгрегации дисциплины таинств; монсиньор Пьетро Пьялацини, секретарь Конгрегации собора; отец Аркадио Ларраона, из ордена кларетинцев, секретарь Конгрегации монашествующих; монсиньор Динг Стаффа, секретарь Конгрегации семинарий и университетов; монсиньор Энрико Данте, просекретарь Конгрегации обрядов; Его Высокопреподобие Паоло Филиппе, из ордена братьев проповедников, комиссар Вержозной конгрегации инквизиции;

секретарь — монсиньор Перикле Феличи, прелат-аудитор трибунала Римской Роты.

Перед настоящей комиссией была поставлена задача: а) установить необходимые контакты с католическим епископатом разных наций, чтобы собрать их советы и замечания; б) собрать предложения от дикастерий Римской курии; в) наметить в общих чертах темы, которые будут об-

суждаться на Соборе, предварительно заслушав мнение богословских и канонических факультетов католических университетов; г) наметить состав различных органов (комиссий, секретариатов и т. д.), которые должны будут в дальнейшем заняться подготовкой работ Собора²³⁵.

5 июня 1959 года, в день праздника Святого Сердца, в начале Святого Часа, совершаемого в соборе св. Петра, папа Иоанн обратился с кратким словом к собравшимся. Интересны мысли, высказанные им по поводу созыва Вселенского Собора Католической Церкви. Из его слов становится ясным, что перед Собором поставлены три задачи, которые он должен разрешить или, по крайней мере, содействовать их разрешению. Папа говорил: «Мы прежде всего намерены молиться, чтобы дары Духа Небесного парили, если можно так сказать, над подготовительными работами Вселенского Собора. Речь идет о большом событии. Пусть Господь взирает не на наши грехи, а на веру Церкви Своей; пусть Он умиротворяет ее и объединит ее по воле Своей, чтобы ее внутренняя структура обрела новую силу и чтобы все овцы слушали голос Пастыря, следовали за Ним, и чтобы так образовалось единое стадо, которого страстно желает Сердце Иисусово»²³⁶. В области международных отношений папа призвал к искреннему сотрудничеству, которое только и может гарантировать истинный мир и прогресс человечества.

5 июня 1960 года было опубликовано «*motu proprio*» папы Иоанна XXIII «*Superior Dei iudicium*». В нем он в основном коснулся истории возникновения идеи Собора, а также вновь напомнил, для чего он созывается. «Собор будет проходить,— писал папа,— в основном в целях распространения католической веры, спасительного обновления нравственной жизни христианского народа и приспособления духовной дисциплины к потребностям и методам нашего времени. Это, без сомнения, станет великолепным зрелищем истины, единства и любви»²³⁷.

Огромное количество ответов, присланных на запросы подготовительной комиссии, дало ей возможность уяснить, какие темы более всего должны занимать будущий Собор в целях церковной пользы. Далее папа наметил 15 параграфов подготовительной деятельности. Он писал:

«1. Для подготовки II Ватиканского Собора учреждаются подготовительные комиссии, целью которых будет изучение избранных Нами тем с учетом пожеланий епископов и предложений священных отделов Римской курии.

2. Каждая комиссия, в соответствии с потребностями, может делиться на секции или подкомиссии.

3. У каждой комиссии будет председатель и определенное количество членов. Председателем будет кардинал. Члены будут избираться среди выдающихся личностей епископата и духовенства.

4. К каждой комиссии будут прикреплены несколько консультантов, выбранных среди экспертов.

5. У каждой комиссии будет свой секретарь.

6. Председатели и члены каждой комиссии, а также консультанты и секретари будут подбираться Нами (т. е. папой.— *М. Н.*).

7. Учреждены десять подготовительных комиссий. Если будет нужно, возможно, с Нашего согласия, учредить и другие.

8. Кроме того, учреждается секретариат для разбора вопросов, касающихся современных средств распространения мысли (печать, радио, телевидение, кино и т. д.). Этим секретариатом будет руководить назначенный Нами прелат, и войдут в него члены и консультанты, также выбранные Нами.

9. Чтобы показать Нашу любовь и Наше благорасположение также и к тем, кто носит имя христианина, но отделен от Апостольского престола, а также, чтобы они смогли лучше следить за работами Собора и смогли легче найти путь, ведущий к тому единству, о котором Иисус столь горячо молил Своего Отца, Мы учреждаем особый совет или сек-

ретариат под председательством избранного Нами кардинала Августина Беа с организацией, о которой уже говорилось для комиссий.

10. Затем учреждается Центральная комиссия, председателем которой будем лично Мы сами или назначенный Нами кардинал. Членами Центральной комиссии будут председатели каждой комиссии, председатели секретариатов, о которых шла речь в §§ 8 и 9, несколько других кардиналов, а также несколько епископов из различных частей света.

11. К Центральной комиссии будет примыкать некоторое количество советников, избираемых среди епископов и выдающихся церковных деятелей.

12. Центральная комиссия будет иметь своего секретаря, который будет генеральным секретарем (монсиньор Перикл Феличи, который уже был секретарем подготовительной комиссии).

13. Члены Центральной комиссии, а также советники и генеральный секретарь будут избираться Нашей властью.

14. Цель Центральной комиссии заключается в том, чтобы следить и, в случае необходимости, координировать работы различных комиссий, докладывая о своих выводах Нам, чтобы Мы смогли установить темы для обсуждения на Вселенском Соборе.

15. Наконец, в целях помощи экономической и технической части, на время работ Собора будут созданы специальные секретариаты. Мы желаем и приказываем, чтобы все и каждое из решений, которые Мы считаем полезным принять по этому вопросу, оставались в том виде, в котором они учреждаются, не взирая на какое-либо противоречие»²³⁸.

Газета «Ля Круа» в номере от 7 июня 1960 года опубликовала список председателей комиссий. Ими были назначены:

председатель богословской комиссии, которой поручено изучение вопросов, касающихся Священного Писания, Предания, веры и нравов, — кардинал Альфредо Оттавиани, секретарь священной канцелярии;

председатель комиссии по делам епископов и управлению епархиями — кардинал Марчелло Мимми, секретарь Консистоиальной конгрегации;

председатель комиссии по дисциплине духовенства и христианского народа — кардинал Пьетро Чириачи, префект соборной конгрегации;

председатель комиссии монашествующих — кардинал Валерио Валери. префект конгрегации монашествующих;

председатель комиссии дисциплины таинств — кардинал Бенедетто Алоизи-Мазелла, префект конгрегации таинств;

председатель комиссии богослужения — кардинал Гаэтано Чиконьяни, префект конгрегации обрядов;

председатель комиссии обучения и семинарий — кардинал Джузеппе Пиццардо, префект конгрегации университетов и семинарий;

председатель комиссии Восточных Церквей — кардинал Амлето Чиконьяни, секретарь конгрегации Восточных Церквей;

председатель комиссии по вопросам миссий — кардинал Григорий Агаджанян, префект конгрегации пропаганды веры;

председатель комиссии по вопросам апостолата мирян и по всем вопросам, касающимся «Католического Действия», религиозной и социальной деятельности. — кардинал Фернандо Ченто²³⁹.

Таким образом, незаметная, на первый взгляд, и мало освещаемая в печати подготовительная деятельность была широко развернута. Теперь предстояла кропотливая и весьма трудоемкая работа — разработка схем, которые должны быть представлены на рассмотрение Собора.

Центральная комиссия была в течение подготовительного периода собирательным пунктом результатов работ других комиссий. Каждая из созданных комиссий суммировала результаты своих исследований и в виде проектов представляла их на рассмотрение Центральной комиссии, кото-

рая тщательно изучала поступавшие в нее результаты работ подготовительных комиссий и секретариатов, подробно обсуждала на своих сессиях их проекты и предложения, вносила в них исправления.

В составе Центральной комиссии были представлены 57 различных стран из обоих полушарий. Было предусмотрено, чтобы все специфические для той или иной страны проблемы могли быть освещены и обсуждены. При подборе членов и консультантов комиссии критерием служили глубокие познания в богословских и общецерковных вопросах, а также пастырский опыт. Центральная комиссия состояла из 108 членов и 27 консультантов, председателем ее был сам папа. Среди членов и консультантов было 67 кардиналов, 5 патриархов, 36 архиепископов, 5 епископов, 15 прелатов курин и 7 представителей монашеских орденов, секретарем комиссии был архиепископ Самосатский Перикал Феличи, викарий папской базилики св. Петра.

14 ноября 1960 года в соборе св. Петра состоялось торжественное собрание Центральной комиссии совместно со всеми специальными подготовительными комиссиями и секретариатами. После этого подготовительные комиссии начали свою работу, а позднее открылись и сессии Центральной комиссии, которых было семь. Обсуждением тематики Собора закончилась седьмая и последняя сессия Центральной Предсоборной комиссии. 20 июня 1962 года с речью при закрытии заседаний выступил папа Иоанн XXIII.

Высказав свое волнение и радость по случаю предстоящего Собора, он обратил внимание слушателей на те задачи, какие будут стоять перед ними в следующие три месяца, вплоть до открытия первой сессии Собора. По его словам, эти месяцы необходимо провести в серьезном размышлении. Отцы Собора могут готовиться к нему, читая, размышляя о вопросах, подлежащих обсуждению, которые в дальнейшем будут всем разосланы. Весьма желательно, чтобы каждый участник Собора в надлежащее время сообщил письменно Генеральному Секретариату или кардиналу государственному секретарю всё, что ему покажется уместным сообщить по поводу Собора, учитывая современные условия. «Необходимо сделать так,— говорил папа,— чтобы Собор начал работу в назначенный срок 11 октября. Тогда все вопросы будут подвергнуты добросовестному рассмотрению и всё будет обсуждаемо в обстановке мира»²⁴⁰. Он отметил свое большое удовлетворение работой, проделанной кардиналами, епископами, прелатами, конгрегациями, ректорами университетов, церковно-научными обществами, духовенством и до некоторой степени мирянами, которые, каждый на своем месте, приняли участие в постройке той «мистической башни», о которой говорят слова псалмопевца: «Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих». Каковы же намерения Церкви накануне Вселенского Собора? Папа Иоанн XXIII так отвечает на этот вопрос: «Наши намерения чистосердечны. Святая Церковь, созданная Христом, мирно сняет вокруг различных «башен» людей, которые в большинстве своем не ищут путей «к славе Божией», несмотря, может быть, на благие намерения. Мы хотим продолжить наш мирный труд с еще большим старанием, так как мы с радостью видим успех нашего великого начинания»²⁴¹.

Обращаясь к отцам Центральной Предсоборной комиссии, папа просил их рассказать всем, с кем они будут соприкасаться, какая замечательная работа была проведена при подготовке к Собору, а также непрестанно взывать к верующим, чтобы они возносили свои горячие молитвы Пресвятой Деве за успех будущего вселенского собрания. Он попросил также не снижать своего рвения в публикации всевозможных заметок о проблемах, встающих перед будущим Собором, ибо «они являются большой радостью для души, и мы имеем обыкновение, по мере возможности, читать их с большим удовлетворением»²⁴².

Итак, закончилась последняя сессия Центральной Предсоборной ко-

миссии. Подверглись критическому разбору 70 докладов общим объемом в 2060 страниц. Сессии проходили в ноябре 1961 года, в январе, феврале, марте, апреле, мае и июне 1962 года. Центральная комиссия рассмотрела 6 проектов Конституций, которые были подготовлены богословской комиссией по докладу кардинала Оттавиани. Все они были рассмотрены во время сессий в ноябре, январе, мае и июне.

В комиссии по делам епископов и управлению епархиями были обсуждены 6 проектов по следующим вопросам: папство, границы епархий, конференции епископов, отношение между епископами и Римской курией, епископы-помощники и коадьюторы. Все эти проекты были представлены в Центральную комиссию кардиналом Маредлой в течение февральской и майской сессий. В июне к этому прибавился проект, касающийся отношений между епископами и монашествующими, подготовленный смешанной комиссией, составленной из членов комиссий по делам епископов и монашествующих.

В дисциплинарной комиссии по делам духовенства рассмотрено 17 проектов декретов на темы: о распределении и о святости духовенства, о пострижении, о снабжении приходов, об обязанностях приходских священников, о церковных службах, о церковной собственности, о заботах о христианских душах, о правилах и наставлениях церковных, о вознаграждениях за мессы, о добровольных пожертвованиях и о рукоположениях. Все эти проекты были предложены кардиналом Чириачи и обсуждены на февральской, майской и июньской сессиях.

Комиссия по делам монашествующих представила проект, касающийся духовного совершенства, который разделен на несколько глав и разделов, о чем делал доклад кардинал Валери в течение февральской, майской и июньской сессий.

Комиссия по таинствам рассмотрела 9 проектов, доложенных кардиналом Алоизи-Мазеллой на январской, майской и июньской сессиях. В них содержатся вопросы о таинствах миропомазания, исповеди и брака (последний изучался во всех аспектах — препятствие, согласие брачующихся, бракоразводные процессы и смешанные браки).

По вопросу о литургии был только один проект — о ее конституции. Он изложен в 8 главах под руководством кардинала Гаэтано Чиконьяни, а после его смерти продолжен кардиналом Ларраоной во время сессий в марте — апреле.

Комиссия по делам семинарий и обучения в лице кардинала Пиццардо на февральской и июньской сессиях представила три проекта декретов по вопросам священнического призвания, о подчинении духовным властям, об обучении наукам на уровне университетского образования, о католических школах, об образовании семинаристов.

Проекты по вопросу Восточных Церквей в количестве одиннадцати были представлены кардиналом Амлето Чиконьяни на январской, февральской, майской и июньской сессиях. Проекты касались следующих тем: таинства, обряды, правила Восточных Церквей, патриархаты, отношения с некаатоликами по вопросам культа, местный язык, власть епископов, катехизис, празднование Пасхи, единство Церкви.

Комиссия по делам миссий представила 7 докладов. Докладчиком был кардинал Агаджанян на мартовской и апрельской сессиях. На них обсуждались следующие вопросы: работа миссий, дисциплина духовенства, миссионеры-монахи, литургия, дисциплина верующих, учебное дело в семинариях, сотрудничество миссионеров.

Комиссия по делам апостолатов мирян представила свои предложения в докладах кардинала Ченто в течение июньской сессии. Они разделены на три части и заключены в четырех трудах, содержащих общие понятия и вопросы религиозной и социальной активности мирян.

Секретариат по делам массовых средств общения в лице монсиньора О'Коннора представил проект, разделенный на две части, рассмотрен-

ный на мартовской и апрельской сессиях. Тематика — разные общественные средства связи: печать, радио, кино, телевидение.

Секретариат по делам христианского единства представил 4 проекта декретов по следующим вопросам: католический экуменизм, необходимость молитвы за единение, слово Божие как средство единения, религиозная свобода. В проекте декрета по последнему вопросу Секретариат выяснил права человека в области религии и права и обязанности по отношению к гражданскому обществу. Об этом кардинал Беа сделал доклад Центральной комиссии.

В период подготовки к Собору папа Иоанн XXIII и его соратники и единомышленники понесли большую потерю — 30 июня 1961 года скончался государственный секретарь кардинал Тардини. Назначенный на его место кардинал Амлето Чиконьяни, хотя и шел по стопам папы, но по своему возрасту, да, пожалуй, и по опыту, авторитету и работоспособности не мог сравниться с покойным кардиналом Тардини. Ввиду этого большое количество работы легло на плечи непосредственно папы Иоанна XXIII.

В октябре 1961 года было учреждено Бюро печати для обслуживания предстоящего Собора. Во главе этого Бюро был поставлен монсиньор Фавст Валленк.

ЭНЦИКЛИКА «AETERNA DEI SAPIENTIA»

Немного меньше чем за год до открытия Собора папа Иоанн XXIII обратился с окружающим посланием ко всей Католической Церкви.

11 ноября 1961 г. была обнародована энциклика папы Иоанна XXIII, посвященная 1500-летию со дня кончины св. Льва Великого. В предисловии энциклики папа прямо говорит, что он, возведенный на престол апостола Петра Божественным Провидением, счел своим долгом «по случаю истекших 15 столетий» со дня кончины Льва Великого пролить свет на добродетели и бессмертные его заслуги, будучи убежден, что это будет способствовать благу душ, славе и процветанию католического вероисповедания²⁴³.

Энциклика «Aeterna Dei sapientia» обнародована «накануне» II Ватиканского Собора. Она посвящена памяти одного из самых выдающихся пап древности, пользовавшегося большим авторитетом на Востоке. Основной акцент этой энциклики делается на личности святого Льва Великого, Римского папы, пастыря и учителя Вселенской Церкви, непререкаемого авторитета древности. Здесь же излагается учение св. Льва о Римском епископе как центре видимого единства Церкви. Всё это не случайно. Своей энцикликой папа Иоанн XXIII дает понять, что восстановление христианского единства должно иметь в виду и признание примата папы со стороны неримских христианских исповеданий.

Воздав «громкую похвалу» святости Льва Великого, папа Иоанн XXIII переходит к обсуждению более современных проблем, стоящих перед католическим миром. На первом плане в его рассуждениях стоит предстоящий Вселенский Собор, который должен содействовать объединению всех христиан, включая не католиков, вокруг «Великого Пастыря овец», который поручил Петру и его преемникам постоянный надзор за пасомыми²⁴⁴. Папа с большим одобрением отзывается и об экуменическом движении, на которое он взирает «с радостным чувством и теплой надеждой», ибо во многих местах земного шара предпринимаются самые искренние усилия для воссоздания общехристианского единства, которое должно стать реализацией «велений и заповедей Спасителя»²⁴⁵.

25 декабря 1961 года, в праздник Рождества Христового, папой Иоанном XXIII была опубликована булла «Humanae salutis».

В кратком вступлении буллы «Humanae salutis» папа Иоанн XXIII говорит об историческом бытии Церкви Христовой, о том, что даже в самые тяжелые периоды, переживавшиеся человечеством, она всегда была провозвестницей правды и проповедницей спасения. Молитва, милосер-

дие и страдание во славу Божию во все века были постоянно присущи ей. И сегодня, когда человеческое общество идет по пути значительных изменений, когда человечество находится на повороте к новой эре, перед Церковью встают важные задачи, как это обычно и бывает в переходные периоды. Что же должна сделать Церковь сегодня? Папа отвечает на этот вопрос так: «Она (т. е. Церковь) должна вливать в вены современного человечества вечную, живительную и Божественную энергию, проповедуя Евангелием, в тот мир, который гордится последними научными достижениями,... но который не делает такого же прогресса в плане духовном, как плане материальном»²⁴⁶. В роде человеческом совершенно очевидно охлаждение к тем сокровищам, которые никогда не погибают, и в то же время наблюдается большое тяготение к легко достижимым удовольствиям, которые современный прогресс легко делает всеобщим достоянием. Технический прогресс позволил человеку производить ужасное оружие для собственного уничтожения, а это в свою очередь порождает множество беспокойств и опасений. Это заставляет людей задать себе вопрос: как положить всему этому предел? Где выход из создавшегося положения? Постановка подобных вопросов ведет, по мнению папы, к ускорению того процесса, в который уже вступило человеческое общество, процесса, который ведет народы к дружному единению, к оказанию помощи друг другу.

Церковь, со своей стороны, не оставалась и не остается инертной перед эволюцией человечества, техническим и научным прогрессом и социальными революциями. «Она, наконец, нашла в себе огромные силы для проповеди апостольского учения, для воздействия на все отрасли человеческой деятельности, и это благодаря своему духовенству, находящемуся на высоте своего призвания,... благодаря тем мирянам, которым были доверены наиболее существенные заботы о Церкви»²⁴⁷. Сравнивая Католическую Церковь с человеческим обществом, папа Иоанн XXIII отмечает их параллельные изменения. Церковь тоже не стоит на месте, она видоизменяется и обновляется, ее внутреннее единство укрепляется, увеличивается ее действенная духовная сила. «Она является совсем готовой вести священную борьбу за веру»,— писал папа²⁴⁸. Мысль о том, что Церковь сегодня должна быть способной разрешать проблемы людей нашей эпохи, всегда волновала папу Иоанна XXIII, и именно эта забота продиктовала ему необходимость созыва Второго Ватиканского Собора.

На рассмотрение Собора предложены будут вопросы доктринального порядка, а также всё, что касается жизни и деятельности Церкви, чтобы его постановления и решения соответствовали реальному положению Церкви в мире и способствовали осуществлению ею своей миссии. Вопросы эти относятся к Священному Писанию, к традициям, к таинствам и церковным молитвам, церковной дисциплине, органам благотворительности и вспомоществования, миссиям и проповедничеству мирян. Хотя Церковь не преследует цели мирские, она не может не интересоваться делами земного порядка, которые она встречает на своем пути. Она знает, какое влияние на бессмертные души могут оказывать обстоятельства жизни человеческой. Церковь сознаёт, что, принося людям свет Христов, она помогает им познать, что они собой представляют, познать их собственное достоинство и ту конечную цель, которую они должны преследовать. Поэтому она выработала социальную доктрину для семьи, школы, гражданского общества и для всех, связанных с этим вопросом, чем и завоевала большой авторитет в народных массах. «Поэтому мы верим,— говорил папа.— что вопросы, подлежащие обсуждению на Вселенском Соборе, будут иметь столь эффективное значение, что они не только вселят в сердца горячую энергию и свет христианской мудрости, но и внедрятся в активные массы человечества»²⁴⁹.

Папа Иоанн XXIII вспомнил о первом объявлении Собора 25 января 1959 года. Истекшие три года были годами напряженной подготовитель-

ной работы. В течение первого года проводились всевозможные консультации с кардиналами, епископами, руководителями монашеских орденов и конгрегаций, представителями католических университетов и богословских факультетов. Эти консультации выяснили, какие вопросы должны подлежать обсуждению на Соборе. Затем были созданы различные учреждения для подготовительных работ, которым было поручено предложить на обсуждение определенные схемы по доктринальным и дисциплинарным вопросам. «Мы имеем счастье сообщить вам,— писал папа Иоанн XXIII в своей булле,— что эта тяжелая работа, к которой приложили свои старания кардиналы, епископы, прелаты, богословы, ученые и специалисты всего мира, теперь подходит к концу»²⁵⁰. «Вот почему, выслушав мнение кардиналов Святой Римской Церкви, властью Господа нашего Иисуса Христа, святых апостолов Петра и Павла и Нашею Мы объявляем, повелеваем и созываем в будущем, 1962 году II Вселенский Ватиканский Собор, который состоится в папской ватиканской базилике в дни, которые Провидение Господне позволит Нам фиксировать. Мы желаем и повелеваем, чтобы на Вселенский Собор, нами созываемый, съехались со всего мира наши дорогие сыны, кардиналы Святой Римской Церкви, наши уважаемые собратья патриархи, приматы, архиепископы и епископы, находящиеся на своих местах, а также все церковные деятели, которые по плану должны принять участие в Соборе»²⁵¹. После этого указания папа обратился ко всем верующим-католикам и христианам всего мира, дабы они со всей серьезностью отнеслись к этому событию и вознесли усердные молитвы Всемогущему Богу за успешную деятельность этого вселенского собрания. Папа выразил также надежду, что христианские Церкви, отделенные от Рима, смогут послать своих наблюдателей на сессию Собора. Булла заканчивается молитвой, которую необходимо читать всем католикам, чтобы Дух Святой оживотворил умы и сердца отцов II Ватиканского Собора: «Возобнови в наше время, как в новую Пятидесятницу, Твои чудеса и даруй Святой Твоей Церкви, по нашим горячим и постоянным молитвам вместе с Марией, Матерью Иисуса, и под водительством святого Петра возможность распространить Царство Божественного Спасителя, Царство правды, справедливости и мира»²⁵². Итак, в этой булле сообщается, что Собор будет созван в 1962 году, но точная дата его открытия не указывается.

* * *

2 февраля 1962 года новым «*motu proprio*» папа Иоанн XXIII назначил день открытия Собора — 11 октября 1962 года. «После долгих размышлений,— писал папа,— в силу Нашей апостольской власти, Мы устанавливаем и объявляем, что Второй Ватиканский Вселенский Собор начнется в одиннадцатый день октября текущего года»²⁵³.

До обнародования буллы «*Humanae salutis*» и настоящего «*motu proprio*» никто не ожидал столь близкой даты начала Собора, для всех это было неожиданностью. Общее настроение было таково, что для окончательного завершения подготовки потребуется еще года два. Разговоры велись лишь о том, начнется ли Собор в 1963 году или же в 1964 году. Датой открытия Собора папа Иоанн XXIII избрал католический праздник Богородицы Пресвятой Девы Марии, Которая, как известно, на Третьем Вселенском Соборе в Ефесе была окончательно прославлена как Богородица, как Богоматерь, и догматическое учение об этом было изложено и утверждено отцами Третьего Вселенского Собора. Собор ставился папой под покровительство Пречистой Богоматери.

Поощряемая активным участием самого папы Иоанна XXIII подготовительная работа была закончена сравнительно быстро. Видимо, уже тогда он чувствовал свое недолгое земное пребывание и по мере сил ускорял подготовительные работы. Папа посещал отдельные комиссии и секретариаты, председательствовал почти на всех собраниях первой сессии Цент-

ральной комиссии, открывал и закрывал речами остальные шесть сессий. В апреле 1962 года все комиссии и секретариаты практически выполнили свою работу, составив 70 процентов постановлений и декретов, заключающихся в 119 брошюрах общим объемом в 2045 страниц.

Материал, прибывший со всех концов света во время предподготовительной работы в форме предложений, советов, планов и проектов, был тщательно продуман на многочисленных собраниях комиссий и подкомиссий и собран в 16 томов, составляющих около 10 000 страниц. Всё это было изложено на латинском языке для представления Собору на обсуждение. Подготовительная работа была проделана быстро, но без спешки, немногим более, чем за 3 года.

В своем «*motu proprio*» от 6 августа 1962 года папа Иоанн XXIII опубликовал регламент предстоящего Собора. Согласно этому регламенту, в структуре Собора прежде всего различаются три «иерархических уровня», т. е. вся работа Собора должна проходить в трех инстанциях, переходя поочередно из одной в другую. Эти инстанции следующие: соборные комиссии, генеральные конгрегации (пленарные заседания) и открытые заседания (публичные сессии)²⁵⁴. Первую инстанцию, низший уровень Собора, составляли, таким образом, соборные комиссии. Регламентом было предусмотрено образование десяти соборных комиссий, которые соответствовали такому же числу подготовительных предсоборных комиссий. Область деятельности, т. е. круг подлежащих обсуждению вопросов, и компетенция каждой комиссии оставались прежними, оставались те же и наименования. Но, в отличие от прежних предсоборных комиссий, соборные комиссии являлись органами Собора, составляли неотъемлемую органическую часть его структуры. Соборные комиссии по составу, по числу входящих в них членов были меньше подготовительных и в отличие от них были равны между собой по количеству членов. По регламенту предполагалось, что в каждую комиссию будут входить по 16 членов, выбранных отцами Собора из своей среды, и по восьми — назначенных папой. (Но вскоре же папа к числу назначаемых членов прибавил еще одного.) Председатели назначались папой. Как правило, это были кардиналы, возглавлявшие соответствующие подготовительные комиссии. Соборные комиссии являлись основной рабочей инстанцией Собора; от них в большей степени зависела судьба обсуждаемых вопросов. В соборные комиссии поступали выработанные и подготовленные для Собора схемы. Каждая схема, сообразно своей теме, поступала в соответствующую соборную комиссию. В соборных комиссиях схемы должны рассматриваться и в окончательной редакции, одобренной большинством не менее двух третей голосов, направляться в следующую инстанцию на дальнейшее обсуждение (схемы тем представлялись одним из членов той или иной комиссии, ее «*relatoro*»). Если это требовалось, схемы могли быть возвращены в комиссии для доработки. Комиссии должны рассматривать замечания, предложения и поправки и по этим вопросам выносить решения, которые должны затем передаваться обратно на генеральную ассамблею. Заседать соборные комиссии должны были не в самом соборе св. Петра, как две другие высшие инстанции Собора, а в отдельных, особо отведенных для них помещениях. К комиссиям приравнивался Секретариат по содействию христианскому единству. Секретариат этот имел полномочия наблюдать за тем, чтобы в работах соборных комиссий не было ничего такого, что могло бы повредить или причинить ущерб делу единения. Начальное число членов Секретариата 12 увеличилось затем до 20.

Вторую инстанцию Собора, его средний иерархический уровень, составляли генеральные конгрегации, представляющие собой пленарные рабочие заседания Собора. Папа на этих заседаниях не присутствует, председательствует здесь по очереди один из кардиналов, входящих в состав «Председательствующего Совета». На генеральных конгрегациях

(общих ассамблеях) происходит обсуждение схем, поступающих из соборных комиссий. Здесь могут выступать все отцы Собора в порядке записи. На этих заседаниях ведутся прения и вырабатывается окончательный текст постановлений, подлежащих утверждению Собором и папой.

Высшим уровнем, высшей инстанцией Собора являются открытые заседания. Это также пленарные заседания, общие ассамблеи, но не рабочие, как предыдущие, а итоговые, торжественные. Председательствует здесь сам папа. На открытых заседаниях не происходит обсуждения проектов, рассмотренных и всесторонне обсужденных в соборных комиссиях и генеральных конгрегациях. Здесь нет прений. Здесь происходит лишь голосование по окончательному тексту постановления. Открытые заседания начинаются служением мессы. После этого зачитывается окончательный, соборно согласованный, текст того или иного постановления и производится голосование. Результаты голосования немедленно докладываются папе, который высказывает свое одобрение принятого постановления, произнося торжественную формулу: «Правила приятны отцам, возражений нет (или за некоторым исключением). И Мы, с одобрения Священного Собора, также изволяем, определяем и провозглашаем их так, как они были прочитаны»²⁵⁵. После этого решения Собора приобретают силу, становятся общеобязательными и подлежат обнародованию. Утверждение принятого соборного постановления сопровождается торжественным пением «Te, Deum, laudamus» («Тебе, Бога, хвалим...»). В тех случаях, когда папе необходимо обратиться к отцам Собора лично, он делает такие обращения на открытых заседаниях. Решения, которые будут приняты Собором, носят следующие названия: декреты (решения по вопросам практического характера), конституции (развернутые решения по основным вопросам), каноны (более узкие формулировки тех же конституций), пропозиции, вотумы, декларации (это — постановления декларативного характера, принимаемые в случае надобности).

Вместе с утверждением регламента Собора папа Иоанн XXIII учредил специальный «Председательствующий Совет», т. е. президиум Собора. В состав его были назначены десять кардиналов, которые должны были поочередно председательствовать на общих ассамблеях: Тиссеран («первоприсутствующий» в Совете), декан коллегии кардиналов, Лиенар (Франция), Таппуни (Ливан, Бейрут), Гилрой (Австралия), Фрингс (ФРГ), Пля-и-Даниель (Испания), Spellman (США), Руффини (Италия), Каджиано (Аргентина), Альфринк (Голландия).

С самого начала папа Иоанн XXIII решил пригласить на Второй Ватиканский Собор в качестве наблюдателей представителей христианских Церквей и деноминаций, не пребывающих в общении и единении с Римско-Католической Церковью. По регламенту Собора, наблюдатели допускаются к присутствию на всех пленарных заседаниях, на заседаниях же соборных комиссий они могли присутствовать лишь по особому разрешению. Из органов Собора с наблюдателями имеет контакт Секретариат по содействию христианскому единству. Он является посредником между Собором и наблюдателями, предоставляет им необходимую информацию, чтобы они имели возможность легче и эффективней следить за работами Собора. Секретариат устраивает встречи наблюдателей с компетентными лицами, наблюдатели со своей стороны могут передавать Секретариату свои предложения и пожелания.

Приглашение наблюдателей от некатолических исповеданий нельзя расценивать иначе как свидетельство поворота во взаимоотношениях между Римско-Католической Церковью и прочими христианскими Церквями и деноминациями. «Устав от следования по пути разделений и разобщенности, — говорит известный католический писатель доминиканец отец Антуан Венгер, — ведущему к индивидуализму и взаимному неведению, Церкви решили изменить свой прежний путь, чтобы сблизиться и в духе взаимной любви и уважения расспросить друг друга о вере»²⁵⁶.

Секретариат по содействию христианскому единству использовал предсоборные месяцы 1962 года, чтобы информировать христианские Церкви и общины о намерениях Рима и разослать официальные приглашения. Монсиньор Иоанн Виллебрандс, секретарь этого соборного органа, побывал во многих странах мира. Он был в Константинополе, Афинах, Александрии, Женеве, Лондоне и Москве.

Протестантские Церкви, в общем, очень сочувственно отнеслись к приглашению со стороны Рима. Здесь, несомненно, сказались их длительный экуменический опыт, поскольку экуменическое движение зародилось и развилось в их среде. Всемирный Совет Церквей на сессии своего Центрального комитета в Париже в августе 1962 года принял решение о направлении наблюдателей на Собор. Генеральный секретарь Всемирного Совета Церквей Виссерт-Хуфт особенно благожелательно отнесся к этой идее.

«Наблюдатели посылались как представители Всемирного Совета Церквей и не могли фигурировать на Соборе в качестве представителей своих вероисповеданий. Выступать от имени ВСЦ или Церквей-членов или вступать в какие-либо переговоры официального характера они не имели полномочий. Но они могли давать объяснения неофициального характера с позиции ВСЦ в том виде, как она изложена в решениях Ассамблей или сессий Центрального комитета»²⁵⁷. Различные протестантские объединения: Англиканская Церковь, Союз Евангелических Церквей Германии, лютеране, пресвитериане, методисты и другие, каждое от себя,— послали своих наблюдателей на Собор. Послали своих наблюдателей также Старокатолическая Церковь, Коптская Церковь, Сиро-Яковитская Церковь, Эфиопская Церковь, Армянская Церковь.

Вопрос посылки наблюдателей от Православных Церквей оказался более сложным. Русская Православная Церковь всё время считала Второй Ватиканский Собор внутренним делом самой Римско-Католической Церкви. Русская Православная Церковь проявила вначале некоторую сдержанность к вопросу посылки наблюдателей на Собор. Последующие обстоятельства, т. е. действия и намерения папы Иоанна XXIII, всё более и более способствовали положительному решению этого вопроса. Русская Церковь посылку своих наблюдателей не могла рассматривать иначе как серьезный шаг к сближению между двумя Церквями. Поэтому она внимательно следила за ходом подготовительных работ к Собору и, как только выяснились благоприятные перспективы, готова была со всей серьезностью отнестись к возможному приглашению послать своих наблюдателей на Собор. Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Алексий, отвечая в августе 1962 года журналисту из Франции Жану Булье, сказал, что «дверь для возможного приглашения осталась открытой»²⁵⁸. Сама Римско-Католическая Церковь в лице своих авторитетов неоднократно заявляла, что Собор — ее внутреннее дело и направление на Собор православных наблюдателей отнюдь не рассматривается как признание римского примата со стороны Православных Церквей.

Рим сначала направил общее приглашение всем Православным Церквям прислать своих наблюдателей на Собор. Это приглашение было передано патриарху Константинопольскому Афинагору, который, как, очевидно, предполагалось в Риме, должен был поставить в известность об этом каждую поместную Православную Церковь, что он и сделал своим письмом от 18 апреля 1962 года, в котором говорилось о направлении — для сведения предстоятелям Автокефальных Церквей — описания посещения Константинополя отцом Иоанном Виллебрандсом, секретарем Секретариата по содействию христианскому единству, и его беседы с группой представителей Константинопольского Патриархата во главе с митрополитом Сардским Максимом. В письме запрашивалось мнение о тех вопросах, которые были предметом обсуждения на встрече в Константино-

поле. В последующей затем переписке с Патриархом Афинагором Патриарх Алексей давал понять, что всё присылаемое таким способом из Константинополя принимается просто, как информация²⁵⁹.

Патриарх Афинагор в переписке и другие его представители продолжали настаивать на желательности ответа от Предстоятеля Русской Православной Церкви по существу дела: как относится Русская Церковь к вопросу направления православных наблюдателей на Второй Ватиканский Собор. Из Москвы следовал твердый ответ: позиция Московского Патриархата будет определенно сказана только после прибытия в Москву представителей Католической Церкви из Рима и получения непосредственного приглашения. До тех пор никакой ясности в позиции по этому вопросу не будет выражено, ибо нельзя говорить о реакции на приглашение без наличия приглашения.

Московский Патриархат, как Церковь Автокефальная, равноправная со всеми Поместными Православными Церквями, в том числе и с Церковью Константинопольской, не нашел возможным обсуждать приглашение, поскольку никакого иного примата, кроме первенства в диптихе Православных Церквей и, следовательно, первенства чести, Константинопольский престол и его предстоятель не имеют. Представителями Московского Патриархата неоднократно в различных обстоятельствах заявлялось, что вопрос о направлении своих наблюдателей на Второй Ватиканский Собор Московский Патриархат будет рассматривать лишь при условии получения непосредственного приглашения и прибытия в Москву для разговоров по этому поводу официальных представителей из Рима, как это имело место в отношении Константинополя. Рим, видимо, против этого возражений не имел, находя всё вполне естественным. Газета «Ля Круа» писала: «Такое решение не нарушает единства православной веры и единодушия... В вопросах подобного рода казалось бы естественным, чтобы Автокефальные Православные Церкви, столь ревностно охраняющие свою независимость, и выносили решение совершенно самостоятельно»²⁶⁰. 28 сентября 1962 года из Рима в Москву прибыл ближайший помощник кардинала Беа секретарь Секретариата по содействию единству христиан монсиньор Иоанн Виллебрандс. Он имел встречи с членами Священного Синода и с членами Синодальной комиссии по межхристианским связям. Монсиньор Виллебрандс дал информацию о задачах и целях Собора, о намеченных к обсуждению вопросах, о соборной процедуре, о ходе подготовки к Собору и ее заключительном этапе. Во время беседований, во всех своих ответах на многочисленные задаваемые ему вопросы монсиньор Виллебрандс всегда излагал официальную точку зрения Римско-Католической Церкви. Таким образом, Русская Православная Церковь получила необходимую полную и достаточную информацию о Втором Ватиканском Соборе из первых рук.

На Западе весть о поездке монсиньора Иоанна Виллебрандса в Москву произвела сенсацию. Накануне Собора в самых широких общественных кругах было много разговоров об этой поездке и возможном прибытии наблюдателей от Русской Православной Церкви. Циркулировали самые противоречивые слухи. В коммюнике, переданном журналистам Секретариатом по содействию христианскому единству, было указано, что решение вопроса о присылке на Собор православных наблюдателей принадлежит Священному Синоду Русской Православной Церкви²⁶¹.

По возвращении в Рим монсиньор Иоанн Виллебрандс сделал кардиналу Августину Беа доклад о своей поездке и о встречах в Москве. 1 октября 1962 года кардинал Беа направил архиепископу Ярославскому и Ростовскому Никодиму телеграмму следующего содержания: «Благодарю Ваше Высочайшее Священство за прием, оказанный нашему секретарю. Сегодня направляем официальное приглашение Его Святейшеству Патриарху направить двух или трех наблюдателей-делегатов на Собор. С искренним уважением кардинал Беа»²⁶².

В направленном официальном приглашении Святейшему Патриарху Алексию говорилось следующее: «Ваше Святейшество, от имени Его Святейшества папы Иоанна XXIII, проявившего столько доброй воли по отношению к христианам, не находящимся в общении со Святым Апостольским Престолом, наш Секретариат, вследствие контактов, завязанных его секретарем монсиньором И. Г. М. Виллебрандсом с Вашей Церковью через посредство Его Высокопреподобия протоиерея Виталия Борового, продолженных непосредственно с Высокопреосвященным Никодимом, архиепископом Ярославским и Ростовским, и после личного визита упомянутого монсиньора Виллебрандса Вашей Святой и Досточтимой Русской Церкви с 28 сентября по 1 октября, имеет честь пригласить Ваше Святейшество направить в качестве наблюдателей-делегатов на II Ватиканский Собор двух или трех представителей духовенства или богословов, имеющих Ваше доверие, имена которых просим сообщить нам... В прилагаемом статуте наблюдателей-делегатов изложены их права и обязанности. Наш Секретариат позаботился о предоставлении им всевозможной информации, которая может Вам понадобиться. Мы уповаем и молим Господа о том, чтобы присутствие наблюдателей было эффективным вкладом во всё растущее познание и уважение между всеми, носящими имя христиан и духовно объединенными в Евхаристии. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и причастие Святого Духа буди с вами. С такими чувствами прошу Ваше Святейшество принять выражение моего благоговейного почтения и братской любви о Господе. Августин кардинал Беа»²⁶³.

Священный Синод Русской Православной Церкви на заседании 10 октября 1962 года под председательством Святейшего Патриарха Алексия заслушал это приглашение из Рима и обсудил сообщение архиепископа Никодима о подготовке Второго Ватиканского Собора Римско-Католической Церкви и о беседах с монсиньором Виллебрандсом. В результате доклада архиепископа Никодима Священный Синод принял следующее решение (которое иногда квалифицировалось как историческое)²⁶⁴:

«1. Принять приглашение о направлении наблюдателей Московского Патриархата на Второй Ватиканский Собор Римско-Католической Церкви.

2. Наблюдателями Московского Патриархата на Втором Ватиканском Соборе назначить исполняющего обязанности представителя Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей профессора Ленинградской духовной академии протоиерея Виталия Борового и заместителя начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Владимира (Котлярова).

3. Определить следующее положение о наблюдателях Московского Патриархата на Втором Ватиканском Соборе:

а) наблюдатели подробно информируют Московский Патриархат о работе Второго Ватиканского Собора и об откликах на эту работу в церковных и общественных кругах, регулярно, не реже одного раза в неделю, докладывая о текущей работе Собора председателю Отдела внешних церковных сношений архиепископу Ярославскому и Ростовскому Никодиму и препровождая с докладами печатные материалы Собора, соответствующую периодику и публикации;

б) наблюдатели в пределах соборного статуса о наблюдателях, в случае необходимости, излагают перед соответствующими инстанциями Римско-Католической Церкви определенную позицию Московского Патриархата.

4. Поручить председателю Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии архиепископу Ярославскому и Ростовскому Никодиму регулярно информировать Священный Синод о работе Второго Ватиканского Собора»²⁶⁵.

В Риме вечером 10 октября 1962 г., накануне открытия Собора, стало

известно, что Русская Православная Церковь приняла решение послать своих наблюдателей на Собор. В некоторых заграничных православных кругах высказывалось мнение, что самостоятельное решение Русской Православной Церкви направить своих наблюдателей на Второй Ватиканский Собор является нарушением единства Православия и означает чуть ли не разрыв между Поместными Православными Церквями. Через своего сотрудника Спироса Алексиу афинская газета «Этнос» обратилась в Московскую Патриархию с рядом вопросов, касающихся посылки представителей Русской Православной Церкви на Второй Ватиканский Собор, причем был сделан акцент на «нарушение единства» и «разрыв между Церквями»²⁶⁶. На это архиепископ Никодим ответил следующее: «В обращении к отдельным Православным Поместным Церквям с предложением о направлении своих наблюдателей на Собор мы не видим ничего такого, что могло бы вызвать, как Вы пишете, разрыв между нами. Мы не считаем вопрос присутствия православных наблюдателей на Соборе проблемой, требующей общеправославного суждения, но рассматриваем в духе современного экуменического делания отдельных Поместных Церквей. И действительно, в задачу наблюдателей не входит, скажем, обсуждение проблемы восстановления молитвенно-канонического общения между нашей и Римско-Католической Церквями или других подобных вопросов, прерогатива решения которых всецело относится к общеправославной компетенции, а не к компетенции одной какой-то Церкви, поэтому различное отношение Поместных Православных Церквей к вопросу о посылке своих наблюдателей на Второй Ватиканский Собор мы не считаем могущим быть причиной или следствием какого бы то ни было разрыва между ними, поскольку в своих внутренних делах и в своих внешних сношениях каждая Православная Поместная Автокефальная Церковь независима от других Церквей»²⁶⁷. Отметим здесь, что впоследствии на Всеправославном Родосском совещании в 1963 году обсуждался вопрос о православных наблюдателях на Втором Ватиканском Соборе и возобладало мнение, что Автокефальные Православные Поместные Церкви должны решать этот вопрос самостоятельно²⁶⁸.

4 октября 1962 года папа Иоанн XXIII пожелал, имея в виду начало Собора, в самое ближайшее время совершить паломничество в Лоретто и Ассизи. Последним папой, совершившим паломничество в Лоретто, был Пий IX. Отправляясь в путешествие, папа Иоанн XXIII сел на президентский поезд, предоставленный ему итальянским правительством. Для этой цели впервые был использован Ватиканский вокзал, построенный после Латеранских соглашений. По всему пути следования поезда были предусмотрены остановки, чтобы дать возможность верующим получить папское благословение. В церкви Нотр-Дам де-Лоретто присутствовали на богослужении президент Италии Сеньи, кардиналы Тиссеран, Чиконьяни, Жиоббе, ди Джорно, Роберти и многочисленные верующие. В своей речи папа мысленно перенесся к событиям шестидесятилетней давности, когда он молодым семинаристом в 1900 году посетил этот храм. Воспоминания тех лет не оставили в сознании папы приятного следа, ибо в то время в Италии царил атмосфера презрительной иронии к религии и Католической Церкви. Спустя 60 лет папа вновь вспомнил слова, которые он тогда произнес: «Как я тебя люблю, Дева Мария Лореттская, и обещаю оставаться верным Тебе и образцовым семинаристом, но сюда я больше не приеду»²⁶⁹. Однако, по собственным словам папы, он неоднократно впоследствии приезжал сюда помолиться, и сегодня, приехав вознести свои мольбы о предстоящем Соборе, он несказанно рад той теплой встрече, какую оказали ему президент, кардиналы и дорогие его сердцу верующие. В заключение своей краткой речи папа Иоанн XXIII сказал: «Пусть этот престол храма Лоретто, который, по примеру наших предшественников, мы хотим украсить статуей Девы Марии, служит всегда открытым окном в мир, напоминанием о чудесных голосах, возвещающих об освящении

душ, семейств и народов. Пусть он будет напоминанием о полной согласованности с Церковью, об Евангельском благовестии, о братстве наций под знаком совершенного правосудия и справедливости, чтобы на всех и на вся распространилось милосердие Божие»²⁷⁰. После остановки на несколько часов в Лоретто папа Иоанн XXIII поездом проследовал в Ассизи, где в этот день отмечалась память святого Франциска. После продолжительной молитвы у крипты св. Франциска папа направился в Рим, куда прибыл к вечеру.

ОТКРЫТИЕ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

11 октября 1962 года состоялось открытие II Ватиканского Собора. Уже в половине седьмого утра многочисленная армия журналистов собралась при входе на территорию Ватикана у колокольной арки, с нетерпением ожидая открытия ворот. Около семи часов стража открыла ворота и журналисты, огибая апсиду собора св. Петра, направились к portalу Реццонио. Войдя в базилику, они заняли свои места по бокам трибун св. Елены и св. Лонгина. Около восьми часов в храм прибыли и первые епископы — те, которые из-за преклонного возраста не могли принять участия в торжественном шествии в храм отцов Собора. Однако таких епископов было очень мало. Вскоре прибыли наблюдатели, которым были отведены удобные места впереди трибун св. Лонгина и св. Андрея против папского трона, который был установлен впереди алтаря исповедания апостола Петра в центре среднего нефа. Вместе с наблюдателями находились монсиньор Виллебрандс и переводчики. На трибуне св. Лонгина разместились светские гости: официальные представители от 86 государств.

Центральный неф собора св. Петра был превращен в зал заседаний II Ватиканского Собора. Здесь были сооружены сидища на 3200 мест. Они имели форму прямоугольника со срезанными углами, длиной в 100 метров и шириной в 25 метров. Сидища были разделены на 40 блоков по 80 мест в каждом. Сидища были оборудованы наушниками для слушания перевода. Ораторы могли произносить свои речи не отходя далеко от своих мест, так как в проходах были установлены многочисленные микрофоны²⁷¹.

В 8 часов 30 минут из часовни св. ап. Павла через Бронзовые врата на площадь св. Петра направилась процессия отцов Собора. Шествовали они по старшинству, начиная с младших: аббаты и прелаты нуллус, епископы, архиепископы, патриархи, кардиналы. На открытии присутствовало 2540 соборных отцов. Все они были в белых митрах и таких же облачениях. Шествие заключал папа, он был не в папской тиаре, а в митре, подчеркивая этим не папский примат, а епископское достоинство. Гром приветствий многотысячной толпы сопровождал его на всем пути в собор св. Петра. Папа не хотел, чтобы в этот день его несли на «*sedia hestatoria*». Он хотел идти пешком, как и все отцы Собора. Однако крики народа, хотевшего видеть папу Иоанна, заставили его подняться на свое сидище и показаться перед всеми. Шествие сопровождалось пением гимна в честь Богородицы «Радуйся, звезда морская». Отцы Собора встретили появление папы аплодисментами. Папа взошел на трон и начал пение гимна «Прииди, Создатель Дух...» Все поднялись и присоединились к пению под мощные звуки органа.

Началось богослужение. Совершена была месса. Папа прочел особую молитву частично по-латыни, частично по-гречески, по-славянски и по-арабски. Ектения восточного обряда была также провозглашена на греческом, церковнославянском и арабском языках. Для евангельского чтения на греческом языке программой был намечен текст из 16-й главы Евангелия от Матфея, где говорится об исповедании апостола Петра и об обещании Господа Иисуса Христа создать Церковь Свою. Однако папа Иоанн XXIII, не желая подчеркивать перед восточными христианами, что он претендует на особые права и привилегии, прочитал по-гречески тот

текст, который был намечен для латинского евангельского чтения, в котором повествуется об апостольской миссии, что весьма соответствовало моменту открытия Собора: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19).

«Чтобы не удлинять и без того очень продолжительную церемонию открытия Собора, богослужение совершалось без особой нарочитой торжественности. Папа Иоанн XXIII хотел не внешнего блеска, а теплой, искренней молитвы. И сам он первый подавал пример. Чтение молитвы «Ad summus» было настоящей горячей мольбой, особенно сильно он подчеркнул слова «Да будем едино в Тебе и да ни в чем не отклонимся от истины»²⁷². После окончания богослужения папа Иоанн XXIII произнес речь. По общему признанию, речь папы 11 октября 1962 г. была подлинной программой Собора. Речь эта, более чем повестка дня, создавала определенную атмосферу на Соборе и вокруг него; речь эта определяла направление, которого следовало держаться. Она была по своему духу, несомненно, смелая, даже, как называли ее многие, «революционная». Однако во всех частях этой речи чувствовалось полное равновесие между всецелой верностью традиции и твердо выраженной обращенностью ко всему миру сегодняшнего дня. Папа Иоанн XXIII говорил языком надежды и ясно высказал свое несогласие с «пророками несчастий». По выражению кардинала Монтини, «это был голос отца и пророка, голос владыки, любящего мир. Речь эта — ключ для понимания всего остального»²⁷³.

«Досточтимые братья, — начал свою речь папа Иоанн XXIII, — сегодня Святая Матерь Церковь ликует, ибо наступил, по неизреченному дару Божественного Провидения, столь вожделенный день, когда здесь, у гробницы святого Петра, под покровительством Пресвятой Девы, Богоматерины Которой мы ныне празднуем, торжественно открывается Второй Ватиканский Вселенский Собор»²⁷⁴. Соборы, как вселенские, так и поместные, заметил папа, свидетельствуют о жизнеспособности Церкви и отмечают яркие моменты ее истории, поэтому и «решение нынешнего смиренного преемника святого Петра созвать это торжественное собрание имеет целью еще раз подтвердить преемственность вероучения Церкви, чтобы явить его в исключительной форме перед всеми людьми нашего времени, учитывая отклонения, требования и возможности нашего века»²⁷⁵.

Папа заметил, что, открывая данный Собор, необходимо обратиться к прошлому, откуда слышатся голоса, передающие нам свидетельство древних Соборов; «голоса, неизменно свидетельствующие о торжестве богочеловеческого учреждения — Церкви Христовой, принявшей от Иисуса имя, благодать и смысл»²⁷⁶. Напомнив о зародившейся у него мысли созвать Собор, папа Иоанн XXIII сказал, что «это было неожиданное озарение — искра небесного света, великая сладость в очах и сердце. И вместе с тем это вызвало огромный энтузиазм, внезапно пробудившийся во всем мире». Он выразил свое глубокое убеждение в том, что Церковь, озаренная сиянием этого Собора, обогатится духовными сокровищами и, почерпнув из них новые силы, будет бесстрашно смотреть в будущее, так как, по глубокой уверенности папы, благодаря умелому приближению к современности и мудрой организации взаимного сотрудничества, Церковь достигнет того, что отдельные люди, семьи и народы действительно обратят сердца к небесным сокровищам.

Папа Иоанн XXIII сделал особый акцент на том, что при повседневном исполнении своих пастырских обязанностей ему приходится сталкиваться со слухами, исходящими от людей, хотя и исполненных ревностью, но не обладающих чувством сдержанности. Эти люди в современной нам эпохе видят лишь бедствие и разложение. Они говорят, что нынешний век, по сравнению с предшествующим, всё более и более погрязает во зле. Люди ведут себя так, как будто они ничему не научились от истории. Но папа напомнил, что и в эпоху предыдущих Вселенских Соборов не всё обстояло так гладко, как это кажется некоторым, отнюдь не всё

тогда протекало под знаком полного торжества христианской идеи, христианской жизни и справедливой религиозной свободы. «Нам необходимо, — заявлял он, — сказать о нашем полном несогласии с этими пророками зла и несчастья, всегда предсказывающими разные бедствия, как будто наступает конец мира. При современных событиях, когда человеческое общество находится на повороте, лучше стараться познавать намерения Божественного Провидения, которые в последовательности времени и заботах людей мудро следуют к намеченной цели на благо Церкви»²⁷⁷.

Указав на то, что в прошлом Церкви приходилось преодолевать разного рода трудности и опасности, папа сказал: «С глубокой надеждой и великим утешением видим мы ныне, что Церковь, освободившись, наконец, от столь многих препятствий мирского характера, которые существовали в прошлом, может через вас возвыситься из этой ватиканской базилики, как из второй апостольской горницы, свой голос, исполненный величия и мощи»²⁷⁸. Продолжая свою речь, папа Иоанн XXIII говорил далее о задачах Собора, о взаимоотношениях Церкви и мира. Он как бы вписывал Церковь и Собор в современную эпоху, призывал не осуждать мир за его ошибки, а показать ему подлинное богатство Церкви, истину и милосердную любовь. Церковь не должна замыкаться в себе, она должна продвигаться вперед и не отставать от времени. Собор должен осуществить и выявить присутствие Церкви в мире и сделать ее благовестие доступным разуму и сердцу современного человека. В Церкви всегда были и есть люди, которые, посвящая все свои силы достижению евангельского совершенства, не забывают и о том, чтобы приносить пользу обществу. Благодаря постоянному примеру их жизни и их делам милосердия, в человеческом обществе возрастают и укрепляются все его самые высокие и благородные силы.

Говоря об отношении Церкви к науке, папа сказал: «Церковь не проявила равнодушного безразличия к чудесному прогрессу открытий человеческого ума и оценила их по справедливости, но, следя за этим развитием, она не перестает увещевать людей, чтобы они, возвышаясь над видимыми вещами, обращали взоры к Богу — Источнику всякой мудрости и всякой красоты, не забывая важнейшей заповеди: «Возлюбиши Господа Бога твоего и Тому единому послужиши», дабы скоропреходящее очарование видимыми вещами не препятствовало истинному прогрессу»²⁷⁹.

Сегодня долг христианина заключается не только в том, чтобы хранить драгоценное сокровище вероучения, но и с крепкой волей бесстрашно посвятить себя делу, которого требует современная эпоха, продолжая идти по тому пути, по которому Церковь идет на протяжении двадцати веков. Кульминационным пунктом II Ватиканского Собора является не обсуждение того или иного положения церковного вероучения, не повторение учения древних и современных отцов и богословов, «для этого, — по словам папы, — не нужен был бы Собор, но от обновленной, радостной и спокойной верности всему учению Церкви, во всей полноте и точности, ...совершить скачок вперед, к большему углублению в догматическое учение, к формированию сознания людей в более полном соответствии аутентичному вероучению, которое должно изучаться и излагаться с помощью таких форм исследования и такой терминологии, которые присущи современной мысли. Одно дело — сущность древнего вероучения, входящего в сокровищницу веры, а другое дело — формулировка, в которую оно облекается: именно на это следует обратить величайшее внимание»²⁸⁰.

Открывая II Ватиканский Собор, Католическая Церковь ясно видит, что истина Господня пребывает во век. Чередование эпох показывает, что мнения человеческие меняются, взаимно исключая друг друга, многие заблуждения исчезают, едва появившись на свет. И Церковь всегда выступала против заблуждений, часто она и осуждала их с величайшей строгостью. Сегодня же, по словам папы Иоанна XXIII, «она предпочитает обращаться к врачеванию милосердием, а не суровостью: она хочет идти

навстречу нуждам современности, демонстрируя силу своего учения, не прибегая к осуждениям... Люди сейчас всё более убеждаются в величайшей ценности достоинства человеческой личности. Ещё важнее, чтобы они убедились на опыте, что насилие по отношению к другому, сила оружия, политическое господство не могут привести к счастливому разрешению серьезных проблем, которые их терзают»²⁸¹.

Папа также говорил о том, что через посредство своего Собора Церковь возносит факел религиозной истины, хочет показать себя любящей матерью, снисходительной, терпеливой, исполненной милосердия и доброты по отношению к отделившимся от нее чадам. Она хочет обратиться к человеческому роду, обремененному трудностями, со словами, которые сказал некогда апостол Петр хромоту, попросившему у него милостыни: «Серебра и злата нет у меня, а что имею, то даю тебе: во Имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи» (Деян. 3, 6). Другими словами, Церковь не предлагает современным людям временных благ, не обещает им чисто земного блаженства, но она приобщает их к благам Божественной благодати, которые, возводя людей в достоинство чад Божиих, являются самой сильной опорой и помощью в стремлении людей жить более человеческой жизнью. Церковь помогает людям лучше понять самих себя, свое высокое достоинство, свою цель. Наконец, она несет семена христианской любви, которые лучше всего помогают истребить семена раздоров и укоренить согласие.

Затронув проблему общехристианского единства, папа Иоанн XXIII с прискорбием отмечал, что христианская семья еще не достигла видимого единства в истине. Однако со стороны Католической Церкви прилагаются большие усилия, направленные на достижение такого единства. Мало того, II Ватиканский Собор подготавливает почву, во всяком случае должен подготовить, к единству всего рода человеческого, которое необходимо для дальнейшего существования человечества.

Заканчивая свою речь, папа Иоанн XXIII сказал: «Открывающийся Собор встает в Церкви, как предвестник лучезарного света. Сейчас чуть брезжит заря, и уже этот признак наступающего дня наполняет наше сердце невыразимой радостью. Всё, что дышит святостью, пробуждает радость... Можно сказать, что небо и земля соединяются в торжестве Собора: на небе святые, покровительствующие нашей работе, на земле — верующие, непрестанно молящиеся Господу, и вы, следующие веления Святого Духа, дабы этот общий труд соответствовал современным ожиданиям и нуждам различных народов. Это требует от вас ясности духа, братского согласия, умеренности в проектах, достоинства в дискуссиях, мудрости в решениях... Всемогущий Боже, — закончил молитвой свою речь папа, — на Тебя возлагаем мы всё наше упование, не надеясь на собственные силы. Призри милостиво на сих пастырей Твоей Церкви. Свет Твоей небесной благодати да поможет нам в принятии решений и издании законов, услыши молитвы, которые мы возносим Тебе в единстве веры, едиными устами и единым сердцем»²⁸².

Речь папы Иоанна XXIII произвела глубокое впечатление в мире и привлекла внимание к Риму многих как верующих, так и неверующих. Прежде всего всех поразил оптимизм папы Иоанна XXIII, ярко выраженный в его речи. Следует отметить, что в то время мир находился на грани войны (кубинский кризис). Официальный орган Итальянской коммунистической партии газета «Унита» в первом же своем номере, вышедшем после открытия Собора, отметила бодрый оптимизм папы как самую характерную черту его речи при открытии Собора. В корреспонденции американского телеграфного агентства «Юнайтед Пресс Интернэйшнл» из Рима говорилось, что речь папы «была, быть может, самой оптимистической из всего сказанного папами за столетия. Восемьдесятiletний папа, уроженец горного селения, не только уверен в помощи Божией и в конечном спасении: он оптимист и в отношении мира сего, нынешнего века и этой жизни. Он высмеял пророков уныния и мрака, вечно предрекающих бед-

ствия и чуть ли не конец света. Его ничуть не страшат ни атомная бомба, ни равнодушие, ни гонения»²⁸³.

Более церковным языком в своей оценке оптимизма папы Иоанна XXIII выразился присутствовавший на Соборе о. Антуан Венгер, редактор парижской католической газеты «Ля Круа». Он писал: «Мир переживает кризис. Но этот кризис не предвещает беды, как утверждают голоса пессимистов. Намерением папы было восстать против этого пессимизма». Ссылаясь на статью под заглавием «Упование папы», напечатанную в официальном органе Ватикана «Оссерваторе Романо» накануне открытия Собора 10 октября 1962 года, о. А. Венгер говорит, что «в статье уже упоминается необоснованный пессимизм, предрекающий, что мир устремляется к катастрофе». Далее он приводит из этой статьи слова папы Иоанна XXIII, сказанные им еще на сессии Центральной комиссии: «Наши труды могут способствовать распространению атмосферы доверия, надежды, взаимного сотрудничества в духе уважения к человеческой личности, искупленной Христом, в целях подготовки и защиты мира ради блага всего человечества». Относительно оптимизма папы Иоанна XXIII о. Венгер делает и такое замечание: «Собор был свободным. Свободным был его созыв, свободным было и его начало. Свободным будет и течение соборных прений. В прошлом короли и императоры оказывали на Соборы тайное или явное воздействие. Никогда еще в истории Собор не созывался при столь благоприятных обстоятельствах»²⁸⁴.

На другой день после открытия II Ватиканского Собора, в пятницу, 12 октября 1962 года, папа Иоанн XXIII в Сикстинской капелле в Ватикане дал аудиенцию прибывшим на открытие Собора делегациям от правительств государств, от международных организаций, учреждений и институтов. Ватиканский официоз «Оссерваторе Романо» перед сообщением об этой торжественной аудиенции и речи папы сделал такое заявление, напечатанное крупным шрифтом: «Перед лицом чрезвычайных представительств народов папа утверждает моральную силу христианства: благовестие истины, справедливости и мира»²⁸⁵. Парижская католическая газета «Ля Круа» статье об этом событии предпослала следующие слова: «Папа просит: пусть государственные деятели будут готовы на все жертвы, чтобы спасти мир во всем мире»²⁸⁶.

К приглашенным на аудиенцию папа Иоанн XXIII обратился с речью. После обычного приветствия папа заявил, что настоящая встреча вновь пробудила в нем то радостное волнение, которое он переживал накануне в соборе св. ап. Петра на торжестве открытия II Ватиканского Собора. Прежде всего он считает своим долгом выразить собравшимся свою признательность за их присутствие на Соборе, которое «придало этому событию еще более торжественный характер, отраженный во всем мире и среди всех людей доброй воли»²⁸⁷. Поэтому папа со своей стороны пожелал ответить на это исключительное событие столь же исключительным по своей необычности актом, приняв дипломатов в Сикстинской капелле, где, по его словам, «обычно совершаются только литургические торжества, а также, как известно, собираются кардиналы для избрания нового папы»²⁸⁸. Папа Иоанн XXIII говорил далее, что он испытывает глубокое волнение от сознания, что четыре года назад он, смиренный патриарх Венецианский, был избран здесь на папский престол, а теперь, сказал он: «Всеблагое Провидение посылает нам радость открыть Вселенский Собор и увидеть огромное большинство народов земли представленным в вашем славном лице при этом событии, которое уже повсеместно привлекает внимание людей к Католической Церкви»²⁸⁹.

Папа отметил, что настоящая встреча занимает особое место среди соборных торжеств, ибо она ясно показывает, что Собор, помимо своего религиозного значения, являет и другой аспект — общественный. Хотя он в первую очередь касается Римско-Католической Церкви, и главной его задачей является демонстрация ее жизнеспособности и ее духовной мис-

сии, но Собор хочет также найти средства для того, чтобы Евангельское учение должным образом проявлялось в жизни и чтобы народам было легче его воспринимать. Собор хочет, продолжал папа, показать миру, как надо выполнять в жизни учение его Божественного Основателя, Начальника мира. Действительно, тот, кто живет в соответствии с этим учением, способствует установлению мира и истинного благополучия»²⁹⁰.

Затем папа Иоанн XXIII, указав на находящуюся в Сикстинской капелле знаменитую картину Микеланджело «Страшный суд», один из шедевров его творчества, заметил, что серьезность этого художественного творения заставляет задуматься и поразмыслить. «Да, — сказал он, — мы должны будем дать ответ перед Богом — мы и все главы государств. Все мы ответственны за судьбы народов. Пусть все помнят, что настанет день, когда они должны будут дать ответ за свою деятельность Богу Творцу, Который будет также их Верховным Судьей. Руководствуясь своей совестью, пусть они прислушиваются к отчаянному воплю, который возносится к нему со всех концов земли от невинных младенцев и старцев, от отдельных людей и целых общин: мира, мира! Пусть эта мысль о неизбежности ответа заставит их употребить все усилия для достижения этого блага, являющегося для всего рода человеческого высшим из всех благ. Пусть они продолжают встречаться, разговаривать, пусть они достигнут искренних, великодушных, справедливых соглашений. Пусть они будут готовы также принести необходимые жертвы ради спасения всеобщего мира. Народы смогут тогда трудиться в климате отрадного спокойствия; все достижения науки будут служить делу прогресса и способствовать тому, чтобы пребывание на этой земле было бы всё более приятным»²⁹¹.

В этот же день, 12 октября 1962 года, произошло событие, привлекшее большое внимание мировой прессы. В этот день прибыли в Рим наблюдатели от Русской Православной Церкви, официально делегированные на Собор постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода Русской Церкви. В аэропорту Фиумичино представителей Русской Православной Церкви протоиерея Виталия Борового и архимандрита Владимира (Котлярова) встретили монсиньор Иоанн Виллебрандс и монсиньор Арриги. Проезжая по пути с аэродрома в Рим мимо базилики св. агостоло Павла «вне стен», посланцы Русской Церкви пожелали остановиться и почтить священное для христиан место, где, по преданию, великий апостол языков принял мученическую кончину»²⁹². На следующий день, в субботу 13 октября 1962 года, русские православные наблюдатели присутствовали на мессе перед началом заседания Собора и были свидетелями знаменательного первого соборного заседания. Французская газета «Темуньяж Кретъен» писала: «Прибытие в Рим двух православных русских наблюдателей, на которое в настоящий момент уже больше не надеялись, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Каковы бы ни были причины принятия Священным Синодом Русской Православной Церкви решения направить наблюдателей на Второй Ватиканский Собор, оно всё же является показателем довольно нового климата»²⁹³.

В этот же день папа Иоанн XXIII принял в специальной аудиенции наблюдателей не католиков и гостей, приглашенных на Второй Ватиканский Собор. Аудиенция происходила в зале консисторий, причем папа сидел не на троне, а в кресле. Кардинал Беа представлял по очереди 39 наблюдателей и гостей папе, который каждому говорил несколько приветственных слов, а затем обратился ко всем присутствующим с речью. «Сегодняшняя в высшей степени радостная встреча, — сказал папа, — будет проста и дружелюбна, полна почтения и кротости. Я не претендую на особую вдохновение. Я довольствуюсь здравым учением о том, что всё исходит от Бога. В этом смысле я считаю идею Собора, начавшегося 11 октября, внушением свыше. Я признаюсь вам, что это был для меня день великого потрясения... Я не буду больше об этом говорить в настоящий момент, но удовлетворюсь воспоминанием об этом факте... Однако, если

бы вы могли читать в моем сердце, вы, может быть, поняли бы гораздо больше, чем можно сказать словами»²⁹⁴.

За время своего служения Церкви Христовой в священном сане папа неоднократно, вспоминал он, встречался с христианами различных исповеданий, но он не может припомнить ни одного случая, «чтобы мы, — говорил он, — разошлись в принципе или между нами было какое-нибудь разногласие в области любви, в общем деле помощи нуждающимся, которую обстоятельство времени делали необходимой. Мы не торговались, мы беседовали, мы не спорили, но были доброжелательны друг к другу. И сегодня ваше радостное присутствие здесь и волнение нашего священнического сердца, волнение моих товарищей-сотрудников и, я уверен, ваше собственное волнение соединяются, чтобы показать вам, что в моем сердце горит намерение трудиться и страдать, чтобы ускорить час, когда для всех людей молитва Иисуса на Тайной Вечере достигнет исполнения...»²⁹⁵ Говоря о задачах ближайших дней, папа говорил, что намерение Католической Церкви — склониться над своей работой великодушно; ваша задача — наблюдать ее с новым и дружеским вниманием»²⁹⁶. На этой аудиенции присутствовали и прибывшие накануне русские наблюдатели, единственные представители Восточного Православия. По словам о. А. Венгера, на них во время аудиенции обращалось больше всего внимания. «В Риме, — писал он, — что бы ни происходило, корреспонденты, фотографы и даже отцы Собора только и смотрели что на русских. Отношение вполне естественное ввиду необычности самого факта их присутствия»²⁹⁷. Следует отметить, что наблюдатели в зале консистории занимали место согласно протоколу, по которому представители Русской Православной Церкви занимали первое место²⁹⁸, далее шли представители Коптской, Эфиопской, Сирийской и Армянской Церквей. После них делегация Англиканской Церкви и затем представители различных протестантских деноминаций. На следующий день многие газеты поместили заметки об этой аудиенции. В частности, газета «Иль Темпо» цитировала рассуждения некоторых участников аудиенции: «Папа? Это Божий человек, который своей простотой покоряет души людские, человек молитвы, епископ, готовый на любые жертвы», — говорили протестанты; «папа производит впечатление большого спокойствия, искренности и пастырской мудрости. Большая честь быть так сердечно принятыми как бы по-семейному», — говорили англикане²⁹⁹. Во французской газете «Фигаро» журналист Жан Гиттон замечал следующее: «Преклонение представителей Москвы (т. е. наблюдателей РПЦ. — М. Н.) перед наследником святого Петра контрастирует с приветствием квакеров и методистов»³⁰⁰. Эти слова нуждаются в пояснении. Дело в том, что представители Русской Православной Церкви, видя в папе Иоанне XXIII иерарха, преемника апостолов и носителя благодати, в начале аудиенции целовали руку папы, в то время, как представители протестантских церквей и деноминаций ограничивались лишь пожатием папской руки. Видимо, это удивило французского журналиста.

В этот же день папа Иоанн XXIII, несмотря на сильное утомление, пожелал принять в Сикстинской капелле журналистов, оказав им, таким образом, ту же честь, что и членам дипломатических представительств. Папа, по всеобщему признанию, положительно покорила журналистов из советского агентства ТАСС, как это отмечает представитель газеты «Иль Темпо», сидевший в прекрасном кресле, в первом ряду, очень близко от папского трона. Его видели также беседующим с помощью государственного секретаря монсиньора Делль Аква³⁰¹.

В своем обращении к журналистам папа Иоанн XXIII говорил об их долге по отношению к Церкви, к Собору и к истине. Он напомнил о том, что на следующий день после своего избрания папой он принял журналистов со всех концов мира. Неоднократно приходилось встречаться папе с тружениками прессы и на протяжении четырех лет его понтификата.

Папа напомнил, что пресса — это, в первую очередь, орудие истины.

Было время, когда печать охватывала сравнительно небольшой круг людей, сегодня она ориентирует мысли и чувства большей части человечества. Искажение истины органами информации может повлечь за собой неисчислимые бедствия. Перед многими журналистами стоит соблазн принести свою добросовестность в жертву вкусам определенной клиентуры, преподнести непроверенные сенсации и обходить молчанием объективные и правдоподобные вещи. Иногда придается слишком большое значение какой-нибудь внешней детали и в то же время затуманиваются реальные события. «Вы понимаете, — говорил папа Иоанн XXIII, — что это приводит к затемнению истинного положения вещей. Это становится особенно важным, когда относится к самому священному на свете — области религии и познания Бога душой»³⁰².

В субботу, 13 октября 1962 года, состоялось первое деловое заседание Собора. Председательствовал кардинал Тиссеран. Как полагалось по регламенту Собора, перед этим заседанием была совершена месса, за которой присутствовали и прибывшие накануне наблюдатели от Русской Православной Церкви. Совершал мессу монашьюр Флорит, архиепископ Флорентийский. Перед заседанием было торжественно внесено Евангелие и положено на специальное возвышение среди отцов Собора, по окончании заседания оно было вновь внесено в Ватиканскую библиотеку. Поскольку начальная стадия работ Собора должна была проходить в соборных комиссиях, вполне естественно, что первым вопросом, поставленным на решение отцов Собора, был вопрос о выборных членах соборных комиссий. В каждую соборную комиссию десять членов (в том числе и председатель) назначались папой, а шестнадцать членов должны были быть избраны Собором. Председательствовавший кардинал Тиссеран представил слово генеральному секретарю Собора архиепископу Феллчи. Монашьюр Феллчи предложил отцам Собора приступить к выборам членов соборных комиссий, а именно — провести голосование по заранее составленным спискам кандидатов, которые были заранее розданы отцам.

Тогда сидевший за столом президиума один из членов Председательского совета, кардинал Лиенар, епископ Лилльский (Франция), попросил слово. Он заявил, что поскольку отцы Собора недостаточно знают предложенных кандидатов, они должны, собравшись группами по национальному признаку, предварительно обсудить кандидатуры тех, кого они изберут членами соборных комиссий. Поэтому выборы следует отложить³⁰³. Выступление кардинала Лиенара было встречено бурными аплодисментами. Как только воцарилась тишина, другой член Председательского совета, кардинал Фрингс, архиепископ Кёльнский (ФРГ), взял слово. Он от своего имени и от имени кардинала Дёпфнера и кардинала Кёнига выразил свое согласие с предложением кардинала Лиенара. Последовал взрыв аплодисментов³⁰⁴. Следует отметить, что до этого кардинал Тиссеран предупредил, что намеченные кандидатуры не являются окончательными, а предлагаются на усмотрение отцов Собора. После краткого совещания предложение было принято. Всё было ясно. Собор выразил свою волю. Не требовалось даже ставить на голосование этот вопрос. Председательствующий кардинал Тиссеран объявил заседание закрытым. Оно длилось около получаса.

Так начал свою работу II Ватиканский Собор. Консервативная часть «старой гвардии» явно потерпела поражение. Попытка провести в соборные комиссии удобные им кандидатуры, сделать из этих комиссий простые исполнительные органы Римской курии не удалась.

Первое общее заседание Собора, исключительное по своей краткости, привлекло всеобщее внимание. Уже в вечерних газетах того же дня появились сообщения о нем под сенсационными заголовками вроде: «Собор восстал против курии», «Французские епископы подняли восстание на Соборе», «Лиенар во главе наступления на курию» и т. п.³⁰⁵ Но, оставляя в стороне эту свойственную западной прессе погошо за сенсацией, нельзя

не признать, что действительно произошло нечто знаменательное. Как писала французская газета «Liberation», «отцы Собора отказываются превратить свою ассамблею в палату, попросту регистрирующую законы; они не желают поддельного Собора»³⁰⁶. По словам о. Антуана Венгера, «13 октября на Соборе появилась новая реальность: реальность епископских конференций, вполне сознающих свою ответственность и свою власть. И это понятие епископской коллегальности в течение Собора не переставало принимать всё более определенные очертания»³⁰⁷.

«Жест кардинала Лиенара, — писал о. Ив Конгар, один из выдающихся богословов Римско-Католической Церкви, — имел большое значение и определил в очень значительной мере дальнейшее развитие Собора. Это был первый соборный акт, не в смысле какого-нибудь банального акта, совершённого в рамках Собора, не в смысле какой-либо неприемлемой и недопустимой пародии на соборность, но в смысле свободного соборного обсуждения и решения. И этот жест выявил волю епископов рассматривать, изучать и решать дела самим, отстраняя даже признак всего заранее сфабрикованного или даже незаметно подсказанного. Такого же, без сомнения, и суждение Святейшего Отца, который, хотя и отсутствует телом, душой и сердцем присутствует во всех починах Собора»³⁰⁸.

После заседания папа Иоанн XXIII принял всех членов Президиума и имел с ними трехчасовую беседу. Газета «Франс Обсерватор» писала, что папа «был явно в восторге: прошедшее заседание ободрило его, позиция кардинала Лиенара непосредственно помогает ему»³⁰⁹.

Таким образом дело избрания членов соборных комиссий оказалось в руках отцов Собора. По предложению кардинала Лиенара, Епископские конференции сразу собрались и в течение нескольких дней заседали ежедневно, а некоторые и по несколько раз в день. По всему городу происходили тогда собрания епископов разных национальностей (в Риме почти каждая национальность имеет свой центр: храм, представительство, школу или обитель). Между конференциями непрерывно поддерживалась связь.

Этот инцидент с выборами членов соборных комиссий весьма положителен по своему значению и своим результатам. Так или иначе, но он показал наличие соборного начала в Римско-Католической Церкви.

Руководимый кардиналом Лиенаром французский епископат и прикмувший к нему канадский епископат, возглавляемый примасом Канады архиепископом Монреальским кардиналом Леже, почитателем и единомышленником кардинала Лиенара, выдвинули идею о специальном послании, об обращении Собора к современному человечеству. Правда, есть основания полагать, что сама идея принадлежала папе Иоанну XXIII, но реализовать ее было поручено французам и канадцам. Кардинал Лиенар был принят папой на аудиенции и, хотя подробности этой встречи неизвестны, по общепринятому мнению, папа Иоанн XXIII горячо поддержал это начинание. Известному церковному писателю, французскому доминиканцу аббату Шеню, человеку передовых взглядов и широкого кругозора, было поручено составить проект этого «Обращения». Собор рассмотрел составленный проект на заседании 20 октября, внес небольшие дополнения, сделал три поправки стилистического характера и, после рекомендованного папой получасового молитвенного размышления, принял текст «Обращения»³¹⁰. Появление этого документа было одним из наиболее важных и положительных начальных актов Второго Ватиканского Собора. Обращение было сочувственно встречено во всем мире передовыми людьми самых различных направлений.

«Обращение» было составлено в стиле папы Иоанна XXIII и находилось под несомненным влиянием его речей 11 и 12 октября, являясь откликом на содержащиеся в этих речах мысли. Этот документ должен был свидетельствовать о заботе Церкви о материальных и духовных нуждах народов, о ее внимании к их страданиям и чаяниям. «Обращение» имело три аспекта — религиозный, социальный и политический.

Первая его часть выявляет религиозные вопросы. Отцы Собора в таких словах свидетельствуют о своем собрании: «Пребывая через молитвы едиными с Мариєю, Матерью Иисуса, мы, преемники апостолов, собраны здесь в целокупности тела апостольского»³¹¹. В первой части «Обращения» Собор говорит миру о неизреченной любви Небесного Отца к людям, об искупительной жертве Сына Божия, о благодатном водительстве Святого Духа, под знаком Которого и собрался Собор.

Далее отцы Собора говорили о явлении социального зла и о социальных настроениях в современном мире. «Со всех концов земли, — говорили они, — мы принесли в своих сердцах трудности, телесные и духовные нужды, печали, чаяния и надежды всех вверенных нам народов. Нас заботят все проблемы и беспокойства, бушевавшие современного человека. Нам бы хотелось распространить нашу заботу на всех угнетенных, на самых бедных, на самых слабых; подобно Христу, мы хотим сострадать множеству, страждущему от голода, нищеты и темноты. Мы со всеми теми, которые из-за отсутствия надлежащей помощи не смогли еще достичь достойного человека уровня развития. Поэтому значительную часть предстоящих нам трудов мы уделим земным проблемам, относящимся к человеческому достоинству и подлинному братству между народами, ибо «любовь Христова объемлет нас» (2 Кор. 5, 14), ибо «кто..., видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин. 3, 17)³¹².

Ссылаясь на обращение по радио папы Иоанна XXIII от 11 сентября 1962 года, отцы Собора говорят далее: «Прежде всего — проблема мира между народами. Кто не испытывает отвращения к войне? Кто всеми силами не стремится к миру? И Церковь более всех, ибо она Мать всему. В лице папы она не перестает провозглашать свою любовь к миру, свою волю к миру. Она готова всегда оказать свою помощь всякому искреннему усилию в пользу мира. Всеми силами трудится она над сближением народов, над их взаимопониманием и взаимным уважением. Настоящий наш Собор, члены которого являют такое разнообразие рас, наций и языков, не свидетельствует ли об общении в братской любви, не является ли он видимым знаменем этого общения? Мы свидетельствуем, что все люди братья, к какой бы расе или нации они ни принадлежали»³¹³. Отцы Собора задают вопрос, для чего сегодня нужна Церковь? И дают такой ответ: «Церковь как никогда нужна современному миру, чтобы осудить неправду и вопиющие несправедливости, чтобы сделать жизнь более человеческой и более соответствующей принципам Евангелия»³¹⁴. У Церкви нет экономических возможностей и земной власти, но она полагает свою надежду в служении миру на силу Святого Духа, которую Христос обещал Своей Церкви. «Мы горячо зываем к нашим братьям, — говорилось в заключении «Обращения», — верующим во Христа и ко всем людям доброй воли, которых Бог «хочет спасти и в разум истины привести», пусть присоединятся к нам, чтобы сами могли строить в этом мире более братское и справедливое общество. Таково Божие предназначение, устрояющее на земле Царство Его, это отражение дальнего Царства Небесного. Пусть в этом мире, столь отдаленном от желаемого мира, встревоженном нависшими над ним угрозами технического прогресса, восторжествует свет великой надежды на Иисуса Христа, Единого Спасителя»³¹⁵.

Следует отметить, что настоящий акт Собора явился весьма симптоматичным. Достаточно вспомнить, что вся подготовка ко Второму Ватиканскому Собору протекала при весьма напряженной международной обстановке, а к моменту его открытия тучи еще более сгустились. Поэтому «Обращение» помимо всех своих достоинств было к тому же и очень своевременным, имело подлинно жизненное значение.

На Генеральной ассамблее 22 октября 1962 года — четвертой по счету — началась деловая часть первой сессии Второго Ватиканского Собора. На обсуждение отцам Собора была предложена литургическая схема или

схема по богослужению. Выбор этой схемы в качестве первой для обсуждения не был случайным: он, в сущности, вытекал из самой цели, которую папа Иоанн XXIII поставил при созыве Собора. А цель эта, как мы уже не раз отмечали,— внутреннее обновление Римской Церкви. И папа в своих выступлениях, и отцы в своем «Обращении» определили характер Второго Ватиканского Собора как «пастырский». Вполне естественно, что схема о богослужении более всего отвечала конечным целям Собора и пастырским нуждам Церкви. Если учесть, что литургия (и в особенности Евхаристия) являются центром церковной жизни, то и изучение литургических вопросов было делом первостепенным. Правда, широкая публика и мировая печать были несколько разочарованы выбором темы для соборного обсуждения. Ожидалась постановка, с точки зрения общественности, более «актуальных» вопросов. Папа Иоанн XXIII, его сподвижники и вся передовая прогрессивная часть Римской Церкви чутко прислушивались к общественному мнению, но делали это разумно и, конечно, не собирались удовлетворять в первую очередь любопытство падких до сенсации корреспондентов различных периодических изданий.

На первой сессии Второго Ватиканского Собора обсуждению литургической схемы было посвящено пятнадцать генеральных конгрегаций (с 22 октября по 13 ноября). По этой теме на заседаниях было 329 выступлений, а в Секретариат Собора было подано 625 письменных замечаний. Следует упомянуть о решении папы Иоанна XXIII, которое было оглашено на Генеральной конгрегации 22 октября. Это решение было принято в самом начале деловых заседаний и, как нам кажется, дало определенное направление рассуждениям на Соборе. В этот день генеральный секретарь Собора архиепископ Феличи объявил постановление папы о том, что Секретариат по содействию христианскому единству приравнивается по своим функциям и полномочиям ко всем остальным 10 соборным комиссиям. Секретариат имеет право наблюдения за ходом работ остальных комиссий с тем, чтобы там не возникало ничего, что могло бы помешать делу сближения христиан. Секретариат уполномочен делать представления соответствующим комиссиям и обращаться в случае нужды к самому папе за содействием. Таким образом Секретариат фактически был поставлен выше десяти комиссий, и до некоторой степени по своему значению приравнивался к Секретариату по чрезвычайным делам³¹⁶.

Имеющиеся у нас на руках материалы о Втором Ватиканском Соборе убедительно говорят, что по многим вопросам среди отцов не было единодушия. «Старая гвардия» кардиналов и епископов не желала без боя сдавать свои позиции. Высказывания прогрессивно настроенных отцов неизменно наталкивались на мощное сопротивление. Проводились длительные дискуссии, на которых выступали многие епископы, но дебаты не приводили к нужному результату. Папа Иоанн XXIII, зорко следивший за ходом соборных рассуждений (по телевизору), со своей стороны, не позволял заходить таким бесплодным дебатам слишком далеко. Не нужно далеко ходить за примером: на Генеральной конгрегации 6 ноября 1962 года, когда шла речь о причащении под двумя видами, генеральный секретарь Собора по указанию Президиума взошел на кафедру и объявил, что поступило предложение папы о том, чтобы не слушать последующих отцов, за кончить дискуссию по второй главе и перейти к обсуждению третьей³¹⁷. Характерно еще и то, что как раз следующим должен был выступать митрополит украинских униатов в Канале Максим Германюк, глава группы украинских епископов. Эта группа была очень враждебно настроена по отношению к Русской Православной Церкви (даже распространяла прокламации на Соборе). Многие с тревогой ожидали, что митрополит Максим в своем выступлении сделает враждебные выпады против Русской Церкви, а также против социалистических стран. Все это, конечно, не содействовало бы установлению атмосферы взаимопонимания. Распоряжение папы определило подошедшего уже к микрофону украинского мит-

рополита. Нельзя думать, что это только простое совпадение или случайность, здесь явно чувствуется действие мудрой руки папы Иоанна XXIII.

14 ноября 1962 года на девятнадцатой Генеральной ассамблее под председательством кардинала Тиссерана началось обсуждение схемы об источниках Божественного Откровения, составленной богословской комиссией под председательством кардинала Оттавиани. По его поручению текст назначенной к обсуждению темы зачитал монсиньор Сальваторе Гарофале, один из видных представителей курии, ученый священник, совмещающий целый ряд важных должностей (ректора одного из папских университетов, консультанта нескольких конгрегаций, члена папской библейской комиссии и др.), один из столпов консервативного направления.

Среда, 14 ноября, была «историческим днем» II Ватиканского Собора. Действительно, по общему признанию, за всю первую сессию Собора этот день был самым интересным в богословском отношении³¹⁸. Серьезность самого предмета обсуждения выступлений наиболее авторитетных отцов разных направлений превратила это заседание в диспут «на самом высшем уровне»³¹⁹. Весьма далекая от Церкви парижская газета «Монд» писала в эти дни: «Генеральная ассамблея представляла собой исключительный интерес. И до такой степени, что одни называли ее «исторической», а другие из отцов утверждали: «Собор по-настоящему начался лишь в эту среду...» Возвышенный тон всего заседания поразил всех епископов. Собор показал свою твердость и основательность. По качественному признаку и защита, и обвинение были на высоте...»³²⁰.

Что же вызвало столь возвышенные рассуждения газеты? После того, как монсиньор Гарофале окончил оглашение схемы, с речами поочередно выступили 15 отцов Собора, из них 11 кардиналов, один восточный патриарх и три архиепископа. Уже в первых выступлениях определилось соотношение сил. За схему высказались трое — кардинал Сири, кардинал Руффини и монсиньор Морсильо, архиепископ Сарагосский (Испания). Один из ораторов, кардинал Квируга-и-Паласиос (Испания), выступал за новую, исправленную редакцию схемы.

11 отцов Собора (8 кардиналов, восточный патриарх и два архиепископа) высказались против схемы. Первый удар нанес кардинал Лиенар, выступивший в этот день первым оратором. Он так и начал свою речь: «Эта схема для меня неприемлема»³²¹.

Довольно решительно выступил и патриарх Антиохийский Максим IV. В своей речи на французском языке (которым он принципиально неизменно пользовался во всех своих выступлениях, хотя в совершенстве владел латынью) он сказал, что формулировки схемы, «отжившие и устаревшие, годны для эпохи контрреформации или для времени антимодернизма, но никак не для наших дней». Текст схемы, по словам патриарха, «сплошь дышит полемикой, ограничен и представляет собой изложение суровое и осуждающее, а ведь народ жаждет слов утешительных и положительных, питающих христианское сознание, прокладывающих пути для экumenического диалога. Мы не можем одобрить схему. — продолжал патриарх Максим, — исходной точкой для которой служат богословские распри, которых Собор должен решительно сторониться и которых он должен быть совершенно чужд». Словами «я предлагаю просто полностью отвергнуть эту схему» патриарх закончил свою речь³²².

На этой ассамблее против схемы высказались также кардиналы Фрингс, Леже, Кёниг, Альфринк, Сюэненс и Беа. В их речах схема, подготовленная кардиналом Оттавиани, осуждалась как резко и однообразно отражающая воззрения лишь только одной определенной богословской школы, что в ней не учтены новейшие успехи как в области экзегетики Священного Писания, так и вообще в области теоретических наук.

Кардинал Оттавиани и его единомышленники не могли в принципе отрицать всего этого. Им казалось, что с нарушением в чем-либо буквы учения вся Церковь срывается с якоря. Их оппоненты справедливо воз-

ражали, что при всей законности сравнения Церкви с кораблем не следует забывать того, что назначение всякого корабля, а следовательно и церковного, заключается не только в том, чтобы стоять на якоре³²³.

Ко всем выступлениям присовокупил свой голос и Секретариат по содействию христианскому единству. Этот голос был веским и решающим. По поручению кардинала Беа с речью выступил монсиньор Де Смедт, епископ Брюггенский. Он говорил: «Предложения настоящего Собора должны дышать экуменическим духом. Эта схема заключает в себе существенные недостатки с точки зрения экуменической. Для диалога с некатоликами она представляет собой шаг не вперед, а назад, не помощь, а препятствие»³²⁴.

Стало очевидным, что большинство отцов Собора против схемы в той форме, в какой она была предложена. Продолжение дискуссии было бесполезным, поэтому было поставлено на голосование предложение о прекращении прений. 20 ноября под председательством кардинала Фрингса происходило это голосование. Противники схемы оказались в большинстве, но не смогли собрать требуемых регламентом двух третей голосов. Создалось трудное, если не безвыходное положение. Бесплодные дебаты грозили затянуться до бесконечности.

И тут папа Иоанн XXIII принял единственно правильное решение, которое вывело Собор из затруднения. Учитывая ясно выраженное настроение большинства, с которым он, конечно, был согласен, он игнорировал формальные результаты голосования и предложил прекратить прения и образовать новую специальную комиссию по пересмотру схемы, указав, чтобы эта новая комиссия была составлена из членов Богословской комиссии и Секретариата по содействию христианскому единству.

На последних Генеральных ассамблеях первой сессии, перед самым ее концом, обсуждалась наиболее важная в догматическом отношении из всех — схема о Церкви. В ходе экклезиологических дискуссий выявилось почти всеобщее стремление видеть в Церкви не статическую, а динамическую реальность, развивающуюся в пространстве и во времени, максимально расширить невидимые пределы Церкви в свете вселенского значения воплощения и искупления. Чувствовалось убеждение участников Собора в том, что следует помнить о правах Церкви, но и о ее обязанностях ко всему человечеству, о котором она должна заботиться, забывать нельзя.

Выступавшие в прениях по схеме высказывались и критиковали ее очень осторожно. Они делали замечания как по схеме в целом, так и по отдельным ее пунктам. Были отмечены положительные черты схемы: стремление дать ясное, основанное на Священном Писании богословское понятие Церкви, которое облегчило бы диалог с некатолическими братьями, а самих католиков укрепило бы в любви к их духовной матери; желание углубить учение о правах и обязанностях как клириков, так и мирян; постановка проблемы экуменизма³²⁵.

Но некоторые стороны схемы подверглись и резкой критике: это — недостаточная согласованность отдельных частей, юридизм в подходе к тем или иным вопросам, недостаточно глубокое понимание роли епископской власти и задач мирян в Церкви.

В выступлениях отцов Собора проявлялось стремление к коллегиальному управлению Церковью. Один из выступавших заметил: «Епископат существует по божественному праву, епископы должны играть свою роль в управлении Вселенской Церковью. Папа является папой потому, что он есть епископ Римский, а не наоборот. Христос избрал апостолов до того, как обратился к Петру»³²⁶.

Краткость оставшегося времени не позволила приступить к голосованию какого-либо пункта схемы, поэтому обсуждение ее было решено продолжить на второй сессии.

8 декабря 1962 года, в день праздника «Непорочного Зачатия», состоялось закрытие первой сессии Второго Ватиканского Собора. В этот день

папа Иоанн XXIII произнес заключительную речь. Он был физически очень слаб, обострилась его болезнь, и ему предстояла серьезная операция. Несмотря на запреты лечащих врачей, он явился в собор св. ап. Петра, и все присутствующие видели, как он, изможденный, с мертвенно-бледным лицом, двигался и говорил с огромным усилием³²⁷. И всё же заключительная речь папы Иоанна XXIII дышала оптимизмом. В ней папа кратко подвел итоги первой сессии Собора, но, главным образом, он обращался к будущему.

«Досточтимые братья, — обратился папа Иоанн XXIII к отцам Собора, — первая сессия Вселенского собрания, открывшегося в день празднования Богоматеринства Марии, закрывается сегодня, в день Непорочного Зачатия, в сиянии благодати, исходившей от Матери Божией и нашей общей Матери. Много великих событий в жизни Церкви озарено сиянием Марии, во свидетельство и залог ее материнского покрова»³²⁸.

Собор по существу своему есть акт веры и послушания воле Божией. Собор — это стремление жить в соответствии с божественными планами. Епископы, возвратившись с Собора, будут в своей повседневной деятельности черпать ободрение, вспоминая о своем пребывании в Риме. «Первая сессия, — продолжал папа, — была как бы медленным и торжественным вступлением в великую работу Собора, исполненным готовности, началом проникновения в сущность угодного Богу дела. Необходимо было, чтобы братья, прибывшие издалека и здесь собравшиеся вокруг одного очага, ближе познакомились друг с другом. Им надо было посмотреть в глаза друг другу, чтобы почувствовать биение братского сердца. Необходим был продуманный и чрезвычайно плодотворный обмен индивидуальным опытом пастырской деятельности, потребовалось некоторое время и на то, чтобы достигнуть согласия в вопросах, которые, не умаляя любви, послужили поводом для вполне понятных расхождений во мнениях, отражающих искреннюю заботу... Перед лицом всего мира это показало святую свободу чад Божиих, пребывающую в Церкви... Можно по праву прийти к заключению, что положено хорошее начало дальнейшим исследованиям»³²⁹. «Мы знаем, — говорил папа Иоанн XXIII, — что вы по возвращении из Рима передадите пылающий факел надежды и любви христианскому населению ваших стран. И вы сохраните связь с нами в горячей молитве... Наша работа продолжится в этом единении молитвы и воли. Сегодняшнее торжество отнюдь не означает окончания работы... О том, что работа должна продолжаться, свидетельствует создание новой комиссии (координационной. — М. Н.), состоящей из членов Священной Коллегии и епископата и таким образом представляющей всю Церковь. Комиссия должна будет наблюдать и направлять работу этих месяцев; вместе с различными соборными комиссиями она предложит надежные основания для счастливого завершения вселенского собрания. Поэтому в течение предстоящих девяти месяцев, несмотря на перерыв, Собор продолжает быть открытым. Каждый епископ, как бы он ни был поглощен своими пастырскими заботами, будет продолжать изучать и углублять находящиеся в его распоряжении схемы и весь остальной материал, который будет ему своевременно высылаться. Наше сердце бьется сильнее, исполняясь пламенной надеждой на достижение великих целей, ради которых мы пожелали собрать Собор»³³⁰.

Папа выразил понимание, что до сбора плодов еще далеко, это возможно только после завершения работ Собора, но его утешала мысль, что такие плоды всё же будут, причем они будут спасительными не только для Католической Церкви, но и для всех тех братьев, которые носят имя христиан. (Заметим, что здесь папа не упоминает о братьях, «отделенных от Апостольского Престола», ни о братьях «в отдалении сущих».)

28 марта 1962 года, в 18 часов, папа Иоанн XXIII прибыл на заседание Координационной комиссии Ватиканского Собора. Здесь он сообщил присутствующим о создании комиссии по пересмотру кодекса канонического права. Выразив свое удовлетворение текущей работой и ука-

зав на то, с каким вниманием он лично изучает все подготовительные документы ко второй сессии, папа заявил, что счастлив сообщить Координационной комиссии первое решение, которое он принял. Он сказал, что наступило время осуществить третью часть программы, сообщенной вне стен храма святого Павла 25 января 1959 года: Римский Синод, Вселенский Собор, Кодекс канонического права. Конечно, заняться этим вплотную можно будет только после закрытия Собора, так как это надо будет делать согласно решениям и ориентации, принятым Собором. Но уже сейчас нужно наметить ту организацию, которая будет этим заниматься.

Затем папа Иоанн XXIII пояснил, почему он так решил. С одной стороны, соборные комиссии были вынуждены значительно сократить схемы, приготовленные ранее, и отправить на пересмотр многие части кодекса, не требующие обязательной авторизации Собором. Таким образом, они смогут обсуждать эти вопросы с организацией, которой будет поручен пересмотр кодекса. С другой стороны, создавая такую организацию до возобновления работы Собора, папа хотел дать епископам всего мира возможность во время второй сессии принять изменения, которые им покажутся полезными для этой большой работы.

* * *

Закончившаяся 8 декабря 1962 года первая сессия Второго Ватиканского Собора, несомненно, явилась выдающимся и знаменательным событием в истории христианства. Со стороны Православия и особенно со стороны Русской Православной Церкви событие это получило только положительную оценку. На Соборе ощущалась достойное самой искренней оценки стремление Римско-Католической Церкви содействовать установлению всеобщего мира. Кроме того, эта сессия открыла благоприятные возможности для конструктивного диалога между римо-католиками и не-католическими христианами. Общий «климат», установившийся на первой сессии, был весьма мягким. Этому, конечно, во многом содействовало влияние папы Иоанна XXIII. Речи папы были проникнуты заботой об утверждении мира во всем мире и твердой верой в торжество этого мира. Речи эти задали тон и отношению Собора к политическим проблемам. В частности, в речах папы абсолютно отсутствовали какие-либо выпады против социалистических стран. Тех, кто полагал, что Собор будет носить антикоммунистический характер, постигло разочарование. Созвучным тону речей папы Иоанна XXIII было и исключительно гуманное, проникнутое истинно христианским духом «Обращение Собора ко всему человечеству».

Уже на первой Генеральной ассамблее, как мы видели, в связи с вопросом избрания членов соборных комиссий вполне определенно выявилась свобода высказываний и волеизъявления участников Собора. И это давало основание с уверенностью полагать, что Собор был создан не просто для пассивного подтверждения папских решений, чего, возможно, хотели бы наиболее консервативные католические круги, а для того, чтобы предоставить всей Римско-Католической Церкви возможность свободно высказаться.

«Позиция Иоанна XXIII в течение работ Собора, — отмечает Даниель Ропс, член Французской Академии наук, — носила разоблачительный характер в его духе. Со всей скромностью он держался в стороне, не председательствуя на сессиях, за исключением официального открытия Собора, которое отличалось торжественным и чисто формальным характером, но он следил за дебатами, сидя у телевизора, который был установлен в его рабочем кабинете, но никогда не вмешивался, чтобы повлиять на какое-то решение. Он только вмешивался, чтобы положить конец бесконечным выступлениям, которые являлись тем более бесполезными, поскольку большинство ассамблей уже составило себе точное мнение по отношению к какой-либо теме. Это были акты мудрости и реализма в духе тех, которых папа ожидал от Собора по проблеме обновления Церкви»³³¹.

На вопрос корреспондента итальянского радио и телевидения П. Бранзи об отношении Русской Православной Церкви ко Второму Ватиканскому Собору председатель Отдела внешних церковных сношений архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим сказал: «Русская Православная Церковь в духе нелицемерного братолюбия (1 Пет. 1, 22) откликнулась на приглашение направить своих наблюдателей на первую сессию Второго Ватиканского Собора. Ее наблюдатели деятельно вникали в ход соборных обсуждений и проявляли живой интерес ко всему, что могло бы способствовать в будущем установлению братских христианских отношений с Римско-Католической Церковью на почве взаимопонимания и совместных стремлений внести вклад в дело мира и прогресса человечества.

Минувшая Первая сессия Второго Ватиканского Собора оставила положительное впечатление выявлением стремления Римско-Католической Церкви содействовать установлению всеобщего мира и разрешению других общественных проблем. Наряду с неоднократными выступлениями папы Иоанна XXIII в этом духе, документ Собора «Обращение ко всему человечеству», принятый единогласно, содержит призыв к человечеству трудиться над проблемами сближения народов, упрочения международного мира.

Весьма существенно, что Первая сессия Собора как бы открыла перспективу конструктивного диалога между католиками и не католиками в духе христианской любви...»³³²

Этим мы и заканчиваем нашу главу о Втором Ватиканском Соборе, поскольку дальнейшее развитие событий, связанных с ним, было уже после кончины папы Иоанна XXIII.

ГЛАВА V.

МИРОТВОРЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ ПАПЫ ИОАННА XXIII

Не будет преувеличением сказать, что весь понтификат папы Иоанна XXIII — это служение миру. В этом единодушны все исследователи его жизни, в этом единодушны представители всех идеологических течений современности. Вот как об этой его деятельности писала «Литературная газета» в номере от 8 августа 1963 года: «Дело мира для Иоанна XXIII не абстрактная проблема... Папа говорил, что при написании энциклики он руководствовался сокровеннейшим желанием всех людей доброй воли: желанием сохранить мир на земле. В основу этого утверждения легло ясное понимание непреложной истины: в термоядерную эпоху человечество должно научиться жить сообща, если оно не хочет сообща погибнуть «в аду распадающихся атомов»... В ватиканских кругах говорят, что во время своей апрельской поездки в Соединенные Штаты кардинал Беа передал президенту личное послание папы, в котором позиция Ватикана была выражена еще более откровенно, нежели в энциклике «*Racem in terris*»; в вопросах разоружения папа делал конкретные предложения, которые находились в явном противоречии с официальной линией Вашингтона. Английская газета «*Дейли мэрроу*» советует в этой связи американским католикам «не принимать всерьез рекомендации Иоанна XXIII»³³³.

Многочисленные выступления папы на аудиенциях, перед паломниками, по радио и телевидению, все его рождественские и пасхальные послания проникнуты идеями мира и мирного сосуществования. Подобно тому, как энциклика «*Mater et Magistra*» явилась своего рода заключительным аккордом его выступлений по социальным вопросам, так и его энциклика «*Racem in terris*» явилась своего рода «лебединой песней» папы-миротворца.

На пасхальной неделе 1959 года во время папской мессы в соборе Святого Петра папа Иоанн XXIII произнес проповедь, которая по своему

объему значительно превзошла его пасхальное послание по радио. Папа начал свое слово с освещения событий, предшествовавших Воскресению Христову. За несколько дней до Своей жертвы, которая покрывает Его позором в глазах мира, Христос совершает триумфальное вступление в город. Толпы провозглашают Его чудотворцем и хотят сделать Его царем; прямые и честные люди приветствуют Его как Мессию; Его близкие поклоняются Ему как Христу, Сыну Бога живого. А еврейские дети поют «осанна Сыну Давидову» и сопровождают Его вдоль дороги, махая пальмовыми ветвями, присоединяя свои невинные голоса к благословениям простых и верных людей³³⁴. Перед мысленным взором верующих на протяжении Страстной недели проходит вторая картина, картина великих страданий Христовых. И сегодня слышится стенание Христа, рыдающего вместе со всем человечеством, особенно с теми, свобода которых находится под постоянной угрозой. В эти святые дни смерть и жизнь столкнулись в опасном поединке. Владыка жизни восторжествовал над смертью и победил ее. Его победа — это победа и Церкви. Поэтому мы должны изгнать страх из нашего сознания и открыть свои сердца для прекрасных надежд на будущее, хотя мир может оказывать на нас давление и мы наверняка будем продолжать его испытывать.

Каждый христианин надеется на Христа и выполняет свой долг в соответствии со своим религиозным сознанием. Он не входит в сделку со своей совестью и без страха уверенно идет вперед. Основной его задачей на этом пути является сотрудничество в достижении мира. «Мы знаем, — восклицал папа, — что Христос воистину воскрес из мертвых. Победа Христа над смертью является гарантией триумфа над препятствиями, которые встречаются на пути человеческих усилий по защите справедливости, свободы и мира. В эти славные дни... мы хотим выразить пожелание, чтобы в свете Его, Источника жизни, Победителя смерти, добрая воля всех людей, непосредственно ответственных за судьбы народов, нашла в духе, в котором преобладают справедливость и сотрудничество, гармоничное решение всякого конфликта в высших интересах мира на земле»³³⁵.

«Осерваторе Романо» от 24 декабря 1959 года опубликовала Рождественское послание папы Иоанна XXIII, которое было передано 23 декабря в полдень по радио «Ватикан» и многочисленными европейскими и неевропейскими радиостанциями. Лейтмотивом этого послания является проблема мира во всем мире. По словам папы, мир имеет три аспекта. Мир сердце, как внутреннее духовное расположение, которое покоится на сыновней зависимости от воли Божией. Всё, что ослабляет, рвет, разбивает это соответствие, этот союз воли, противостоит миру и является заблуждением и грехом: «Кто восставал против Него и был в покое?» (Иов. 9, 4). Добрая воля, в свою очередь, является искренним желанием соблюдать вечный закон Божий, следовать Его заповедям, Его предначертаниям и держаться истины. Такого расположения ожидает Бог от человека.

Мир социальный. Он обретает прочную базу во взаимном, обоюдном уважении человеческого достоинства. Сын Божий стал человеком, и спасение, принесенное Им на землю, касается не только общества, но и отдельного человека. И если Бог возлюбил человека до такой степени, то это обозначает, что человек принадлежит Ему и что человеческая личность должна уважаться. Церковь в своем социальном учении всегда проповедовала, что вещи (богатства, экономика, государство) созданы для человека, а не человек для них. Волнения, потрясающие мир в странах, в основном, происходят от того, что с человеком обращаются как с орудием, с товаром, с маленьким колесиком в большой машине, как с простой единицей производства. «Нет, у мира не может быть солидарного фундамента, — говорил папа, — если в сердцах не рождается чувство того братства, которое должно существовать у тех, кто одинакового происхождения и призван к одинаковой судьбе. Сознание принадлежности к одной семье гасит в сердцах зависть, алчность, гордость, стремление к подчинению других,

являющиеся поводом для раздоров и войн. Оно соединяет всех людей более высокими и великодушными узами солидарности³³⁶.

Международный мир. Он основывается прежде всего на истине. Совершенно очевидно, что христианский девиз: «Истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32) пригоден и для международных отношений. Поэтому следует избегать некоторых неверных концепций: диалогов с позиции силы, национализма и всего того, что отравляет общественную жизнь народов. Одновременно с истиной и в ее освещении должна развиваться справедливость, которая устраняет причины конфликтов и войн. Справедливость разрешает спорные вопросы, устанавливает обязательства, уточняет обязанности, отвечает правам каждой из сторон. Справедливость, в свою очередь, должна дополняться христианской любовью к ближнему. «Любовь к грядущему и к собственному народу, — говорил папа Иоанн XXIII, — не должна замыкаться в себе в виде замкнутого и беспоконного эгоизма, а она должна расширяться и распространяться, чтобы охватить в спонтанном движении солидарности все народы и завязать с ними необходимые связи. Тогда можно будет говорить об общности жизни, а не о простом сосуществовании, потому что оно-то и лишено такого дыхания солидарности, снимающего барьеры, за которыми тлеют взаимная подозрительность и страх»³³⁷.

Касаясь послевоенной ситуации, сложившейся в мире, и анализируя ее, папа приходит к выводу, что оно в корне ненормально, ибо создались два блока со всеми проистекающими от этого неприятными последствиями. Это не состояние войны, но это также далеко и не мир, которого горячо желают народы. Для достижения мира необходимо беспрестанно устранять препятствия, воздвигаемые человеческой злобой. Этими препятствиями являются: пропаганда безразличности, социальная несправедливость, безработица, нищета, являющаяся контрастом привилегии тех, кто имеет возможность сорить деньгами, бешеная гонка вооружения.

В сердцах человеческих глубоко укоренилась надежда на мир. «За быстрое осуществление этого общего желания Церковь с верой молится Тому, Кто управляет судьбой народов и может повернуть к благу сердца правителей... Церковь поощряет своих сыновей на оказание активной помощи миру, напоминая об известном предостережении святого Августина: «Больше славы в том, чтобы словом убить войну, чем в том, чтобы жезлом убить людей. Истинная слава — это миром обрести мир»³³⁸.

После Рождественской полуношной мессы 1961 года, которую папа Иоанн XXIII служил в присутствии дипломатического корпуса, аккредитованного при Папском Престоле, он обратился к собравшимся с небольшой речью. Заметим попутно, что это богослужение транслировалось по системе европейского телевидения. Вся речь Римского Первосвященника была проникнута идеей мира между народами. Он заявил, что Церковь, наследница учения своего Божественного Основателя, признает только тот мир, который основан на справедливости. Этот мир опирается на законные права людей и их уважение, этот мир исходит из свободных добросовестных отношений между людьми, даже если он требует жертв и некоторых отречений. Особенная ответственность лежит, конечно, на государственных деятелях, о чем папа говорил в своем Рождественском послании, о чем он говорил и перед дипломатами: «Приговор истории будет суров для тех, кто не сделал всего того, что было в его силах, чтобы удалить от человечества все бедствия войны»³³⁹.

2 июля 1962 года, на следующий день референдума, после которого Алжир получил независимость, папа Иоанн XXIII обратился по Ватиканскому радио к населению этой страны. Он говорил, что те бедствия, которые терпел народ Алжира, волновали папу в течение многих месяцев. В настоящее время появились как будто надежды на лучшее будущее, на установление порядка и свободы. «Там, где еще люди не могут выявлять своих прав, — говорил папа Иоанн XXIII, — там не может существовать

мир и согласие между нациями»³⁴⁰. Необходимо обеспечить гражданам хлеб, работу и личную безопасность, только тогда страна сможет прогрессировать в области социальной. В заключение папа призвал Божественное благословение на народ и молодое правительство Алжирской Республики.

Через две недели после открытия Собора мир оказался на грани войны в результате назревшего Кубинского кризиса. 25 октября папа Иоанн XXIII обратился с пламенным призывом ко всем народам мира и их руководителям. Это обращение получило положительный отклик со стороны прогрессивной общественности.

22 декабря 1962 года папа Иоанн XXIII обратился с Рождественским посланием ко всему миру. Если проследить за выступлениями папы с момента его избрания, то невольно бросается в глаза тот факт, что с течением времени он отводит всё больше и больше места в своих речах и посланиях проблеме мирного существования людей на земле. Его радиопослание также по содержанию не что иное, как гимн миру. «Вместе с прославлением Бога в небесных высотах, — говорил он, — тайна рождения Христа и память о Нем становятся для нас, паломников, каковыми мы тут «внизу» являемся, вестью о мире для всей земли»³⁴¹. Выражение «небо» часто встречается в Ветхом и Новом Заветах, но еще чаще употребляется там слово «земля». А для земли наивысшим богатством и ценностью в правильном их понимании является мир. «На земле мир» — вот что мы воспеваем с ангелами, — говорил папа. Среди всех благ жизни и истории людей и целых народов мир — наиболее важное и ценное. Наличие мира и усилий, направленных на его сохранение, гарантирует мировое спокойствие. Но мир связан с доброй волей всех и каждого, так как без этого бессмысленно надеяться на радость и спокойствие. Задачей людей является искание мира, стремление создать его вокруг себя, чтобы он распространился по всей вселенной, охранять его от опасности и не компрометировать. «Мы... возобновляем сегодня торжественный призыв, мы умоляем всех власть имущих не оставаться глухими к этому воплю человечества. Пусть они сделают всё от них зависящее для спасения мира... Пусть они продолжат переговоры, так как такая лояльная и открытая направленность имеет громадную силу свидетельства каждого, а также и перед историей. Распространять, способствовать, приглашать на переговоры на любом уровне и во всякое время — это правила мудрости и осторожности, привлекающие благословение неба и земли»³⁴².

11 апреля 1963 года произошло знаменательное событие в жизни Римско-Католической Церкви. В этот день была обнародована последняя энциклика папы Иоанна XXIII «*Racem in terris*», документ, вызвавший широкие отклики не только в лоне Церкви, но и далеко за ее пределами. При подписании энциклики 9 апреля папа Иоанн XXIII сказал в присутствии сотрудников государственного секретариата, что этот документ «адресован не только епископату Вселенской Церкви, клиру и верующим всего мира, но также и всем людям доброй воли. Всеобщий мир — это благо, интересующее всех людей, и, следовательно, мы открыли свое сердце всем без исключения»³⁴³.

Иногда у людей возникает мысль: о мире можно говорить много. Об этом говорили и говорят многие политические деятели различных направлений, но, к сожалению, очень часто подобные слова не соответствуют делам и нередко за словесной эквилибристикой можно не увидеть никаких реальных усилий в этой области.

Прежде чем подойти к анализу «послания мира» папы Иоанна XXIII, мы постараемся привести некоторые штрихи из его жизни, свидетельствующие о том, что призывы «доброты папы Иоанна», как многие из современников называли его, не расходились у него с делом.

Для примера возьмем январь 1960 года, визит канцлера ФРГ Аденауэра в Ватикан. Немецкий канцлер, преданнейший приверженец папы Пия XII, получил аудиенцию у нового папы, и, на основании неведомо

откуда возникшей информации, ожидалось, что папа Иоанн XXIII произнесет важную политическую речь, подготовленную, как говорили, кардиналом Тардини в результате трехдневного труда. В этой речи папа якобы должен был определить официальную точку зрения Ватикана по вопросам границ, отношений между Западом и Востоком, воссоединения Германии и по Берлинской проблеме. Естественно, канцлер, со своей стороны, подготовил соответствующий ответ.

Вместо всего этого, о чем говорилось преднамеренно, а может быть и злонамеренно, папа Иоанн XXIII проявил только любезность. Он начал с комплимента Аденауэру, имевшему цветущий и здоровый вид, по поводу «свежей и энергичной активности, с какой он продолжает посвящать себя высоким задачам своего служения». Затем он порадовался религиозным чувствам, отличающим его семью (один сын канцлера Павел — иезуит), и, наконец, перевел речь на весь «великодушный» немецкий народ, упомянув о его истории, культуре, вере, трудолюбии, уме, заслуживающих высокого уважения к достижениям в области науки и искусства. «Мы выражаем отеческие пожелания дражайшему народу Германии, — закончил свои слова папа, — в надежде на всё более благоприятное будущее, которое может быть порождено доброй волей каждого из его сынов»³⁴⁴.

Аденауэр внимательно слушал перевод, который делал ему фраза за фразой ватиканский немецкий переводчик монсиньор Бруно Востенберг, и постепенно отдавал себе отчет, что из речи исключена всякая политическая тема. Поэтому при ответе ему пришлось сократить свои высказывания и ограничиться словами о том, что добрые отношения между Боннским правительством и Святейшим Престолом способствуют делу цивилизации и мира, но чтобы не пожертвовать окончательно сутью мысли, которая была у него на уме, он сказал под конец: «Я верю, что Бог возложил на немецкий народ в эти бедственные времена особую задачу — быть стражем Запада от могучих сил, которые теснят с Востока наши страны»³⁴⁵.

Хотя это и не было настоящим призывом к крестовому походу, всё же тевтонское понятие «стража против Востока» «по воле Божией», как выразился Аденауэр, никоим образом не могло понравиться папе Иоанну XXIII. И, действительно, он его не принял и очень тонко нашел способ ответить подобающим образом. Он начал делиться своими воспоминаниями о Германии. Папа сказал, что, в отличие от своего предшественника папы Пия XII, он никогда не выполнял обязанности нунция в Германии, но тем не менее имеет добрых друзей среди немцев.

Таким образом, папа отверг понятие «стража против Востока», и попытка Аденауэра получить благословение папы на перевооружение Германии потерпела провал. Папа Иоанн XXIII был очень далек от мира Аденауэра, он всегда был против всякого расизма и нездорового национализма. Его ответ канцлеру не был импровизацией. В своем дневнике под датой 26 ноября 1940 года он записал следующее: «Некоторыми заявлялись и заявляются претензии на то, что Бог должен хранить ту или иную нацию и даровать ей неуязвимость и победу ради праведников, которые в ней живут, или ради добра, которое в ней так или иначе совершается. При этом забывают, что если Бог в известном смысле создал нации, Он всё же предоставил государства свободному соперничеству людей»³⁴⁶. Шовинистический национализм и всякая националистическая исключительность были ему отвратительны тем более, что в военные годы ему приходилось констатировать: «Мир заражен нездоровым национализмом, на основе расы или крови, в противность Евангелию»³⁴⁷. К этой же теме папа возвращается 25 октября 1942 года: «Святая Церковь, которую я представляю, есть мать всех наций. Надо, чтобы все люди, с которыми я общаюсь, видели с радостью в папском представителе это чувство уважения к национальности каждого, украшенное благостью и кротостью суждений, которые завоевывают всеобщее доверие»³⁴⁸.

Если Церковь такова, как ее понимал папа Иоанн XXIII, то не приходится удивляться, что он всеми силами стремился явить ее лицо всему миру. И более всего он стремился сделать это в своей энциклике «*Racem in terris*», которую пожелал адресовать не только епископату, клиру и верующим католикам, но и всем людям доброй воли, даже некрещеным, даже тем, кто считает себя противником веры: «Всеобщий мир, — говорил папа 9 апреля, сообщая об энциклике, — это благо, касающееся всех без различия. Чело энциклики озарено светом Божественного Откровения, которое сообщает мысли ее живую сущность, но доктринальные линии вытекают также из глубочайших потребностей человеческой природы и, таким образом, с еще большей убедительностью возвращаются в сферу естественного права»³⁴⁹. Папа мирно разъяснял, что атеистические доктрины о природе и назначении человека не должны отождествляться или смешиваться с историческими и политическими движениями, которые могут ими вдохновляться, «потому что доктрины после того, как они были разработаны и получили свое окончательное определение, остаются неизменными, тогда как вышеупомянутые движения, развивая свою деятельность в непрерывно развивающихся исторических ситуациях, не могут не подвергаться их влиянию и потому не могут не испытывать изменений, даже весьма глубоких; к тому же, кто может отрицать, что в этих движениях, в той мере, в какой они становятся выражением справедливых чаяний человеческой личности, содержатся положительные элементы, заслуживающие одобрения?»³⁵⁰.

Из этой логической предпосылки следовал политический вывод: «Может оказаться, что сближение или встреча практического порядка, вчера считавшиеся неуместными или бесплодными, сегодня и завтра могут оказаться уместными и плодотворными»³⁵¹. Папа Иоанн XXIII всегда рекомендовал в политике употреблять «миролюбивый и почтительный ко всем язык». Уже в энциклике «*Ad Petri cathedram*» в 1959 году содержалось мудрое утверждение: «Мы не хотим никого оскорблять», — и все его неоднократные призывы к разоружению, к миру, к отказу от применения силы делались в приветливом и мирном тоне. Этот язык был настолько непривычным, что международное общественное мнение остановилось перед ним в недоумении, как бы захваченное врасплох. Некоторым этот язык казался чуть ли не предательством по отношению к Церкви. Не нужно ходить за примером слишком далеко: в Италии, в газете «Коррьера д'Информационе» под сатирической виньеткой заглавие энциклики было искажено — вместо «*Racem in terris*» — «*Falcem in terris*» (Серп над землей); это косвенно обвиняло папу в пропаганде коммунизма, что символически, как известно, изображается в виде серпа и молота. По воспоминаниям окружавших папу людей, когда он увидел заголовок, то, тяжело вздохнув, сказал: «О, вот уж, действительно, они меня не понимают..., нет, они меня не огорчают тем, что пишут и говорят обо мне... К тому же у меня счастливая способность быстро всё забывать»³⁵². И если не все были готовы быстро отказаться от языка крестовых походов, распространенного в годы холодной войны, папа Иоанн XXIII оставался тверд в своем образе мыслей настоящего христианина: «Если мы друг друга называем и действительно являемся братьями, если мы призваны к одной участи, — говорил он, — то как же можно обращаться друг с другом, как с противниками и врагами»³⁵³.

Некоторые считали, что представления папы Иоанна XXIII о международной политике были слишком прямолинейными и даже простодушными. Однако, как показывает жизнь, простодушными были оценки его деятельности, а не его представления. Наблюдая как два блока, западный и восточный, наращивают свой ядерный потенциал, причем объясняя, что делают это для своей обороны, он принимал это к сведению и говорил: «Я не могу приписывать неискренности ни той, ни другой стороне. Если бы я так поступил, уже не стало бы диалога, и все двери закрылись бы»³⁵⁴.

Стремясь быть справедливым в оценке политической ситуации в мире, папа Иоанн XXIII подчас бывал слишком откровенным, так что некоторые из католических писателей склонны были считать эту откровенность свидетельством недостаточного политического благоразумия. Так, 8 декабря 1962 года, на аудиенции кардиналу Вышинскому и польским епископам, прибывшим в Рим на первую сессию Собора, папа Иоанн XXIII оказал самый сердечный прием своим гостям. Как итальянец, он выразил радость по поводу того, что соотечественники участвовали в борьбе Польши за независимость, с чувством гордости за свою епархию, он упомянул о гарибальдийце из Бергамо Франческо Нулло, который отправился в 1862 году сражаться за независимость Польши, где героически и погиб. «Мне говорили, — добавил он, — что восстановленная Польша воздвигла памятник этому благородному полковнику и его именем названа улица во Вроцлаве, на тех западных территориях, которые вы вновь обрели через столетия». Обратившись к теме свободы, папа продолжал: «Я слежу за усилиями вашего народа, который борется за неприкосновенность своих границ. Я с волнением слежу за всеми героическими усилиями вашего народа»³⁵⁵.

Эти слова были застенографированы и переведены на польский язык. Вскоре документ получил гласность на заседаниях Собора и дошел, наконец, до сведения германского посольства при Ватикане. В Германии в то время у власти находился Аденауэр, он потребовал, чтобы посол ФРГ в Ватикане фон Шерпенберг подал в Государственный Секретариат протест, так как Боннское правительство усмотрело в речи папы признание границы по Одере — Нейсе, которую ФРГ не признаёт, претендую на часть земель Польши. Фон Шерпенберг был принят 15 декабря заместителем государственного секретаря монсиньором Анжело Делль Аква, который заявил, что протест посла останется не принятым. Позднее папа осведомился, чем кончилась эта дипломатическая неприятность, подогревшая к нему неприязнь Аденауэра. Он сообщил монсиньору Делль Аква: «Мы сказали правду, что не любим национализм, и были вознаграждены. Да поможет нам Господь так всегда»³⁵⁶.

Стремлением к установлению добрых отношений был продиктован жест папы Иоанна XXIII, принявшего редактора советской газеты «Известия» А. Аджубея. Однако не всем в Италии, да и в других частях мира, пришлось это по душе. После того, как стало известно об аудиенции, состоявшейся в папской библиотеке, поднялось такое волнение, что журнал «Общества Иисуса» «Чивильта каттолика» счел необходимым поместить статью с объяснением и оправданием жеста папы. Как это обычно принято, верстка номера была послана для чтения и одобрения папе, но папа Иоанн XXIII не пожелал этого сделать. Он сказал, что забота об оправдании папы в данном случае неуместна: «Я не нуждаюсь в защите». Он считал себя вправе давать аудиенцию тому, кому считал нужным, не опасаясь никаких неприятных последствий. «Атеист? — спрашивал папа Иоанн XXIII, — ну что он может самое большее мне сказать? Что Церкви пришел конец, что она умерла, а я ему отвечу, что это неправда». С критикой в адрес папы выступали даже курiales кардиналы. Так, например, кардинал Оттавиани, выступая перед итальянскими офицерами, заявил: «Сейчас нам угрожает наихудшая опасность. Что может больше убедить итальянцев в том, что уже не существует коммунистической опасности, нежели прием папой Аджубея и призыв к проведению различия между заблуждениями и заблуждающимися»³⁵⁷. Большие американские газеты беспокоил и возмущал тот факт, что папа Иоанн XXIII отверг всё еще господствовавшую на Западе теорию «атомного превосходства». Газета «Нью-Йорк таймс» писала «об утопических мечтах папы о всеобщем разоружении». Подобную же позицию заняла и «Нью-Йорк геральд трибюн», а «Дейли-нюс», газета с самым большим тиражом в Соединенных Штатах, сожалела, что позиция папы в вопросах разоружения ближе к пози-

ции советской, нежели к американской. Газета добавляла, что упор, сделанный папой Иоанном XXIII на принцип невмешательства во внутренние дела других государств, по существу означает критику американской политики в отношении Кубы.

Весьма знаменательным является тот факт, что папа сумел трезво оценить современное международное положение и стремление народов к миру. За четыре с половиной года своего пребывания в Ватикане папа Иоанн XXIII произнес немало речей и опубликовал целый ряд посланий, в которых призывал государственных деятелей положить конец гонке вооружений и решать все спорные вопросы за столом переговоров. В известном выступлении по радио 10 сентября 1961 года, в выступлении на торжественной аудиенции по случаю открытия Второго Ватиканского Собора папа развивал мысль о необходимости «содействовать устранению всех конфликтов и прежде всего войн — этого бича народов». Подлинным политическим и духовным завещанием папы Иоанна XXIII суждено было стать его последней энциклике «*Pacem in terris*», опубликованной перед Пасхой 1963 года. По этому поводу он говорил: «Хотелось бы, чтобы энциклика «*Pacem in terris*» была нашим пасхальным подарком в лето Господне 1963»³⁵⁸.

Как же была встречена эта энциклика прогрессивным мировым общественным мнением? Для иллюстрации приведем несколько высказываний на эту тему. Агентство ТАСС в день опубликования энциклики отмечало: «Новая энциклика, с которой папа Иоанн XXIII обратился к клиру, верующим и всем людям доброй воли, вызвала огромный отклик во всем мире, так как она посвящена вопросу, волнующему человечество, а именно сохранению мира на нашей планете»³⁵⁹.

Генеральный секретарь ООН У Тан на пресс-конференции 12 апреля 1963 года заявил: «Я прочитал энциклику «*Pacem in terris*» с глубоким удовлетворением и волнением. Его Святейшество папа Иоанн XXIII воззвал к ограждению жизни человеческой, к приложению человеческих знаний не к делу смерти, а к делу жизни и достоинства человека в человеческой общине. Она внесет значительный и высокочтимый вклад в усилие всех тех, кто убежден, что род человеческий наделен достаточной мудростью, чтобы обеспечить собственное сохранение»³⁶⁰.

Профессор Джон Бернал, председатель Всемирного Совета Мира, обратился к папе Иоанну XXIII с особым посланием, в котором писал: «Защитники мира во всем мире с радостью приветствуют Вашу историческую энциклику «*Pacem in terris*». Она принесла им огромное ободрение и вдохнула в них новую энергию в борьбе за достижение великих гуманных целей, перечисленных Вами: немедленного прекращения ядерных испытаний, запрещения ядерного оружия, окончания гонки вооружений, устремления ко всемирному, всеобщему и контролируемому разоружению, окончания расовой дискриминации и признания равенства всех людей. Ваш волнующий призыв в пользу разрешения всех международных тяжб путем переговоров, так же как и Ваше обращение к согласию и сотрудничеству между всеми людьми доброй воли в пользу мира и во имя человечества, к которому все мы принадлежим, свидетельствует о глубокой проникновенности и любви к роду человеческому. Люди всегда будут вспоминать с большой признательностью Ваш призыв, который вдохновит не только тех, кто работает над делом мира, но и миллионы человеческих существ, которым до сего времени не хватало уверенности и надежды, чтобы поступать так же»³⁶¹.

Перейдем теперь непосредственно к изучению этого важного исторического документа, документа эпохи. Свою энциклику папа Иоанн XXIII начинает с утверждения того, что мир на земле — это объект чаяний человечества всех времен. Но он не может быть достигнут и не может быть укреплен, если не будет находиться в полном согласии с порядком, установленным Богом. В этом человечество убеждается ежедневно и

ежечасно, в этом убеждают его прогресс науки и технические достижения.

Вселенная создана гармонично и упорядоченно. Но эта упорядоченность находится в болезненном противоречии с беспорядком, создаваемым людьми в своих личных и международных взаимоотношениях. Между ними укореняется мнение, что лишь сила может урегулировать эти отношения. «Однако, — пишет папа, — Создатель мира вложил представление о порядке в самую интимную сторону человеческих существ, призывающую их совесть уважать порядок: «Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует их совесть» (Рим. 2, 15). Как могло быть иначе, если все дела Божии отражают Его бесконечную премудрость и отражают ее тем яснее, чем выше на лестнице созданного находится то или другое существо»³⁶². Переноса закономерность физических явлений в мир нравственный, человеческое сознание часто ошибается, считая, что отношения отдельных лиц и обществ могут регулироваться на основе законов, которым повинуются элементы вселенной. Нормы человеческих взаимоотношений, по словам папы Иоанна XXIII, относятся к другому порядку: их следует искать там, куда Бог их вложил, то есть в самой природе человека. Только эти законы ясно указывают людям путь их поведения: идет ли речь о взаимоотношениях отдельных людей в социальной жизни, о взаимоотношениях между гражданами и светской властью внутри политического общества, о взаимоотношениях между различными политическими обществами или, наконец, между последними и всем человечеством для общего блага всего мира.

Основой всякого хорошо организованного общества является принцип, согласно которому всякий человек — личность, то есть существо, одаренное разумом и свободной волей. Тем самым человек является объектом прав всеобщих, ненарушенных и неотъемлемых. Если же мы будем представлять себе человеческое достоинство в свете богооткровенных истин, то тем самым вознесем его на еще большую высоту. Ибо в свете этих истин люди были искуплены кровью Господа Иисуса Христа, благодатно соделались чадами и друзьями Божиими и стали наследниками великой славы.

Папа настойчиво отмечал, что каждое человеческое существо имеет право на жизнь, на физическую неприкосновенность, на необходимые и достаточные средства для достойного существования, относящиеся к питанию, одежде, жилищу, отдыху, медицинской помощи и социальному обеспечению. Исходя из этого, можно утверждать, что человек имеет право на помощь во время болезни, инвалидности, вдовства, старости, безработицы, всякий раз, когда он лишается средств существования в связи с обстоятельствами, не зависящими от его воли.

Затрагивая человеческие права в области экономики, папа Иоанн XXIII писал, что человек не только имеет право на работу, но имеет также право на проявление инициативы в экономической области. К этому праву неотъемлемо относится право на условия труда, не вредящие здоровью и не искажающие нравственного развития молодежи. В отношении женщин это право предусматривает предоставление им такого рода занятий, которые бы соответствовали особенностям их пола и позволяли бы исполнять им обязанности жен и матерей.

Отсюда также следует, и папа особенно это подчеркивает, что каждый труженик имеет право на заработок, установленный на принципах справедливости, эта оплата должна давать рабочему средства для содержания семьи и для образа жизни, соответствующего человеческому достоинству. Папа писал: «Закону о труде, написанному природой, соответствует право столь же естественное для человека извлекать из своего труда возможность жить и давать всё необходимое своим детям. Столь глубоко указано это в предписаниях природы, необходимых для сохранения человека»³⁶³.

С достоинством человеческой личности тесно связано право принимать активное участие в общественной жизни и в личном плане содействовать

общему благу. «Человек как таковой, — писал папа Иоанн XXIII, — далек от того, чтобы быть пассивным объектом и элементом социальной жизни, он является и должен быть ее активным объектом, основанием и целью»³⁶⁴. Другим гражданским правом, по словам папы, является право юридической защиты человеческих прав, защиты эффективной, одинаковой для всех в соответствии с объективными нормами справедливости. «Из юридического порядка, желаемого Богом, для людей вытекает это неотъемлемое право, гарантирующее каждому правовую защиту и конкретную правовую сферу, обеспеченную от вмешательства любых мешающих случайностей»³⁶⁵.

До настоящего времени папа говорит о правах человека. После этого он излагает обязанности, которые несет каждая человеческая личность. Естественное право говорит о правах, но требует и достойного соблюдения обязанностей. Соблюдение обязанностей способствует нерушимости естественного закона. Так, например, право на жизнь требует ее сохранения, право свободных поисков истины неразрывно связано с углублением и расширением таких поисков.

Уважение к человеческой личности требует, чтобы каждый действовал согласно сознательному и свободному решению. От личных решений в жизни общества зависит уважение прав, осуществление обязанностей и сотрудничество в многообразной деятельности. Каждый лично должен участвовать в этом на основании убеждений, по своей собственной инициативе, в силу чувства своей ответственности, а не по необходимости или под внешним принуждением. Общество, основанное только на силе, не имеет ничего в себе «человеческого», оно неизбежно уничтожает свободу человека вместо того, чтобы способствовать ее развитию до совершенства.

Папа страстно призывает, чтобы человеческое общество интенсивно развивалось в сторону «человечности», причем такое развитие он считает возможным только в том случае, если принципы человеческих взаимоотношений будут иметь свое основание в истинном трансцендентном и личном Боге, Истине первоначальной, Благом Вседержителе, глубочайшем источнике жизненности для организованного и плодотворного общества³⁶⁶. В подтверждение справедливости своих слов папа Иоанн XXIII приводит высказывание св. Фомы Аквината: «Человеческая воля измерителем степени благой направленности имеет человеческое сознание; последнее авторитетно в силу вечного закона, что оно не что иное, как отражение Божественного разума... Таким образом, совершенно ясно, что благорасположение человеческого желания гораздо больше зависит от вечного закона, чем от человеческого разума»³⁶⁷.

В главе «Знамена времени» папа говорит о наиболее характерных чертах нашей эпохи. Самой главной чертой он считает экономическое и социальное развитие рабочего класса, который направляет все свои усилия на завоевание социальных прав. Активность этого класса проявляется также в политической жизни. В наше время рабочие всех стран требуют, чтобы к ним не относились как к существам неразумным и порабощенным, с которыми можно обращаться по принципу произвола, но как к людям, принимающим активное участие во всех секторах общественной жизни: экономической, социальной, культурной и политической.

Второй характерной чертой является внедрение в общественную жизнь женщин, особенно быстрое среди народов христианских. Всё более сознавая свое человеческое достоинство и равенство с мужчинами, женщины не соглашаются больше оставаться чьим-то орудием, они требуют, чтобы к ним относились как к личностям не только в пределах семейного очага, но и в общественной жизни.

Наконец, человечество, по сравнению с недавним прошлым, представляет собой глубоко измененную политическую и социальную организацию. Почти нет теперь господствующих и подчиненных народов, почти все нации образовали или образуют независимые государства или политические объединения. Люди большинства стран и континентов в настоящее

время — граждане автономных и независимых государств. Некоторые стоят накануне такого положения. В настоящее время никто не хочет подчиняться иноземным политическим властям, обществам или этническим группировкам. У многих исчезает сознание своей приниженности, господствовавшее в течение веков и тысячелетий. Другие — постепенно освобождаются от сознания своего превосходства политического, экономического и социального. Теперь широко распространена идея равенства всех людей, благодаря чему подрываются корни расовой дискриминации. Всё это составляет важный этап на пути, ведущем человеческое общество к всестороннему прогрессу. «Теперь, в меру того, что человек сознаёт свои права, — говорит папа Иоанн XIII, — это пробуждает в нем сознательность к соответствующим обязанностям; его собственные права — это не только выражение его достоинства, которое он обязан проявлять по отношению к другим, но и долг признания прав за другими и уважения к ним»³⁶⁸.

В параграфе о взаимоотношениях между людьми и государственной властью в недрах каждого политического объединения папа подчеркивает необходимость государственной власти: «В жизни общества отсутствовал бы порядок и плодотворность без существования людей, законно облеченных властью и обеспечивающих охрану учреждений и устроений в меру, достаточную для общего блага. Свою власть они получают целиком от Бога, как учит святой Павел: «Нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1—6). Другими словами, так как Бог отметил человеческую личность свойством социальности и так как никакое общество не имеет содержания без главы, деятельность которого эффективным и объединяющим образом мобилизует всех членов на служение общим целям, то всякое человеческое объединение нуждается во власти, им управляющей. Последняя, как и общество, имеет своим источником природу и тем самым одновременно Самого Бога»³⁶⁹. Однако этим власть не освобождается от подчинения закону. Она и существует именно для того, чтобы действовать разумно и строиться на нравственных началах, которые, в свою очередь, получают свои принципы и задачи от Бога. Папа писал: «Абсолютный порядок среди живых и само назначение человека, человека свободного, носителя ненарушенных прав и обязанностей, человека — основы и цели общества, предвидит государство, как необходимую и снабженную властью форму совместной жизни. Без этого немислимо существование и жизнь коллектива»³⁷⁰.

Если власть будет опираться исключительно на насилие, страх перед наказаниями, то она никогда не достигнет возможности установления общего блага, а если и достигнет, то средствами, чуждыми достоинству человека свободного и разумного. Власть — прежде всего нравственная сила, следовательно, ее представители должны взывать к сознательности, чувству долга, который требует усиленного служения общему благу. Люди все равны в своем природном достоинстве, никто не имеет права заглядывать в душу другому, это право принадлежит только одному Богу, Который проникает и судит тайные намерения каждого.

«Человеческое законодательство, — писал папа, — носит характер законности только постольку, поскольку оно отвечает разумности, доказывая этим, что берет свое начало в вечном законе»³⁷¹.

Божественное происхождение власти несколько не отнимает у людей права избирать свои правительства, устанавливая образ правления или определять законы и границы осуществления власти. Таким образом, по словам папы Иоанна XXIII, приведенное им учение подходит для любой демократической власти. Он неоднократно повторяет, что предписания власти должны быть корректными сами по себе и нравственными по содержанию, они должны быть способными служить благу. Все правительственные функции имеют смысл только тогда, когда они направлены к достижению общего блага.

Говоря об основных аспектах общего блага, папа заявлял, что их мож-

но определить только в применении к человеку. «Общее благо, — отмечал он, — не может быть определяемым в своих основных и наиболее глубоких аспектах исторически иначе, чем в применении к человеку, действительно оно существенный элемент, связанный с человеческой природой»³⁷². Сама природа этого блага требует, чтобы все граждане принимали в нем участие в различных формах соответственно занятиям, заслугам и условиям каждого. Поэтому усилия гражданской власти должны быть направлены к служению интересам всех, без привилегий для тех или иных лиц или классов общества. «Ни в коем случае нельзя дозволить, — писал папа Иоанн XXIII, — чтобы гражданская власть защищала интересы отдельного лица или небольшой группировки, так как она была установлена для служения общему благу, ...но соображения справедливости иногда подсказывают правителям государства необходимость особого положения для самых бедных членов социального тела, менее способных защищать свои права и законные интересы»³⁷³. Здесь же папа считает уместным привлечь внимание к тому факту, что общее благо относится к человеку во всей его полноте, учитывая как его духовные, так и материальные потребности. Понятое в таком смысле общее благо требует от правительства политики, свойственной проявлять уважение к «иерархии ценностей», заботящейся в равной степени о теле и о душе. «Общее благо, — писал папа Иоанн XXIII, — обнимает в целом все стороны жизни в обществе, дающие возможность человеку достигнуть своего собственного совершенства наиболее полным и доступным образом»³⁷⁴. Состоящий из тела и бессмертной души, человек не может во время своего земного существования удовлетворить все требования своей природы, не может он и достигнуть совершенного счастья. Средства же, приведенные в движение для достижения общего блага, не должны быть помехой вечному спасению человека, но должны этому способствовать.

Гражданская власть должна гарантировать признание и уважение человеческих прав. Если же она недооценивает или нарушает права человека, то она не только не выполняет своего назначения, но ее деятельность теряет всякое юридическое значение. (Здесь косвенным образом одобряется изменение существующих режимов власти, которые направляют свою деятельность не на благо народа, а против него, т. е. таким образом вполне оправдывается борьба, а следовательно, в том числе и революционная, с режимами, благодаря которым монополии, местные или иностранные, доводят до обнищания народ той или иной страны — Латинская Америка, Азия или Африка.) Следовательно, основным долгом гражданской власти является согласование между собой юридических взаимоотношений граждан таким образом, чтобы осуществление своих прав одними не препятствовало бы осуществлению их другими и сопровождалось бы несением соответственных связанных с этим обязанностей. Власть обязана обеспечить нерушимость прав своих граждан и восстановить их в случае нарушения. Если власть не действует своевременно в экономической, социальной или культурной областях, то между гражданами появляется неравенство, ибо права личности остаются бездействующими, а это мешает и осуществлению соответствующих обязанностей. Гражданской власти необходимо следить, чтобы преимущества, предоставленные отдельным лицам или некоторым группам, не создали бы в пределах нации привилегированного класса. «Деятельность государства в экономическом плане, — писал Иоанн XXIII, ...— как бы глубоко это ни захватывало движущие силы общества, не может уничтожить свободу деятельности отдельных лиц. Оно, наоборот, должно им способствовать, лишь бы были сохранены основные права каждого человека... (Такое концентрированное отношение к отдельному человеку в ущерб многим людям и даже целому обществу не выдержит испытания жизни, испытания времени. Оно будет и невыполнимым, да и невозможным, а, кроме того, такой принцип общество в XX веке не примет, как несправедливый.— М. Н.) Многочисленные уси-

лия гражданской власти должны направляться к такому равновесию, чтобы облегчить гражданам пользование правами и сделать им более легким выполнение обязанностей во всех секторах социальной жизни»³⁷⁵.

Для того, чтобы гражданская власть могла нормально функционировать, она должна в своих методах и действиях учитывать природу и сложность проблем, которые она призвана разрешить в зависимости от конъюнктуры той или другой страны. Это предполагает, что законодательная власть будет осуществляться в границах нравственного порядка и согласно конституционным нормам, что она будет объективно понимать нужды общего блага в постоянно изменяющейся обстановке, что судебная власть будет справедливой и беспристрастной, проникнутой человеческими чувствами и будет оставаться непреклонной перед давлением заинтересованных сторон.

В разделе, озаглавленном «Юридический порядок и нравственное сознание», папа Иоанн XXIII говорит о неразрывной связи этих понятий. Юридический порядок совместно с нравственным является основным фактором достижения всеобщего блага. Однако в нашу эпоху социальная жизнь столь разнообразна, сложна и динамична, что юридические положения, даже если они являются продуктом глубокого опыта и мудрого предвидения, оказываются иногда недостаточными. Более того, взаимоотношения между отдельными лицами и организациями, связующими их с гражданской властью, и, наконец, взаимоотношения, существующие между различными органами власти в недрах самого государства, иногда ставят настолько сложные и деликатные вопросы, что они не могут найти разрешения даже в хорошо разработанных юридических рамках. «В подобных случаях, — говорит папа, — правительство, чтобы одновременно оставаться верным существующему юридическому порядку, уважаемому им в его элементах и глубинной направленности, и открытым призывам со стороны социальной жизни, чтобы уметь приспособить юридические рамки к эволюции создаваемых положений и лучше разрешить всякий раз новые проблемы, должно обладать ясным представлением о периоде и объеме ему поученного. Для этого необходимо равновесие, нравственная устремленность, проникновенность, практический смысл, дающий ему возможность быстро и объективно, приспособившись к конкретным случаям, проявить твердую и непреклонную волю, реагируя находчиво и эффективно»³⁷⁶.

Освещая вопрос об участии граждан в общественной жизни, папа Иоанн XXIII говорит, что активное участие граждан в жизни является их неотъемлемым и неотделимым правом от уважения к их личности. Такое участие должно быть согласовано со степенью зрелости того политического объединения, членами которого они являются. Эта перспектива участия открывает людям широкие возможности. Призванные умножать контакты и обмен мнениями со своими управляемыми, управляющие учатся лучше понимать объективные требования общего блага, кроме того, периодическое обновление государственного аппарата предохраняет его от старения и сообщает ему жизненность в соответствии с развитием общества.

Касааясь новых тенденций в юридической организации политических объединений нашего времени, папа говорит, что такими тенденциями являются устремления в ясных и кратких формулах составить хартию основных прав человека, хартию часто включенную в конституции, в которых они занимают определенное место, а в юридических терминах зафиксировать в конституциях способы назначения носителей власти, взаимоотношения, поля их деятельности и, наконец, средства и способы, которыми они должны руководствоваться в управлении. Папа писал, что «люди в наше время приобрели более живое представление о своем достоинстве. Это ведет к тому, чтобы принимать активное участие в общественных делах и желать, чтобы установились позитивного права государства гарантировалось бы нерушимость их личных прав. Кроме того, они желают, чтобы

управляющие не превышали своей власти, установленной законом, и осуществляли бы ее только в этих рамках»³⁷⁷.

Изложив свой взгляд на права и обязанности личностей, пояснив нормы взаимоотношений между личностью и государством, папа Иоанн XXIII переходит к проблеме взаимоотношений между государствами, основной проблеме, ради которой собственно и писалась эта энциклика. «Политические общества, — заявлял папа, — имеют взаимные права и обязанности, следовательно они обязаны строить свои взаимоотношения согласно истине и справедливости, в духе активной солидарности и свободы. Нравственный закон, управляющий жизнью человека, должен также регулировать отношения между государствами»³⁷⁸. Правительства в тех случаях, когда они действуют от имени и в интересах своих стран, ни в коем случае не должны отказываться от своего человеческого достоинства и поэтому им совершенно недозволено нарушать нравственный закон. Было бы бессмысленным, если бы призвание к управлению гражданскими делами заставляло людей отказываться от человеческого достоинства. Ведь члены правительства потому и занимают значительные посты, что их сочли лучшими членами социального тела. Нравственный порядок требует присутствия власти во всяком обществе. Основанная на таком порядке власть не может быть направлена против общества без того, чтобы не разрушить себя саму. Папа в подтверждение своей мысли приводит выдержку из книги Премудрости Соломона, где говорится: «Итак, слушайте, цари, и разумеете, научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся перед народами! От Господа дана вам держава и сила — от Вышнего, Который исследует ваши дела и испытывает намерения. Ибо вы, будучи служителями Его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона и не поступали по воле Божией. Страшно и скоро Он явится вам, и строг суд над начальствующими» (Прем. Солом. 6, 2—5).

Что же касается международных взаимоотношений, то в этом случае власть должна действовать во имя общего блага. Это ее первое назначение. Между государствами должна, в первую очередь, царствовать истина. Эта истина, по словам папы, уничтожает всякие следы расизма. Естественное равенство всех политических объединений в их человеческом достоинстве должно быть вне всякого сомнения. В силу этого, каждое из них имеет право на существование, развитие и обладание необходимыми средствами для своего становления. Каждое из государств имеет законное право на уважение и внимание.

Опыт показывает, что часто существуют значительные различия между отдельными людьми в их интеллектуальных возможностях и материальных средствах. Но этот факт не дает никакого права более привилегированным эксплуатировать более слабых. Эта разница, напротив, должна побуждать всех к взаимному сотрудничеству для достижения взаимного роста. «Также и некоторые политические объединения, — писал папа, — могут оказаться в преимущественном положении по отношению к другим в области науки, культуры и экономики. Это не только не разрешает незаконное господство над менее развитыми народами, но требует более широкого участия в достижении всеобщего прогресса»³⁷⁹. Подобно тому, как люди не вправе считать себя выше других, так и политические объединения не могут признавать между собой неравенства с точки зрения природного достоинства. История показывает, что ничто так не затрагивает народы, как неуважение их естественного национального достоинства. Последние изобретения техники повысили поток информации, которым обладает человечество. Ввиду этого особенно вредно, если средства массовой информации служат искажению понятий о том или ином народе.

Взаимоотношения между политическими объединениями должны также основываться на справедливости, это требует признания взаимных прав и несения соответственных обязанностей. Политические объединения

имеют право на существование, прогресс, получение необходимых средств для развития, на реализацию своих возможностей, на защиту своей репутации и достоинства. Они обязаны на равных основаниях соблюдать все права и воздерживаться от всякого действия, могущего их нарушить. В своих частных отношениях люди не могут преследовать свои собственные интересы ценой несправедливости к другим, также и политические объединения не могут законным образом развиваться, причиняя ущерб другим или оказывая на них давление. Конечно, бывает и так, что госуда́рства сталкиваются между собой на почве противоположности интересов, но папа категорически предупреждает, что такие конфликты ни в коем случае не должны разрешаться силой оружия, обманом или мошенничеством, они должны разрешаться на почве взаимного доверия, взаимного понимания и справедливых компромиссов.

Весьма важной проблемой в настоящее время является судьба национальных меньшинств. Папа говорит, что, начиная с XIX века, наблюдается тенденция сопоставления политических объединений с национальными. Однако по разным причинам не всегда получается так, что политические границы совпадают с границами этническими. Это в свою очередь вызывает массу трудностей для национальных меньшинств. Папа Иоанн XXIII писал: «По этому поводу мы должны заявить наиболее ясно, что всякая политика, пытающаяся мешать жизненности меньшинства, совершает грубую несправедливость и еще более грубую, когда стремится к их уничтожению. Наоборот, совершенно справедливо поступают те гражданские власти, которые стараются улучшить условия жизни этнических меньшинств, в частности, в области сохранения их жизни, культуры, обычаев и материальных возможностей»³⁸⁰. Нельзя упускать из вида, что естественная миссия гражданских властей заключается не в том, чтобы ограничивать горизонты граждан, но в том, чтобы заботиться о всеобщем национальном благе, не отделяя его от благополучия всего человечества. Недостаточно, чтобы политические объединения, в поисках своих интересов, воздерживались от нанесения вреда друг другу. Им следует объединять свои ресурсы для достижения всеобщего блага.

Для достижения блага каждое политическое объединение должно способствовать в своих недрах всестороннему сотрудничеству отдельных лиц или группировок. Во многих районах мира существуют различные этнические группы. Гражданские власти должны следить за тем, чтобы элементы, характеризующие такие группы, не создавали непроходимую стену, мешающую отношениям между различными группировками. Это шло бы в разрез с нашей эпохой, в которой почти исчезли расстояния между странами.

В настоящее время в мире наблюдается очень большое несоответствие в некоторых районах между составом населения и землями, или же между богатством почвы и оборудованием для ее обработки. Это положение вещей требует от людей сотрудничества для облегчения циркуляции капиталов и рабочих кадров. Папа утверждает, что нужно, чтобы капитал перемещался в интересах рабочей силы, а не наоборот. Только тогда появится возможность улучшить положение рабочих масс, не вынуждая их эмигрировать. Ибо эмиграция и репатриация вызывают почти всегда ухудшение уровня жизни и болезненную ассимиляцию в новой среде.

Наконец, папа Иоанн XXIII переходит к вопросу, весьма остро стоящему перед современным миром, к вопросу о разоружении. Больно, по его словам, смотреть на страны наиболее развитые экономически, где накоплены колоссальные запасы вооружения благодаря громадной затрате человеческой энергии и материальных ресурсов. Многие страны позволяют себе эту «роскошь», в то время как другим странам необходима экстренная помощь для экономического и социального развития.

Обычно оправдывают гонку вооружения, считая, что при создавшейся обстановке мир может быть сохранен только благодаря военному равно-

всего. Отсюда наращивание военного потенциала в одних странах создает удвоенное усилие в том же направлении в других странах. Благодаря этому, факт обладания атомным оружием одной политической системой влечет за собой желание другой политической системы иметь у себя подобное же.

Народы живут в постоянном страхе, под угрозой военного огненного урагана, способного разразиться в любое время. И основания для такого опасения есть, так как ядерное оружие всегда наготове. По словам папы, кажется невероятным, что могут существовать на свете люди, способные взять на себя ответственность за бесчисленные убийства и разрушения, неизбежные в случае войны. И все-таки люди живут под постоянной угрозой, потому что достаточно несчастной случайности, чтобы вызвать мировой пожар. Но даже в том случае, если страх перед подобной войной отвратит весь мир от применения этого смертоносного оружия, то и в таком случае продолжающиеся атомные испытания в военных целях губительно сказываются на здоровьях всех живущих на земле. «Справедливость, мудрость, чувство человечности, — писал папа Иоанн XXIII, — требуют параллельного сокращения существующего уже в различных странах вооружения, запрещения атомного оружия и, наконец, разоружения в результате общего согласия под эффективным контролем. Нужно любой ценой помешать, чтобы мировая война с ее экономическими и социальными разрушениями, ее отклонениями от существующих норм и нравственными искажениями в третий раз обрушилась на человечество»³⁸¹. Конечно, разоружение невозможно до тех пор, пока не будет уничтожен страх и военный психоз, ибо истинный мир невозможен без взаимного доверия. Папа выражал надежду, что эта цель может быть достигнута, так как она диктуется разумом, настоятельным желанием и сама по себе имеет громадное значение. Всякому должно быть ясно, что международные отношения не могут быть построены на силе оружия, регулировать их должны законы справедливости и солидарности. Папа говорил: «Мы призываем всех людей, в особенности правительства, не жалеть никаких усилий для направления событий по пути, соответствующему разуму и желанию всего человечества. Пусть же самые высшие и квалифицированные ассамблеи до конца изучат проблему человеческого международного равновесия, построенного на базе взаимного доверия, дипломатической лояльности и верности в соблюдении договоров. Пусть углубленное исчерпывающее исследование выяснит отправную точку для возможности переговоров о заключении дружественных, длительных и полезных договоров. С нашей стороны мы будем неустанно испрашивать благословение Божие на такой труд, чтобы он принес позитивные результаты»³⁸².

После столь пламенного и мудрого призыва папа Иоанн XXIII затронул вопрос невмешательства одних народов в дела других. Он говорил, что международная организация должна уважать свободу. Этот принцип запрещает всякое вмешательство одних народов в дела других, а также и всякие насильственные действия по отношению к ним. Напротив, каждый должен помогать развитию у других чувства ответственности, поощрять их добрые инициативы и способствовать их всестороннему развитию. Общее происхождение человечества, его общая судьба объединяют всех людей и призывают их к совместному устроению единой христианской семьи. Поэтому папа рекомендует странам экономически развитым оказывать разностороннюю помощь народам развивающихся стран. «Мы надеемся, — говорил он, — что наш призыв встретит большое сочувствие в будущем и что бедные народы, улучшая свое материальное положение, достигнут степени развития, дающего возможность каждому вести жизнь более достойную человека»³⁸³. Однако тут же папа Иоанн XXIII предупреждает, что помощь, оказываемая этим народам, не должна сопровождаться покушением на их независимость. Политически и экономически развитые объединения в своей деятельности и помощи менее развитым

странам должны признавать и уважать нравственные ценности и этнические особенности последних и не допускать по отношению к ним хотя бы малейшей попытки к господству. Подводя итог сказанному, папа говорил: «Итак, в наше время получает всё большее распространение убеждение в том, что международные конфликты не могут быть разрешаемы при помощи оружия, а посредством переговоров. Война не является средством для достижения справедливости... Поэтому невозможно по-человечески мыслить, что война в наш атомный век может быть адекватным разрешением спорных вопросов»³⁸⁴. С сожалением, правда, можно констатировать, развивал свою мысль папа, что среди народов господствует страх, а это, в свою очередь, ведет к расходованию огромных сумм на вооружение. Но всё же можно надеяться, по убеждению папы Иоанна XXIII, что народы, расширяя свои отношения и обмен, научатся замечать «связи единства», вытекающие из их общей природы, что они лучше поймут одну из первых их обязанностей, вытекающих из общности природы, — построение отношений людей и народов на любви, а не на страхе, ибо только любовь приводит людей к плодотворному сотрудничеству.

Современный прогресс науки и техники оказал большое влияние на людей и вызвал всюду движения, направленные к взаимному сотрудничеству. В наше время обмен идеями и материальными ценностями получил широкое распространение. Сегодня мы наблюдаем не только усилившееся взаимодействие между отдельными людьми, но и между различными государствами. Благодаря этому экономическое благополучие одной страны оказывается всё более зависимым от других стран. Национальная экономика оказывается всё более и более связанной с другими странами, что заставляет ее считать себя до некоторой степени составной частью единой всемирной экономики. Наконец, социальный прогресс, порядок, безопасность и спокойствие каждого политического объединения также зависят от других стран. Это, по мнению папы Иоанна XXIII, указывает на то, что государство, взятое в отдельности, совершенно не в состоянии в достаточной степени и в полной мере удовлетворять свои потребности и достигать нормального развития. Прогресс и будущее каждого народа, выражаясь словами папы, одновременно и причина и результат прогресса всех остальных.

Единство человеческой семьи существовало во все времена, так как оно соединяло существа, равные в своем естественном достоинстве. Следовательно, из самой природы вещей вытекает необходимость труда для достижения всеобщего блага, интересующего всю человеческую семью в целом. Прежде правительства, по словам папы, считали себя компетентными для обеспечения общего блага. Они пытались достигать этого обычным дипломатическим путем или встречами на высшем уровне, или при помощи юридических учреждений, как, например, конвенций, договоров, а также способами, вытекающими из естественного правового порядка, личности и международного права. В наши дни произошли глубокие изменения во взаимоотношениях между государствами. С одной стороны, достижение благосостояния вызывает чрезвычайно трудные и серьезные проблемы, требующие быстрого разрешения, в особенности когда речь идет об обороне, безопасности и общем мире. С другой стороны, с точки зрения права, гражданские власти различных политических объединений, находящихся на равном уровне между собой, увеличивают количество всевозможных конгрессов для установления лучших юридических учреждений и не находят иных путей для разрешения этих проблем. Это не значит, что у них недостаточно для этого доброй воли или инициативы. Власть, которой они обладают, для этого недостаточна. Если внимательно всмотреться, говорит папа Иоанн XXIII, можно отметить, что общее благо существенно связано со структурой и деятельностью гражданской власти. Нравственный порядок, постулирующий гражданскую власть на служение общему благу в гражданском обществе, одновременно требует для этой

власти необходимых средств для выполнения ее задачи. Следовательно, органы государства, обладающие властью и употребляющие ее ради достижения поставленной цели, должны быть эффективны настолько, чтобы иметь возможность ради общего блага находить новые пути, приспособленные к эволюции общества³⁸⁵.

26 июня 1945 года была образована Организация Объединенных Наций, к которой впоследствии были приобщены различные международные организации. Им были поручены всевозможные функции международного значения в экономическом, социальном, культурном, воспитательном и санитарном плане. Основной задачей Организации Объединенных Наций является поддержание и укрепление мира между народами, а также содействие развитию между ними дружеских отношений, основанных на принципе равенства, взаимного уважения и возможно более широкого сотрудничества во всех сферах человеческой деятельности.

Одним из самых значительных актов, предпринятых ООН, была Всеобщая декларация прав человека, одобренная 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Преамбула этой декларации провозглашает в качестве общепризнанного всеми народами и нациями объекта — эффективное признание и уважение всех прав и свобод, перечисленных в декларации. «Мы не забываем, — писал папа, — что некоторые пункты этой декларации вызвали возражения и стали объектом некоторой сдержанности, однако мы считаем эту декларацию шагом в сторону образования юридическо-политической организации всемирного общества»³⁸⁶. Эта декларация торжественно признает за каждым человеком без исключения достоинство личности, она утверждает за каждым человеком право свободных поисков истины, осуществления нравственных норм, требований справедливости и условий жизни, соответствующих человеческому достоинству, так же как и другие права, связанные с этим. «Мы горячо желаем, — провозглашал папа Иоанн XXIII, — чтобы Организация Объединенных Наций могла бы постепенно в большей мере приспособлять свою структуру и свои возможности деятельности ко всему объему своей высокоценной миссии. Пусть скорее наступит время, когда эта организация сможет эффективно гарантировать права человеческой личности, непосредственно вытекающие из нашего природного достоинства, права всеобщие, нерушимые и неизгладимые. Это пожелание тем горячее, что в наше время люди больше участвуют в жизни своих стран, проявляют всевозрастающий интерес к вопросам всемирного порядка и более живо осознают свое положение активных членов всемирной человеческой семьи»³⁸⁷. Давая в заключение несколько советов пастырского характера, папа говорит: «Еще раз мы приглашаем наших сынов активно принимать участие в гражданских делах и просим их содействовать общему благу человеческой семьи, так же как и своих собственных стран. Просвещенные своей верой и движимые любовью, они должны стараться добиваться того, чтобы учреждения, относящиеся к экономической, социальной, культурной и политической жизни, не препятствовали бы, но, наоборот, содействовали бы совершенствованию людей как в естественном, так и в сверхъестественном плане»³⁸⁸.

Касаясь роли католиков в общественной жизни стран, папа Иоанн XXIII считал, что для привнесения в цивилизацию здоровых принципов и для запечатления ее христианским духом католики не могут ограничиться только исповеданием веры и горячим желанием этого. Необходимо, чтобы они участвовали в общественной жизни и изнутри влияли бы на ее устройство. Однако современная цивилизация характерна особенным развитием науки и техники, поэтому без научной компетенции, технического умения и профессиональной квалификации в современном обществе действовать невозможно. Хорошо известно, что в странах так называемой христианской цивилизации научный и технический прогресс обычно процветает, но часто далеко не на христианской основе. Папа

задает вопрос, почему так обстоит дело, и отвечает, что прогресс очень часто обязан исповедующим христианство и, хотя бы отчасти, следующим его предписаниям и правилам, указанным в Евангелии, но «вызывает сожаление, что их деятельность во временном плане не находится в гармоничном сочетании с их верой. Необходимо, чтобы они установили внутреннее единство своих мыслей и намерений таким образом, чтобы вся их деятельность была бы пронизана светом веры и динамикой любви»³⁸⁹. Если религиозная вера людей часто находится в несогласии с их поступками, то, по мнению папы, это объясняется тем, что доктринальная и нравственно-христианская формация этих людей остается недостаточной. Нередки случаи нарушения равновесия между религиозным и светским образованием, светское образование развивается до высшего уровня, в то время как религиозное остается только на низших ступенях. Поэтому необходимо воспитывать молодежь так, чтобы религиозная культура прогрессировала совместно с научными познаниями и техническим опытом, находящимся в постоянном развитии.

Освещая вопрос взаимоотношений католиков с некатоликами в экономической, социальной и политической областях, папа Иоанн XXIII отмечает, что для разрешения многих вопросов, стоящих перед человечеством, католики сотрудничают различным образом как с христианами, отделенными от Рима, так и с людьми, живущими вне какой бы то ни было христианской веры. Последние, будучи движимы велениями разума, остаются верными естественной нравственности. Папа Иоанн XXIII, в отличие от своих предшественников, не запрещает своим чадам такого рода деятельности. Он говорит: «Пусть католики в подобных случаях тщательно стараются оставаться самими собой и не допускают какого-либо компромисса, нарушающего интегральность религии или нравственности. Но пусть также они не считаются только со своими собственными интересами и добросовестно сотрудничают во всяком деле, добром в самом себе, могущем привести к добру»³⁹⁰. Всегда необходимо, по мнению папы, делать различие между заблуждением и теми, кто его допускает, т. е. заблуждающимися людьми, недостаточность представлений которых относится к религии или нравственности: «Человек, погруженный в заблуждения, — писал он, — всё же остается человеком и сохраняет свое личное достоинство, с которым всегда следует считаться. Также человек никогда не теряет возможности освободиться от заблуждений и открыть себе путь к истине, для этого нет никогда недостатка в помощи Божественного Провидения»³⁹¹. Вполне возможно, что подобный человек, лишенный сегодня ясности в вере или погруженный в заблуждения, завтра окажется способным, благодаря божественному озарению, принять истину. Если в целях реализации задач временного характера верующие войдут в общение с людьми, которые не обладают полнотой веры, то такие контакты могут быть стимулом к движению, приводящему этих людей к истине.

По словам папы Иоанна XXIII, нельзя также смешивать воедино неправильные философские теории о природе, происхождении и целях мира и человека с историческими движениями, преследующими экономические, социальные, культурные и политические цели, даже если последние вдохновляются подобными теориями. Доктрины этих политических движений не меняются, будучи установленными, сформулированными, в то время как движения, преследующие изменение жизни на новых основах, не могут не подвергнуться эволюции. «Впрочем, — говорил папа, — в меру согласия таких движений со здоровыми принципами разума и справедливости, надеждами человека, вряд ли кто-нибудь будет отрицать в них позитивные и достойные элементы»³⁹². Он также рекомендует как можно чаще проводить всевозможные встречи, которые, по его словам, ранее считались бесплодными, а теперь могут оказаться реально полезными и многообещающими в будущем. Что касается католиков, то среди них принимать решения о подобных контактах могут люди, наиболее компетентные в по-

литике, верные принципам естественного права, придерживающиеся указаний церковных властей³⁹³.

Оценивая ситуацию в ряде стран мира, папа Иоанн XXIII отмечает, что нет недостатка в людях с благородным сердцем, которые, будучи поставлены перед лицом положений, противоречащих справедливости, горячо стремятся предпринять полную реформу, приобретающую революционный размах. Папа не осуждает таких людей, но рекомендует улучшать человеческие учреждения путем прогрессивного на них давления, избегая революционных методов, которые, по его словам, обостряют страдания, а не успокаивают их.

В разделе, озаглавленном «Огромные задачи», папа говорит: «Перед всеми людьми доброй воли сегодня стоят ответственные задачи — установить условия жизни общества на базе истины, справедливости, любви и свободы, отношения между частными лицами и государством, между государством и государством и, наконец, между государством и всемирным обществом. Самой благородной задачей является установление истинного мира, согласно порядку, установленному Богом»³⁹⁴. В этом благородном труде участвуют многие люди, и они заслуживают от человечества публичного прославления. Папа выражал свою надежду на то, что эти люди будут действовать еще более интенсивно, а другие люди, особенно верующие, движимые любовью и сознанием долга, присоединятся к ним в большом количестве. Всем верующим, по настоянию папы Иоанна XXIII, надлежит быть в современном мире как бы светящейся искрой, центром любви и закваской для всей массы людей. Каждый должен осознать это в меру своей близости к Богу. Папа утверждал, и вполне справедливо, что мир не сможет царствовать между людьми, если его не будет сначала в каждом из них, то есть если каждый не будет соблюдать порядок, установленный Богом. В подтверждение своей мысли он привел слова блаженного Августина, который говорил: «Хочет ли твоя душа победить живущие в ней страсти? Пусть она отдастся Тому, Кто вверху, и она победит то, что находится внизу. И ты приобретешь мир: истинный мир, мир без оговорок, мир, целиком установленный на идеальном порядке. И каков же порядок, свойственный этому миру? Бог указывает душе, а душа указывает телу. Нет ничего более согласного»³⁹⁵.

В заключительной части своей энциклики, озаглавленной «Князь мира», папа Иоанн XXIII пишет, что проблемы, стоящие на пути человеческого прогресса, потому привлекли его внимание, что он разделяет со многими людьми доброй воли надежду видеть царствующим во вселенной прочный мир. Именно эта мысль и эта надежда заставили папу взять в руки перо. «Мы считаем, — писал он, — что нашим долгом является посвящение нашей деятельности и энергии защите всемирного блага. Но мир — только слово, лишённое смысла, если он не построен на порядке, к которому мы с ревностной надеждой в этой энциклике наметили основные пути. Порядок, покоящийся на истине, строится согласно справедливости, берет свое начало и полноту в любви и, наконец, эффективно выражается в свободе»³⁹⁶. Безусловно, речь идет о чрезмерно хрупком и высоком начале, реализация которого не под силу человеку, предоставленному только своим силам, даже если он воодушевлен доброй волей. Папа заявляет, что для того, чтобы человеческое общество с наибольшей достоверностью представляло бы собой образ Царствия Божия, совершенно необходима помощь свыше. «Это причина, по которой в течение этих дней наша молитва с большей горячностью возносится к Тому, Кто Своими мучительными страданиями и смертью победил грех, первопричину всяческих нестроений, бедствий и неравенства, и Кто Своей кровью примирил человеческий род со Своим Небесным Отцом. «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно... Он, пришедши, благовествовал мир дальним и ближним» (Еф. 2, 14—17)... Этот мир, принесенный Искупителем, испрашивается нами непрерывно в наших молитвах. Пусть Он уберет души от того, что может

создать опасность для мира, и пусть Он превратит всех людей в носителей истины, справедливости и братской любви. Да просветит Он тех, кто отвечает за судьбы народов, чтобы они, занимаясь законным благополучием своих соотечественников, установили бы сохранность неопценных благ мира. Наконец, пусть Христос воспламенит сердца всех людей и поможет им разрушить заграждения, их разделяющие, усилить связи взаимной любви, узы взаимопонимания и научит прощать тем, кто был неправ по отношению к ним, чтобы, таким образом, благодаря Ему все народы земли создали между собой истинное братское общество и чтобы не прекращалось процветание и царствование столь желаемого мира. Дабы он распространился на всё стадо, порученное вашим заботам, в особенности, на наиболее скромные его классы, требующие помощи и особой защиты. Мы от всего сердца посылаем о Господе апостольское благословение вам, уважаемые братья-епископы, священникам мирского клира, монахам и монахиням и всем верующим и, в особенности, тем, кто великодушно отзовется на наш призыв. А для всех людей доброй воли, к которым также относится наше послание, испрашиваем у Бога Всевышнего счастья и успехов»³⁹⁷.

* * *

В этой главе мы познакомились с энцикликой папы Иоанна XXIII «*Racem in terris*». Вначале мы упоминали о тех откликах, которые вызвало появление этого документа у мировой общественности. Как известно, эти отклики были весьма противоречивыми по своему содержанию.

Борьба за мир, за торжество принципов мирного сосуществования, за прогресс с каждым днем всё более и более властно овладевает сознанием человечества, побуждая его лучших представителей настойчиво искать и деятельно пролагать пути к широкому взаимообщению, обмену мнениями, обогащению опытом, полезным дискуссиям и, что всего важнее, к тесному и плодотворному практическому сотрудничеству во всех областях жизни. Так рождаются многочисленные контакты, так завязывается живой, всесторонний, многообещающий, общечеловеческий диалог. В энциклике папы Иоанна XXIII содержится много ценных мыслей, могущих послужить хорошей основой для развития международных взаимоотношений в духе братства и мира, но в ней же имеются положения, представляющие известную трудность для христиан, чье социальное мышление формируется в социалистическом обществе в несколько ином, по сравнению с энцикликой, плане.

«...Сама тема энциклики «О мире между нациями, основанном на истине, справедливости, любви и свободе» показывает, что главной задачей нашего времени этот документ считает обеспечение международного мира. Энциклика свидетельствует о глубоком понимании папой Иоанном XXIII современной обстановки и о стремлении найти наилучшие, с его точки зрения, пути к установлению прочного и длительного мира. ...Эта принципиальная миролюбивая позиция определяет отношение православных верующих и к миротворческой деятельности Второго Ватиканского Собора, и к выступлениям папы Иоанна XXIII в защиту мира. В Русской Православной Церкви эти труды папы и Ватиканского Собора в целом были оценены как значительный вклад в дело созидания мира на земле и восприняты как добрый залог соединения усилий всего христианского мира, направленных на достижение мира и братства между людьми, народами, государствами и, как наглядное свидетельство жизнеподательной силы Святого Духа Утешителя»³⁹⁸.

«Журнал Московской Патриархии» неоднократно с удовлетворением говорил о реалистической позиции, занятой папой Иоанном XXIII. Так, в статье, озаглавленной «Второй Ватиканский Собор и современное человечество», отмечалось: «...Когда папа говорит о том, что давно пора сделать решающие шаги к миру, которого взыскуют все люди и ради которого они столько страдают, мы узнаём в его словах наши собственные

призывы, которые из года в год повторяет наша Русская Православная Церковь. Нас за эти именно призывы неоднократно пытались «обвинять» в политическом и чуть ли не в нехристианском подходе к этому важнейшему вопросу современности. Тот же призыв к миру, любви, братству и разуму в устах Первоиерарха Римской Церкви принуждает некоторых из подобных «обличителей» на Западе к молчанию. А для нас общехристианское звучание его высказываний служит ценным свидетельством христианского единства, в котором осуществляется благодатная сила воли Божией»³⁹⁹.

Папа Иоанн XXIII заявлял, что, по данной ему от Бога власти, он считает своим долгом заклинять всех людей и в особенности правительства не щадить усилий, чтобы направить развитие событий на путь, согласный с разумом и гуманностью. Такова миротворческая концепция энциклики «*Pacem in terris*». Так мыслил и поступал блаженной памяти папа Иоанн XXIII. Таково его последнее слово, изложенное в последнем его окружном послании, которое явилось как бы его завещанием чадам Католической Церкви и призывом ко всем людям доброй воли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В речи, посвященной папе Иоанну XXIII и произнесенной 28 октября 1963 года, когда было совершено особое богослужение о упокоении души почившего папы в годовщину его избрания на Римский престол, кардинал Сюзеннс говорил: «В день своего избрания Иоанн XXIII мог показаться «переходным папой». Таковым он, конечно, и явился, однако в столь удивительном воплощении, которое обычно не связывают с этим обозначением. С точки зрения истории, можно, без сомнения, утверждать, что он открыл для Церкви новую эпоху и что он наметил путь для перехода из двадцатого в двадцать первое столетие»⁴⁰⁰. Делясь своими воспоминаниями о последних днях, проведенных на земле покойным папой, кардинал отмечал, что «телевидение, радио и пресса действительно приблизили к каждому из нас его смерть, что мы жили как бы в семейном трауре. Никогда еще весь мир не переживал столь непосредственно близко скорбные фазы смертельной агонии. Этот папа превратил даже свою смерть в последнюю проповедь веры и надежды. Он шел навстречу своему концу с беззаботностью ребенка, возвращающегося в отчий дом»⁴⁰¹.

Прежде чем давать оценку понтификата папы Иоанна XXIII, мы считаем необходимым и уместным остановиться на последних днях его земного бытия. Папа Иоанн, как можно полагать, не рассчитывал присутствовать при окончании Собора, однако после окончания первой соборной сессии он продолжал трудиться во имя его успешного завершения. Последующие немногие месяцы были свидетелями чрезвычайно напряженных трудов и усилий Римского первосвященника в возрасте восьмидесяти одного года, страдающего болезнью с неизбежным трагическим исходом.

Папа работал над энциклой «*Pacem in terris*». Он спешил опубликовать ее. «В декабре месяце монсиньор Каповилла, любящий ученик, верный своему обещанию, сказал ему правду о его болезни. Правда, он это сделал в завуалированных терминах, не произнося слова «рак», но и не оставляя ложной надежды... Папа поражал своей худобой, делающей его некогда улыбающееся лицо серьезным и суровым. Группа богословов и социологов с монсиньором Паваном во главе подготовила материал и наброски текста, но в основу энциклики легли мысли и интуиция, которые он хранил в себе всю свою жизнь: величайшая роль и духовное предназначение мира, мистическое значение земной деятельности людей, испуленных кровью Христовой, независимо от того, принадлежат они или нет видимой Церкви. Автономия двух планов, духовного и земного. Папа считал своевременным выпустить энциклику в промежутке между двумя сессиями Собора»⁴⁰².

Уже на другой день после закрытия первой сессии Собора имела место церемония канонизации, возобновились аудиенции. В рождественское утро папа еще раз отправился к детям в госпиталь «Иезу бамбино», в последний день года он присутствовал на рождественском концерте, устроенном мальчиками папской капеллы в Климентинском зале Ватикана в помощь больным полиомиелитом и детям-калекам. В январе 1963 года папа Иоанн XXIII встречался со многими людьми, среди них были Британский премьер-министр Гарольд Макмиллан (2 февраля), президент Метанодской Конференции Великобритании д-р Лесли Лэвисон (8 февраля), настоятель протестантской монашеской общины в Тэзэ (Франция) Рожэ Шютц и другие.

Чрезвычайным событием тех последних месяцев было присуждение папе Иоанну XXIII премии мира имени Бальцана, о чем было объявлено 1 марта 1963 года. Само вручение имело место 10 мая 1963 года, всего за десять дней до его последнего приступа. Наступили последние в жизни папы Великий пост и Пасха, когда он посетил многие храмы, отправившись вначале в храм святой Сабины, древнюю базилику, которая является центром ордена доминиканцев. 3 марта 1963 года он присутствовал в новом приходе Картикииоло за покаянной службой, 10 марта — в другом храме, в квартале Лаурентино. Середина марта была заполнена встречами с участниками конгресса Организации продуктов питания и сельскохозяйственного развития (ФАО), с американскими паломниками, присутствовавшими на беатификации Елизаветы Сетон, с паломниками из Бергамо, прибывшими для участия в беатификации Луиджи Палаццола, бергамского священника, о святости которого папа Иоанн слышал от своего приходского священника еще будучи маленьким мальчиком в Сотто-иль-Монте, а его родная деревня была удостоена высокой чести, когда 18 марта 1963 года в Климентинском зале папа освятил первый камень миссионерского колледжа Иоанна XXIII, пристроенного к дому, в котором папа родился.

Во вторник Страстной недели папа подписал энциклику «*Racem in tergis*», в Великий четверг он совершил мессу в Сикстинской капелле в присутствии дипломатов, аккредитованных при Ватикане, произнеся при этом несколько слов в связи с обнаружением энциклики.

В Великую пятницу папа Иоанн XXIII возглавлял службу в Ватиканской базилике. На Пасху он преподал благословение с балкона собора св. Петра. Его глубоко тронул отклик, который получила его энциклика во всем мире, об этом папа часто говорил в ходе своих последующих аудиенций.

Кажется вполне естественным, что чрезвычайно активная деятельность папы Иоанна XXIII и фотографии с его улыбающимся лицом во время поездок по Риму вводили в заблуждение многих людей относительно состояния его здоровья. Несмотря на всевозможные слухи, подлинный характер его болезни оставался неизвестным для широких масс. Одного посетителя Рима, сразу же после Пасхи видевшего папу на аудиенции в соборе св. Петра, страшно поразил его внешний вид. «Исключительная бледность лица, — говорил он, — была свидетельством того, что перед вами умирающий человек. И только глаза его, как и прежде, глубоко посаженные и ясные, светились живым, задорным светом; он, как в былые годы, с интересом обводил ими тех, кто подходил под его благословение; его голос, звучащий вначале с легкой хрипотцой, обнаруживал твердость и уверенность. Казалось, он преодолел усталость в разговоре и вдруг, сделав энергичный жест, задел микрофон рукой. Он был полон пасхальной радости и надежды, доказывая тысячам паломников из всех стран необходимость быть миротворцами дома, на работе, в своей стране и в мире»⁴⁰³.

Выступая публично, папа Иоанн XXIII нарушал рекомендации врачей и тем самым ухудшал состояние своего здоровья. Но, даже находясь в тяжелом состоянии, он, в силу своего характера, довольно часто шутил над своими немощами. Секретарь папы Иоанна XXIII монсиньор Капо-

вилла, который был в два раза моложе папы, писал, что однажды, в результате внезапного обморока своего секретаря, папа был вынужден помочь ему добраться до кресла. «Вы что, хотите отправиться «туда» раньше вашего начальства?» — с иронией спросил его папа⁴⁰⁴. В другой раз, когда папа Иоанн XXIII был очень бледен, монсиньор Каповилла спросил, как папа себя чувствует. Ответ был таков: «Как святой Лаврентий на решетке для пыток»⁴⁰⁵.

Свою последнюю мессу папа отслужил 17 мая. Далее он присутствовал за мессами, совершаемыми его секретарем в кабинете рядом со спальней. От своего же секретаря папа получал и святое причастие. 20 мая папа Иоанн XXIII должен был принимать примаса Польши кардинала Вышинского и трех польских епископов. Монсиньор Каповилла предложил принять их в спальне, но папа настоял на библиотеке. «Я еще не зашел так далеко», — сказал он. В конце беседы кардинал Вышинский заметил: «До сентября, Святейший Отец». Папа Иоанн ответил: «В сентябре вы найдете здесь или меня или другого. Знаете, за месяц успеют сделать всё — похоронить одного папу и избрать другого»⁴⁰⁶. Он говорил это с улыбкой, которая вводила в заблуждение людей, внушая им, что он не так сильно болен, как на самом деле.

В ночь на 21 мая 1963 года у папы Иоанна XXIII произошло сильное кровоизлияние в мозг. 22 мая 1963 года последовало официальное объявление о прекращении приемов, а также было указано, правда не детально, на болезнь папы. На следующий день, 23 мая 1963 года, был праздник Вознесения. К радости бесчисленной толпы папа Иоанн XXIII вновь появился в окне своей комнаты, чтобы уже в последний раз в своей жизни благословить собравшихся. Ему было сделано переливание крови, и несколько дней он чувствовал себя лучше. К этому времени весть о его болезни облетела весь мир. Реакция миллионов людей на это известие была весьма бурной, они следили за течением болезни папы день за днем, соучаствуя в ней так, как будто были членами его семьи. Государственный секретарь кардинал Чиконьяни известил об этом папу, сказав, что люди в столь многих странах молятся за него. Папа Иоанн на это ответил: «Раз весь мир в молитве, намерение наше должно быть верным»⁴⁰⁷.

В пятницу, 31 мая 1963 года, в 6 часов 30 минут папа Иоанн XXIII, как обычно, слушал мессу, которую совершали в соседней с его спальней комнате, и причащался. Затем профессор Вальдони, вызванный к его постели, констатировал серьезное ухудшение здоровья папы. В 11 часов 15 минут духовник папы монсиньор Каванья, посещавший его почти каждый день, принес всё необходимое для соборования. По желанию больного, монсиньор ван Льерд совершил над ним таинство Елеосвящения по особому папскому чину. Перед моментом помазания елеем папа попросил монсиньора Каванью постоять у его постели со Священным Писанием в руках. Папа говорил окружающим о вере, о любви, которую питает к Церкви и к людям. Он особо обращался к отцам Собора, выразив свою уверенность в успешном его исходе. Папа Иоанн XIII благодарил Священную Коллегию, свою любимую Римскую епархию, папскую курию, все города от Бергама до Венеции, бывшие свидетелями его трудов. Он обратился к своим родственникам и верующим Сотто-иль-Монте. Среди этих обращений он неоднократно повторял: «Да будут все едино». Папа просил прощения у всех, кого он мог случайно обидеть, и повторял, что ко всем полон любви. Вспомнив о своем первом государственном секретаре кардинале Тардини, папа выразил признательность кардиналу Чиконьяни, поручая ему передать свои указания и мысли Священной Коллегии, миссионерам, всем епархиям на земле. Он особенно обращался к институтам, на которые возлагалась обязанность распространения папских идей в Южной Америке. Обращаясь к своему племяннику Джованни Баттиста Ронкалли, папа Иоанн XXIII просил передать всем родным и прихожанам Сотто-иль-Монте его особое апостольское благословение.

Со всех концов земли в Ватикан приходили телеграммы, содержащие слова добрых пожеланий. Были приняты телеграммы личного характера от глав 58 государств мира. Многие телеграммы были отправлены не католиками и даже неверующими людьми. Вот некоторые из них:

«Я молюсь за Ваше здоровье. Буддист».

«В той мере, в какой способен молиться атеист, я молюсь за скорейшее Ваше выздоровление».

«Я молюсь за Вас, за человека, который является как для меня, так и для других протестантов предметом высокого почитания. Ваша мудрость наравне с Вашей добротой оказали влияние на ход истории человечества. Да благословит Вас Господь».

«Наши австралийские сердца с Вами» (4 протестанта)⁴⁰⁸.

31 мая 1963 года из Москвы была отправлена следующая телеграмма Святейшего Патриарха Алексия: «Со скорбью услышал о недуге Вашего Святейшества, молим Вседержителя Господа даровать Вам многолетнее здравие для служения Церкви Христовой, для продолжения Ваших трудов по возведению и утверждению на земле прочного мира. С братской любовью»⁴⁰⁹.

Из Ватикана 2 июня 1963 года за подписью кардинала Чиконьяни, государственного секретаря, Святейшему Патриарху Алексию пришел ответ: «Мне поручено передать Вашему Блаженству благодарность Святейшего Отца за усердные молитвы и за любезные пожелания. Дай, Господь, чтобы страдания Иоанна XXIII в соединении с горячей молитвой Спасителю «Да будут все едино» принесли благо для Святой Церкви и послужили успешному завершению Вселенского Собора и установлению мира во всем мире. Его Святейшество приветствует Вас с любовью во Христе»⁴¹⁰.

Длительные боли, появившиеся в результате развития болезни, не покидали папу. В ночь с 31 мая на 1 июня 1963 года и в продолжение всего дня приближенные папы, члены Священной Коллегии и Государственного Секретариата дежурили, сменяя друг друга, у изголовья больного. На площади святого Петра, на прилегающих улицах денно и ночью молилась огромная толпа народа.

Состояние здоровья папы Иоанна XXIII особенно осложнилось после воспаления брюшины, он впал в бессознательное состояние. Сознание вернулось к нему только в 3 часа ночи. Он узнал своих братьев, сестру Ассунту и трех племянников, стоящих у его изголовья. Папа горячо благодарил врачей, которые ухаживали за ним с любовью и усердием. На их утешительные слова папа ответил: «Да, я чувствую себя хорошо, я готов последовать туда, куда позовет меня Господь!»⁴¹¹. После этого он долго беседовал с государственным секретарем кардиналом Чиконьяни. Во время этого неожиданного улучшения его состояния папа Иоанн XXIII неоднократно питировал Евангелие, подчеркивая особенно слова Спасителя: «Я есмь Воскресение и Жизнь» (Ин. 11, 25).

В полночь монсиньор Каповилла отслужил мессу, на которой присутствовала вся семья Ронкалли, прибывшая в Рим благодаря заботам кардинала Монтини, монахи, окружение папы. В 3 часа еще одну мессу отслужил монсиньор Джованни Ронкалли, а через час — кардинал Чиконьяни. Папа выслушал все эти богослужения.

После 10 часов утра 2 июня 1963 года состояние здоровья папы резко ухудшилось, температура поднялась до 39°, периоды ясности рассудка сменялись полной потерей сознания. Тем не менее, по свидетельству очевидцев, папа Иоанн XXIII, открывая глаза, узнавал окружающих его и часто искал глазами стоящий на столе портрет папы Пия X, который тот подарил молодому священнику Анжело Ронкалли в Троицын день 1905 года.

В 20 часов — новый приступ, но после своевременной помощи наступило некоторое облегчение. Ночью — снова приступ, но крепкий организм

папы боролся с недугом. В течение последних 12 часов больной неоднократно терял сознание, у него началась агония. Вот как об этом повествует племянник папы Иоанна XXIII монсиньор Ронкалли: «Мы подавлены горем, конец близок. Врачи бегают между комнатой и аптекой. Непрерывно работает прибор для переливания крови. Папе вводят физиологический раствор, в его правую руку входит игла шприца... Настает час расставания, но он не кажется печальным, так как Святой Отец всю жизнь смиренно думал о смерти. Великое спокойствие царит в тихой комнате. Мы непрерывно плачем. «Перестаньте плакать,— говорит папа.— Пятидесятница — день радости». В своих руках он держит распятие. Он смотрит на окно, из которого он благословлял народ Рима. Он выражает желание быть погребенным на кладбище римских епископов. Восьмой час вечера, понедельник. Вот уже на протяжении нескольких часов папа не произносит ни одного слова. Его губы шевелятся. Мы пытаемся уловить каждое движение этих губ, значение произнесенных звуков. Мы понимаем, что сейчас он испытывает ужасные боли. В комнате находятся монахи, сестры Анжелла и Анна, прибывшие из Асмары, братья, монсиньор Каповилла, монсиньор Делль Аква, кардинал Чиконьяни... Папа нас больше не узнаёт, температура поднимается, термометр показывает 42°. Профессор Вальдони говорит: «Иоанн XXIII находится во власти Господней. Клинически он уже мертв». Но здесь происходит нечто неожиданное. Внезапно температура падает почти до нормальной. Пораженные, мы смотрим друг на друга. Мы знаем, что это предвестие конца. Но сейчас такое, что навсегда запечатлется в наших глазах и памяти. Папа, лежавший совершенно бессиленный и не подававший никаких признаков жизни, делает вдруг едва заметные знаки рукой и шевелит головой. Кажется, взгляд его усталится в одну точку в комнате и что-то просит с болью: какую-то милость, какую-то помощь. Знаки становятся всё более настойчивыми. Губы его двигаются, как будто он желает заговорить. Его глаза, бывшие минуту назад отечески добрыми, ободряющими, казалось, что они просят, умоляют. Он смотрит на брата своего Саверио, стоящего перед ним, создается впечатление, что он зовет его. Что случилось? Жесты папы болезненно красноречивы. Папа просит его отойти в сторону. Внезапно как будто в головах наших наступает просветление, нам всё становится ясно: невольно Саверио загордил собой распятие, которое Анжело Ронкалли, став папой, приказал поместить над скамеечкой для молитвы, чтобы с момента пробуждения и весь день видеть его. Саверио заслоняет на миг распятие. Внезапно он понимает последнее желание папы и отходит в сторону. В полумраке комнаты вырастает страдающий лик Христа. Черты лица папы смягчает улыбка. Иоанн XXIII вновь успокаивается, смотря на распятие и скрестив на груди похудевшие руки... С площади слышится пение толпы, которая слушает мессу на паперти собора святого Петра. 19 часов 49 минут. Теперь уже мы можем дать волю нашим слезам — папа скончался»⁴¹².

Это произошло в понедельник, 3 июня 1963 года. В 19 часов 49 минут врачи констатировали смерть 263-го Главы Римско-Католической Церкви. В последний раз поцеловали родственники и непосредственные сотрудники перстень «рыбаря» (перстень с изображением св. ап. Петра в виде рыбака) на руке умершего — знак его папского достоинства. Затем к смертному ложу приблизился камерленг Римской Церкви кардинал Бенедетто Алоизи-Мазелла и трижды назвал умершего именем, данным при крещении. Каждое восклицание сопровождалось постукиванием серебряного молоточка по лбу умершего. Папа оставался безмолвным. Тогда кардинал камерленг возгласил: «Действительно, папа мертв».

Никогда еще ни один папа римский (и это можно утверждать со всей определенностью) не собирал вокруг своего ложа последних страданий стольких людей, никогда смерть папы римского не была воспринята всеми людьми доброй воли, как тяжелая утрата.

4 июня 1963 года на имя кардинала Амлето Чиконьяни поступила телеграмма соболезнования от Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия, в которой говорилось: «Русская Православная Церковь и я глубоко скорбим о кончине Его Святейшества Папы Иоанна XXIII. Сердечно разделяем скорбь Церкви, лишившейся в лице почившего папы своего выдающегося Главы и Первосвященителя. Мы верим, что в сердцах всех людей, стремящихся к миру, навсегда останется благодарная память об усердных трудах почившего по сохранению и упрочению мира на земле. Возносим усердные молитвы о упокоении светлой души почившего Святейшего Отца в селениях праведных»⁴¹³.

5 июня Святейший Патриарх Алексий отправил новую телеграмму кардиналу Чиконьяни, в которой писал: «Душевно разделяя скорбь о кончине в Бозе почившего Папы Иоанна XXIII, мы благословляем быть на погребении Его Святейшества Преосвященному епископу Звенигородскому Владимиру (Котлярову), протоиерею-профессору Виталию Боровому и Николаю Павловичу Анфиногенову»⁴¹⁴.

На соболезнования Святейшего Патриарха Алексия поступили ответы за подписью камерленга-кардинала Алоизи-Мазеллы.

Газета «Известия» от 4 июня 1963 года откликнулась на это скорбное событие, поместив на 2-й странице специальную статью, озаглавленную «Кончина Иоанна XXIII». Вот содержание этой статьи:

«Вчера, в 19 часов 49 минут по местному времени, в Риме в возрасте 81 года скончался папа Иоанн XXIII. Начиная с сегодняшнего дня, на всех общественных учреждениях в знак траура будут висеть приспущенные национальные флаги. Закроются двери зрелищных учреждений, прекратятся передачи телевидения. Траур по всей Италии. Такова традиция. Так, вероятно, хоронили всех пап во все времена. Их было 262 предшественника Иоанна XXIII в истории Католической Церкви. Но ни один из них, и об этом пишут все газеты, не вызывал столько симпатий простых людей, когда жил, и такого неподдельного горя, когда умер.

Анжело Джузеппе Ронкалли, избранный 28 октября 1958 года на конклаве кардиналов папой римским и принявший после этого имя Иоанна XXIII, родился в 1881 году в итальянской провинции Бергамо в крестьянской семье.

Почему деятельность Иоанна XXIII нашла столь положительную оценку и верующих и неверующих людей самых разных положений и политических убеждений?

Умерший папа поставил задачу построить мир без войн, установить на земле прочный и действенный мир, мир, в котором заинтересованы сегодня люди самых разнообразных религиозных, политических и социальных убеждений. Он поставил эту задачу по-новому и с большим мужеством... И вот именно потому, что он поставил эту задачу и боролся за ее претворение в жизнь, преодолевая препятствия, казавшиеся непреодолимыми, и открыл перспективы, которые вчера представлялись нереальными, Иоанн XXIII утвердил себя, как одну из самых значительных личностей современного мира, — так сказал об Иоанне XXIII в своем заявлении для печати генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии товарищ Пальмиро Тольятти».

Председатель Совета Министров СССР направил кардиналу Чиконьяни телеграмму, в которой говорится:

«Прошу принять наше глубокое соболезнование по случаю кончины папы Иоанна XXIII. Мы сохраним добрую память об Иоанне XXIII, чья плодотворная деятельность на пользу поддержания и укрепления мира получила широкое признание и снискала ему уважение среди миролюбивых народов»⁴¹⁵.

Камерленг-кардинал Алоизи-Мазелла ответил телеграммой:

«Священная Коллегия кардиналов благодарит Ваше Превосходительство за любезное послание с выражением соболезнования по случаю скорб-

ного события — блаженной кончины папы Иоанна XXIII. Неустанные труды, которые он приложил для установления справедливого мира между народами, сияют в его папском правлении. Уважение Вашего Превосходительства к его трудам присоединяется к трогательному оплакиванию и к глубокому почитанию всего мира»⁴¹⁶.

Невозможно подробно останавливаться на всех сердечных откликах, которые поступали в эти траурные дни в Ватикан со всех концов мира. Вот некоторые из них, цитируемые по книге аббата Франсуа Утара «Церковь и мир»: «Мы потеряли нашего папу», — говорят протестанты на юге Соединенных Штатов, где антипапистская традиция прочно укоренилась. «Я плакала в день его смерти, — утверждает французская еврейка, представительница интеллигенции, — но если бы несколько лет тому назад мне сказали, что я буду оплакивать смерть папы, я возмутилась бы»... На Кубе после его смерти был объявлен трехдневный национальный траур. На мессе, совершённой в соборе, присутствовали представители Фиделя Кастро, Президента Республики, министра иностранных дел и почти все дипломатические представители стран Востока... «Впервые он обратился к коммунистическому миру без предварительного проявления агрессивности», — сказал один нейтральный наблюдатель, не являющийся ни коммунистом, ни христианином... Автор-коммунист в передовой статье назвал его «папой всех»...

17 июня 1963 года в соборе св. Петра в Риме была совершена торжественная понтификальная месса — рекеиём о почившем папе Иоанне XXIII. Мессу совершал кардинал Тиссеран — декан Священной Коллегии кардиналов. На богослужении присутствовали представители многих Церквей и конфессиональных объединений, в том числе и от Московского Патриархата: епископ Звенигородский Владимир, представитель Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей, профессор-протоиерей Виталий Боровой, заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений, и Н. П. Афиногенов, секретарь представительства Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей»⁴¹⁷.

В тот же день в Крестовой церкви в резиденции Святейшего Патриарха в Москве была совершена панихида по новопреставленному папе Иоанне XXIII. За панихидой присутствовали и молились члены Священного Синода, епископы — руководители отделов и сотрудники Московской Патриархии⁴¹⁸.

В «Журнале Московской Патриархии» появилась следующая оценка личности и деятельности почившего папы Иоанна XXIII, напечатанная в некрологе, посвященном ему:

«3 июня 1963 года скончался выдающийся иерарх Римско-Католической Церкви, ее Предстоятель Папа Иоанн XXIII. Почивший оставил по себе благодарную память. Современники назвали его «папой мира», так как понтификат Иоанна XXIII ознаменован глубоко христианским и реалистическим подходом Главы Католической Церкви к важнейшим проблемам современного человечества и последовательной борьбой за мир. Справедливо поэтому высказанное в прогрессивных кругах Италии мнение, что Иоанн XXIII «утвердил себя как одну из замечательных личностей современности». Мнение это подтверждается тем, что при жизни папа привлек к себе симпатии простых людей во всем мире. Смерть его у многих вызвала неподдельное горе. И в Русской Православной Церкви к личности Иоанна XXIII относились с глубоким уважением. Весть о кончине его православными верующими была воспринята с большой печалью...

Миротворческая деятельность папы Иоанна XXIII увековечила его память в сердцах не только католиков, но и всех вообще миролюбивых людей»⁴¹⁹.

Еще в начале своего понтификата папа Иоанн XXIII высказал мысль, которая стала программой его архипастырского служения и с которой

после его кончины были согласны все: «Пусть каждый обо мне сможет сказать, что я никогда не способствовал разделению и недоверию, не омрачал бессмертные души, сея в них подозрения и опасения. Я оставался цельным, лояльным и доверчивым. Я заглядывал в глаза других с братской к ним симпатией даже тогда, когда они не разделяли моих взглядов, во имя того, чтобы в нужное время память о моих поступках не помешала бы осуществлению воли Христовой: «Да будет все едино!»»⁴²⁰.

Духовный облик папы, его склад ума и целеустремленность определились для всех, ранее мало знавших его, вскоре же после его избрания. Для многих «стало совершенно ясно, что в его лице Римско-Католическая Церковь обрела отнюдь не «временного» бесцветного вождя для «переходного периода», как некоторые считали из-за его преклонного возраста, а одного из самых выдающихся пастырей, каких она знала за всю свою историю, который совершил переход одного периода жизни Католической Церкви к другому и положил начало новой эпохи в церковной истории. При отеческой, добродушной и мягкой простоте обращения с людьми папа Иоанн XXIII сразу показал себя мужем большой мудрости и широкого кругозора, обладающим качествами, редко сочетающимися в одной личности, — дерзанием и осмотрительностью. Не будет поэтому пресувеличением сказать, что Второй Ватиканский Собор приобрел такое значение в наши дни в большей мере из-за личных свойств его вдохновителя»⁴²¹.

«Тем, кто хорошо знал его, — писал Даниель-Ропс, член Французской Академии наук, — он представлялся совсем другим человеком: изумительно светлый и проницательный ум, понимавший и схватывавший самую суть вещей людей и положений, который никогда не попадался на удочку лицемеров и мирской суеты. Умеренные, но твердые суждения по поводу вопросов, которым он приписывал существенное значение, уживались в нем со снисходительным отношением к глупости и тщеславию простых смертных. Его крестьянское происхождение проявлялось в нем в виде спокойного реализма и мудрости, старой, как и сам мир; всё это сближало его с другим человеком из народа: его предшественником по венецианской кафедре, папой Пием X, более склонным следовать традиции, чем ломать ее, и, кроме того, любившим сохранять независимость. Более точное определение его характера дал президент Французской Республики Венсан Ориоль: «приятный бунтовщик». Но, кроме проницательности, поражало и его, Ронкалли, благородство сердца. Нелегко правдиво судить о людях и продолжать относиться к ним с любовью... У него это получалось вполне естественно. Он охотно сознавался, что нет заслуги в том, когда ты от рождения склонен доверять своему ближнему и любить его в большей мере, чем не доверять ему и ненавидеть его. И вот это соединение реалистической прозорливости с добротой и является в конечном счете величием понтификата»⁴²². Вполне понятно, что подобные высказывания Предстоятеля Римско-Католической Церкви вызывали горячее одобрение как религиозных, так и нерелигиозных кругов.

«Про папу Иоанна XXIII неоднократно говорилось, что он оказался «папой многих неожиданностей». Едва ли не главной неожиданностью, которую он часто повторял с высоты Римского престола, для значительного числа людей явилось решительное осуждение им не только войны, но и гонки вооружений и приготовлений к войне, на которых считалось разумным строить некоторое «равновесие» на земном шаре»⁴²³.

Несомненно, что жизненный реализм папы Иоанна XXIII и его миротворческая деятельность способствовали оживлению отношений между Ватиканом и СССР. Московский Патриархат и Римско-Католическая Церковь нашли также точки соприкосновения для сотрудничества и налаживания братского диалога между ними.

Всё это во многом стало возможным потому, что на конклаве 1958 года папой Римским был избран Венецианский патриарх кардинал Анжело

Джузеппе Ронкалли, принявший имя Иоанна XXIII, который и словом и делом способствовал определенному сдвигу во внутрицерковном сознании.

Автор книги «Иоанн XXIII за стенами Ватикана» д-р Пикер писал, что «уже первые наброски новой церковно-политической линии на мировых горизонтах свидетельствуют о том, на какой риск ради веры пошел папа Иоанн, опираясь на свое собственное знание вещей, со своим изменением курса по отношению к коммунизму и коммунистическим странам»⁴²⁴. Безусловно, определенная доля риска в этом была, так как если на Востоке к призывам папы прислушивались с удовлетворением, то на Западе не скрывали досаду по поводу заявлений папы, которые, как считалось некоторыми, ослабляли западный «фронт», и явного сдвига папы «влево». Папа Иоанн XXIII был уверен в вечности существования и прочности Католической Церкви потому, что, как верующий человек незаурядного ума, пришел к решению — сосуществовать в одном мире с коммунизмом.

Мы, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что созыв Второго Ватиканского Собора был осуществлен папой не столько и не только для разрешения внутренних проблем Римской Церкви, но еще и для того, чтобы обратить взоры всех людей на Католическую Церковь, на Христа и Евангелие, его помыслы и чаяния касались всех частей земли — не только Запада с его маловерием и практическим атеизмом материальных мирских попечений, но и Востока, а также, не в последнюю очередь, тех двух третей человечества, которые проживали в так называемых странах третьего мира.

Папа неоднократно подчеркивал, что любая негритянка не может серьезно воспринимать вероисповедание Единой, Святой Христовой Церкви, если миссионеры различных вероисповеданий пытаются в проповеди Евангелия конкурировать друг с другом. Уже первыми своими словами от 29 октября 1958 года папа Иоанн XXIII четко определил, что его понтификат должен служить свершению Первосвященнической молитвы Христа Спасителя о единстве всех Его последователей. Никогда раньше Римский престол не проводил такого четкого курса к восстановлению христианского единства. Конечно, в течение веков предпринимались попытки к ликвидации разделений. И эти попытки иногда венчались непродолжительным успехом, но затем вновь брали верх разногласия.

То, что Римский папа сознательно поставил весь свой понтификат под знамя христианского единства, привело к появлению совершенно нового климата во взаимоотношениях католиков с неримскими христианами. В энциклике «Mortalium animos» (1929 г.) папа Пий XI резко отрицательно высказался против экуменического движения. Правда, его преемник папа Пий XII чувствовал, что зарождается нечто новое, с чем следует Римско-Католической Церкви поддерживать какие-то контакты, однако он желал, чтобы эти контакты проводились в высшей степени сдержанно. Самое большее, до чего дошел этот папа, было удаление из официального языка Церкви слов «схизматики» и «еретики» и замена их словами «отделенные братья» в отношении православных и протестантов, при этом ударение ставилось на слово «отделенные». Папа Пий XII совершенно игнорировал деятельность основанного в 1948 году в Женеве Всемирного Совета Церквей.

И понятно, что архиепископ Ронкалли, находясь в Стамбуле, снискал нерасположение Ватикана, когда он перенес акцент с понятия «отделенных» на понятие «братьев». В Риме заметили, что с «послушанием» у епископа не всё обстоит благополучно. (Следует напомнить, что епископским девизом архиепископа Ронкалли были слова «послушание и мир». — М. Н.). Однако в курии сознавали, что архиепископ Ронкалли не может принести этим какого-то вреда, находясь на Востоке, и ему не мешали, когда он общался в Болгарии, Греции и Турции с православными почти что по-

христиански, семейно. Нужно помнить об этом, чтобы правильно оценить заявления, обращения и послания папы Иоанна XXIII по вопросам христианского единства. «Все верующие и крещенные являются истинными христианами! Они наши братья!» — неоднократно повторял он, хотя в то же время настойчиво подчеркивал, что Рим является «отеческим домом для всех христиан». Этот новый дух папы Иоанна XXIII с сарказмом был определен одним консервативным членом курии следующим образом: «Ранее еретиков сжигали, сегодня мы распахиваем перед ними двери!»⁴²⁵.

Этот новый дух не в последнюю очередь был результатом двадцатилетней деятельности архиепископа Ронкалли в странах, где жили православные. Вполне естественно, что папа, являясь церковным историком, прекрасно понимал различия в мнениях, существовавших между различными христианскими вероисповеданиями в их отношении к Риму. И если он постоянно выделял не то, что их разделяет, а лишь то, что объединяет, это было проявлением его экуменического духа. Созвав Второй Ватиканский Собор, он рекомендовал католическому епископату обратить свой взор не на прошлое, на время раскола, а посмотреть в глаза будущему, не ища в историческом процессе виновных и невинных; он призывал прекратить разделяющие христиан дискуссии и протянуть всем братьям руку с призывом Христовым: «Да будут все едино». Собрав весь епископат Католической Церкви в Риме, папа Иоанн XXIII всем показал, что Рим является не просто монолитным блоком, а единством, где существует многообразие богословских мнений, имеются разнообразные, даже противоречивые мнения, различные обряды, языки и формы благочестия.

Тон в отношении между Римом и другими христианскими вероисповеданиями изменился. То, что раньше проявлялось как стремление господствовать и властвовать, ушло в прошлое. Обращение кардинала Беа к инославным наблюдателям на Соборе: «Дорогие братья во Христе» с сердечным призывом «сплоченности во Христе»⁴²⁶ ясно говорило об изменении в Риме всей атмосферы.

Конечно, папа Иоанн XXIII был достаточно мудрым, чтобы не проявлять в этой области поспешности и нетерпения. В послании от 22 декабря 1962 года он говорил: «Характерным в развитии этого события (Вселенского Собора) было невольное, для многих неожиданное, проявление идеи единства. Правильнее сказать, осязательность признанного и хорошо воспринятого пути к христианскому братству, нашедшему свое выражение в апостольском вероисповедании, в убеждающем определении Единой, Святой, Католической (в славянском тексте — Соборной. — М. Н.) и Апостольской Церкви, Церкви, которая существует не для господства над народами, а для служения народам...

...Это верно, что в ссылках на духовное наследие Святой Церкви весьма редко за всю христианскую эру, после прохождения 20 веков, замечалось столь сильное стремление в сердцах верующих к желанному для Господа Бога единству... «Да будут все едино!» Вот план Божиего спасения, который мы должны осуществить, почтенные братья, и это останется трудным обязательством, которое лежит на совести каждого из нас. В последний день эту совесть не спросят, добилась ли она единства, а спросят, молилась ли она за него, творила ли и страдала ли она, повиновалась ли она умному, терпеливому и прозорливому устремлению, и давала ли она силу стремлениям любви»⁴²⁷.

Папа Иоанн XXIII, как человек дела, был далек от легкомысленного оптимизма. Он не скрывал своей верности католическому вероучению, но его задачей, задачей первостепенной важности, было разбудить и сделать действенным экуменический дух Католической Церкви. Когда в праздник Пятидесятницы 1960 года были учреждены подготовительные комиссии, папа Иоанн XXIII объявил о создании Секретариата по содействию христи-

анскому единству. Это была целиком его собственная идея. Новая организация не была ни подразделением курии, ни соборной комиссией (хотя потом ей был дан статут последней), а независимым органом. Его независимость от существующего церковного управления позволила ему стать наиболее гибким и влиятельным инструментом папской экуменической линии, средством осуществления контактов с христианскими Церквями и общинами.

Свою добрую экуменическую настроенность папа Иоанн XXIII проявлял неоднократно. Так, во время специальной аудиенции 13 октября 1962 года, проведенной им в Климентинском зале Ватикана для наблюдателей, прибывших на Собор, всё было необычным. Папа не сидел, в соответствии с церемониалом аудиенции, на троне, а занял место на кресле среди своих посетителей. В разговоре он не употреблял величественное «Мы», которое, как он однажды сказал в первые недели своего понтификата, стоило ему больших трудов для произнесения. Он пользовался местоимением «я» для того, чтобы подчеркнуть делегатам, что они являются его братьями, что он рассматривает эту встречу как общение близких друг другу людей. Многие католики и некатолики этому событию приписывали историческое значение, однако папа Иоанн XXIII не был склонен к поспешным выводам. Напротив, он разъяснял всем тем, кто придерживался подобных мыслей, необходимость благоразумия и терпения. Надо отметить, что такая предосторожность была обоснованна. Среди некоторых некатоликов высказывалось мнение, что Рим только изменил тактику. Наблюдателей на Соборе обвиняли и упрекали в том, что они легковверные люди, преисполненные иллюзий, попавшиеся в сети расчетливой дипломатии самого опытного преемника Петра за всю историю папства⁴²⁸.

Не всё было спокойно и в Католической Церкви. Так, кардинал Оттавиани предложил Собору схему о Божественном Откровении, которая была пропитана антиэкуменическим духом, кроме него и другие консервативно или слишком традиционнo-мистически настроенные отцы Собора или члены Римской курии предпринимали различные шаги, чтобы сохранить всё, что имело место в дособорное время. Однако папа Иоанн XXIII был тверд в своей линии. Некатолическим наблюдателям он через кардинала Беа передал, что Собор как раз стремится снизить вероисповедные барьеры, препятствия христианскому единству. Схему о Божественном Откровении из-за ее неэкуменического содержания и из-за сильного противодействия ей со стороны отцов Собора папа Иоанн снял с повестки дня и передал смешанной соборной комиссии для доработки. Председателем этой комиссии был назначен кардинал Беа.

В своем обращении при открытии Собора папа уточнил, что Собор созывается не для того, чтобы заниматься пространными повторениями учения отцов и старых богословских систем, а как раз наоборот — для того, чтобы представить и сформулировать незыблемую сущность веры в свете современности. С начала работ Собора папа Иоанн XXIII распорядился, чтобы на каждом заседании, сразу же после мессы выносилось на особое возвышение Евангелие одним из отцов Собора, как свидетельство того, что это грандиозное вселенское собрание проходит под водительством Слова Божия. При ежедневном повторении церемонии каждому должно было стать ясным, что решения, принимаемые Собором, вдохновлены Библией, книгой священной для христиан всех исповеданий⁴²⁹.

Конечно, мало кто придерживался иллюзий, что Второй Ватиканский Собор, наряду с внутрицерковным обновлением католицизма, приведет к экуменическому объединению всех исповеданий. Однако постоянное напоминание папы Иоанна XXIII о благоразумии и терпении заставило многих понять, что по пути единства можно идти только постепенно, шаг за шагом, и что внутрицерковное католическое обновление под лозунгом папы «Возьмем Священное Писание и Чашу как центр церковной жизни» является важным на этом пути⁴³⁰.

В противоположность своим предшественникам, папа Иоанн XXIII признал Всемирный Совет Церквей даром Божиим. Уже в феврале 1961 года через кардинала Беа он объявил, что при его понтификате весьма желательно было бы католическое сотрудничество со Всемирным Советом Церквей в Женеве, поскольку он способствует восстановлению христианского единства, а не выступает в качестве «сверхцеркви». Подобное сотрудничество, по мысли папы Иоанна XXIII, могло бы начаться в области социальной деятельности, в деле укрепления мира во всем мире, включая и борьбу за всеобщее разоружение.

Экуменическим духом были проникнуты дебаты отцов Собора по поводу схемы «О Церкви». Папа Иоанн XXIII постоянно указывал на то, что свободу веры и совести можно требовать только тогда, когда подобные примеры имеются в католических странах. Эти указания нашли свое выражение и в проведении соответствующих мер в пользу христиан не католиков, особенно протестантов в Италии и Испании. Насколько сильное влияние оказывал новый экуменический дух на работу Второго Ватиканского Собора, свидетельствует тот факт, что соборные отцы в ходе последних совещаний при обсуждении схем не ограничивались принципиальными вопросами: является ли схема правильной и полезной для Церкви, но с наименьшей принципиальностью они спрашивали: является ли схема экуменической, то есть будет ли она способствовать общехристианскому единству?

Видимо, папа Иоанн XXIII, наблюдавший во время болезни за ходом заседаний Собора, был удовлетворен царившим там экуменическим духом. Нельзя при этом забывать, что экуменическая атмосфера на Соборе была во многом его личной заслугой или плодом его трудов и забот. Он распорядился, чтобы наблюдатели от не католических Церквей и исповеданий при возгласе секретаря Собора: «Всем выйти!» оставались в зале и слушали дискуссии отцов Собора. Он дал указание, чтобы им до начала заседаний вручались через Секретариат по содействию христианскому единству схемы и пояснения к ним, чтобы они были обеспечены переводчиками во время устных прений и высказывали свои мнения в Секретариате, возглавляемом кардиналом Беа. Наблюдатели на Соборе получили возможность устанавливать контакты с таким большим числом отцов, что для них практически не существовало никаких тайн о работе Собора, а отцы, в свою очередь, из первых рук узнавали соответствующие мнения наблюдателей.

Человек же, которому Собор был обязан своим созывом и тем духом, который установился на его сессиях, радовался этому успеху, хотя состояние его здоровья становилось всё хуже и хуже. В 1963 году, за несколько месяцев до своей смерти, папа участвовал в неделе молитв за христианское единство, которая проходила с 18 по 25 января. Папа Иоанн XXIII заимствовал молитвы и соответствующие места из Библии для своих чад-католиков из тех, которые были подготовлены и опубликованы Всемирным Советом Церквей. Папа застал при своей земной жизни тот момент, когда почти миллиард христиан молился одними и теми же словами о даровании им единомыслия и единства.

«Братский диалог с другими христианскими исповеданиями, который он сделал возможным в связи с деятельностью Второго Ватиканского Собора,— пишет один из биографов папы Иоанна XXIII,— привел к тому, что православные и протестанты, англикане и копты, представители реформатских и свободных Церквей на пороге его смерти протянули руки римо-католическим христианам. Такого не бывало уже на протяжении веков»⁴³¹.

Ознакомление с жизнью папы Иоанна XXIII показывает, что вся его сознательная деятельность при верности Католической Церкви, в которой он родился и был крещен, а на исходе своих лет стал ее Предстоятелем, направлялась на созидание среди всех людей любви, братства, единства и мира.

Заканчивая настоящий труд, автору хочется, чтобы из всего сказанного было ясно видно, кто был и как жил, трудился и умер тот, кто оказал существенное влияние на динамическое развитие и будущее не только Католической Церкви, но и, в значительной степени, всего христианства, поскольку он создал новую атмосферу во взаимоотношениях католического Рима с множеством неримских христиан и со всеми людьми доброй воли.

И мы, возглашая блаженнопочившему папе Иоанну XXIII «вечную память», повторим евангельские слова: «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн» (Ин. 1, 6).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Gorgessio, Vittorio. La nuova missione. Milano, Rizzoli Editore, 1968, p. 61.
- ² Там же, с. 63.
- ³ Daniel-Rops. Jean XXIII. Pape de l'accueil. Предисловие к книге: Capovilla, Louis. Mgr. Jean XXIII, le Pape bon. Traduit de l'italien par Jean Imbert. Paris, Librairie Artheme Fayard, 1963, p. 7.
- ⁴ Le bon sourire du Pape Jean. Anecdotes recueillies pas Kurt Klinger. Paris, Editions Albin Michel, 1963, pp. 93—94.
- ⁵ Там же, с. 79.
- ⁶ Picker, Henry. Johannes XXIII. Hinter den Mauern des Vaticans. Kettwig, 1963.
- ⁷ «La Documentation Catholique», No 1327, 1960.
- ⁸ Gorgessio, op. cit., p. 67.
- ⁹ «France Catholique», le 7 juin, 1963.
- ¹⁰ Daniel-Rops. Jean XXIII. Pape de l'accueil. Предисловие к книге: Capovilla Louis, Mgr. Jean XXIII, le Pape bon, pp. 8—9.
- ¹¹ Там же, с. 84.
- ¹² «Les Informations Catholiques Internationales» 15 juin, 1963.
- ¹³ Chélini, Jean XXIII, pasteur des hommes de bonne volonté. Paris, Editions du Cerf, 1963, p. 91.
- ¹⁴ Daniel-Rops (Capovilla), p. 6.
- ¹⁵ Chaigne, Louis. Portrait de Jean XXIII. Paris. Maison Mame, 1964.
- ¹⁶ Cugini, Davide. Papa Giovanni. Nei suoi primi passi a Sotto il Monte. Bergamo, Istituto Italiano d'Arti Graphice, 1965, p. 23.
- ¹⁷ Roncalli, Saverio. Mio fratello e Papa. «Oggi», il giugno, 1963.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Hatch, Alden. Człowiek imieniem Jan. Życie Papieża Jana XXIII. Przetłozylы J. Kossakowska, B. Zgorzalenicz. Warszawa, «Pax», 1968, str. 23.
- ²⁰ Монсиньор Монтини (папа Павел VI). Предисловие к книге монсиньора Вейо «Наше духовенство», изд. Фларюс, 1955.
- ²¹ Фламинио Черазоли, бергамец и римский каноник, основал в XVIII веке в Риме учебную стипендию для своих земляков. Теперь она присуждается Римской папской семинарией.
- ²² Lazzarini, André. Jean XXIII. Sa vic, sa personnalité. Traduit par l'abbé René Virrion. Editions Salvator Mulhouse, 1963, p. 29.
- ²³ Lazzarini, op. cit., p. 43.
- ²⁴ Там же, с. 44.
- ²⁵ Gabriele de Rosa. Angelo Roncalli e Radini Tedeschi. В книге: Lercaro, Giacomo. Giovanni XXIII. Linee per una ricerca storica. Roma, ed. di Storia e Letteratura, p. 53.
- ²⁶ После конфискации папских государств римские первосвященники хотели полностью отстранить католиков от общественной жизни государства, захватившего «владения св. Петра».
- ²⁷ Chélini, op. cit., pp. 17—18.
- ²⁸ Там же, с. 21.
- ²⁹ Lazzarini, op. cit., pp. 65—66, 70.
- ³⁰ Neuvécelle, Jean. Jean XXIII. Une vic. Paris, Editions Bernard Grasset, 1968, pp. 161—177.
- ³¹ Согласно каноническому праву Римской Церкви, апостольский делегат представляет папу, но не в дипломатическом смысле. Апостольский делегат — это не нунций. Он только аккредитован при епископате той страны, куда он направлен, и выполняет свои обязанности в государствах, которые не являются католическими или вообще христианскими и не имеют дипломатических отношений с Ватиканом.
- ³² У архиепископа Ронкалли были близкое знакомство и дружественные отношения и с русским архиепископом Серафимом (Соболевым), жившим и скончавшимся в Софии.
- ³³ Cugini, op. cit., p. 71.
- ³⁴ «La Documentation Catholique», No. 1297, 1959.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Для того времени это высказывание католического архиепископа и официального лица означало очень многое.
- ⁴⁰ Там же. Месемврия, или ныне Несебр,— город в Болгарии на берегу Черного моря.
- ⁴¹ Lazzarini, op. cit., pp. 79—80.
- ⁴² Trevor, Meriol. Pope John. London. Mac Millan, New York. St. Martin Press, 1967, p. 161.
- ⁴³ Там же, с. 80.
- ⁴⁴ По давней традиции, приобретшей характер нормы международного права, папский нунций в странах, имеющих дипломатические отношения с Ватиканом, «экс-оффицио» — старшина дипломатического корпуса. В прочих странах эта привилегия предоставляется послу или посланнику по старшинству аккредитования при данном правительстве.
- ⁴⁵ Lazzarini, op. cit., p. 94.
- ⁴⁶ «L'Osservatore Romano», 7 nov. 1945.
- ⁴⁷ После избрания кардинала Ронкалли папой французская Академия наук выбила в его честь золотую медаль.
- ⁴⁸ В это время ими были А. Е. Богомолов, который, будучи затем послом СССР в Италии, посетил патриарха Ронкалли в Венеции, и С. А. Виноградов, знакомый с Ронкалли еще по Анкаре.
- ⁴⁹ Trevor, op. cit., pp. 207—208.
- ^{49^a} Neuvacelle, op. cit., pp. 234—235.
- ⁵⁰ Fesquet, Henri. Les fioretti: du bon Pape Jean. Paris, Fayard, 1963, pp. 166—167.
- ⁵¹ «L'Osservatore Romano», 7 jan. 1951.
- ⁵² Fesquet, op. cit., p. 167; Klinger, op. cit., p. 11.
- ⁵³ Picker, op. cit.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Hatch, op. cit. p. 102.
- ⁵⁶ Trevor, op. cit., p. 235.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Picker, op. cit.
- ⁵⁹ Algisi, Leone. Johannes XXIII. München, 1960, S. 291.
- ⁶⁰ Chaigne, Louis. Portrait de Jean XXIII, Paris, Maison Mame, 1964.
- ⁶¹ Chélini, op. cit., p. 40.
- ⁶² Последним папой не из кардиналов был Урбан VI (1378—1389), при котором началась великая папская схизма.
- ⁶³ Algisi, op. cit., S. 298.
- ⁶⁴ Chélini, op. cit., p. 47.
- ⁶⁵ Trevor, op. cit., pp. 259—260.
- ⁶⁶ Klinger, op. cit., pp. 95—96.
- ⁶⁷ Там же, с. 96.
- ⁶⁸ Там же, с. 67—68.
- ⁶⁹ Picker, op. cit.
- ⁷⁰ Chélini, op. cit., p. 63.
- ⁷¹ Carovilla, op. cit., p. 88.
- ⁷² Picker, op. cit.
- ⁷³ Г. Феске. Цит. соч., с. 45.
- ⁷⁴ Klinger, op. cit., pp. 32—33.
- ⁷⁵ Префект апостольского дворца — мажордом, являющийся фактически министром внутренних дел Ватикана, управляет папским домом и осуществляет назначения на целый ряд должностей. Он играет значительную роль во внутреннем ватиканском управлении.
- ⁷⁶ Являясь вторым по рангу сановником папского дома, камергер занимается вопросами приемов и аудиенций папы. Он направляет приглашения и постоянно сопровождает папу.
- ⁷⁷ «La Documentation Catholique», No. 1294, 1959.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же, № 1296, 1959.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Старейший колледж в Риме, основанный в 1457 году кардиналом Д. Капраникой.
- ⁸⁴ «La Documentation Catholique», No. 1297, 1959.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. № 1314, 1959.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же, № 1308, 1959.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же.

- 91 «La Documentation Catholique», No. 1308, 1959.
 92 Там же.
 93 Там же.
 94 «Epistola "Permoti Nos"», Acta Apostolicae Sedis, vol. XV, 1895
 95 Энциклика «De Rerum novarum», там же, т. XI, 1891.
 96 «La Documentation Catholique», No. 1308, 1959.
 97 Там же, с. 144—146; Архим. К и п р и а н, указ. соч., с. 191—194.
 98 Там же.
 99 Там же.
 100 Там же.
 101 Там же.
 102 Там же.
 103 Там же.
 104 Там же.
 105 Впервые кардинальской Коллегии в 1059 году папа Николай II предоставил право избирать нового папу. Папа Сикст V ограничил состав Священной Коллегии в 1586 году, по образцу 70 старейшин Израиля, семьюдесятью ближайшими папскими советниками, носящими титул кардинала. Уже на Тридентском Соборе было решено, что кардиналы в Священной Коллегии должны быть представлены со всех концов земли. Однако в течение столетий своего существования кардинальская Коллегия пополнялась в значительном числе итальянцами, которые нередко составляли в ней большинство.
 Забегая несколько вперед, отметим, что папа Иоанн XXIII был первым, кто нарушил эту традицию. После его смерти в Римской Церкви было 82 кардинала и из них только 29 итальянцев.
 106 «La Documentation Catholique», No. 1294, 1959.
 107 Ch è l i p i, op. cit., pp. 60—61.
 108 Иоанн XXIII, «Motu proprio», от 15 апреля 1962 г.
 109 Там же, от 11 апреля 1962 г.
 110 «La Documentation Catholique», No. 1298, 1959.
 111 Там же.
 112 Там же, № 1299, 1959.
 113 Там же.
 114 Там же.
 115 «La Documentation Catholique», No. 1322, 1959.
 116 Деяния Тридентского Собора, XXIII, заседание, гл. I. «La Documentation Catholique» No. 1323, 1960.
 117 Там же.
 118 Там же, № 1294, 1959.
 119 Там же.
 120 Там же, № 1310, 1959.
 121 Там же.
 122 Там же.
 123 Там же.
 124 «La Documentation Catholique», No. 1310, 1959.
 125 Там же.
 126 Там же.
 127 Там же.
 128 Там же.
 129 Там же, № 1314, 1959.
 130 Там же, № 1318, 1959.
 131 «La Documentation Catholique», No. 1318, 1959.
 132 Там же.
 133 Там же.
 134 Там же.
 135 Там же.
 136 Там же.
 137 Там же.
 138 Там же.
 139 Discorsi, Messaggi, Colloqui del Santo Padre Giovanni XXIII, 1961, Bd. 3, S. 311—
317.
 140 «La Documentation Catholique», No. 1397, 1963.
 141 Там же, № 1296, 1959.
 142 Там же, № 1298, 1959.
 143 Там же.
 144 Там же, № 1306, 1959.
 145 Там же.
 146 Там же, № 1307, 1959.
 147 Там же, с. 1935.
 148 Там же, № 1308.
 149 Там же.
 150 Там же, № 1327, с. 1186.

- ¹⁵¹ Discorsi, Messaggi, Colloqui del Santo Padre Giovanni. Typographie Polyglotte. Vatican, 1961, t. 3, p. 205.
- ¹⁵² Там же, с. 318—321.
- ¹⁵³ «La Documentation Catholique», No. 1367, 1962.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же, № 1376, 1962.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Там же, № 1383, 1962.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ «Afrique Nouvelle», 28 sept. 1962.
- ¹⁶¹ «La Documentation Catholique», No. 1386, 1962.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Там же, № 1392.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Там же, № 1300, 1959.
- ¹⁶⁸ Там же, № 1305, 1959.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Там же, № 1316, 1959.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же, № 1321, 1960.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же, № 1382, 1962.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же, № 1383, 1962.
- ¹⁷⁷ Там же, № 1390, 1962.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Там же, № 1397, 1963.
- ¹⁸⁰ Там же, № 1401, 1963.
- ¹⁸¹ «Il Quotidiano», 11 maggio 1963.
- ¹⁸² «La Documentation Catholique», No. 1401, 1963.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ «La Croix», 14 Mai, 1963.
- ¹⁸⁵ «Кіра», 20 maggio 1963.
- ¹⁸⁶ «Журнал Московской Патриархии», 1963, № 4, с. 6.
- ¹⁸⁷ «La Documentation Catholique», No. 1403, 1963.
- ¹⁸⁸ Лев XIII. «Rerum novarum».
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ «L'Observatore Romano», 11, Dec. 1958.
- ¹⁹¹ «La Documentation Catholique», No. 1204, 1959.
- ¹⁹² Там же.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Там же, № 1300, 1959.
- ¹⁹⁶ Там же.
- ¹⁹⁷ «Mater et Magistra», Ватиканская типография, 1962. На русск. яз.
- ¹⁹⁸ Там же, с. 19.
- ¹⁹⁹ Там же, с. 20.
- ²⁰⁰ Там же, с. 24.
- ²⁰¹ Там же, с. 26.
- ²⁰² Там же, с. 27.
- ²⁰³ Там же, с. 29.
- ²⁰⁴ Там же, с. 31.
- ²⁰⁵ Там же, с. 32—33.
- ²⁰⁶ Там же, с. 33.
- ²⁰⁷ Там же, с. 35.
- ²⁰⁸ Там же, с. 39.
- ²⁰⁹ Там же, с. 43.
- ²¹⁰ Там же, с. 45.
- ²¹¹ Там же, с. 49.
- ²¹² Там же, с. 50.
- ²¹³ Там же, с. 54.
- ²¹⁴ Там же, с. 58.
- ²¹⁵ Там же, с. 59.
- ²¹⁶ Там же, с. 66.
- ²¹⁷ Там же, с. 67.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Там же, с. 54.
- ²²⁰ Там же, с. 53.
- ²²¹ Там же, с. 35.

- 222 Там же, с. 32.
 223 «Documentation Catholique», No. 1329, 1959.
 224 «L'Osservatore Romano», 4 nov. 1959.
 225 «Irénicon», No. 32, 1959, p. 18.
 226 «Les Informations Catholiques Internationales», 15 oct. 1962, p. 73.
 227 Там же, с. 74—75.
 228 «La Documentation Catholique», No. 1304, 1959.
 229 Там же, № 1307, 1959.
 230 Там же, № 1311, 1959.
 231 Н о u t a r t, François. L'Eglise et le monde. Paris, 1964, p. 72.
 232 Архив ОБЦС МП, дело № 7. «Подготовка ко II Ватиканскому Собору», прес-
 са о Соборе 1962—1963 гг.
 233 «L'Unita», 11 oct. 1962, русск. перев. Архив ОБЦС МП, дело № 7.
 234 Там же.
 235 «La Documentation Catholique», No. 1306, 1959.
 236 Там же, № 1307, 1959.
 237 Там же, № 1330, 1960.
 238 Там же.
 239 Архив ОБЦС МП, дело № 10, «Работы комиссии по подготовке к Собору
 1960—1961 гг.».
 240 «La Documentation Catholique», No. 1380, 1962.
 241 Там же.
 242 Там же.
 243 Там же, № 1367, 1961.
 244 Там же.
 245 Там же.
 246 Там же, № 1368, 1962.
 247 Там же.
 248 Там же.
 249 Там же.
 250 Там же.
 251 Там же.
 252 Там же.
 253 Там же, № 1370, 1962.
 254 Там же, № 1385, 1962.
 255 Там же.
 256 W e n g e r, Antoine. Vatican II. Première session. Editions du Centurion, Paris,
 1963, p. 188.
 257 Там же, стр. 197.
 258 «ЖМП», 1963, № 2, с. 63.
 259 Архив ОБЦС МП, дело № 31. Константинопольский Патриархат, 1962 г.
 260 «La Croix», 7 oct. 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 7.
 261 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «Б». II Ватиканский Собор, 11 октября 1962 г.
 262 Там же.
 263 Там же.
 264 W e n g e r, op. cit., p. 229.
 265 «ЖМП», 1962, № 11, с. 9—10.
 266 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «Б».
 267 «ЖМП», 1962, № 2, с. 21—22.
 268 Там же, 1963, № 11, с. 34.
 269 «La Documentation Catholique», No. 1386, 1962.
 270 Там же.
 271 «Corriere della sera», 16 oct., 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 11.
 272 W e n g e r, op. cit., pp. 36—37.
 273 Cardinal M o n t i n i. Lettre du Concile. «L'Italia», 14 oct. 1962.
 274 «Documentation Catholique», No. 1387, 1962.
 275 Там же.
 276 Там же.
 277 Там же.
 278 Там же.
 279 Там же.
 280 Там же.
 281 Там же.
 282 Там же.
 283 Архив ОБЦС МП, дело № 7, пресса о Соборе 1962—1963 гг.
 284 W e n g e r, op. cit., p. 43.
 285 «L'Osservatore Romano», 13 oct. 1962.
 286 «La Croix», 13 oct. 1962.
 287 «La Documentation Catholique», No. 1387, 1962.
 288 Там же.
 289 Там же.

- 290 Там же.
 291 Там же.
 292 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели Русской Православной Церкви на II Ватиканском Соборе.
 293 Архив ОБЦС МП, дело № 11, пресса о Соборе 1962—1963 гг.
 294 «La Documentation Catholique», No. 1387, 1962.
 295 Там же.
 296 Там же.
 297 W e n g e r, op. cit., p. 233.
 298 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели РПЦ на II Ватиканском Соборе.
 299 «II Tempo», 14 oct. 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 11.
 300 «Figaro», 14 oct. 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 11.
 301 «II Tempo», 14 oct. 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 11, пресса о II Ватиканском Соборе.
 302 «La Documentation Catholique», No. 1387, 1962.
 303 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели Р.П.Ц. на II Ватиканском Соборе.
 304 Там же.
 305 Там же.
 306 «Liberation», 14 oct. 1962. Архив ОБЦС МП, дело № 7.
 307 W e n g e r, op. cit., p. 58.
 308 Ив К он г а р, Ганс К ю н г, Даниель О'Х а н л о н. Речи на II Ватиканском Соборе. Нью-Джерси, США, с. 51, русск. перев.
 309 «France Observateur», 18 oct. 1962.
 310 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели РПЦ на II Ватиканском Соборе.
 311 «La Documentation Catholique», No. 1387, 1962.
 312 Там же.
 313 Там же.
 314 Там же.
 315 Там же.
 316 Архив ОБЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели РПЦ на II Ватиканском Соборе, 1962 г.
 317 Там же.
 318 Там же.
 319 Там же, дело № 7, пресса о Соборе, газета «Monde», 16 nov. 1962.
 320 Там же, дело № 27 «В», Наблюдатели РПЦ на II Ватиканском Соборе, 1962 г.
 321 Там же.
 322 Там же, дело № 7. Коммюнике № 25 от 16 ноября 1962 г.
 323 Там же, дело № 27 «В», Наблюдатели Р.П.Ц. на II Ватиканском Соборе, 1962 г.
 324 Там же.
 325 Там же.
 326 Там же.
 327 Там же.
 328 «La Documentation Catholique», No. 1391, 1962.
 329 Там же.
 330 Там же.
 331 D a n i e l - P o p s. Jean XXIII, Pape de l'accueil. Предисловие к книге: S a r o - v i l l a, Loris, Mgr. Jean XXIII, le Pape bon. Paris, Tayard, 1963, p. 13.
 332 «ЖМП», 1963, № 7, с. 11.
 333 «Литературная газета» от 8 августа 1963 г.
 334 «La Documentation Catholique», No. 1302, 1959.
 335 Там же.
 336 Там же, № 1320, 1960.
 337 Там же.
 338 Там же.
 339 Там же, № 1368, 1962.
 340 Там же, № 1381, 1962.
 341 Там же, № 1391, 1963.
 342 Там же.
 343 Там же, № 1399, 1963.
 344 Там же.
 345 Les Informations Catholiques Internationales, No. 114, 1960, p. 10.
 346 G o r r e s i o, op. cit., p. 117.
 347 Там же.
 348 Там же.
 349 «La Documentation Catholique», No. 1399, 1963.
 350 Там же.
 351 Там же.
 352 G o r r e s i o, op. cit., p. 120.
 353 Там же.
 354 Там же, с. 121.

- 355 G o g g e s i o, op. cit., p. 122.
 356 Там же, с. 124.
 357 Там же, с. 135—136.
 358 «Documentation Catholique», No. 1398, p. 727.
 359 «Известия» от 11 апреля 1963 г.
 360 Архив ОВЦС МП, дело № 1.
 361 Архив ОВЦС МП, дело № 27.
 362 «Documentation Catholique», No. 1398, 1963.
 363—372 Там же, № 1399, 1963.
 373—397 «La Documentation Catholique», No. 1399, 1963.
 398 Н. З а б о л о т с к и й. Об энциклике «Pacem in terris». «ЖМП», 1963, № 6, с. 74.
 399 А. К а з е м - Б е к. Второй Ватиканский Собор и современное человечество, «ЖМП», 1963, № 5, с. 77.
 400 Mario von Galli, B. Moosbrugger. Das Konzil, Bd. II, Olten, 1964, S. 3.
 401 Там же.
 402 Neuvessel, op. cit., p. 469.
 403 «La Croix», 17 août. 1963.
 404 Trevor, op. cit., p. 312.
 405 Там же.
 406 Neuvessel, op. cit., p. 473.
 407 Trevor, op. cit., pp. 313—314.
 408 Саровилла, op. cit., pp. 198—213.
 409 «ЖМП», 1963, № 6, с. 3.
 410 Там же.
 411 Саровилла, op. cit., p. 200.
 412 Там же, с. 210—211.
 413 «ЖМП», 1963, № 6, с. 3.
 414 Там же.
 415 «Известия» от 5 июня 1963 г., с. 2.
 416 «Известия» от 7 июня 1963 г., с. 3.
 417 «ЖМП», 1963, № 7, с. 8.
 418 Там же.
 419 Там же, с. 75.
 420 Fesquet, op. cit., p. 166.
 421 А. К а з е м - Б е к, цит. соч., «ЖМП», 1963, № 5, с. 76—77.
 422 Daniel-Rops, op. cit. (Саровилла), pp. 9—10.
 423 «ЖМП», 1963, № 1, с. 72—73.
 424 P i c k e r, Henry. Johannes XXIII, Hinter den Mauern des Vaticans. Kettwig, 1963.
 425 Там же.
 426 А л ь д е н Г а т х. Чловек по имени Иоанн. Изд-во «Рах», 1968, русск. перев., с. 175.
 427 Там же, с. 192.
 428 «Documentation Catholique», No. 1394, 20 jan. 1963, p. 198.
 429 Архив ОВЦС МП, дело № 27 «В», Наблюдатели РПЦ на II Ватиканском Соборе, 1962 г.
 430 К с а в ь Р и н н. Революция Иоанна XXIII. Изд-во «Бернар Грассе», Париж, 1963 г., русск. перев., с. 118.
 431 Генри П и к е р, цит. соч., с. 273.
 432 Там же, с. 11.

Игумен АВГУСТИН (Никитин)

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ МИТРОПОЛИТА НИКОДИМА

Первые печатные работы митрополита Никодима (№№ 1—3 по списку трудов) относятся ко времени пребывания его в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме с 1956 по 1959 г. На основе рукописных материалов архива Миссии написано его кандидатское сочинение (4). Несмотря на напряженную работу, за время пребывания в Святой Земле он хорошо овладел древними языками. Краткие периоды отдыха неутомимый отец архимандрит использовал для посещения мест христианского паломничества. По возвращении на Родину он поделился своими воспоминаниями об этом периоде своей жизни (12).

Совершенное знание древних монашеских традиций Православного Востока помогло Владыке Никодиму в его паломничестве на Афон, где он был первым представителем Русской Православной Церкви после долгих лет отсутствия живого непосредственного контакта с святогорской братией. Впоследствии он не раз бывал на Афоне, возглавляя паломнические группы Московского Патриархата, делился своими впечатлениями об этих поездках (28), и если в настоящее время на Афоне могут подвизаться насельники, прибывшие туда из различных наших монастырей, то в этом немалая заслуга Владыки.

С 1961 года число печатных работ Владыки Никодима увеличивается. Это связано с тем, что он становится председателем Отдела внешних церковных сношений и активно включается в межправославную экуменическую и миротворческую деятельность. Новые послушания на церковно-общественном поприще оставляли мало времени для занятия богословием, требовали составления докладов, речей, выступлений. Но и эти труды, регулярно появлявшиеся в церковной печати вплоть до самой кончины Владыки, всегда были насыщены глубоким богословским содержанием.

Первые проповеди Владыки Никодима, произнесенные им за богослужениями, появились на страницах «Журнала Московской Патриархии» в 1962 году (16, 17), и за 15 лет, прошедших с того времени, их было опубликовано около трех десятков. Следует отметить, что это лишь очень малая часть того гомилетического наследия, которое оставил Владыка. С уверенностью можно сказать, что не было ни одного совершенного им богослужения, за которым он не обратился бы к пастве со словом назидания. Но лишь в самое последнее время, предшествовавшее тому скорбному дню, когда навсегда умолкли его уста, стала осуществляться запись его проповедей.

Во время своей речи при наречении во епископа Подольского (8), а затем при вручении ему архиерейского жезла Владыка Никодим вряд ли предполагал, что ему самому придется свыше двадцати раз обращаться со словом назидания к новохиротонисанным епископом. На одну и ту же тему бывает подчас трудно говорить дважды, но если вчитаться в его речи к новопоставленным епископам, то можно убедиться, что Владыка мог находить для каждого из них что-то особое, глубоко личное, каждый раз по-новому освещаая различные аспекты архипастырского служения.

Митрополит Никодим постоянно проявлял большой интерес к литургии, а частое совершение им богослужений с представителями различных Православных Церквей сделало его подлинным знатоком и ценителем в этой области, литургом в настоящем смысле этого слова. И, несмотря на свою большую постоянную занятость, он неизменно продолжал свои литургические исследования и изучения, плодом которых явился, в частности, труд «Христианские храмы и богослужения во времена св. Иоанна Златоуста (по его творениям)» (31). При непосредственном участии Владыки в храме Ленинградской духовной академии стала ежегодно совершаться литургия апостола Иакова. Обладая феноменальной памятью и превосходным знанием Устава церковного, Владыка знал наизусть огромное количество тропарей, кондаков и других церковных песнопений, даже отдельные службы и последования в честь и память праздников и святых. Язык церковной гимнографии был для него таким же простым и естественным, как будничная повседневная речь. Он и сам обладал даром гимнотворчества, им составлены службы праведной Тавифе (25), праведному Иоанну Русскому, Исповеднику (86), Собору Ростовских и Ярославских святых (87—89, 127) тропарь равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому (137), и служба ему (207) и др. (140). Причем, по свидетельству очевидцев, отдельные строфы песнопений могли рождаться в его душе во время перерывов между напряженными заседаниями на какой-либо международной конференции; он подчас записывал их в самолете, возвращаясь с очередного конгресса, так как самолет был тем местом, где никто не мог отвлечь его от любимого занятия внезапным телефонным звонком, срочной телеграммой или неотложным делом.

Вклад митрополита Никодима в экуменическую деятельность Русской Православ-

ной Церкви по достоинству может быть оценен лишь со временем. Он начал свою активную экуменическую работу в годы, когда многое было неясно, не было проторенных путей и ясных перспектив. Тем больший интерес представляет доклад, прочитанный им в 1968 году в Упсале на тему «Русская Православная Церковь и экуменическое движение» (106). Этот доклад сразу же был напечатан во Франции, ГДР, США и многих других странах.

С огромным вниманием Владыка относился к постановке духовного образования и развитию отечественного богословия. Будучи правящим архиереем Ленинградской митрополии, он проявлял неослабную заботу о находившихся в его ведении Ленинградских духовных школах и часто в своих речах на торжественном академическом акте в день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова говорил о задачах, стоящих перед православными богословами в современном мире (67, 91, 109, 138, 199, 205).

В годы, предшествовавшие защите Владыкой Никодимом его магистерской диссертации, число его работ, казалось, должно было бы уменьшиться. Но перечень его трудов показывает, что именно в эти годы было напечатано наибольшее их число. Это лишь может свидетельствовать о том, что он не мыслил себя вне непрерывной и напряженной работы на благо Церкви Христовой.

К сожалению, кипучая деятельность Владыки Никодима, не знаящая пределов, постепенно подтачивала его здоровье, и после 1972 года, когда он в первый раз перенес тяжелый сердечный инфаркт, число опубликованных им работ начинает сокращаться. Быть может, уже тогда он начал проявлять заботу о наиболее полном сохранении своего литературного наследия: был составлен «Сборник сочинений» (178), за который Владыка был удостоен ученой степени доктора богословия. В этом труде, насчитывающем в общей сложности 1700 машинописных страниц, содержатся материалы, как ранее появившиеся в печати, так и взятые Владыкой из личного архива и не предназначавшиеся для публикации.

Невзирая на то, что приступы болезни сердца следовали один за другим, Владыка продолжал активно участвовать в церковно-общественной жизни, а также приступил в духовной академии к чтению лекций по истории Русской Церкви (Синодальный период). Будучи уже тяжело больным, он составил Конспект (203) и собирался приступить к его редактированию...

Являясь почетным президентом Христианской Мирной Конференции, он не поехал на V Всехристианский Мирный Конгресс в Прагу, несмотря на угрожающее состояние здоровья. Речь, которую Владыка произнес при открытии Конгресса (210), являясь его последним трудом, опубликованным в нескольких печатных органах уже после его безвременной кончины.

Публикуемый ниже список трудов митрополита Никодима не претендует на исчерпывающую полноту. Церковный деятель и публицист международного масштаба, Владыка пользовался заслуженным авторитетом во многих странах, и его многочисленные проповеди, речи, интервью, доклады, статьи публиковались в различных зарубежных изданиях, в каких именно — об этом подчас не знал и он сам. Так, например, по просьбе одного из миланских издательств Владыка написал несколько статей о русском монашестве. Им была написана глава в юбилейный сборник, посвященный патриарху Чехословацкой Гуситской церкви д-ру Мирославу Новаку (Прага, 1977: «К юбилею патриарха Чехословацкой церкви Гуситской»). В ФРГ и Швейцарии печаталась его магистерская диссертация и т. д.

Обозревая труды митрополита Никодима, мы, по слову апостола Павла, с благодарностью вспоминаем о личности приснопамятного архипастыря, о его жизни, столь краткой, но без остатка отданной Церкви Христовой: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Список трудов

митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима

1957

1. Троицын день в Иерусалиме. «ЖМП», 1957, № 7.
2. Праздник в Горнем граде Иудове. «ЖМП», 1957, № 9.

1958

3. Поездка Патриарха Иерусалимского Венедикта по Палестине. «ЖМП», 1958, № 11.

1959

4. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Курсовое сочинение. Л., 1959. Машинопись.
5. Несколько дней в Греции и на Святой Горе. «ЖМП», 1959, № 7.

1960

6. Святейший Католикос-Патриарх всея Грузии Мелхиссдек III. (Некролог). «ЖМП», 1960, № 2.

7. Праздник Грузинской Церкви. «ЖМП», 1960, № 4.
8. Речь при наречении во епископа Подольского. «ЖМП», 1960, № 8.

1961

9. Мир — последование Христу. (Содоклад делегации Русской Православной Церкви на Всемирном общехристианском Конгрессе в Праге). «ЖМП», 1961, № 6.
10. Русская Православная Церковь и Всемирный Совет Церквей. Доклад на Соборе епископов Русской Православной Церкви 18 июля 1961 года. «ЖМП», 1961, № 8.
11. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Таллинскому и Эстонскому Алексию. «ЖМП», 1961, № 10.
12. Палестинские воспоминания. «ЖМП», 1961, № 10.
13. Приветствие участникам Всеправославного Соповещения на о. Родос. «ЖМП», 1961, № 11; «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата» (далее — «Вестник»), 1961, № 40.
14. Заявление на Соповещании на о. Родос. «ЖМП», 1961, № 11.
15. Заключительное выступление на пленарном заседании Соповещения на о. Родос. «ЖМП», 1961, № 11.

1962

16. Слово в день Рождества Христова. «ЖМП», 1962, № 2.
17. Слово в день Святой Пасхи. «ЖМП», 1962, № 5.
18. Время дается нам для примирения. «ЖМП», 1962, № 5; "Christian Peace Conference", Prague (далее — СРС), 1962, № 1; "Stimme der Orthodoxie" (далее — "Stimme").
19. Православное богословие и его отношение к проблематике Пражского христианского мирного Движения. «ЖМП», 1962, № 6, и "Stimme", 1962, № 7.
20. Международное положение и задачи христианского движения в защиту мира. «ЖМП», 1962, № 10.
21. Das Gleichnis von den Weinbauern (Притча о виноградарях). „Stimme“, 1962, № 10.
22. Rede auf dem Empfang für die Delegation des Nationalrates der Kirchen in USA. (Речь на приеме в честь делегации Национального Совета Церквей в США). «Stimme», 1962, № 11/12.

1963

23. Рождественское обращение к братьям-христианам в ФРГ. «ЖМП», 1963, № 1.
24. Мир и свобода. (Доклад на региональной конференции в Голландии). «ЖМП», 1963, № 1, и "Stimme", 1963, № 2.
25. Служба святой праведной Тавифе. «ЖМП», 1963, № 2.
26. Rede vor der Ständigen Kommission «Frieden und Ökumene» (Речь в постоянной Комиссии «Мир и экумена»). "Stimme", 1963, № 6.
27. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Угличскому Варфоломею. «ЖМП», 1963, № 7.
28. К 1000-летию монашеского устройства Святой Горы Афон. «ЖМП», 1963, № 10.
29. Жизнь и деятельность Святейшего Патриарха Алексия. Доклад на торжественном акте. Юбилейный выпуск «ЖМП», посвященный 50-летию архиерейского служения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, 1963, и "Stimme", 1963, № 10.

1964

30. Мирное служение Церквей в мире, который вступил на путь сосуществования. «ЖМП», 1964, № 1.
31. Христианские храмы и богослужения во времена св. Иоанна Златоуста (по его творениям). «ЖМП», 1964, № 11; 1965, №№ 2—6.
32. Речь на приеме участников сессии Исполкома Всемирного Совета Церквей в Москве. «ЖМП», 1964, № 4; «Stimme», 1964, № 4.
33. Речь на приеме участников сессии Исполкома ВСЦ в Ленинграде. «ЖМП», 1964, № 4.
34. Слово в Николо-Богоявленском соборе в Ленинграде 4 мая 1964 г. «ЖМП», 1964, № 7.
35. Речь при открытии II Всехристианского Мирного Конгресса. «ЖМП», 1964, № 8, и в сборнике «All — Christian Peace Assembly», Prague, 1964.
36. Слово в День Святой Троицы. «ЖМП», 1964, № 9.
37. Речь на XI Съезде Христианско-Демократического Союза Германии. «ЖМП», 1964, № 11.

1965

38. Проповедь в Неделю 22-ю по Пятидесятнице. «ЖМП», 1965, № 1.
39. Речь на открытии III Всеправославного Соповещения на о. Родос. «ЖМП», 1965, № 2.
40. Выступление на III Всеправославном Соповещании на о. Родос. (Там же).

41. Доклад на торжественном собрании в честь 20-летия пребывания на первосвященном посту Святейшего Патриарха Алексия. «ЖМП», 1965, № 3.
42. Проповедь на праздник Сретения Господня. «ЖМП», 1965, № 3.
43. Речь на заседании Рабочего комитета ХМК в Софии. «ЖМП», 1965, № 4.
44. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Рязанскому и Касимовскому Борису. «ЖМП», 1965, № 4.
45. Речь на обеде в честь участников Богословской комиссии ХМК 7 апреля 1965 года. «ЖМП», 1965, № 5.
46. Речь при открытии заседания Богословской комиссии ХМК 8 апреля 1965 года. Там же.
47. День Победы и защиты мира. «ЖМП», 1965, № 6.
48. Речь на приеме в честь участников Богословской комиссии ХМК 11 апреля 1965 года. «ЖМП», 1965, № 7.
49. Памяти магистра Пражского Яна Гуса. «ЖМП», 1965, № 8.
50. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Вологодскому и Великоустюжскому Мелхиседеку. «ЖМП», 1965, № 8.
51. Размышления над книгами Премудрого. «ЖМП», 1965, № 9.
52. Слово на Преображение Господне. «ЖМП», 1965, № 10.
53. Речь на пленарном заседании Совещательного комитета продолжения работ ХМК в Будапеште. «ЖМП», 1965, № 11; «Stimme», 1965, № 2.
54. О путях к общехристианскому единству. Доклад на богословском факультете Хельсинкского университета. «ЖМП», 1965, № 11.
55. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Филарету.
56. Проповедь в Успенском храме в Будапеште. «ЖМП», 1965, № 12; «Stimme», 1966, № 1.

1966

57. Св. Киприан Карфагенский о Церкви. «ЖМП», 1966, № 1.
58. Речь при вручении жезла епископу Зарайскому Ювеналию. «ЖМП», 1966, № 2.
59. Слово, сказанное в кафедральном соборе в Куопио. «ЖМП», 1966, № 2.
60. Слово во вторую Неделю Великого поста. «ЖМП», 1966, № 4.
61. Predigt zum Fest der heiligen Ostern (Слово на праздник Святой Пасхи). «Stimme», 1966, № 4.
62. Слово в канун Благовещения. «ЖМП», 1966, № 5.
63. Речь на торжественном открытии и освящении православного госпиталя во имя св. Георгия Победоносца в Бейруте. «ЖМП», 1966, № 8.
64. Речь при открытии заседаний Комиссии ХМК по изучению проблем экономики и развивающихся стран 5 июля 1966 года. «ЖМП», 1966, № 8.
65. Диалог с римо-католиками о современной христианской социальной мысли. Доклад на пленуме Конференции «Церковь и общество». «ЖМП», 1966, № 9.
66. Речь на приеме по случаю окончания заседаний Рабочего комитета Комиссии ВСЦ «Вера и устройство» 31 августа 1966 года. «ЖМП», 1966, № 10.
67. Речь на торжественном акте в Ленинградской духовной академии 9 октября 1966 года. «ЖМП», 1966, № 12; «Stimme», 1966, № 12.
68. Речь на пленарном заседании Совещательного комитета ХМК в Софии 18 октября 1966 года. «ЖМП», 1966, № 12, «Stimme», 1967, № 1.
69. Речь на приеме, данном Святейшим Патриархом Кириллом и Священным Синодом Болгарской Церкви в честь участников сессии Совещательного комитета ХМК. «ЖМП», 1966, № 12.

1967

70. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Михаилу. «ЖМП», 1967, № 1.
71. Речь на III съезде Мирного движения католического духовенства Чехословакии. «ЖМП», 1967, № 1.
72. Важная вежа в экumenизме. Из доклада Святейшему Патриарху Алексию и Священному Синоду о Всемирной конференции «Церковь и общество». «ЖМП», 1967, № 2.
73. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Подольскому Гермогену. «ЖМП», 1967, № 2.
74. Речь на II Всесоюзной конференции Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. «ЖМП», 1967, № 3.
75. Речь на открытии собеседования богословов Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви ФРГ. «ЖМП», 1967, № 4; «Stimme», 1967, № 5.
76. Речь на приеме в Отделе внешних церковных сношений Евангелической Церкви Германии. «ЖМП», 1967, № 4; «Stimme», 1967, № 5.
77. Некоторые материалы для изъяснения текста «Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам» (Ин. 15, 3). Доклад, прочитанный на собеседовании «Арнольдсхайн III». «ЖМП», 1967, № 4; «Богословские труды», сб. 6. М., 1971.
78. Речь на приеме в честь Святейшего Патриарха Болгарского Кирилла. «ЖМП», 1967, № 7.
79. Приветственное слово, произнесенное в Никозии. «ЖМП», 1967, № 7.

80. Речь на приеме у Архиепископа Кипрского Макария. «ЖМП», 1967, № 8.
 81. Приветственное слово в соборе г. Пафоса. «ЖМП», 1967, № 8.
 82. Речь на приеме у митрополита Пафского Геннадия. «ЖМП», 1967, № 8.
 83. Речь на приеме у Архиепископа Кипрского Макария в президентском дворце. «ЖМП», 1967, № 8.
 84. Речь при открытии заседания Рабочего комитета ХМК. «ЖМП», 1967, № 8.
 85. Речь на приеме по окончании сессии Рабочего комитета ХМК. «ЖМП», 1967, № 8.
 86. Служба святому праведному Иоанну Русскому, Исповеднику. Л., 1967 (машинпись). «ЖМП», 1967, № 11.
 87. Тропарь и кондак всем святым, в Ярославской и Ростовской епархии просиявшим. «ЖМП», 1967, № 11.
 88. Служба Всем святым, просиявшим в Ярославской епархии, еяже краегранесие: «Ростову великому, Ярославлю же славному смиренно дар Никодим приносит». Машинпись. Библиотека ЛДА, б/г.
 89. Тропарь всем святителям Ростовским. «ЖМП», 1967, № 11.
 90. Проповедь в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры. «ЖМП», 1967, № 11.
 91. Речь на акте в Ленинградской духовной академии и семинарии в день памяти св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. «ЖМП», 1967, № 12.
 92. Речь на юбилейной сессии Советского комитета защиты мира в Ленинграде. «ЖМП», 1967, № 12; «Stimme», 1968, № 1.
 93. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Смоленскому и Вяземскому Гедеону. «ЖМП», 1967, № 12.

1968

94. Приветствие на торжественном богослужении в дворцовой церкви г. Виттенберга, ГДР, 31 октября 1967 года по случаю 450-летия Реформации. «ЖМП», 1968, № 1.
 95. Речь на торжественном приеме в Виттенберге по случаю 450-летия Реформации. «ЖМП», 1968, № 1.
 96. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Токийскому и Японскому Николаю. «ЖМП», 1968, № 2.
 97. Слово после вечерни в Прощеное воскресенье. «ЖМП», 1968, № 3.
 98. Речь при посещении центра служения братьев, США. «ЖМП», 1968, № 3.
 99. Речь на официальном приеме в штаб-квартире Церкви братьев, США. «ЖМП», 1968, № 3.
 100. Речь на специальном собрании в Вифанской богословской семинарии. «ЖМП», 1968, № 3.
 101. Речь на открытии консультации Комиссии «Вера и церковное устройство» 17 марта 1968 года. «ЖМП», 1968, № 4.
 102. Слово за Божественной литургией 28 января 1968 года. «ЖМП», 1968, № 6.
 103. Заявление на Всеправославном Совещании в Женеве. «One Church», 1968, № 6.
 104. Речь на Всеправославном Совещании в Женеве. «ЖМП», 1968, № 7.
 105. Речь при закрытии III Всехристианского Мирного Конгресса. «ЖМП», 1968, № 9.
 106. Русская Православная Церковь и экуменическое движение. Доклад в конференц-зале Упсальского университета. «ЖМП», 1968, № 9; «Stimme», 1968, № 10; «Вестник», 1968, №№ 62—63; «One Church», 1968, № 6.
 107. Слово за богослужением на пленарном собрании участников IV Генеральной Ассамблеи ВЦС. «ЖМП», 1968, № 9; «Stimme», 1968, № 10.
 108. Приветствие д-ру С. Л. Боуману. «ЖМП», 1968, № 12.
 109. О задачах современного богословия. «ЖМП», 1968, № 12; «Stimme», 1969, № 2.
 110. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Корсунскому Петру. «ЖМП», 1968, № 12; «Вестник», 1968, № 64.
 111. Доклад на торжественном юбилейном заседании в МДА 28 мая 1968 года. Специальный выпуск «ЖМП», 1968, «50-летие восстановления патриаршества»; «Stimme», 1968, № 7.

1969

112. Приветствие приходу Успенского кафедрального собора в Хельсинки к столетнему юбилею освящения собора. «ЖМП», 1969, № 1.
 113. Слово на юбилейном акте Союза православных студентов Финляндии. «ЖМП», 1969, № 1.
 114. Слово, произнесенное в Николо-Богоявленском соборе. «ЖМП», 1969, № 2.
 115. Речь на Совещании по вопросу проведения Конференции последователей всех религий в СССР за сотрудничество и мир между народами 21 декабря 1968 года — «ЖМП», 1969, № 2, и в сборнике «За сотрудничество и мир между народами. Конференция последователей всех религий в СССР». М., 1969.
 116. Кардинал Августин Беа. «ЖМП», 1969, № 2.

117. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Герману. «ЖМП», 1969, № 2.
118. Проповедь, произнесенная в церкви Учеников Христа (г. Талса, США). «ЖМП», 1969, № 4; «Stimme», 1969, № 7.
119. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Сан-Францисскому Марку. «ЖМП», 1969, № 5.
120. На uppsальской Ассамблее Всемирного Совета Церквей. «ЖМП», 1969, № 5—6.
121. Слово на Пасху. «ЖМП», 1969, № 6.
122. Апостолам равные. Там же.
123. Великое дело святых братьев. Там же.
124. Миссионерское дело святого Кирилла среди хозар. «ЖМП», 1969, № 7.
125. Rede vor der Festversammlung in Sofia (Речь на праздничном собрании / в честь св. равноапостольного Кирилла / в Софии). «Stimme», 1969, № 7.
126. Доклад на Конференции представителей всех религий в СССР за сотрудничество и мир между народами 1 июля 1969 года. «ЖМП», 1969, № 8; «Stimme», 1969, № 8—9.
127. Служба всем святым, просиявшим в Ярославской и Ростовской епархии. «ЖМП», 1969, № 10.
128. Послание братии Пантелеимоновского монастыря. «ЖМП», 1969, № 11; «Stimme», 1970, № 1.
129. Речь при открытии собеседований в Ленинградской духовной академии 12 сентября 1969 года. «ЖМП», 1969, № 11.
130. Иоанн XXIII, Папа Римский. Т. I—II. Магистерская диссертация. М., 1969. Машинопись.

1970

131. Сотрудничество крещеных и нехристиан в совместном служении благу человечества. Доклад к богословским собеседованиям IV между представителями Евангелическо-Лютеранской и Русской Православной Церквей. «ЖМП», 1970, № 3. «Богословские труды», сб. 10. М., 1973.
132. К вопросу о сближении халкидонского и нехалкидонского богословия. «ЖМП», 1970, № 4; «Вестник», 1970, № 70—71.
133. Иоанн XXIII, Папа Римский. «ЖМП», 1970, № 7.
134. Речь при награждении медалью им. Отто Нушке. «ЖМП», 1970, № 8.
135. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Уманскому Макарию. «ЖМП», 1970, № 8.
136. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Тихвинскому Мелитону. «ЖМП», 1970, № 9; «Stimme», 1970, № 12.
137. Тропарь святому равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому. «ЖМП», 1970, № 11; 1971, № 4.
138. Речь на годичном акте в Ленинградской духовной академии. «ЖМП», 1970, № 12.
139. Перспективы ХМК. Речь на заседании Рабочей группы в Будапеште 29 сентября 1970 года. «СРС», 1970, №№ 32—33; «Stimme», 1971, № 2.
140. Последования служб и богослужебные песнопения, составленные митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Л., 1970. Машинопись.

1971

141. Проповедь в Неделю 19-ю по Пятидесятнице. «ЖМП», 1971, № 1.
142. Сосуществование или конвергенция? «ЖМП», 1971, № 2; «Stimme», 1971, № 2.
143. Доклад на консультации ХМК с римско-католическими деятелями. «ЖМП», 1971, № 3; «Stimme», 1971, № 4; специальный выпуск «СРС», 1971.
144. Четверть века на Патриаршем престоле. К годовщине со дня кончины Святейшего Патриарха Алексия. «ЖМП», 1971, № 4.
145. Слово после вечерни в праздник Рождества Христова. Там же.
146. Слово на Пасху. «ЖМП», 1971, № 5.
147. Вступительное слово на заседании руководителей пяти рабочих групп IV Все-христианского Мирного Конгресса 22 апреля 1971 года. «ЖМП», 1971, № 8; «Stimme», 1971, № 7.
148. Вступительное слово на консультации ХМК по европейской безопасности. «ЖМП», 1971, № 8.
149. Zur Aufhebung des Kirchenbannes über die Allgläubigen (К снятию церковных прещений на старообрядцев). «Stimme», 1971, № 8.
150. Вступительное слово на открытии IV ВМК. «ЖМП», 1971, № 11, «СРС», 1971, № 35, и в сборнике «Fourth All-Christian Peace Assembly». Prague, 1971.
151. Заключительное слово на IV ВМК. «ЖМП», 1971, № 11.

1972

152. Христианская ответственность за лучший мир. Доклад на IV ВМК. «ЖМП», 1972, № 1—2; «Духовная культура», 1972, № 1—2, «СРС», 1971, № 36; «Stimme», 1971, № 12; 1972, №№ 1—2; «One Church», 1972, № 2—3 и в сборнике «Fourth All-Christian Peace Assembly». Prague, 1971.

153. К 80-летию пастора д-ра Мартина Нимёллера. «ЖМП», 1972, № 1; «Stimme», 1972, № 3.
154. Приветственное слово на приеме, устроенном Священным Синодом Эладской Церкви. «ЖМП», 1972, № 1.
155. Речь при открытии II богословского собеседования представителей Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии. «ЖМП», 1972, № 2.
156. Речь на открытии заседания Рабочего комитета ХМК. «ЖМП», 1972, № 5; «СРС», 1972, № 38.
157. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Зарайскому Хризостому. «ЖМП», 1972, № 6.
158. Выступление на Ассамблее общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. «ЖМП», 1972, № 8; «СРС», 1972, № 39.
159. Приветственная речь участникам заседания Богословской комиссии ХМК. «ЖМП», 1972, № 10.
160. Речь на открытии заседания Рабочего комитета ХМК в Эспю. «ЖМП», 1972, № 11.
161. Предание и современность. «ЖМП», 1972, № 12; «Stimme», 1973, № 1.
162. Молитва по окончании заседания Рабочего комитета ХМК в Хельсинки. «СРС», 1972, № 40.
163. Доклад «Экуменическая деятельность Русской Православной Церкви». — Сборник «Поместный Собор Русской Православной Церкви 30 мая — 2 июня 1971 года, документы, материалы, хроника». М., 1972; «Stimme», 1971, №№ 9—11.
164. Доклад «Об отмене клятв на старые обряды». — Сб. «Поместный Собор Русской Православной Церкви».
165. Речь на Предсоборном Соповещании. Там же.
166. Приветствие почетным гостям Поместного Собора. Там же.
167. Слово при вручении Патриаршего жезла Святейшему Патриарху Пимену. Там же.
168. Слово при вручении Патриаршего жезла Святейшему Патриарху Пимену. Там же.

1973

169. Приветственное послание участникам Международного мирного семинара ХМК. «ЖМП», 1973, № 1.
170. Слово, произнесенное в Троицком соборе в Ленинграде. «ЖМП», 1973, № 2.
171. Predigt zum Sonntag der Vergebung (Слово в Прощеное воскресенье). «Stimme», 1973, № 3.
172. Речь на первом заседании Рабочего комитета ХМК. «ЖМП», 1973, № 5.
173. Доклад на сессии Комитета по продолжению работы ХМК. «ЖМП», 1973, № 8; «СРС», 1973, № 42.
174. Речь на III богословском собеседовании между представителями Русской Православной и Римско-Католической Церквей. «ЖМП», 1973, № 8.

1974

175. Крест и Воскресение в православном богослужении. Доклад на богословских собеседованиях «Арнольдсхайн — V». «ЖМП», 1974, № 5.
176. Послание участникам сессии Рабочего комитета ХМК в Праге. «ЖМП», 1974, № 6.
177. Святая Евхаристия — таинство жизни Церкви. Доклад в Хельсинкском университете. «ЖМП», 1974, № 8.
178. Сборник сочинений. Тт. I—V. Докторская диссертация. Л., 1974. Машинопись.

1975

179. Заключительное слово и молитва на сессии КОПР'а ХМК. «СРС», 1975, №№ 50—51.
180. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Ставропольскому и Бакинскому Антонию. «ЖМП», 1975, № 11.
181. Святой Климент Охридский в русской литературе. «ЖМП», 1975, № 2.
182. Послание Патриаршего Экзарха Западной Европы митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима. «ЖМП», 1975, № 3; «Вестник», 1975, №№ 89—90.
183. Вступительное слово к богословской консультации в Западном Берлине. «ЖМП», 1975, № 4; «СРС», 1975, № 48; «Stimme», 1975, № 3.
184. Приветствие участникам заседания Молодежной комиссии ХМК. «ЖМП», 1975, № 5.
185. Иисус Христос освобождает и объединяет. «ЖМП», 1975, № 5.
186. Слово на подготовительной встрече представителей ВСЦ и делегатов христианских Церквей из СССР. «ЖМП», 1975, № 6.
187. Слово на сессии Рабочего комитета ХМК в Софии. «ЖМП», 1975, № 6; «СРС», 1975, № 49.
188. Изменяющийся мир. Доклад на собеседовании в Тренто. «ЖМП», 1975, № 10.
189. Благоденственный юбилей. «Богословские труды», сб. 13. М., 1975.

1976

190. La liberté de conscience en U.R.S.S. (Свобода совести в СССР). «Les nouvelles de Moscou» («Московские новости», на франц.), 1976, № 5 (1535).
191. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Воронежскому и Липецкому Ювеналию. «ЖМП», 1976, № 2.
192. Слово при открытии заседаний Рабочего комитета ХМК в Нью-Виндзоре. «СРС», 1976, № 53.
193. Слово при открытии заседаний Рабочего комитета в Бад-Саарове, ГДР. «СРС», 1976, №№ 54—55.
194. Слово после вечерни 9 января 1976 года. «ЖМП», 1976, № 4; «One Church», 1976, № 6.
195. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Выборгскому Кириллу. «ЖМП», 1976, № 6; «Stimme», 1976, № 8.
196. The Incarnation and the responsibility of the Christian (Воплощение и ответственность христианина). «One Church», 1976, № 6.
197. Слово на третий день Пасхи. «ЖМП», 1976, № 7.

1977

198. Слово при открытии православно-реформатских собеседований. «ЖМП», 1977, № 1.
199. Слово, посвященное 30-летию Ленинградской духовной академии. «ЖМП», 1977, № 3.
200. Речь при вручении архиерейского жезла епископу Архангельскому и Холмогорскому Исидору. «ЖМП», 1977, № 9.
201. Письмо директору Комиссии всемирной миссии и евангелизации ВСЦ д-ру Эмилио Кастро. «ЖМП», 1977, № 9.
202. Послание Архиепископу Карельскому и всей Финляндии Павлу (по случаю освящения храма на Новом Валааме и 800-летия Валаамской обители). «ЖМП», 1977, № 10.
203. Курс лекций по истории Русской Церкви (Синодальный период). Машинопись. (Труд не завершен.)
204. Croce e Risurrezione ed alti Scritti teologici (Крест и Воскресение в древних богословских писаниях). Brescia, 1977.

1978

205. Речь на торжественном акте Ленинградской духовной академии. «ЖМП», 1978, № 1.
206. Послание участникам Африканской ХМК. «ЖМП», 1978, № 3.
207. Письмо по поводу документов Смешанной комиссии по православно-католическому диалогу. «ЖМП», 1978, № 3.
208. Служба св. равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому. «ЖМП», 1978, № 5.
209. Grußwort an die CFK — Jugendkommission (Приветствие Молодежной комиссии ХМК). «Stimme», 1978, № 3.
210. Слово при вручении архиерейского жезла епископу Кировскому и Слободскому Хрисанфу. «ЖМП», 1978, № 7.
211. Речь при открытии V ВМК в Праге. «ЖМП», 1978, № 9; «Stimme», 1978, № 9; «Братский вестник», 1978, № 5.
212. Слово на закрытии V ВМК.
213. Слово при открытии торжественного заседания, посвященного 60-летию восстановления патриаршества.

Содержание предыдущих сборников «Богословских трудов»

СБОРНИК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Архиепископ Антоний (Мельников). Святой равноапостольный архиепископ Японский Николай	5—61
Проф.-прот. Александр Востелев. Царство Божие	62—76
Проф.-прот. Ливерий Воронов. Андрей Рублев — великий художник древней Руси	77—94
В. Н. Лосский. Апофата и греческое богословие	95—104
В. Н. Лосский. Богословие образа	105—113
В. Н. Лосский. Богословское понятие человеческой личности	113—120
В. Н. Лосский. Догмат о непорочном зачатии	121—125
Архиепископ Михаил (Чуб). Предание Церкви в богословии св. Мефодия	126—133
Архиепископ Михаил (Чуб). Греческая философия и литература в творениях св. Мефодия	134—143
К. Н. Логачев. Критические задания текстов Священного Писания как представители рукописного материала	144—153
Док.-прот. Владимир Сорокин, К. Н. Логачев. Актуальные проблемы русского перевода Священного Писания	154—159
К. Н. Логачев. К вопросу об улучшении русского перевода Нового Завета (Лексико-фразеологические проблемы русского перевода)	160—165
Публикации	
К. Н. Логачев. Документы Библейской Комиссии. Организация, принципы работы и деятельность Комиссии в 1915—1921 годах	166—256
Об авторах	256

СБОРНИК ПЯТНАДЦАТЫЙ

Архиепископ Писирим (Печав). О Блаженном Августине	3—24
Блаженный Августин. Об обучении оглашаемых	25—55
Митрополит Антоний (Мельников). Блаженный Августин как катехизатор	56—60
Протоиерей Александр Державин. Честин Миней святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник	61—145
Проф. Н. Д. Успенский. Августин. Пржедосвященных Даров	146—181
Протоиерей Анатолий Проспирин. Афон в Русская Церковь (библиография)	185—256

СБОРНИК ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Епископ Григорий (Лебедев). Евангельские образы. (Дневник размышлений над Евангелием. Благовестие святого евангелиста Марка)	5—32
Проф. А. И. Георгиевский. О воскресении мертвых в связи с Евхаристией, в свете учения Священного Писания	33—45
Протоиерей Александр Державин. Честин Миней святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник (окончание)	46—141
Проф. А. И. Иванов. Максим Грек как ученый на фоне современной ему русской образованности	142—187
Н. Д. Медведев. Антропологический этюд	188—201
Библиография	
Гермомах Георгий (Тертышников). Богословское наследие епископа Феофана Затворника	202—222
Цитируя авторы	223—224

СБОРНИК СЕМНАДЦАТЫЙ

Епископ Григорий (Лебедев). Евангельские образы. (Дневник размышлений над Евангелием. Благовестие святого евангелиста Марка) (окончание)	3—81
Из богословского наследия священника Павла Флоренского	85—248

СБОРНИК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

Проф. Н. Д. Успенский. Чин весеннего бдения на православном Востоке и в Русской Церкви (гл. I—V)	5—117
В. Н. Лосский. Предание отцов и схоластика. Боговидение в библейском образе мысли и богословии отцов первых веков	118—135
Архиепископ Лоллий (Юрьевский). Александрия и Египет	136—179
Проф. А. И. Осипов. О некоторых принципах православного понимания экуменизма	180—187
Иеромонах Августин (Никитин). Православное учение о примирении между Богом и человеком	188—222
Проф. А. И. Иванов. Несколько замечаний к вопросу о лексиконе «Свида»	223—239
Библиография	
Митрополит Антоний (Мельников). Х. Сомаль. Святой Киприан, епископ Карфагенский и «папа» Африканский	231—237

СБОРНИК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Проф. Н. Д. Успенский. Чин весеннего бдения на православном Востоке и в Русской Церкви (глава VI)	3—60
Блаженный Августин. Исповедь	71—264